

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ИСТОРИЯ И ПРАВО**

**Том 9
№ 2 (31)**

Курск 2019

2019. Том 9, № 2(31)
Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит шесть раз в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44621 от
15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
История и право» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России по следующим
научным специальностям:

– исторические науки и археология:
07.00.02, 07.00.06, 07.00.09, 07.00.10;
– юридические науки: 12.00.01, 12.00.02,
12.00.03, 12.00.06, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11,
12.00.14;
– политология: 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05

Редакционная коллегия:

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;

В. Н. Сусликов (заместитель главного
редактора), д-р юрид. наук, профессор,
ЮЗГУ;

А. В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент;

В. П. Беляев, д-р юрид. наук, профессор;

А. Б. Баумштейн, д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент;

О.В. Брежнев, д-р юрид. наук, доцент;

С. О. Гаврилов, д-р ист. наук; доцент;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия История и право

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Конституционное право	8
Брежнев О. В. Конституционный Суд Российской Федерации в период мартовского политического кризиса 1993 года.....	8
Международное право	14
Михайлова О. Г. Ратификация Четвертого дополнительного протокола к Конвенции о выдаче – новый этап развития международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.....	14
Гражданское право	20
Кагальницкова Н. В. Предотвращение проникновения на опасный производственный объект посторонних лиц посредством предпринимательского договора: теоретико-прикладные аспекты.....	20
Новрузова О. Б. К вопросу о понятии электроэнергии как объекта гражданских прав, энергетических гражданских правоотношений и договора энергоснабжения.....	27
Лапехина И. В. О некоторых вопросах пожизненного содержания с иждивением в современном гражданском праве России.....	34
Земельное право	40
Ларина О. Г., Томаков В. И., Томаков М. В., Андриенко В. В., Брежнев А. В. Правовые проблемы реализации проектов рекультивации нарушенных земель при строительстве магистральных трубопроводов.....	40
Трудовое право	53
Мацкевич О. В. Ненормированный рабочий день или узаконенное рабство...53	
Уголовное право и процесс	60
Новичков В. Е. Понятие и система уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан с правоохранительными органами Российской Федерации.....	60

А. В. Глухова, д-р полит. наук,
профессор;

А. В. Гриненко, д-р юрид. наук,
профессор;

З. Д. Ильина, д-р ист. наук, профессор;

В. В. Коровин, д-р ист. наук, профессор;

Н. Н. Коротева, д-р ист. наук,
профессор;

Р. А. Курбанов, д-р юрид. наук,
профессор;

И. Б. Лагутин, д-р юрид. наук, доцент;

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, доцент;

Е. В. Марковичева, д-р юрид. наук,
доцент;

М. А. Молокова, д-р полит. наук,
доцент;

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент;

В. Б. Слатинов, д-р полит. наук,
профессор;

Л. Г. Татьяна, д-р юрид. наук,
профессор;

Е. С. Устинович, д-р полит. наук,
доцент;

В. В. Чубаров, д-р юрид. наук,
профессор;

С. В. Шевелева, д-р юрид. наук, доцент

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
Телефоны: (4712) 22-25-26
Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 06.05.19. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 22. Цена свободная.
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Подписной индекс журнала «Известия
Юго-Западного государственного университета.
Серия История и право» 44296
в объединенном каталоге «Пресса России»

Соловьев В. С.
Криминологический анализ причин различия уровня
преступной активности несовершеннолетних
на территории России.....69

Алымов Д. В., Еськова Н. В.
Криминалистическое изучение личности
как элемент системы частных научных теорий.....81

Бидзян Д. Р.
Об уголовно-правовой оценке деяний, составляющих
организацию занятия проституцией.....92

Синяева М. И.
Понятие «возраст» и его уголовно-правовая
регламентация.....102

Пыхтин И. Г.
Обеспечение уголовно-правовой охраны национальных
объектов критической информационной инфраструктуры
Германии, Австрии, Швейцарии и Франции.....108

Чернышёв С. А., Журбенко А. М., Цветов С. В., Махмутов А. Р.
Правовое регулирование остановки и стоянки
автотранспортных средств с целью уменьшения
дорожно-транспортных происшествий.....116

ПОЛИТОЛОГИЯ.....123

Миргород Д. А.
Операционные модели региональной безопасности
на Ближнем Востоке.....123

Устинович Е. С., Галкина Е. В.
Мировой политический процесс и международные
экономические отношения: российский ориентир
на Индию.....130

Ливцов В. А., Жилин К. С.
Особенности государственной социальной политики
в отношении детей-сирот в России второй половины
XIX – первой половины XX века.....138

Шедий М. В., Малик Е. Н.
Коррупция и российское общество: аноμία или норма?.....145

Устинович Е. С., Переверзева О. В.
Мировая политика: испанская модель «мягкой силы».....156

Шукуров С. М.
Эволюция взглядов на перспективы развития гидроэнергетики
постсоветского пространства в современных геополитических
условиях (на примере проектов Рогунской ГЭС
и CASA-1000).....162

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ.....171

Шендрикова С. П., Босняк В. Н.
Урбанистическое развитие Крыма после присоединения
полуострова к Российской империи (на примере
Севастополя и Ялты).....171

Прямыцын В. Н.
Мобилизационная деятельность отечественных
государственных органов в сфере
военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.).....178

Цуканова О. М., Карпова Г. Г.
Организация физического воспитания в учебных заведениях
Курской губернии (1804–1905 годы).....187

Кульчитцкий А. В. Из опыта работы эмеритальной кассы Министерства юстиции Российской империи (конец XIX – начало XX века).....	196
Лугачева А. Л. Развитие статистического учета в органах местного управления Крыма в конце XIX века.....	202
<i>Скрипкина Ю. В., Звягинцева М. М., Аникеева Н. П., Герчук К. М.</i> Эволюция библиотечных учреждений и их социальные роли (мировой и отечественный опыт).....	210
К сведению авторов	218

2019. Vol. 9, No 2(31)

Scientific reviewed journal

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Series: *History and Law*

Founded in 2011.

Publication frequency: six times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44621 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education.

Scientific Specialities:

- **Historical Studies and Archaeology:** 07.00.02, 07.00.06, 07.00.09, 07.00.10;
- **Juridical Studies:** 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.06, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.14;
- **Political Studies:** 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University;

V. N. Suslikov (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Law, Professor, Southwest State University;

A. V. Apanasyonok, Doctor of History, Associate Professor;

V. P. Belyaev, Doctor of Law, Professor;

A. B. Baumstein, Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Bogdan, Doctor of Law, Associate Professor;

CONTENS

LAW	8
Constitutional Law	8
<i>Brezhnev O. V.</i> Constitutional Court of the Russian Federation in the Period of the March Political Crisis of 1993.....	8
International law	15
<i>Mikhailova O. G.</i> Ratification of the Fourth Additional Protocol to the Convention about Results – a New Stage of Development of International Cooperation in the Field of Criminal Justice.....	15
Civil law	21
<i>Kagalnitskova N. V.</i> Preventing Intruders from Entering a Hazardous Production Facility Through an Entrepreneurial Contract: Theoretical and Applied Aspects.....	21
<i>Novruzova O. B.</i> To the Question of the Concept of the Electric Power as Object of the Civil Rights, Power Civil Pra-Vootnosheniy and Contract of Power Supply.....	28
<i>Lapekhina I. V.</i> On the Legal Precedents of Early Termination of a Lifi Agreement in the Modern Civil Law of Russian.....	35
land law	41
<i>Larina O. G., Tomakov V. I., Tomakov M. V., Andrienko V. V., Brezhnev A. V.</i> Legal Problems of Implementation of Projects of Reclamation of Disturbed Lands in the Construction of Trunk Pipelines.....	41
labour law	53
<i>Matskevich O. V.</i> Irregular Working Hours or the Legalized Slavery.....	53
Criminal Law and Procedure	60
<i>Novichkov V. E.</i> Concept and System of Criminal Law Standards Stimulating Cooperation of Citizens and Law Enforcement Agencies in Russia	60

O. V. Brezhnev , Doctor of Law, Associate Professor;	<i>Solovev V. S.</i> Criminological Analysis of the Reasons of the Differences in the Rate of Juvenile Criminal Activity in Russia.....69
S. O. Gavrilov , Doctor of History, Professor;	<i>Alymov D. V., Eskova N. V.</i> Criminalistic Study of Personality as an Element of the System of Private Scientific Theories.....81
A. V. Glukhova , Doctor of Political Sciences, Professor;	<i>Bidzyan D. R.</i> About the Criminal Legal Evaluation of the Acts that Constitute the Organization Prostitution.....92
A. V. Grinenko , Doctor of Law, Professor;	<i>Sinyaeva M. I.</i> The Concept of "Age" and its Criminally-Legal Regulation.....102
Z. D. Iliina , Doctor of History, Professor;	<i>Pykhtin I. G.</i> Securing the Criminal-Legal Protection of National Objects of Critical Information Infrastructure of Germany, Austria, Switzerland and France.....108
N. N. Koroteeva , Doctor of History, Professor;	<i>Chernyshev S. A., Jurbenko A. M., Tsvetov S. V., Makhmutov A. R.</i> Legal Regulation of a Stop and the Parking of Vehicles for the Purpose of Reduction of the Road Accidents.....116
V. V. Korovin , Doctor of History, Professor;	POLITICAL SCIENCE123
R. A. Kurbanov , Doctor of Law, Professor,	<i>Mirgorod D. A.</i> Operational Models of Regional Security in the Middle East.....123
I. B. Lagutin , Doctor of Law, Associate Professor;	<i>Ustinovich E. S., Galkina E. V.</i> World Political Process and International Economic Relations: the Russian Indicator for India.....130
O. G. Larina , Doctor of Law, Professor;	<i>Livtsov V. A., Zhilin K. S.</i> Peculiarities of State Social Policy Regarding Children Orphans in Russia of the Second Half of the XIX th – First half of the XX Century.....138
E. V. Markovicheva , Doctor of Law, Associate Professor;	<i>Shedij M. V., Malik E. N.</i> Corruption and Russian Society: Anomium or Norm?.....145
M. A. Molokova , Doctor of Political Sciences, Associate Professor;	<i>Ustinovich E. S., Pereverzeva O. V.</i> World Politics: the Spanish Model of "Soft Power".....156
V. E. Novichkov , Doctor of Law, Associate Professor;	<i>Shukurov S. M.</i> The Evolution of Views on the Prospects of Hydropower Development in the Post-Soviet Space in Modern Conditions (on Example of Rogunhps and CASA-1000 projects).....162
V. B. Slatinov , Doctor of Political Sciences, Professor;	HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY171
L. G. Tatynina , Doctor of Law, Associate Professor;	<i>Shendrikova S. P., Bosniak V. N.</i> Urbanistic Development of Crimea after Accession of the Peninsula to the Russian Empire (Exemplified by Sevastopol and Yalta).....171
E. S. Ustinovich Doctor of Political, Professor;	<i>Pryamitsyn V. N.</i> Mobilization Activities of Patriotic State Authorities in the Sphere of Military Hydrometeorology (1876–1945).....178
V. V. Chubarov , Doctor of Law, Professor;	<i>Tsukanova O. M., Karpova G. G.</i> Organization of Physical Education in Educational Institutions of Kursk Province (1804 – 1905).....187
S. V. Shevelyova , Doctor of Law, Associate Professor.	

Kulchitsky A. V.

From the Experience of the Activities of aid Funds for Emeritus Professors Offices of the Ministry of Justice of the Russian Empire (Late XIX – Early XX Century).....196

Lugacheva A. L.

Development of Statistical Account in Local Authorities of the Crimea at the end of the 19th century.....202

Skripkina J. V., Zvyagintseva M. M., Anikeeva N. P., Gerchuk K. M.

Evolution of Library Institutions and their Social Roles (World and Domestic Experience).....210

Information for authors.....218

©Southwest State University, 2019

Конституционное право

УДК 342.565.2

О. В. Брежнев, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: obrezhnev@yandex.ru)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД МАРТОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1993 ГОДА

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены актуальные с историко-правовой точки зрения проблемы участия Конституционного Суда РФ в деятельности по урегулированию мартовского политического кризиса 1993 г., связанного с попыткой тогдашнего Президента РФ установить особый порядок управления государством.

Цель статьи заключается в исследовании роли и значения Конституционного Суда РФ в контексте особенностей социально-политической ситуации в России в первой половине 1990-х гг.

Задачи включают анализ рассмотрения Конституционным Судом РФ дела о проверке конституционности действий и решений Президента РФ, связанных с обращением к гражданам России 20 марта 1993 г. с учетом специфики государственно-правовой действительности России начала 1990-х гг.: противоречивого характера норм действовавшей в то время Конституции РФ; «перегруженности» Суда полномочиями, порой при отсутствии обеспечивающих их реализацию процессуальных норм; остроты политического противостояния между Президентом РФ и представительными органами государственной власти.

Методы. В процессе исследования использовались аналитический, формально-юридический методы, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Результаты исследования. Анализируя Заключение Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 г. № 3-1 о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ, связанных с обращением к гражданам России 20 марта 1993 г., автор приходит к выводу, что сформулированные в нем правовые позиции были направлены на последовательную реализацию принципов разделения властей, верховенства закона, народовластия, федерализма. Однако резолютивная часть этого Заключения обусловлена попытками Конституционного Суда РФ найти компромиссный вариант решения возникших проблем.

Вывод. Касаясь уроков мартовского политического кризиса 1993 г., автор отмечает необходимость обеспечения эффективности судебного конституционного контроля как важного средства стабилизации и защиты конституционного строя нашего государства.

Ключевые слова: право; конституция; контроль; надзор; защита прав и свобод граждан; суд.

Ссылка для цитирования: Брежнев О. В. Конституционный Суд Российской Федерации в период мартовского политического кризиса 1993 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 8–13.

Введение. Создание Конституционного Суда РФ в 1991 г. было связано с большими общественными ожиданиями. Впервые появился институт, наделенный эффективными правовыми средствами пресечения злоупотреблений верховной властью, призванный защищать права и свободы человека и гражданина от такого рода злоупотреблений, гарантировать реальное осуществление федеративных начал в организации государства. В сознании многих граждан этот институт прочно ассоциировался с воплощением идей правового государства, разделения властей, верховенства закона [1, с. 50].

Однако в течение первого периода своей деятельности (1992–1993 гг.) Кон-

ституционный Суд РФ столкнулся с рядом сложностей.

Во-первых, Конституция РФ, правовая охрана которой была возложена на Суд, представляла собой достаточно противоречивый законодательный акт. С одной стороны, она выражала советскую концепцию организации государственной власти: в ней закреплялись положения о роли Советов народных депутатов как политической основы государства (ч. 2 ст. 2), о праве Съезда народных депутатов РФ принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РФ (ч. 2 ст. 104). С другой стороны, Конституция РФ предусматривала, что принцип разделения властей является

«незыблемой основой конституционного строя России» (ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 3).

Во-вторых, Конституционный Суд РФ вынужден был осуществлять свою деятельность с учетом очевидной «перегруженности» полномочий. Законодатель посредством внесения дополнений в Конституцию РФ (ст. 165.1) предоставил Суду целый ряд новых полномочий (по проверке конституционности ненормативных правовых актов высших органов государственной власти РФ, политических партий и иных общественных объединений, по разрешению споров о компетенции между государственными органами и др.). При этом никаких новых норм, которые регламентировали бы процессуальный порядок реализации этих полномочий, в Закон РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» не вносилось. Не были в полной мере продуманы и нормативно решены вопросы разграничения юрисдикции Конституционного Суда РФ и других судов [2; 3; 4].

В-третьих, деятельность Конституционного Суда РФ в 1992–1993 гг. протекала в условиях острейшего политического кризиса и порожденного им противостояния Президента РФ, с одной стороны, и Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ – с другой. Предметом разногласий являлись конституционные вопросы, связанные с организацией государственной власти в стране. Съезд и Верховный Совет выступали за сохранение системы представительных органов, за их полновластие. Президент РФ Б. Н. Ельцин полагал, что власть должна принадлежать, прежде всего, всенародно избранному главе государства, а полномочия представительных органов необходимо значительно ограничить [5, с. 145].

Методологическую базу исследования составили аналитический, формально-юридический методы, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Результаты и их обсуждение. Существовавшие разногласия затрудняли процесс разработки и принятия новой Конституции РФ. Первоначально предполагалось принять новый Основной Закон еще в 1992 г. Однако Постановлением Съезда народных депутатов РФ от 12 декабря 1992 г. № 4079-1 «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» на 11 апреля 1993 г. было назначено проведение всероссийского референдума по основным положениям новой Конституции РФ. Съезд поручил Верховному Совету РФ утвердить текст выносимого на референдум проекта основных положений, согласованного с Президентом РФ и Конституционным Судом РФ. Конституционной комиссией РФ был подготовлен текст соответствующего проекта, однако, как свидетельствует анализ его содержания, принятие этого документа вряд ли могло способствовать преодолению возникших разногласий. Проект содержал, с одной стороны, совершенно очевидные положения, не нуждающиеся в подтверждении («Конституция Российской Федерации – высший закон страны»), а с другой – те, смысл которых понятен лишь специалистам в области конституционного права (создание одного федерального законодательного органа вместо двух существовавших – Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, предоставление ему исключительных полномочий в сфере законотворчества).

В определенный момент стало понятно, что проведение референдума не приведет само по себе к разрешению политического кризиса. Постановлением Съезда народных депутатов РФ от 13 марта 1993 г. № 4629-1 было признано «нецелесообразным проведение всероссийского референдума» [6, с. 48–50].

Ответ Президента РФ не заставил себя ждать. 20 марта 1993 г. Б. Н. Ельцин выступил с телевизионным обращением к гражданам России. В нем он сообщил, что принял Указ об особом порядке управления страной до преодоления кри-

зиса власти. В соответствии с данным Указом предполагалось проведение 25 апреля 1993 г. голосования о доверии Президенту РФ и Вице-президенту РФ, которое одновременно рассматривалось как голосование за предложенные Президентом РФ проекты Конституции РФ и нового закона о выборах депутатов федерального парламента. Одновременно устанавливалось, что в условиях особого порядка управления страной не имеют юридической силы любые решения, направленные на отмену или приостановление действия указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ. Главы исполнительной власти субъектов РФ в данный период должны были находиться в непосредственном подчинении Президента РФ и Правительства РФ, их полномочия не могли быть прекращены без решения Президента РФ [7, с. 114].

Выступление Б. Н. Ельцина получило резко негативную оценку большинства народных депутатов РФ. Указ не был сразу официально опубликован. Но это не помешало Конституционному Суду РФ по собственной инициативе и по запросу Верховного Совета РФ в порядке гл. 4 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» возбудить дело о проверке конституционности действий и решений Президента РФ, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г.

Отметим, что п. 1 ч. 1 ст. 74 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» наделял судебный орган конституционного контроля полномочием по даче заключения «о соответствии Конституции РСФСР действий и решений Президента РСФСР... если согласно Конституции РСФСР неконституционность... действий и решений служит основанием для... отрешения от должности или приведения в действие иного специального механизма... ответственности». Данное полномочие могло осуществляться по инициативе самого Суда: для этого требовались письменные предложения не менее двух судей. Закон (ч. 1 ст. 79)

устанавливал, что «заключение Конституционного Суда РСФСР о соответствии Конституции РСФСР действий и решений высших должностных лиц РСФСР... обязывает в случае установления таких действий и решений признавать их конституционность или неконституционность в соответствии с данным Конституционным Судом РСФСР заключением». Иными словами, если действия и решения Президента РФ признавались неконституционными, то он мог быть на этом основании отрешен от должности Съездом народных депутатов РФ квалифицированным большинством голосов (ч. 1 и 2 ст. 121.10 Конституции РФ).

В Заключении Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 г. № 3-1 о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б. Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г., сформулированы следующие правовые позиции [8; 9; 10].

Во-первых, упомянутое Президентом РФ голосование о доверии ему и Вице-президенту РФ может быть в установленном порядке назначено. Однако «вынесение вотума доверия Президенту не должно означать устранения других органов государственной власти. Поэтому выдвинутое в обращении положение, что голосование решит вопрос, кому руководить страной – Президенту или Съезду народных депутатов, недопустимо». Кроме того, не является конституционно приемлемым положение о том, что выражение доверия Президенту РФ будет означать вступление в силу предлагаемых им проектов Конституции РФ и нового закона о выборах. «Тем самым граждане будут поставлены перед необходимостью на три самостоятельных вопроса дать только один ответ: "за" или "против". Это ограничивает свободу волеизъявления граждан...».

Во-вторых, заявление Президента РФ о том, что впредь не могут быть приостановлены или отменены его правовые акты и акты Правительства РФ, влечет за

собой существенное ограничение полномочий органов законодательной и судебной власти и, по существу, разрушает конституционный принцип разделения властей.

В-третьих, решение Президента РФ о том, что главы исполнительной власти субъектов РФ подчинены непосредственно Президенту РФ и Правительству РФ, а их полномочия «не могут быть прекращены без решения Президента Российской Федерации», – явное вмешательство в конституционную компетенцию субъектов РФ.

С учетом вышеуказанных и некоторых иных оснований Конституционный Суд РФ пришел к заключению, что обращение Президента РФ к гражданам России 20 марта 1993 г. не соответствует Конституции РФ и Федеративному договору. На срочно созванном Съезде народных депутатов РФ 28 марта 1993 г. был поставлен на голосование вопрос об отрешении от должности Президента РФ Б. Н. Ельцина на основании заключения Конституционного Суда РФ. Однако по результатам тайного голосования за это решение высказались 617 народных депутатов РФ (для принятия решения было необходимо 689 голосов), поэтому предложение об отрешении не было принято [11, с. 142].

Выводы и рекомендации. Анализ Заключения Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 г. № 3-1 позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматривая данное дело, Конституционный Суд РФ исследовал фонограмму телевизионного обращения Б. Н. Ельцина и доступный на тот момент проект его Указа о введении особого порядка управления страной. Сам Указ был опубликован значительно позднее и по содержанию существенно отличался от того, что было озвучено в обращении Президента РФ: в нем речь шла уже не об особом порядке управления, а «о деятельности органов исполнительной власти до преодоления кризиса власти»; не было включено положение о непосред-

ственном подчинении Президенту РФ и Правительству РФ глав исполнительной власти субъектов РФ; норма о недопустимости приостановления указов и распоряжений Президента РФ была сформулирована с оговоркой «без решения Конституционного Суда Российской Федерации». Все это в конечном итоге породило упреки в адрес Суда о том, что он не использовал эффект «разумного промедления», т. е. не дождался официального опубликования Указа, о котором шла речь в обращении к гражданам России [12, с. 102]. Вряд ли можно считать эту критику обоснованной. Предметом проверки Суда в данном случае являлся не нормативный правовой акт, а действия и решения. В своем обращении Президент РФ заявил о том, что он «сегодня подписал Указ», и далее прокомментировал его содержание. И учитывая официальный характер обращения Президента РФ, у Конституционного Суда РФ не было оснований ставить его слова под сомнение. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 74 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» предметом рассмотрения Суда в его заседании по делу о даче заключения не могли быть вопросы оценки конституционности какого-либо нормативного правового акта.

Во-вторых, в резолютивной части Заключения Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 г. № 3-1 констатировалось несоответствие Конституции РФ обращения Президента РФ к гражданам России 20 марта 1993 г. Однако, вопреки требованию п. 1 ч. 1 ст. 74 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», Суд не сформулировал вывод о том, является ли эта неконституционность основанием для отрешения от должности Президента РФ. Это существенный правовой дефект данного решения Конституционного Суда РФ. По-видимому, в определенный момент Суд решил не «нагнетать» противостояние и занял компромиссную позицию.

В-третьих, рассмотрение Конституционным Судом РФ дела о мартовском обращении Президента РФ к гражданам

России в известной мере показало несовершенство процессуальных норм, содержащихся в Законе РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», в части, касающейся уведомления о заседании Суда, порядка предварительного направления материалов дела, статуса лиц, участвующих в судебном разбирательстве, сроков совершения отдельных процессуальных действий. Срочный характер судебного разбирательства в этом случае должен был предполагать и особую регламентацию этих институтов. Не случайно в трех особых мнениях судей Конституционного Суда РФ по данному делу существенное внимание было уделено именно процессуальным аспектам его рассмотрения. К сожалению, законодатель не внес необходимых изменений в Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», что негативным образом повлияло на дальнейшую реализацию Судом этого полномочия уже в сентябре 1993 г.

Список литературы

1. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: БЕК, 1998. 462 с.
2. Белкин А. А. Комментарии к решениям Конституционного Суда Российской Федерации. 1992-1993. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 168 с.
3. Брежнев О. В. Институт конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации: основные тенденции и закономерности становления и развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 6(39), ч. 1. С. 213–217.
4. Брежнев О. В. О некоторых аспектах взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Федерального Собрания // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2(53). С. 101–105.
5. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, содержание. М.: РЮИД, 2000. 426 с.
6. Белкин А. А. Дело о Президентском обращении к народу 20 марта 1993 года // Правоведение. 1994. № 3. С. 48–63.
7. Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента РФ: основные социальные и правовые характеристики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 303 с.
8. Митюков М. А. К истории конституционного правосудия в России. М.: Акад. труда и социал. отношений, 2002. 167 с.
9. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30-е – начало 90-х гг. XX в.). М.: Формула права, 2006. 179 с.
10. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М.: ИГП РАН, 1995. 175 с.
11. Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 192 с.
12. Боботов С. В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1994. 26 с.

Поступила в редакцию 23.03.19

UDC 342.565.2

O. V. Brezhnev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: obrezhnev@yandex.ru)

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PERIOD OF THE MARCH POLITICAL CRISIS OF 1993

Relevance. This article considers with the problems of the participation of the Constitutional Court of the Russian Federation in resolving the March 1993 political crisis, which is related to the attempt of the then President of the Russian Federation to establish a special procedure for governing the state.

The purpose of the article is to research the role and significance of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the characteristics of the socio-political situation in Russia in the first half of the 1990s.

The tasks include an analysis of the consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation of a case on verifying the constitutionality of actions and decisions of the President of the Russian Federation related to the appeal to citizens of Russia on March 20, 1993, taking into account the specifics of the state-legal reality of Russia in the early 1990s: contradictory the nature of the norms of the then Constitution of the Russian Federation; "congestion" of the Court with powers, sometimes in the absence of procedural norms; the sharpness of political confrontation between the President of the Russian Federation and representative bodies of state power.

Methods. In the process of the research, analytical, formal legal methods, the method of abstraction were used, which made it possible to formulate the main conclusions.

The results of the research. Analyzing the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1993 № Z-1 on compliance of the Constitution of the Russian Federation with the actions and decisions of the President of the Russian Federation related to the appeal to the citizens of Russia on March 20, 1993, the author comes to the conclusion that the legal positions formulated in it were sent on the consistent implementation of the principles of separation of powers, the rule of law, democracy, federalism. However, the final part of this Conclusion is due to attempts by the Constitutional Court of the Russian Federation to find a compromise solution to the problems encountered.

Conclusion. Referring to the lessons of the March 1993 political crisis, the author notes the need to ensure the effectiveness of judicial constitutional control as an important means of stabilizing and protecting the constitutional order of our state.

Key words: law; constitution; control; supervision; protection of citizens' rights and freedoms; court.

For citation: Brezhnev O. V. Constitutional court of the Russian Federation in the period of the march political crisis of 1993. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 8–13 (in Russ.).

Reference

1. Kryazhkov V. A., Lazarev L. V. *Konstitucionnaya yusticiya v Rossijskoj Federacii*. Moscow, BEK Publ., 1998. 462 p.
2. Belkin A. A. *Kommentarii k resheniyam Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1992-1993*. St.-Petersburg, St.-Petersburg. Univ. Publ., 1994. 168 p.
3. Brezhnev O. V. Institut konstitucionnogo pravosudiya v sub"ektah Rossijskoj Federacii: osnovnye tendencii i zakonomernosti stanovleniya i razvitiya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 6(39), pt. 1, pp. 213–217.
4. Brezhnev O. V. O nekotoryh aspektah vzaimodejstviya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Federal'nogo Sobraniya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2(53), pp. 101–105.
5. Avak'yan S. A. *Konstituciya Rossii: priroda, ehvolyuciya, sodержanie*. Moscow, RYUID Publ., 2000. 426 p.
6. Belkin A. A. Delo o Prezidentskom obrashchenii k narodu 20 marta 1993 goda. *Pravovedenie*, 1994, no. 3, pp. 48–63.
7. Luchin V. O., Mazurov A. V. *Ukazy Prezidenta RF: osnovnye social'nye i pravovye harakteristiki*. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2000. 303 p.
8. Mityukov M. A. *K istorii konstitucionnogo pravosudiya v Rossii*. Moscow, Akad. truda i social. otnoshenij Publ., 2002. 167 p.
9. Mityukov M. A. *Predtecha konstitucionnogo pravosudiya: vzglyady, proekty i institucional'nye predposylki (30-e – nachalo 90-h gg. XX v.)*. Moscow, Formula prava Publ., 2006. 179 p.
10. Shul'zhenko Yu. L. *Konstitucionnyj kontrol' v Rossii*. Moscow, IGP RAN Publ., 1995. 175 p.
11. Luk'yanova E. A. *Rossijskaya gosudarstvennost' i konstitucionnoe zakonodatel'stvo v Rossii (1917–1993)*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2000. 192 p.
12. Bobotov S. V. *Konstitucionnaya yusticiya (sravnitel'nyj analiz)*. Moscow, RPA MYU RF Publ., 1994. 26 p.

Международное право

УДК 341.1/8

О. Г. Михайлова, канд. юрид. наук, доцент, Барнаульский юридический институт МВД России (Россия, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49) (e-mail: olga-michailova@yandex.ru)

РАТИФИКАЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА К КОНВЕНЦИИ О ВЫДАЧЕ – НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Актуальность. Статья посвящена актуальным направлениям международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, которые определены в ратифицированном Российской Федерацией Четвертом дополнительном протоколе к Конвенции о выдаче и в Федеральном законе «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче».

Целью статьи является анализ некоторых положений, отраженных в Четвертом дополнительном протоколе к Конвенции о выдаче, касающихся, в частности, запрета выдачи лица в случае, если истекли сроки давности его судебного преследования или наказания по законодательству запрашивающей стороны.

Задачи. Рассмотреть и проанализировать применение положения Четвертого дополнительного протокола к Конвенции к запрашиваемой стороне, что влечет нарушение баланса интересов запрашивающей и запрашиваемой сторон в сфере соблюдения прав личности. Также затронуты актуальные аспекты использования в экстрадиционном процессе оригиналов документов, составляющих содержание запроса об оказании правовой помощи, толкования «достаточности данных» для исполнения запроса о правовой помощи в связи с предполагаемой выдачей лица, вопросов компетентного перевода официальных документов на национальные языки сторон. Затронуты проблемные вопросы, связанные с транзитной перевозкой экстрадируемых лиц, в частности, связанные с получением разрешения на осуществление такой перевозки, его сроками и порядком. Автором отмечено, что в ряде случаев оговорки, сделанные к «Четвертому дополнительному протоколу к Европейской конвенции о выдаче» Российской Федерацией, значительно облегчают правоприменительную практику, вместе с тем не все положения могут в достаточной степени обеспечить единообразие применения и не всегда содержат детальную нормативную регламентацию.

Методом исследования выступает анализ положений Конвенции и иных нормативных актов по теме исследования.

Вывод. Автор в своем исследовании приходит к выводу о том, что в процессе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства высвечиваются проблемные вопросы, пробелы как в национальном законодательстве, так и в нормах международного права, выдвигаются потребности практики правоприменения с учетом требований времени.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о необходимости детального регулирования вопросов выдачи совершивших преступления путем принятия специального национального закона об экстрадиции.

Ключевые слова: международное сотрудничество; уголовное судопроизводство; Конвенция о выдаче; экстрадиция; запрос о выдаче; запрашивающая сторона; ратификация; достаточные данные; транзитная перевозка экстрадируемых лиц.

Ссылка для цитирования: Михайлова О. Г. Ратификация Четвертого дополнительного протокола к конвенции о выдаче – новый этап развития международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 14–19.

Введение

Глобальные процессы интеграции, происходящие в мировом сообществе, предоставляют не только возможности для экономического, социального, культурного сближения государств, но и, к сожалению, вызывают к жизни отрицательные процессы в виде роста уровня транснациональной преступности, име-

ющей такие крайние проявления, как экстремизм, терроризм, торговля оружием, наркотиками, похищение людей и др. Эти вызовы требуют адекватного ответа, прежде всего, с позиции правовой урегулированности и согласованности национальных правовых систем.

Важно отметить, что обязанность сотрудничества во всех сферах международного общения существует для госу-

дарств независимо от различия в их политических, экономических, социальных и правовых системах. При этом принцип сотрудничества не следует понимать буквально. Он может существовать только во взаимосвязи с принципом суверенитета, в силу которого каждое государство свободно в выборе форм своих взаимоотношений с другими членами международного сообщества. Международно-правовую обязанность государств необходимо отличать от самой их деятельности по реализации сотрудничества, которая должна осуществляться в соответствии с этим принципом. Она реализуется в рамках международного права и, в первую очередь, при строгом соблюдении предписаний других основных принципов международного права [1, с. 107–108].

Вместе с тем в результате этой деятельности часть международно-правовых норм имплементируется в национальные законодательства стран-участниц международных конвенций и соглашений в практически неизменном виде. В этой связи нормы международных документов требуют регулярной актуализации.

Материалы и методики

Регулярный мониторинг проблем, возникающих в сфере сотрудничества государств по направлению уголовного судопроизводства, призванный координировать совместные усилия, логически завершается принятием актуальных международных документов. В этой связи представляет интерес Четвертый дополнительный протокол к Европейской конвенции об экстрадиции (CETS N 212) (далее – Четвертый дополнительный протокол) – документ, отвечающий современным требованиям международного сотрудничества в области экстрадиционной деятельности [2].

Четвертый дополнительный протокол вступил в силу 1 июня 2014 г. Российская Федерация ратифицировала с оговорками этот международный доку-

мент принятием Федерального закона от 7 марта 2017 г. № 23-ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» [3]. Для России положения Четвертого дополнительного протокола вступили в силу с 1 сентября 2017 г.

Анализ содержания отдельных статей Четвертого дополнительного протокола, а также текста Федерального закона «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» позволяет сделать вывод о ряде существенных изменений, связанных с различными аспектами экстрадиции. Так, п. 1 ст. 1 Четвертого дополнительного протокола, заменяя ст. 10 Конвенции о выдаче, запрещает выдачу лица, если истекли сроки давности его судебного преследования или наказания по законодательству запрашивающей стороны. Вместе с тем по отношению к запрашиваемой стороне данное основание не может быть применено в силу п. 2 ст. 1 анализируемого документа. Таким образом, наблюдается нарушение баланса интересов запрашивающей и запрашиваемой сторон в сфере соблюдения прав личности, что идет вразрез с общим гуманистическим духом Конвенции о выдаче. Вместе с тем в отечественной уголовно-процессуальной науке сформирована позиция о том, что основой эффективного международного сотрудничества является полное соответствие основополагающим принципам и нормам международного права и требованиям международной законности [4, с. 109].

Упомянутая ст. 1 Четвертого дополнительного протокола содержит п. 3, позволяющий государству-участнику не применять положения п. 2. Данная норма и положена в основу ст. 1 Федерального закона «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче», которая содержит оговорки к документу, применяемые Российской Федерацией. Так, п. 1 ст. 1 названного Федерального закона коррелирует с содержанием п. 4 ч. 1 ст. 464

УПК РФ, регламентирующей отказ в выдаче вследствие истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, Российская Федерация оговорила право возможного отказа в выдаче в случаях, когда запрос о выдаче оформляется исходя из преступлений, на которые распространяется юрисдикция Российской Федерации, а также право применять в данном аспекте сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства нормы п. 4 ч. 1 ст. 464 УПК РФ, являясь запрашиваемой стороной.

Следующая оговорка к Четвертому дополнительному протоколу касается права запрашивать оригиналы или заверенные копии запроса о выдаче и сопроводительных документов.

Следует отметить некоторые различия в терминологии Четвертого дополнительного протокола и собственно Европейской конвенции о выдаче (ETS N 24) (далее – Конвенция о выдаче) [5].

Так, текст Конвенции предусматривал ранее направление просьбы о выдаче лица. Четвертый дополнительный протокол использует термин «запрос о выдаче», что по смыслу носит более императивный характер. В этой связи важно отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации давно оперирует этим официальным термином. Несмотря на то, что законодательного определения термину «запрос» УПК России не дает, по смыслу ст. 453 УПК РФ запрос – это требование, исходящее из официального источника, исполнение которого вызвано объективной необходимостью действовать в интересах государства.

Безусловно, в рамках международного права термин «запрос» не имеет столь императивной «окраски». Вместе с тем единообразие терминологии является несомненным «плюсом» для правоприменителей. Таким образом, нормами Четвертого дополнительного протокола закреплены требования, целесообразность которых нашла отражение в научной литературе и практической деятельности,

обеспечив единообразие правоприменения.

Экстрадиционная деятельность осуществляется исключительно от имени государства. Запрос о выдаче как основание для производства юридически значимых действий должен иметь официальный характер, выражать волю государства и исходить непосредственно от его компетентных органов, что обуславливает представление данного документа в подлиннике либо в виде официально заверенной копии. Это же требование распространяется на сопроводительные документы, прилагаемые к запросу о выдаче. Кроме того, важность имеет правильное указание наименований компетентных органов запрашивающей стороны с указанием юридического адреса, номеров телефона и факса, адреса электронной почты, должности исполнителя, подготовившего запрос. Подробная информация должна также содержаться о запрашиваемой стороне [6, с. 25].

Наряду с формой запроса в нем либо в сопроводительных документах в необходимом объеме указываются те фактические данные, которые послужили основанием для его направления. Согласно информации, обобщенной Главным управлением международного сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ, выделяется ряд отрицательных факторов, влияющих на разрешение запросов о выдаче лиц. Ими являются: несоответствия материалов, предоставленных запрашивающей стороной, фактическим обстоятельствам дела, нарушения норм материального права в виде неверной квалификации преступных деяний, осложняющей реализацию принципа «двойной криминальности», а также процессуального права в виде нарушения порядка получения доказательств, влекущего признание их недопустимыми, недостаточность доказательств [7, с. 7].

Представляется, что оговорка, сделанная Российской Федерацией, о предоставлении подлинников запросов о выдаче и сопроводительных документов будет

способствовать разрешению этих проблем.

К ряду прочих устоявшихся требований к оформлению запроса относится правильный перевод на язык запрашиваемой стороны имен собственных [8, с. 180], что создает условия для правильного и оперативного исполнения запроса.

Четвертый дополнительный протокол заменяет ст. 12 Конвенции о выдаче положениями, конкретизирующими как саму форму обращения (запрос) [2], так и те органы государственной власти, которые полномочны контактировать в рамках международного сотрудничества по уголовным делам, а также порядок определения этих органов.

В частности, его нормы предписывают государствам-участникам осуществлять контакты посредством национальных министерств юстиции. При желании государства [2] определить иной орган на государство-участника названного международного документа возлагается обязанность уведомить о таком решении Генерального секретаря Совета Европы. Сохраняя общую диспозитивную тенденцию международного правотворчества, Четвертый дополнительный протокол при этом однозначно ссылается на конкретный государственный орган и четко регламентирует порядок его замены. Согласно нормам ст. 2 Федерального закона «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче», таким компетентным органом в Российской Федерации является Генеральная прокуратура Российской Федерации [3]. Определение конкретного органа, разрешающего вопросы экстрадиции, призвано исключить затягивание сроков исполнения поступающих документов, оптимизировать правоприменение, исключить несогласованность действий, часто имеющую место при включении в экстрадиционный процесс нескольких компетентных органов.

Вопросы транзитной перевозки выданных лиц в тексте Федерального закона «О ратификации Четвертого дополни-

тельного протокола к Европейской конвенции о выдаче» также нашли отражение. Российская Федерация оставила за собой право разрешать такую перевозку по своей территории при соблюдении некоторых или всех условий, установленных для выдачи, т. е. отсылает правоприменителя к нормам ст. 462.1 и 464 УПК РФ. Вопрос о количестве соблюденных условий, которых будет достаточно для разрешения транзитной перевозки лица, остается открытым.

Результаты и их обсуждение

Представляется, что вопрос транзитной перевозки выданного лица будет решаться в каждом конкретном случае, исходя из представленных запрашивающей стороной материалов. Вместе с тем ч. 4 ст. 462.1 УПК РФ содержит формулировку «может быть отказано», предоставляя право усмотрения Генеральному прокурору Российской Федерации или его заместителю при разрешении вопроса о транзитной перевозке, даже при наличии условий, перечисленных в ст. 464 УПК РФ. Такая правовая неопределенность, очевидно, потребует дополнительной регламентации в национальном законодательстве.

Очевидно, что в процессе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства высвечиваются проблемные вопросы, пробелы как в национальном законодательстве, так и в нормах международного права, выдвигаются потребности практики правоприменения с учетом требований времени. Таким образом, совершенствование в данной области должно осуществляться комплексно, где отчетливо прослеживаются взаимосвязь и взаимозависимость национального и международного права [1, с. 113; 9, с. 33; 10, с. 155].

Заключение

Состоявшаяся ратификация Российской Федерацией Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции об экстрадиции знаменует собой

новый этап в развитии международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Принимая на себя обязательства, отраженные в названном документе, Российской Федерации предстоит реализовать комплекс правовых мер, связанных с обеспечением прав выдаваемых лиц, совершенствованием способов и каналов связи, оперативностью обмена информацией между странами-участницами названной Конвенции.

Список литературы

1. Богачевская Д. А., Новиков Д. С. Совершенствование регламентации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1(34). С. 107–113.
2. Четвертый дополнительный протокол к Европейской конвенции об экстрадиции" (CETS N 212) [Электронный ресурс] : [подписан в г. Вене 20.09.2012]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281363/ (дата обращения: 26.12.2018).
3. О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче [Электронный ресурс] : федер. закон от 07.03.2017 № 23-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213696/ (дата обращения: 26.12.2018).
4. Волеводз А. Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 109–112.
5. Европейская конвенция о выдаче ETS N 024 [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 13.12.1957 : с изм. от 17.03.1978]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059/> (дата обращения: 26.12.2018).
6. Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 24–27.
7. Малов А. А. Сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с компетентными органами зарубежных государств в вопросах экстрадиции // Законность. 2012. № 12. С. 6–9.
8. Волеводз А. Г. Методика заявления ходатайств о международной правовой помощи по уголовным делам // Прокурорская и следственная практика. 2001. № 1–2. С. 180.
9. Гуторова А. Н. К некоторым вопросам защиты прав иностранных граждан // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. С. 32–34.
10. Гуторова А. Н. Международные неправительственные организации: понятие, виды и роль в современном мире // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73). С. 154–164.

Поступила в редакцию 25.02.19

UDC 341.1/8

O. G. Mikhailova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Russia, 656038, Barnaul, Chkalova str., 49) (e-mail: olga-michailova@yandex.ru)

RATIFICATION OF THE FOURTH ADDITIONAL PROTOCOL TO THE CONVENTION ABOUT RESULTS – A NEW STAGE OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

Relevance. The article is devoted to the topical directions of international cooperation in the field of criminal proceedings, which are defined in the fourth additional Protocol to the Convention on extradition ratified by the Rus-

sian Federation and in the Federal law of 07.03.2017 N 23-FZ "on ratification of the Fourth additional Protocol to the European Convention on extradition".

The article provides an analysis of some of the provisions reflected in the Fourth additional Protocol relating, in particular, to the prohibition of extradition of a person if the Statute of limitations of his prosecution or punishment under the legislation of the requesting party has expired, however, without applying this provision to the requested party, which leads to a violation of the balance of interests of the requesting and requested parties in the sphere of respect for the rights of the person. Also, the topical aspects of the use in the extradition process of the original documents that make up the content of the request for legal assistance, the interpretation of the "sufficiency of data" for the execution of the request for legal assistance in connection with the alleged issuance of a person, issues of competent translation of official documents into the national languages of the parties. Affected by the problematic issues related to transit astrodynamic individuals, in particular associated with obtaining permits for such transport, his timing and order. These provisions are analyzed by the author in the context of the Federal law of 07.03.2017 N 23-FZ "on ratification of the Fourth additional Protocol to the European Convention on extradition". The author notes that in a number of cases, the reservations made to the "Fourth additional Protocol to the European Convention on extradition" by the Russian Federation significantly facilitate law enforcement practice, however, not all provisions can sufficiently ensure uniformity of application and do not always contain detailed regulatory regulation. In this regard, the necessity of detailed regulation of extradition issues, committed crimes, through the adoption of a special national law on extradition.

Key words: international cooperation; criminal proceedings; Convention on extradition; extradition; request for extradition; requesting party; ratification; sufficient data; transit of extradited persons.

For citation: Mikhailova O. G. Ratification of the fourth additional protocol to the convention about results – a new stage of development of international cooperation in the field of criminal justice. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 14–19 (in Russ.).

Reference

1. Bogachevskaya D. A., Novikov D. S. Sovershenstvovanie reglamentatsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovnogo sudoproizvodstva. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta*, 2015, no. 1(34), pp. 107–113.

2. *Chetvrtiy dopolnitel'nyj protokol k Evropejskoj konvencii ob ehkstradicii* (CETS N 212). Podpisan v g. Vene 20.09.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281363/ (accessed 26.12.2018).

3. *O ratifikacii Chetvertogo dopolnitel'nogo protokola k Evropejskoj konvencii o vydache*. Feder. zakon ot 07.03.2017 No 23-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213696/ (accessed 26.12.2018).

4. Volevodz A. G. Nekotorye organizacionnye aspekty sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu v Evropejskom soyuze. *Ugolovnoe pravo*, 2009, no. 4, pp. 109–112.

5. *Evropejskaya konvenciya o vydache ETS N 024*. [Zaklyuchena v g. Parizhe 13.12.1957: s izm. ot 17.03.1978]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/me-gdunar/2541059/> (accessed 26.12.2018).

6. Antonovich E. K. Trebovaniya, pred'yavlyaemye k sodержaniyu i forme zaprosa o proizvodstve processual'nyh dejstvij, i posledstviya ih nesoblyudeniya. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2016, no. 5, pp. 24–27.

7. Malov A. A. Sotrudnichestvo General'noj prokuratury RF s kompetentnymi organami zarubezhnyh gosudarstv v voprosah ehkstradicii. *Zakonnost'*, 2012, no. 12, pp. 6–9.

8. Volevodz A. G. Metodika zayavleniya hodatajstv o mezhdunarodnoj pravovoj pomoshchi po ugovnym delam. *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika*, 2001, no. 1–2, pp. 180.

9. Gutorova A. N. K nekotorym voprosam zashchity prav inostrannyh grazhdan. *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika*. Sb. nauch. st. Vseros. nauch.-prakt. konf.: Kursk, Jugo-Zap. gos. Univ. Publ., 2015, pp. 32–34.

10. Gutorova A. N. Mezhdunarodnye nepravitel'stvennyye organizacii: ponyatie, vidy i rol' v sovremennom mire. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4 (73), pp. 154–164.

Гражданское право

УДК 347.45/.47

Н. В. Кагальницкова, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса» (Россия, 400010, Волгоград, ул. Качинцев, 63) (e-mail: lara7@bk.ru)

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРОНИКНОВЕНИЯ НА ОПАСНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПОСТОРОННИХ ЛИЦ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Актуальность. Статья посвящена исследованию отдельных проблемных вопросов обеспечения безопасности использования опасных производственных объектов.

Целью статьи является анализ отношения по предотвращению проникновения на объект посторонних лиц в разрезе выполнения данной обязанности организацией, занимающейся эксплуатацией объектов.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) изучить опыт накопленных знаний о предмете предпринимательского договора; 2) аргументировать положение о том, что предотвращение проникновения на объект посторонних лиц является обязанностью организации, эксплуатирующей объект, и реализуется посредством установления пропускного режима; 3) обосновать, что обеспечение пропускного режима представляет собой услугу и является предметом соответствующего договора.

С помощью **методов** научного познания, прежде всего метода системного и сравнительного анализа, автор определяет правовую природу данных отношений как имеющих частноправовые и публично-правовое начала.

Выводы. Автором сделан вывод, что отношения по предотвращению проникновения на объект посторонних лиц, складываются именно в процессе осуществления предпринимательской деятельности, ввиду их субъектного состава и содержания, имеют договорную природу и характеризуются ограничением принципа «свободы договора». Правоспособность специализированных организаций, осуществляющих охранную деятельность, базируется на наличии лицензии. Данные отношения опосредованы договором оказания услуг, но ввиду специфики услуги не подпадают под регулирование гл. 39 ГК РФ и относятся к непоименованным договорам. Существенным условием данного договора является только условие о предмете, которое включает в себя и указание на объект воздействия и сами действия по воздействию. Предмет договора предопределяется заданием заказчика и не может толковаться расширительно.

Ключевые слова: услуга; охранная деятельность; предпринимательская деятельность; предпринимательские отношения; предпринимательский договор; объект промышленной опасности; источник повышенной опасности; возмещение вреда; лицензирование.

Ссылка для цитирования: Кагальницкова Н. В. Предотвращение проникновения на опасный производственный объект посторонних лиц посредством предпринимательского договора: теоретико-прикладные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 20–26.

Введение. Данные объекты представляют потенциальную опасность как для отдельного лица, так и для общества в целом. Ввиду того, что вред от их эксплуатации может быть причинен жизни, здоровью, имуществу граждан, юридических лиц, окружающей среде, законодатель предусматривает отдельный правовой блок для регулирования данных отношений. Со стороны ГК РФ это прежде нормы о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (ст. 1079), и нормы, регулирующие договорные отношения, которые в иссле-

дуемой сфере имеют предпринимательский характер.

Предпринимательский договор в гражданском праве является одним из видов сделки, а в предпринимательской сфере, пожалуй, основным видом, вследствие которого возникают гражданские права и обязанности. В то же время названный договор является в недостаточной степени исследованным средствами цивилистической науки в изучаемой области предпринимательской деятельности.

Методологическая основа исследования представляет собой системный и сравнительный анализ рассматриваемых аспектов, синтез полученных на основе анализа результатов, комплексный подход к правовой природе изучаемых отношений, базирующихся на публично-правовых и частноправовых началах.

Результаты и обсуждения. Необходимо отметить, что понятие и место предпринимательского договора в правовой системе трактуется по-разному, ввиду того, что термин «предпринимательский договор» не обозначен в законодательстве. Существующие позиции ученых по данному вопросу можно разделить на три группы. Согласно первой точке зрения предпринимательский договор является видом гражданско-правового договора и тождественен понятию «коммерческий договор» [1, с. 141]. Сторонники второй точки зрения считают предпринимательский договор видом гражданско-правового, но негативно относятся к отождествлению его с коммерческим договором [2, с. 926]. Третья точка зрения основывается на взгляде на предпринимательский договор как самостоятельный договор, который не во всех чертах совпадает с гражданско-правовым договором [3, с. 195; 4, с. 587].

Сторонами предпринимательского договора являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, т. к. именно для них получение прибыли является целью их деятельности, и лица, чья деятельность приносит доход (ст. 426 ГК РФ). Последнее положение, позволяющее деятельность некоммерческой организации, приносящей доход, отнести к предпринимательской, что не может быть признано удовлетворительным и нуждается в срочном нормативном нюансировании.

По мнению С. С. Занковского, Г. В. Дятко, именно две стороны договора должны обладать данным статусом, т. к. в противном случае поведение сторон будет подчинено разному правовому

режиму: предприниматель будет действовать на основе публичного частноправового режима, а другая сторона – частноправового режима [4, с. 4–6]. Также существует точка зрения, основанная на выделении законодателем договорных конструкций с участием лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (подр. 1 раздела 3 ГК РФ) в отдельный тип договорных отношений, отличных от гражданско-правового договора, и установлении в отношении предпринимателя особого правового режима, который действует и в том случае, если его контрагентом является гражданин или некоммерческая организация [6, с. 4–8].

По нашему мнению, в регулировании предпринимательских договорных отношениях, как и самой предпринимательской деятельности, присутствуют начала публичного и частноправового регулирования. Именно публичное регулирование в отношении предпринимателя вводит определенные императивные требования. Так, исходя из положений ст. 9 Закона о промышленной безопасности (далее – Закон), лица, осуществляющие эксплуатацию объектов, должны обеспечить состояние, при котором исключается проникновение на объект посторонних лиц, что, соответственно, порождает обязанность организации, эксплуатирующей объект, заключать соответствующий договор со специализированной организацией, и право на выбор последней. Кроме того, выбор условий данного договора обуславливается существующими законодательными предписаниями и локальными актами лица, осуществляющего эксплуатацию объекта. Таким образом, свобода договора в данном случае достаточно жестко ограничивается, что определяется необходимостью соблюдения публичных интересов с целью обеспечения безопасности.

Эксплуатация объектов осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, извлекающими полезные свойства из этих объектов и именуемыми как «организации,

эксплуатирующие объекты» (Преамбула к Закону). Именно в процессе эксплуатации объектов индивидуальные предприниматели и организации выполняют работы (оказывают услуги), создают (перерабатывают) вещи, которые и становятся товаром, что свидетельствует о их предпринимательской деятельности.

Исходя из того, что осуществление исследуемой обязанности организации, эксплуатирующей объекты, возможна только специализированной организацией в рамках охранной деятельности, то к таким лицам относятся организации ведомственной охраны [7], частные охранные организации [8] и ФГУП «Охрана» Росгвардии [9]. При этом законодатель определяет сферу их деятельности по обеспечению «предотвращения проникновения на объект посторонних лиц»: организации ведомственной охраны могут заниматься данной деятельностью только на объектах, находящихся в ведении федеральных органов власти, частные же организации должны иметь соответствующую лицензию, в том числе лицензию на обеспечение вида услуг, связанного с обеспечением режимов на «объектах, по отношению к которым введены обязательные для исполнения антитеррористические требования».

Как указывалось выше, охранный вид деятельности может осуществляться только на основании договора, который имеет возмездный характер, сама же охранный вид деятельности, по мнению Верховного суда РФ, является разновидностью предпринимательства [10].

В литературе сложилось устойчивое мнение, что охранный вид деятельности относится к сфере оказания услуг [11, с. 123–133], следовательно, и отношения по обеспечению «предотвращения проникновения на объект посторонних лиц» относятся к услугам. В отдельных случаях на специализированную организацию возлагаются дополнительные обязанности по установке соответствующего обо-

рудования, решеток на окна и т. д., в этом случае возникает конструкция смешанного договора. Но реализация своих обязанностей специализированной организацией по установлению правил поведения в области перемещения людей, транспорта и имущества на определенном объекте и контролю за их соблюдением осуществляется именно в рамках оказания услуг.

Рассматриваемые нами отношения возникают в рамках «непоименованного договора», применение к ним норм гл. 39 ГК РФ возможно, если это не противоречит их существу. При этом выполнение работ в рамках данных отношений охватывается регулированием подрядных отношений. Практическая важность решения вопроса о существенных условиях данного договора определяется возможностью признать его незаключенным (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Необходимо отметить, что общего понятия существенных условий договора действующее законодательство не содержит. В цивилистической доктрине вопрос о том, что представляют собой существенные условия договора, относится к числу дискуссионных. Большинство ошибок при определении содержания гражданско-правового договора, в том числе и предпринимательского, проявляются именно в процессе квалификации тех или иных условий как существенных либо несущественных. Отсутствие в законе четкого определения перечня существенных условий для отдельных договоров обуславливает отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Отсутствие четко установленных условий в законе, в свою очередь, является различием концептуальных позиций по данному вопросу в науке гражданского права. В. В. Витрянский предлагает выделять существенные условия, исходя из аспекта, в котором рассматривается понятие договора (как сделки либо как правоотношения) [12, с. 139–140].

Но наиболее верной представляется позиция авторов, утверждающих, что понятие договора не следует отождествлять с понятием обязательства (О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков и др.). Соответственно, авторами указывается, что условия договора выступают элементами соглашения как юридического факта и составляют содержание договора, а элементами правоотношения выступают конкретные права и обязанности, возникающие из договорных условий.

Гражданским кодексом РФ в п. 1 ст. 432 определяются две группы существенных условий: объективно-существенные (условие о предмете и условия, названные существенными в законе и иных правовых актах для договоров определенного вида) и субъективно-существенные (условия, по которым с заявления одной из сторон должно быть достигнуто соглашение).

Следовательно, обязательному согласованию подлежит именно предмет рассматриваемого нами договора. Стоит учесть различие мнений относительно понятия термина «предмет исполнения». О. С. Иоффе под предметом исполнения понимает «действия, которые должны быть совершены одним участником обязательства в пользу другого. Если такие действия связаны с передачей какого-либо имущества, то общим понятием предмета исполнения охватывается и это имущество» [13, с. 89]. Другие авторы утверждают, что в данном случае нам представляется сложный предмет, который включает как действия обязанных сторон, так и имущество само по себе [14, с. 6].

В широком смысле термин «предмет» состоит из совокупности показателей того, по поводу чего заключается гражданско-правовой договор, количественные и качественные данные о его предмете, а в случае с возмездными договорами, ещё и цену. Как указал М. И. Брагинский, пред-

мет в самом простом виде выражается в формуле «чего и сколько» [12, с. 255].

Предмет рассматриваемого нами договора включает в себя: описание объекта (его составных частей), действия исполнителя по установлению порядка допуска на объект сотрудников, иных лиц, транспорта и иного имущества, выдача пропусков, проведение досмотровых мероприятий с целью выявления лиц, которые не имеют права пребывать на объекте, и иных действий, направленных на обеспечение безопасности объекта. Предмет договора, как правило, определяется исходя из задания заказчика, которое базируется на правилах, закрепленных в локальном акте организации, эксплуатирующей объект.

Все остальные условия, такие как срок и цена, по нашему мнению, не относятся к объективно-существенным ввиду отсутствия прямого указания законодателя. Объективными причинами окончания договора следует считать окончание действия лицензии как у специализированной организации, так и у лица, эксплуатирующего объект, что касается цены, то возмездность договора определяет применение к регулированию отношений ст. 424 ГК РФ.

Отсутствие в договоре существенных условий приводит к признанию его незаключенным, а соглашения несостоявшимися. Необходимо ограничивать понятия «незаключенный договор» и «недействительный договор». Но, как полагается, в юридической науке отсутствует единство мнений и по этому вопросу. Например, В. П. Шахматов считает, что разделение договоров на недействительные и незаключенные не имеет практического значения, т. к. в обоих случаях последствия исполнения таких договоров определяются по правилам, установленным для недействительных сделок [15, с. 92–93]. Тем временем Н. В. Рабинович видит отождествление недействительного договора с незаключен-

ченным недопустимым, поскольку отсутствие согласия между сторонами по существенным условиям договора свидетельствует об отсутствии юридического факта сделки, а следовательно, и сопутствующих прав и обязанностей [16, с. 21]. О. А. Красавчиков отметил: «...недостижение сторонами договора соглашения хотя бы по одному из существенных условий приводит к тому, что договор считается незаключенным, и никакого правоотношения из имеющих место переговоров не возникает». Иными учеными подчеркивается, что отсутствие существенных условий в содержании договора дает основание для признания его незаключенным.

Необходимо отметить, что, исходя из специфики предпринимательского договора, законодателем ограничивается возможность требовать в судебном порядке признания договора незаключенным (п. 4 ст. 432 ГК РФ), установив, что сторона не может требовать признания договора незаключенным при условии, что вторая сторона полностью или частично не исполнила свое обязательство. Тем самым приведенное предписание сориентировано главным образом на взаимные возмездные договоры (предполагающие получение встречного предоставления за исполнение обязанностей). Полагаем все-таки, что принятием заказчиком исполнения по договору является сам допуск на объект исполнителя и выполнение им соответствующих мероприятий по соблюдению пропускного режима.

Выводы и рекомендации. Таким образом, выполнение обязанности организации, эксплуатирующей объект, по предотвращению проникновения обеспечивается заключением соответствующего договора со специализированной организацией. Данные отношения относятся к предпринимательской сфере и характеризуются ограничением принципа

свободы договора, как по субъектному составу, так и по своему содержанию. Содержание данного договора в основном базируется на локальных актах организации, эксплуатирующей объект, что не всегда соответствует требованиям гражданского законодательства о возможности ограничения прав сторон только на основании федерального закона, в связи с чем требуется законодательное регулирование как охранной деятельности, с учетом ее видовой разнообразия, так и отношений по предотвращению проникновения на объект посторонних лиц.

Список литературы

1. Рузанова В. Д. Особенности предпринимательских договорных обязательств // Договор в российском гражданском праве: значение, содержание, классификация и толкование: материалы Всерос. межвуз. «круглого стола». Самара: Изд-во Самарск. гос. экон. акад., 2002. С. 140–144.
2. Предпринимательское право Российской Федерации / под ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. 1008 с.
3. Мамутов В. К. Хозяйственное право. Избранные труды. Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. 302 с.
4. Предпринимательское право России / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2008. 656 с.
5. Занковский С. С., Дятко Г. В. О понятии предпринимательского договора // Предпринимательское право. 2016. № 3. С. 4–6.
6. Андреев В. К. Обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности (предпринимательский договор) // Юрист. 2015. № 16. С. 4–8.
7. О ведомственной охране [Электронный ресурс]: федер. закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ: [ред. от 05.12.2017].

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (дата обращения: 27.12.2018).

8. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1: [ред. от 05.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (дата обращения: 27.12.2018).

9. ФГУП «Охрана» Росгвардии [Электронный ресурс]. URL: https://fgup-ohrana.ru/about_fgup/ (дата обращения: 27.12.2018).

10. Постановление Верховного Суда РФ от 24.12.2015 № 305-АД15-16248 по делу № А40-75067/15 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=447652#0930101235378817> (дата обращения: 27.12.2018).

11. Шаронов С. А. Договор оказания охранных услуг в современной цивили-

стике // Власть закона. 2015. № 3. С. 123–133.

12. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Кн. первая : Общие положения. Изд. доп., стереотип. (5-й завод). М.: Статут, 2002. 848 с.

13. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.

14. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. 800 с.

15. Шахматов В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / отв. ред. В. А. Носов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. 311 с.

16. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и её последствия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.

Поступила в редакцию 27.01.19

UDC 347.45/.47

N. V. Kagalnitskova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Business (Russia, 400010, Volgograd, Kachintsev str., 63) (e-mail: lara7@bk.ru)

PREVENTING INTRUDERS FROM ENTERING A HAZARDOUS PRODUCTION FACILITY THROUGH AN ENTREPRENEURIAL CONTRACT: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Relevance. The article is devoted to the study of some problematic issues of safety of hazardous production facilities (hereinafter - the objects).

The purpose of the article is to analyze the relationship to prevent the penetration of unauthorized persons into the object, in the context of the fulfillment of this obligation by the organization engaged in the operation of objects.

To achieve the goal it is necessary to solve the following **tasks**: 1) to Study the experience of accumulated knowledge about the subject of the business contract. 2) Argue the provision that the prevention of penetration of unauthorized persons is the responsibility of the organization operating the facility and is implemented through the establishment of the access regime. 3) to Justify that the provision of access control is a service and is the subject of the relevant agreement.

Using the **methods** of scientific knowledge, first of all, the method of system and comparative analysis, the author determines the legal nature of these relations as having private and public law principles.

Summary. The author concludes that the relations to prevent the penetration of unauthorized persons into the object are formed in the process of entrepreneurial activity, in view of their subject composition and content, have a contractual nature and are characterized by the limitation of the principle of "freedom of contract". The legal capacity of specialized organizations engaged in security activities is based on a license. These relations are mediated by the service agreement, but due to the specifics of the service, do not fall under the regulation of Chapter 39 of the civil code, and refer to unnamed contracts. An essential condition of this agreement is only a condition on the subject, which includes an indication of the object of impact and the actions themselves on the impact. The subject of the contract is predetermined by the customer's task, and can not be interpreted broadly.

Key words: service; security activity; business activity; business relations; business contract; object of industrial danger; source of increased danger; compensation of harm; licensing.

For citation: Kagalnitskova N. V. Preventing intruders from entering a hazardous production facility through an entrepreneurial contract: theoretical and applied aspects. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 20–26 (in Russ.).

Reference

1. Ruzanova V. D. Osobennosti predprinimatel'skikh dogovornykh obyazatel'stv. *Dogovor v rossijskom grazhdanskom prave: znachenie, sodержanie, klassifikaciya i tolkovanie. Materialy Vseros. Mezhevuz. "kruglogo stola"*. Samara, Samarsk. gos. ehkon. akad. Publ., 2002, pp. 140–144.
2. Predprinimatel'skoe pravo Rossijskoj Federacii; ed. by E. P. Gubin, P. G. Lahno. 2th ed. Moscow, Norma Publ., NIC Infra-M Publ., 2012. 1008 p.
3. Mamutov V. K. *Hozyajstvennoe pravo. Izbrannye trudy*. Ekaterinburg, Biznes, menedzhment i pravo Publ., 2008. 1008 p.
4. Predprinimatel'skoe pravo Rossii; ed. by V. S. Belyh. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 656 p.
5. Zankovskij S. S., Dyatko G. V. O ponyatii predprinimatel'skogo dogovora. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2016, no. 3, pp. 4–6.
6. Andreev V. K. Obyazatel'stvo, svyazannoe s osushchestvleniem predprinimatel'skoj deyatel'nosti (predprinimatel'skij dogovor). *Yurist*, 2015, no. 16, pp. 4–8.
7. *O vedomstvennoj ohrane*. Feder. zakon ot 14.04.1999 No 77-FZ: [red. ot 05.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (accessed 27.12.2018).
8. *O chastnoj detektivnoj i ohrannoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii*. Zakon RF ot 11.03.1992 No 2487-1: [red. ot 05.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (accessed 27.12.2018).
9. FGUP "Ohrana" Rosgvardii. URL: https://fgup-ohrana.ru/about_fgup/ (accessed 27.12.2018).
10. Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 24.12.2015 No 305-AD15-16248 po delu No A40-75067/15. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=447652#0930101235378817> (accessed 27.12.2018).
11. Sharonov S. A. Dogovor okazaniya ohrannykh uslug v sovremennoj civilistike. *Vlast' zakona*, 2015, no. 3, pp. 123–133.
12. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. *Dogovornoe pravo. Kn. pervaya: Obshchie polozheniya*. Moscow, Statut Publ., 2002. 848 p.
13. Ioffe O. S. *Obyazatel'stvennoe pravo*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 880 p.
14. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. *Dogovornoe pravo. Kn. 2: Dogovory o peredache imushchestva*. Moscow, Statut Publ., 2000. 800 p.
15. Shahmatov V. P. *Sostavy protivopravnykh sdelok i obuslovlennye imi posledstviya*; ed. by V. A. Nosov. Tomsk: Tom. Univ. Publ., 1967. 311 p.
16. Rabinovich N. V. *Nedejstvitel'nost' sdelok i eyo posledstviya*. Leningrad, Leningr. Univ. Publ., 1960. 171 p.

УДК 347.451.02

О. Б. Новрузова, преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: novruz8787@mail.ru)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

Актуальность. В статье проводится исследование правовой природы договора энергоснабжения, который является одним из ключевых договоров, способствующих благоприятному развитию общества. Исследуются актуальные проблемы понятия электрической энергии и энергоснабжения в гражданском праве России.

Целью статьи является рассмотрение понятия электроэнергии как объекта гражданских прав, предмет договора энергоснабжения.

Задачи. Рассмотреть и проанализировать существующие версии к пониманию электроэнергии как объекта энергетических правоотношений. В соответствии с первой концепцией электрическую энергию рассматривают как вещь, вторая версия заключается в «обязательственно-правовом» подходе к «электроэнергии» как объекту обязательства. Сущность смешанного учения заключается в наделинии электроэнергии качественными признаками объектов вещных и обязательственных прав. Суть автономной версии заключается в понимании электрической энергии как материализованной ценности, имущественного блага, специфического самостоятельного объекта гражданских прав и предмета договора энергоснабжения.

Методом исследования выступает анализ четырех существующих в цивилистической литературе версий к пониманию электроэнергии как объекта энергетических правоотношений.

Результаты проведенного исследования позволяют определить электроэнергию как особый объект гражданских прав ввиду того, что обращается не сама электроэнергия, а право на её потребление, право на электроэнергию.

Вывод. Автор в своем исследовании приходит к выводу о том, что электрическая энергия не является вещью, а представляет собой данную природой или созданную человеком способность той или иной формы материи содействовать активной деятельности человека, всего общества и государства. Опираясь на полученные выводы, автор данной статьи обосновывает предложение о включении электрической энергии в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в общий перечень объектов гражданских прав в статье 128 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: электрическая энергия; энергоснабжение; предмет договора; вещь; объект энергетического правоотношения.

Ссылка для цитирования: Новрузова О. Б. К вопросу о понятии электроэнергии как объекта гражданских прав, энергетических гражданских правоотношений и договора энергоснабжения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 27–33.

Введение. Энергоснабжение тесно связано с производством, транспортировкой (передачей) и использованием (потреблением) электрической энергии (электроэнергии), наряду со снабжением газом, тепловой энергией и водой (ст. 539, 548 ГК РФ). Для договорного обеспечения (снабжения) электроэнергией характерны такие черты, как: 1) необычность предмета (объекта) снабжения электроэнергией; 2) передача электроэнергии через присоединенную сеть; 3) многообразие договорных связей производителей, поставщиков (продавцов) и покупателей (абонентов, потребителей) на оптовом и розничных рынках электро-

энергии; 4) подчиненность договора снабжения электрической энергией правовому режиму договора энергоснабжения и, соответственно – договора купли-продажи как одной из ведущих договорных конструкций (типов) гражданского права; 5) оказание возмездных договорных услуг со стороны третьих лиц (организаций) по передаче и распределению электроэнергии; 6) возложение на участников снабжения и потребления электроэнергии дополнительных обязанностей по обеспечению надежности и безопасности электросетей, электропринимающих устройств, оборудования, приборов учета электроэнергии, соблюдению ре-

жима потребления (энергосбережения); 7) действие большого количества императивных норм, связанных с обеспечением безопасности и надежности, учетом потребляемой электроэнергии, осуществлением государственного энергетического надзора и контроля за качеством и количеством энергоснабжения, антимонопольным регулированием (деятельностью естественных монополий) и конкуренцией, применением принудительных мер ограничения (прекращения) подачи электроэнергии в предусмотренных энергетическим законодательством случаях; 8) приоритет норм федеральных законов и подзаконных актов перед нормами части второй ГК РФ в сфере энергоснабжения; 9) специфика гражданско-правовой ответственности участников снабжения и потребления электроэнергии; 10) публичный характер договора энергоснабжения, особенности порядка его заключения, изменения и прекращения (исполнения).

Действительно, электроэнергия обладает целым набором специфических признаков, существенным образом влияющих на природу, содержание, форму и характер договорных отношений в сфере энергоснабжения. Сам термин «энергия» в переводе с греческого языка означает деятельность, действия, активность, решительность, целеустремленность [1, с. 380–385; 2, с. 800]. Существуют самые различные виды энергии: электрическая, ядерная, тепловая, кинетическая, физическая, химическая, биологическая, механическая, космическая и т. д. Электрическая энергия – это энергия, вырабатываемая, передаваемая и потребляемая с помощью специальных технических устройств, средств, оборудования, приборов, энергетических сетей, природных ресурсов для бытовых (домашних) и предпринимательских целей физических лиц и хозяйственно-предпринимательской деятельности юридических лиц. Электрическая энергия не является вещью, это данная природой или созданная

человеком способность той или иной формы материи содействовать активной деятельности человека, всего общества и государства.

Под вещью понимается предмет внешнего (материального) мира, находящийся в естественном состоянии в природе или созданный трудом человека, существующий независимо от субъекта и признаваемый позитивным правом в качестве объекта субъективных прав. Можно выделить такие конститутивные признаки вещи, как наличие определенных параметров вещи, телесность¹ [3, с. 64], возможность быть объектом владения, пользования и распоряжения ею, оборотоспособность, способность представлять собой экономическую (рыночную) стоимость (оценку), обладать меновой и потребительской стоимостью, способность быть предметом наследования, удовлетворять потребности человека, подчиняться господству, воле, целям, интересам и действиям управомоченного лица, признаваться объектом права [4, с. 118; 5, с. 583–584; 6, с. 181–182; 7, с. 6, 8; 8, с. 180–181; 9, с. 95; 10, с. 35–44]. Помимо вещей в состав имущества входят и имущественные права.

Электрическую энергию невозможно аккумулировать (сохранять) в больших объемах и надолго, ею невозможно обладать (владеть), её производство и транспортировка (передача) тесно связаны с её потреблением. В отличие от вещей электроэнергию нельзя обзреть, за исключением специальных приборов учета, она неотделима от своего носителя. Электроэнергия неотрывна от энергоисточника (природного ресурса) и средств передачи (электрических сетей, энергопринимающих устройств). Согласно Федеральному закону от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении, о повышении энергетической эффективности и о вне-

¹ Под телесностью вещей понимается физическое существование вещей как предметов материального мира.

сении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об энергосбережении) [11], энергетический ресурс – это носитель энергии, используемой в целях осуществления хозяйственной или иной деятельности, или определенный вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия и др.) (ст. 2).

Методологическую базу исследования составил анализ и синтез четырех существующих в цивилистической литературе версий к пониманию электроэнергии как объекта энергетических правоотношений.

Результаты и их обсуждение. Представители первой концепции понимают электрическую энергию как вещь, разновидность вещи со всеми юридическими признаками этого правового объекта. Так, например, авторы учебника «Гражданское право» утверждают, что действующее законодательство признает вещами не только традиционные вещи, средства производства и быта, но и животных, сложные материальные объекты, подвластную человеку энергию (электрическую, тепловую, атомную), жидкие и газообразные вещества (воду и газ в емкостях, трубопроводах и т. д.), данные природой или созданные человеком [12, с. 254–255].

Профессор М. К. Сулейменов полагает, что энергия – это определяемая родовыми признаками вещь, материальное, телесное имущество, ставшее индивидуально-определенной вещью в результате индивидуализации электроэнергии, предоставляемой абоненту (потребителю) энергоснабжающей организацией. Таким образом, возникает вещное право на индивидуализированную (выделенную и гарантированную для заказчика) электроэнергию [13, с. 128–129].

По мнению профессора Б. Сейнароева, развитие науки и техники привело к расширению понятия «имущество», к

включению в его содержание таких объектов права собственности, как электрическая энергия, природный газ, иные виды энергии и сырья, выходящих за пределы традиционного понимания вещи. Традиционный («вещный») подход вытекает из того, что в основе имущественных отношений находится право собственности на материальные блага, вещи, а само «имущество» адекватно понятию вещи, электроэнергия относится к разряду вещных объектов, элементам вещного права [14, с. 4].

Современный исследователь гражданского права В. А. Пантелеенко также включает в число вещей некоторые виды энергии, освоенной человеком [15, с. 134].

Классическим представителем «обязательственно-правового» подхода к «электроэнергии» как объекту обязательства является известный французский исследователь Р. Саватье. Ученый утверждал, что электроэнергия, как и всякая энергия, является родовой вещью, но проявляющей себя только в рамках обязательственного правоотношения в процессе своей продажи и потребления (использования) в соответствии с единицей измерения (киловатты, калории, градусы, рентгены, кюри и т.п.). Энергия – это природное явление, способное производить работу, как и работа человека, но она (энергия) не может быть обособлена как телесное имущество. Будучи важным объектом обязательства, энергия не является объектом права собственности. Оказавшись переданной и потребленной, энергия исчезает и не может быть возвращена поставщику. Уголь, нефть и иные энергетические ресурсы являются не энергией, а источником энергии. Развивая римское учение о бестелесном имуществе, талантливый мыслитель включал в понятие «имущество» имущественные права на «энергию», а не право собственности на энергию или саму энергию, подчеркивая, что права собственности на энергию не существует [16, с. 86].

Сущность смешанного учения о бестелесном имуществе состоит в наделении

электроэнергии качественными признаками объектов вещных и обязательственных прав. Инициаторы данной теории называют электроэнергию вещью, но без материального субстрата (бестелесным имуществом) [17, с. 8–12; 18, с. 45].

Одним из первых российских ученых, заявивших о самостоятельности договорной конструкции энергоснабжения и одного из его предметов – электрической энергии, как материализованной ценности, имущественного блага, является советский профессор С. М. Корнеев. В своей научной работе 1956 года ученый обосновал, что электроэнергия является материальным благом, имущественной ценностью, специфическим самостоятельным объектом гражданских прав и предметом договора энергоснабжения [19, с. 29; 20, с. 118].

Профессор В. Ф. Яковлев также считает, что электроэнергия принадлежит к категории самостоятельных объектов гражданских, конституционных, финансовых, экологических и иных прав. Ученый сделал, на наш взгляд, принципиальный вывод о том, что, будучи не вещью, а специфическим природным (волновым) явлением, товаром (в Единой энергетической системе) и обладая определенным набором видообразующих признаков, электроэнергия позволяет выделить договор энергоснабжения в самостоятельный (автономный) вид договора, относящегося к типовой конструкции купли-продажи. Обращается не сама электроэнергия, а право на её потребление, право на электроэнергию. Энергия действует на основе законов природы, физики, химии, биологии, может быть исследована, преобразована в другой вид энергии. Электроэнергию невозможно накопить (как, например, денежные средства) и хранить. Договор по передаче и потреблению электроэнергии (договор энергоснабжения) лишь условно принадлежит к договору купли-продажи, вернее утверждать о доступе к энергетическим сетям, полу-

чении из присоединенной сети. Допустимо применение по аналогии некоторых положений об обороте вещей к снабжению электроэнергией. Наука и технический прогресс порождают новые виды имущества, объектов прав, включая энергию как средства удовлетворения частных и публичных интересов [21, с. 303–305].

Выводы и рекомендации. Как показывает действующее законодательство, отечественная и зарубежная юридическая практика, к новым видам «бестелесного» имущества стали относиться охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (изобретения, ноу-хау, промышленные образцы, товарные знаки, фирменные наименования), а также права на объекты финансовой и коммерческой собственности (облигации, векселя, чеки, паи, коносаменты и др.). Практика Европейского суда по правам человека свидетельствует об активном расширении понятия «имущество», включении в него акций, активов, денежных требований, клиентуры, лицензии, деловой репутации и т. п. [22, с. 4; 23, с. 314–315; 24, с. 409; 25, с. 20; 26, с. 111]

Представляется необходимым включить электрическую энергию в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в общий перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / [пер. и ред. А. И. Доватура]. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Философский энциклопедический словарь / сост: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. Энцикл., 1983. 840 с.
3. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции: в 3 т. Т. 1 / [пер. с фр. и вступ. статья д-ра юрид.

наук Е. А. Флейшиц]. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 742 с.

4. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.

5. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 795 с.

6. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2-х ч. Ч. 2 / редкол.: В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев [др.]. М.: Статут, 1997. 455 с.

7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 768 с.

8. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. юрид. ин-та, 1998. 183 с.

9. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: [по изд. 1907 г.]. М.: Спарк, 1995. 556 с.

10. Щенникова Л. В. Вещное право. М.: Юрист, 2006. 190 с.

11. Об энергосбережении, о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ: [ред. от 27.12.2018 : с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения: 03.02.2019).

12. Гражданское право : учеб.: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби : Проспект, 2005. 765 с.

13. Сулейменов М. К. Избранные труды по гражданскому праву / науч. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2006. 587 с.

14. Сейнаров Б. Договор энерго-снабжения // Хозяйство и право. 2000. Прил. к № 5. С. 3–20.

15. Гражданское право России. Ч. 1 / под ред. З. И. Цыбуленко. М.: Юристъ, 1998. 459 с.

16. Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. 440 с.

17. Матияшук С. В. Система договорных отношений по электро- и тепло-

снабжению в условиях развития когенерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 407 с.

18. Матияшук С. В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. №12(144). С. 94–99.

19. Корнеев С. М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М.: Госюриздат, 1956. 107 с.

20. Корнеев С. М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 118–121.

21. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. 488 с.

22. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

23. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2006. 560 с.

24. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика: пер. с англ. / науч. ред.: Л. Б. Архипова. М.: Изд-во МНИМП, 1998. 600 с.

25. Лапач В. А. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 18–20.

26. Рожкова М. А. Понятие «имущество» в правоположениях Европейского суда по правам человека // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 95–112.

Поступила в редакцию 04.03.19

UDC 347.451.02

O. B. Novruzova, Lecturer, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: novruz8787@mail.ru)

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE ELECTRIC POWER AS OBJECT OF THE CIVIL RIGHTS, POWER CIVIL PRA-VOOTNOSHENIY AND CONTRACT OF POWER SUPPLY

Relevance. In article the research of the legal nature of the contract of power supply which is one of the key contracts contributing to the favorable development of society is conducted. Current problems of a concept of electric energy and power supply in civil law of Russia are investigated.

The purpose of article is consideration a concept of the electric power as object of the civil rights, power supply subject of the contract.

Tasks. To consider and analyse the existing versions to understanding of the electric power as object of power legal relationship. According to the first concept electric energy is considered as a thing, the second version consists in "obligations and legal" approach to "electric power" as to subject of the obligation. The essence of the mixed doctrine consists in investment of the electric power with qualitative signs of objects of real and liability laws. The essence of the autonomous version consists in understanding of electric energy as the materialized value, the property benefit, a specific independent object of the civil rights and subject of the contract of power supply.

As method of a research the analysis of four versions existing in civil literature to understanding of the electric power as object of power legal relationship acts.

Results of the conducted research allow to define the electric power as a special object of the civil rights in view of the fact that not the electric power, but the right for its consumption, the right for the electric power addresses.

Conclusion. The author in the research comes to a conclusion that electric energy is not a thing, and represents the ability of this or that form of matter given by the nature or created by the person to promote vigorous activity of the person, all society and the state. Leaning on the received conclusions, the author of this article proves the offer on inclusion electric energy as an independent object civil the rights the general list of objects of the civil rights in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: electric energy; power supply; subject of the contract; thing; object of power legal relationship.

For citation: Novruzova O. B. To the question of the concept of the electric power as object of the civil rights, power civil pra-vootnosheniy and contract of power supply. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 27–33 (in Russ.).

Reference

1. Aristotel'. *Sochineniya*. Vol. 4; ed. by A. I. Dovatur. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 830 p.

2. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Sov. Ehncikl. Publ., 1983. 840 p.

3. Zhyullio de la Morand'er L. *Grazhdanskoe pravo Franciiv*. Vol. 1; ed. by E. A. Flejshic. Moscow, Inostr. Lit Publ., 1958. 742 p.

4. Vas'kovskij E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava*. Moscow, Statut Publ., 2003. 382 p.

5. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'*; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo, 2003. 795 p.

6. Mejer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo*. Pt. 2; ed. by V. S. Em, N. V. Kozlova, S. M. Korneev, eds. Moscow, Statut Publ., 1997. 455 p.

7. Pobedonoscev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava*. Vol. 1; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2003. 768 p.

8. Trubeckoj E. N. *Ehnciklopediya prava*. St.-Petersburg, St.-Petersburg jurid. Univ. Publ., 1998. 183 p.

9. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava*. Ed. 1907. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.

10. Shchennikova L. V. *Veshchnoe pravo*. Moscow, Yurist Publ., 2006. 190 p.
11. *Ob ehnergoberezhonii, o povyshenii ehnergeticheskoy ehffektivnosti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii*. Feder. zakon ot 23.11.2009 No 261-FZ: [red. ot 27.12.2018: s izm. i dop., vstup. v silu s 16.01.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (accessed 03.02.2019).
12. *Grazhdanskoe pravo*. Vol. 1; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoj. 6th ed. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2005. 765 p.
13. Sulejmenov M. K. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu*; ed. by V. S. Em. Moscow, Statut Publ., 2006. 587 p.
14. Sejnarojev B. Dogovor ehnergosnabzheniya. *Hozyajstvo i pravo*, 2000, Pril. k no. 5, pp. 3–20.
15. *Grazhdanskoe pravo Rossii*. Pt. 1; ed. by Z. I. Cybulenko. Moscow, Yurist Publ., 1998. 459 p.
16. Savat'e R. *Teoriya obyazatel'stv*. Moscow, Progress Publ., 1972. 440 p.
17. Matiyashchuk S. V. *Sistema dogovornyh otnoshenij po ehlektr- i teplo-snabzheniyu v usloviyah razvitiya kogeneracii*. Diss. kand. yurid. nauk. St.-Petersburg, 2012. 407 p.
18. Matiyashchuk S. V. Ehlektricheskaya ehnergiya i moshchnost' kak osobyie ob"ekty grazhdanskogo oborota: voprosy teorii i praktiki. *Zhurnal rossijskogo prava*, 2008, no. 12(144), pp. 94–99.
19. Korneev S. M. *Dogovor o snabzhenii ehlektrouhnergiej mezhdru socialistichestskimi organizაციyami*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 107 p.
20. Korneev S. M. Yuridicheskaya priroda dogovora ehnergosnabzheniya. *Zakon*, 1995, no. 7, pp. 118–121.
21. Yakovlev V. F. *Pravovoe gosudarstvo: voprosy formirovaniya*. Moscow, Statut Publ., 2012. 488 p.
22. *Evropejskaya konvenciya po pravam cheloveka*. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (accessed 04.02.2019).
23. *Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv*. Vol. 1; ed. by E. A. Vasil'ev, A. S. Komarov. 4th ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2006. 560 p.
24. Gom'en D., Harris D., Zvaak L. *Evropejskaya konvenciya o pravah cheloveka i Evropejskaya social'naya hartiya: pravo i praktika*; ed. by L. B. Arhipova. Moscow, MNIMP Publ., 1998. 600 p.
25. Lapach V. A. Ponyatie "imushchestvo" v rossijskom prave i v Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod. *Rossijskaya yusticiya*, 2003, no. 1, pp. 18–20.
26. Rozhkova M. A. Ponyatie "imushchestvo" v pravopolozheniyah Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. *Ob"ekty grazhdanskogo oborota. Sbornik statej*; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2007, pp. 95–112.

УДК 347.4

И. В. Лапехина, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: fancyiv@mail.ru)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Актуальность. Статья посвящена некоторым актуальным правовым вопросам пожизненного содержания с иждивением. Автор пытается выяснить специфику договора пожизненного содержания с иждивением, проанализировать практику его применения и внести предложения по дальнейшему совершенствованию рентного гражданского законодательства.

Целью статьи является рассмотрение специфики договора пожизненного содержания с иждивением в современном гражданском праве России и вытекающих из него правоотношений.

Задачи: анализ действующего законодательства и иных нормативно-правовых актов, регулирующих договор пожизненного содержания с иждивением, а также судебной практики разрешения споров, вытекающих из договора пожизненного содержания с иждивением; проведение анализа содержания обязательств пожизненного содержания с иждивением; установление основных сложностей и круга анализируемых вопросов, с которыми сталкивается правоприменитель при разрешении споров в рамках договора пожизненного содержания.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии в судебной практике определенных сложностей в выяснении признаков «существенного» нарушения договорных обязательств, дающих основание к прекращению рентных отношений и признаков качества выполняемых рентоплательщиком обязанностей, в рамках договора пожизненного содержания.

Вывод. Автор в своем исследовании приходит к выводу о том, что многие неясные вопросы рентных отношений требуют своего разрешения и дополнительного урегулирования на уровне гражданского законодательства.

Ключевые слова: рента; пожизненное содержание; иждивение; рентополучатель; рентоплательщик; судебная практика.

Ссылка для цитирования: Лапехина И. В. О некоторых вопросах пожизненного содержания с иждивением в современном гражданском праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 34–39.

Введение

Гражданско-правовой договор пожизненного содержания имеет длительную правовую историю и строится на основах пожизненных рентных и жилищно-сервитутных отношений. Институт личного сервитутного права на чужое жилое помещение был известен еще римскому частному праву и характеризовался как легальная возможность сервитуария пользоваться чужой недвижимостью (жилым домом) на известных условиях. К таким условиям относились: *usufructus*, *usus*, *habitation*. Узуфруктарий (пользователь) мог не только пользоваться чужой недвижимой вещью, но и извлекать из неё соответствующие плоды с правом собственности на них. Собственник непотребляемой вещи (объекта узуфрукта) имел право продать, заложить, обременить её без причинения вреда (убыт-

ков) пользователю вещи, которая возвращалась собственнику в случае смерти узуфруктария в прежнем состоянии с учетом износа. Второй вид личного сервитута (узус) предполагал право пользования только плодами чужой вещи. Хабитация предоставляла собой право пожизненного проживания в чужом доме [1, с. 27; 2, с. 316; 3, с. 198].

Такие личные сервитуты, как пользование (пожизненное владение) и право пожизненного жительства, имели место в дореволюционном российском законодательстве [4, с. 231].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. предусматривал институт купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца (ст. 253) [5, ст. 407]. Участниками такой купли-продажи могли быть только граждане, имевшие в собственности жилые дома, причем продавцом могли быть только нетрудоспо-

собные граждане, а объектом права были только индивидуальные жилые дома. Отчуждение жилого дома при жизни продавца запрещалось.

С изменениями социально-экономических условий в современной России изменилось и отношение цивилистов, законодателей и правоприменителей к пожизненному праву пользования чужим имуществом (жилым домом, квартирой в многоквартирном доме, земельным участком и т.д.), пожизненной ренте и пожизненному содержанию. Социально-экономическая и правовая сущность рентных отношений заключается в получении собственником дохода от использования своей вещи другими лицами в установленном законом порядке. С позиции экономической теории рента рассматривается как особый вид дохода, регулярно получаемого с капитала, земли, имущества и не связанного с предпринимательской деятельностью [6, с. 27–28; 7, с. 253]. Легализация частной собственности, значительное расширение её объектов, конституционное провозглашение свободы договорных отношений, объективная потребность отдельной категории граждан получать взамен своего имущества не денежное, а натуральное вознаграждение (в виде обеспечения рентополучателя жильем, продуктами питания, одеждой, ухода, создания известных жилищно-бытовых условий) привели к жизни более богатый по содержанию и достаточно сложный по форме договор пожизненного содержания с иждивением. Вторая часть действующего Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [8] впервые включила в себя п. 4 «Пожизненное содержание с иждивением» гл. 33 «Рента и пожизненное содержание с иждивением» с относительно детальным урегулированием отношений пожизненного содержания с иждивением. По нашему мнению, название гл. 33 ГК РФ не совсем точно отражает суть вещей, т. к. пожизненное содержание с иждивением также является разновидностью рентных отношений. Только в отличие от других видов

ренты обязательство пожизненного содержания имеет своим объектом только недвижимое имущество (жилой дом, квартиру, земельный участок и т. п.).

Согласно ст. 601 ГК РФ, рентополучатель (гражданин) передает другому лицу (рентоплательщику) на праве собственности свой жилой дом, земельный участок или иной объект недвижимости, а плательщик ренты обязуется обеспечивать бывшего собственника жильем, питанием, одеждой, уходом за ним в течение всей его жизни, производить оплату ритуальных расходов в случае его смерти. Данный вид договора относится к разряду возмездных, двусторонних, реальных, алеаторных (рисковых) письменных договоров, требующих нотариального удостоверения и государственной регистрации. К данному виду договора применяются правила ГК РФ о пожизненной ренте, если иное не предусматривается в п. 4.

Договор пожизненной ренты может предусматривать несколько рентополучателей, как бенефициаров (выгодоприобретателей), если их доли на отчужденное имущество являются равными, а сам договор не содержит иные условия относительно сторон договора. Пожизненная рента выплачивается рентополучателю по истечении каждого календарного месяца. Её размер не может быть менее прожиточного минимума населения в том или ином субъекте Российской Федерации (ст. 596–598 ГК РФ).

Плательщик ренты по договору пожизненного содержания с иждивением вправе отчуждать, сдавать в залог или иным способом обременять недвижимое имущество, переданное ему в обеспечение пожизненного содержания, только с предварительного согласия получателя ренты. При этом получатель ренты сохраняет право проживания и регистрацию своего места жительства в обремененном жилком помещении (части жилого помещения) (ст. 604 ГК РФ).

Условия исследуемого вида договора могут наделять стороны правом заме-

ны предоставления натурального содержания с иждивением пожизненной денежной выплатой в виде регулярных платежей (ст. 603 ГК РФ).

В случае существенного нарушения плательщиком ренты своих обязательств получатель ренты вправе потребовать возврата недвижимого имущества либо уплаты в его пользу выкупной цены без компенсации плательщику ренты расходов по содержанию рентополучателя. Обязательство пожизненного содержания с иждивением прекращается смертью получателя ренты (ст. 605 ГК РФ). Обобщение судебной практики свидетельствует об определенных сложностях в выяснении признаков «существенного» нарушения договорных обязательств, дающих основание к прекращению рентных отношений.

Весьма важно заметить, что плательщик ренты приобретает по анализируемому договору право собственности на переданную ему получателем ренты недвижимость с момента его регистрации нотариальным учреждением и специализированным государственно-регистрационным учреждением (п. 1 ст. 551 ГК РФ). При этом переданное в собственность рентоплательщика имущество приобретает правовой режим обремененного имущества со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Во-первых, как уже отмечалось, дальнейший оборот такого отчужденного имущества не может совершаться без согласия залогополучателя (рентополучателя), а во-вторых, отчуждение обремененного жилого дома, квартиры или земельного участка не освобождает нового собственника (приобретателя) от обязанностей рентоплательщика.

Жилищный кодекс РФ (далее – ЖК РФ) указывает в ст. 34 на порядок пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением [9]. Согласно указанной статье, рентополучатель пользуется занимаемым жилым помещением на условиях, закрепленных в ст. 33 ЖК РФ, если

иное не предусмотрено условиями договора пожизненного содержания с иждивением. Статья 33 ЖК РФ наделяет проживающего в жилом помещении (квартире) в силу завещательного отказа равными (с собственником жилья) правами пользования жильем. Такой дееспособный жилец несет солидарную (с собственником жилья) ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования таким жилым помещением (п. 2). Иными словами, рентополучатель имеет равные (с плательщиком ренты) права пользования жилым помещением и несет вместе с ним солидарную ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, связанных с использованием таких помещений. При этом закон разрешает сторонам договора пожизненного содержания с иждивением (как и в случае пользования жильем в условиях завещательного отказа) устанавливать иные условия пользования занимаемым жилым помещением [10, с. 7–12; 11, с. 197].

Наибольшие трудности в судебной практике вызывают споры, связанные с качеством выполняемых рентоплательщиком обязанностей по натуральному уходу за бывшим собственником, созданием для него надлежащих жилищных условий, денежной компенсацией стоимости выполняемых работ (услуг), досрочным прекращением договора в связи с существенным нарушением его условий одной из договорных сторон. Немалую долю судебных споров составляют конфликты сторон по поводу исполнения рентополучателем своих обязанностей по несению расходов на ремонт, эксплуатацию и содержание части занимаемого жилого помещения (дома, квартиры), оплату жилищно-коммунальных услуг. Анализ судебной практики свидетельствует о сложности и остроте конфликтных ситуаций, связанных с дальнейшим проживанием рентополучателя в своем бывшем доме, с предоставлением ему другого жилого помещения взамен прежнего и т. д. [12]

В какой-то степени договор пожизненного содержания с иждивением имеет фидуциарный (доверительный), взаимовыгодный характер, ибо предназначен для удовлетворения не только имущественных, но и личных интересов, связан с уходом, как правило, за социально не обеспеченным (пожилым, больным и т.д.) человеком, и в идеале должен строиться на взаимном доверии и взаимопонимании. Однако, к сожалению, жизнь показывает, что не все правовые отношения бывают идеальными.

Так по одному из судебных дел выяснилось, что ответчик (рентоплательщик) не выполнял взятые на себя по договору пожизненного содержания с иждивением обязательства по содержанию рентополучателя: не покупал необходимые для больного человека лекарства, продукты питания, не оказывал социально-бытовую помощь, не обеспечивал надлежащее санитарно-техническое состояние квартиры, не уплачивал жилищно-коммунальные услуги. Верховный Суд РФ принял решение об оставлении без изменения решения нижестоящего суда о досрочном расторжении договора [13].

Зачастую участники договорных отношений, будучи юридически неосведомленными людьми, смешивают рентные договоры с договором дарения жилья или с односторонней сделкой – завещанием либо умышленно (недобросовестно) просят об оформлении такого рода сделок (договоров), что ведет в дальнейшем к нарушению имущественных прав обеих сторон договора или завещателя.

Так, по одному из исследованных судебных дел выяснилось, что гражданин Ч. подарил своему сыну Ю. квартиру, а через некоторое время обратился в суд с иском о признании договора дарения недействительным, ссылаясь на то, что сын отказывается ухаживать за ним (содержать) до конца его жизни. Суд первой инстанции отказал в иске, указав при этом на отсутствие веских доказательств обоснованности исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам областного суда оставила без изменения состоявшееся судебное решение¹.

Особый интерес вызывает следующее судебное дело. В 1995 г. гр-ка А. продала гр-ну К. жилой дом. В 1999 г. она обратилась в суд с иском о признании договора купли-продажи этого дома недействительным, ссылаясь на то, что при заключении договора она полагала, что это договор купли-продажи с условием пожизненного содержания, и К. обязалась содержать ее. В течение трех лет К. ухаживала за ней, а затем отношения между ними испортились, ей стало известно, что ответчица обманула её, заключила с ней обычный договор купли-продажи. Суд удовлетворил иск, и суд кассационной инстанции оставил это решение без изменения.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила все судебные постановления по исследуемому делу по следующим основаниям. Удовлетворяя иск А. на основании её объяснений и показаний свидетелей, суд признал установленным, что истица была введена в заблуждение о предмете договора, т. к. полагала, что заключала договор купли-продажи дома с условием ее пожизненного содержания. Однако эти выводы суда не основаны на законе. Из материалов дела видно, что между сторонами был заключен договор купли-продажи земельного участка с находящимися на нем объектами недвижимости без указания о продаже дома с условием пожизненного содержания продавца. Письменный договор был подписан сторонами, удостоверен нотариусом и зарегистрирован в БТИ. В конечном итоге заблуждение истицы в предмете договора не подтверждено [14].

Представляется, что многие неясные вопросы рентных отношений требуют своего разрешения и дополнительного

¹ Архив Воронежского областного суда. Дело № 33-2607/2001.

урегулирования на уровне гражданского законодательства.

Список литературы

1. Емелькина И. А. Вещные права на жилые и нежилые помещения: приобретение и защита. М.: Юристъ, 2003. 128 с.

2. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. 533 с.

3. Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. СПб.: Летний сад, 1998. 560 с.

4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изд. 1907 г. М.: Спарк, 1995. 556 с.

5. Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: [утв. ВС РСФСР 11.06.1964; ред. от 26.11.2001]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 20.02.2019).

6. Буздалов И. Природная рента как категория рыночной экономики // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 27–28.

7. Экономическая теория / под ред. А. И. Добрынина, Л. С. Тарасевича. 4-е изд. СПб.: Питер, 2009. 560 с.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: [ред. от 29.07.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 20.02.2019).

9. Жилищный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.

закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ : [ред. от 22.01.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 20.02.2019).

10. Натаров С. В. Пожизненное содержание с иждивением в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

11. Жилищный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / под ред. В. П. Крашенинникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2006. 748 с.

12. Богдан В. В., Уколов Д. С. Сравнительная характеристика законодательного регулирования института пожизненного содержания с иждивением в странах-участницах Содружества Независимых Государств // Право и политика. 2015. № 8. С. 1070–1073.

13. Определение Верховного Суда РФ от 17.04.2018 № 18-КГ18-28 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=540331#006293946322151789> (дата обращения: 20.02.2019).

14. Некоторые вопросы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам [Электронный ресурс]: [утв. Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ от 01.06.2003]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB001&n=15873#06957840170150654> (дата обращения: 20.02.2019).

Поступила в редакцию 06.03.19

UDC 347.4

I. V. Lapekhina, Post-Graduate Student, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail address fancyiv@mail.ru)

ON THE LEGAL PRECEDENTS OF EARLY TERMINATION OF A LIFE AGREEMENT IN THE MODERN CIVIL LAW OF RUSSIA

Relevance. *The article focuses on selected legal issues of the life estate. The author makes an attempt to define peculiarities of the life estate agreements, analyzes the practice of its application and brings forward suggestions on further improvement in the rent civil law.*

The purpose of article is consideration of the contract of perpetual maintenance with a dependent in the modern civil law of Russia and the legal relations arising from it.

Tasks. Analysis of the current legislation and other regulatory legal acts regulating the contract for the maintenance of life with a dependent, as well as the judicial practice of resolving disputes arising from the agreement for the maintenance of life for a dependent. Conducting an analysis of the content of life-long maintenance obligations with a dependent. Determination of the main difficulties and the range of issues to be analyzed that the law enforcer faces in resolving disputes within the framework of a life maintenance contract.

The results of the study indicate the existence in court practice of certain difficulties in identifying signs of a "substantial" breach of contractual obligations, giving rise to termination of rental relations and quality indications of duties performed by the renter-payer within the life-term contract.

Conclusion. The author in his study concludes that many vague issues of rental relations require their resolution and additional settlement at the level of civil law.

Key words: rent; perpetual maintenance; pension beneficiary; pension payer; arbitrage practice.

For citation: Lapekhina I. V. On the legal precedents of early termination of a life agreement in the modern civil law of Russian. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 34–39 (in Russ.).

Reference

1. Emel'kina I. A. *Veshchnye prava na zhilye i nezhilye pomeshcheniya: priobretenie i zashchita*. Moscow, Yurist' Publ., 2003. 128 p.

2. Pokrovskij I. A. *Istoriya rimskogo prava*. St.-Petersburg, Neva Publ., Letnij sad Publ., 1999. 533 p.

3. *Rimskoe chastnoe pravo*; ed. by I. B. Novickij i I. S. Pereterskij. St.-Petersburg, Letnij sad Publ., 1998. 560 p.

4. Shershenevich G. F. *Uchebnik ruskogo grazhdanskogo prava*. Po izd. 1907 g. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.

5. *Grazhdanskij kodeks RSFSR*: [utv. VS RSFSR 11.06.1964; red. ot 26.11.2001]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (accessed 20.02.2019).

6. Buzdalov I. Prirodnaya renta kak kategoriya rynochnoj ehkonomiki. *Voprosy ehkonomiki*, 2010, no. 3, pp. 27–28.

7. *Ehkonomicheskaya teoriya*; ed. by A. I. Dobrynin, L. S. Tarasevich. 4th ed. St.-Petersburg, Piter Publ., 2009. 560 p.

8. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii*. Feder. zakon ot 26.01.1996 No 14-FZ: [red. ot 29.07.2018: s izm. i dop., vstup. v silu s 30.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed 20.02.2019).

9. *Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii*. Feder. zakon ot 29.12.2004 No 188-

FZ: [red. ot 22.01.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed 20.02.2019).

10. Natarov S. V. *Pozhiznennoe soderzhanie s izhdiveniem v rossijskom grazhdanskom prave*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2007. 25 p.

11. *Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Postatejnyj kommentarij*; ed. by V. P. Krashennikov. 2th ed. Moscow, Statut Publ., 2006. 748 p.

12. Bogdan V. V., Ukolov D. S. Sravnitel'naya harakteristika zakonodatelnogo regulirovaniya instituta pozhiznennogo soderzhaniya s izhdiveniem v stranah-uchastnicah Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. *Pravo i politika*, 2015, no. 8, pp. 1070–1073.

13. *Opredelenie Verhovnogo Suda RF* ot 17.04.2018 No 18-KG18-28. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=540331#006293946322151789> (accessed 20.02.2019).

14. *Nekotorye voprosy sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po grazhdanskim delam*: [utv. Sudebnoj kollegiej po grazhdanskim delam VS RF ot 01.06.2003]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB001&n=15873#06957840170150654> (accessed 20.02.2019).

Земельное право

УДК 349.6:502.175; 349.414:502.521

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, профессор ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tgpKSTU@yandex.ru)

В. И. Томаков, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

М. В. Томаков, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

В. В. Андриенко, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

А. В. Брежнев, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (Россия, 117997, Москва, Стремянный пер., 36) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РЕКУЛЬТИВАЦИИ НАРУШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ МАГИСТРАЛЬНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ

***Актуальность** обусловлена необходимостью совершенствования природоохранного законодательства и формирования адекватного правового механизма в сфере выполнения необходимых мероприятий по охране земель в процессе строительства магистральных трубопроводов из-за усилившегося негативного воздействия.*

***Цель.** Выявить недостатки в законодательстве о рекультивации нарушенных земель в районах строительства линейных сооружений и исполнении норм права в нормативно-технических документах для совершенствования законодательства, правоприменительной практики и минимизации негативного воздействия процесса строительства на землю.*

***Задачи:** выполнить анализ действующей системы источников правового регулирования отношений по охране земель; провести сравнительно-правовой анализ существующих норм охраны земель и выявить основные правовые коллизии правового регулирования природоохранной деятельности в районах строительства трубопроводного транспорта; обосновать и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования охраны земель в местах строительства магистральных трубопроводов.*

***Методология.** Основой исследования являются методы формально-юридический, сравнительного правоведения и толкования права. Материалом исследования послужили труды российских исследователей, правовые акты федерального законодательства, а также основная нормативно-техническая документация в сфере охраны окружающей среды при строительстве магистральных трубопроводов.*

***Результаты.** Выявлены правовые коллизии правового регулирования природоохранной деятельности. В частности, рассмотрение законодательства в сфере охраны природы показало, что меры по рекультивации нарушенных при строительстве земель обязаны быть представлены в самостоятельном документе. Для строительства магистральных трубопроводов обязательным должен быть проект рекультивации нарушенных земель. Прямое требование о необходимости разработки и утверждения данного строительного документа в Законе об охране окружающей среды отсутствует. Данный закон пользуется лишь понятием разработки «проектов восстановления загрязненных земель», которые не гарантируют выполнения работ по рекультивации земель.*

***Выводы.** Существующая правовая и нормативная документация, применяемая при разработке и выполнении проектов рекультивации нарушенных при строительстве земель, требует совершенствования и внесения конструктивных и объективных дополнений, позволяющих осуществлять правоприменительную практику, разрабатывать и выполнять проекты рекультивации на качественно новом уровне.*

***Ключевые слова:** магистральный трубопровод; строительство трубопроводов; охрана окружающей среды; нарушение земель; восстановление и рекультивация земель.*

***Ссылка для цитирования:** Правовые проблемы реализации проектов рекультивации нарушенных земель при строительстве магистральных трубопроводов / О. Г. Ларина, В. И. Томаков, М. В. Томаков, В. В. Андриенко, А. В. Брежнев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 40–52.*

Введение

Для современного этапа развития общества характерным является усиление

экологических проблем. Человек имеет право на здоровую окружающую среду, которое, по сути, является основным

элементом всей природоохранной деятельности, отражающим социальное значение охраны окружающей среды. В «Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» указывается: «Стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности» [1].

Основы провозглашают ряд принципов реализации государственной политики в области экологического развития (см. п. 2). Из группы этих принципов в контексте данной статьи надлежит выделить:

– приоритетность сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов;

– обязательность оценки планируемого воздействия на окружающую среду при принятии решений о реализации хозяйственной деятельности;

– запрет на осуществление хозяйственной деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также на исполнение проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды;

– обеспечение соответствия хозяйственной, промышленной и иной деятельности определенным нормам и требованиям в сферы охраны окружающей среды [2].

Актуальность проблемы исходит из объективной сложившейся ситуации в экономике страны. Необходимо выделить основные характеристики транспортных систем и возникающие проблемы при их строительстве.

Общая протяженность трубопроводов нефти и газа в РФ достигла 250 тыс. км. Магистральные трубопроводы транспортируют 100% газа, 99% нефти и больше 50% переработанных соединений. По итогам 2016 г. доля трубопроводного транспорта в грузообороте всей транспортной системы России составляет более 48%.

При строительстве магистральных трубопроводов нефти и газа большого диаметра основной экологический ущерб наносится верхним поверхностным слоям литосферы и наземным биологическим сообществам [3]. Структурные элементы литосферы (почвы, подстилающие грунты, грунтовые воды), растительные и животные сообщества подвергаются физическому и механическому воздействию транспорта и строительной техники, временных и постоянных объектов, загрязнению (физическому, химическому, органическому и биологическому). В связи с нарушением гидрологического режима малых рек, разрушением берегов крупных рек и водоемов в прокладке подводных переходов загрязнение их нефтепродуктами оказывает негативное влияние на жизнь водных и прибрежно-водных растений.

При потреблении ресурсов недр, устройстве выемок, насыпей, карьеров нарушаются сложившиеся формы рельефа поверхности, почвенный покров и структура почв. Следствием такого воздействия является изменение гидрологического и геокриологического режима, нарушение устойчивости склонов и откосов, развитие овражной эрозии.

Известно, что при строительстве магистрального трубопровода на каждые 100 км проложенного трубопровода нарушается в среднем 500 га земли, а для строительства дорог не менее 250 га, под

песчаными и гравийными карьерами – не менее 100 га. Нарушение земель при строительстве является необходимостью. Минимизация территории, подверженной механическим воздействиям, химическому и биологическому загрязнению, полное и качественное выполнение подготовительных и восстановительных работ, использование современных технологий строительства трубопроводов и комплексной рекультивации – все эти меры в условиях надлежащего экологического контроля снижают экологический риск.

На период строительства выделяются большие площади земельных участков для временного использования под строительную площадку, различные временные коммуникации, склады, перевалочные базы и места погрузки-разгрузки строительных материалов, собственные производственные базы, автотранспорт, ремонтные предприятия, административные здания, временные пункты проживания строителей, называемые в совокупности временными зданиями и сооружениями. Также следует учесть площади, нарушенные при строительстве за счет непроектных проездов и стоянок техники. Таким образом, фактически нарушенные площади намного превышают отводы земель, предусмотренные проектной документацией, величина которых служит основой в расчетах экологического и экономического ущерба и компенсационных расчетов. Для отдельных видов строительства нормы отвода земель в постоянное пользование регламентированы государственными стандартами и строительными нормами (строительство объектов электроэнергетики, железных и автомобильных дорог и др.). В большинстве же отраслей промышленного строительства нормы отвода земель во временное пользование на период строительства не имеют жесткой регламентации, они регламентируются ведомственными инструкциями.

Площадь нарушенных земель к концу 2013 г. составила 995 тыс. га, а в 2014 г. она составила уже 1057,1 тыс. га. «Одной

из причин наличия значительных площадей нарушенных земель в Российской Федерации следует признать недостаточность, фрагментарность, неконкретность и бессистемность как правовых норм, так и технических требований по охране земель в процессе хозяйственной деятельности. К числу пробелов законодательства можно отнести отсутствие требований об обосновании площадей земель, предоставляемых для определенных видов хозяйственной деятельности, в т. ч. при проведении государственной экологической экспертизы», – отмечает Ю. С. Петропавловская [4].

Таким образом, в процессе строительства происходит изменение качества территорий не только непосредственно на выделенном участке для осуществления конкретного вида строительной деятельности, а также на близлежащих территориях.

Ведение работ по защите и восстановлению земель и почв заключается в следующих стадиях. На подготовительном этапе строительства – передовая инженерная и экологическая подготовка строительной площадки или трассы, экологический контроль соблюдения правил расчистки и планировки трассы, сбор, вывоз и утилизация древесины, вывоз и хранение плодородного грунта, передовое строительство дорог, проездов, переездов, обустройство мест отбора проб грунта и обустройство отвалов. Необходимо контролировать выполнение берегоукрепительных мероприятий, закрепление откосов и выполнение других противоэрозионных мероприятий, водоотводов во избежание затопления, подтопления, оползневых и эрозионных процессов во время строительства и в последующее время. Также осуществляется контроль качества строительства очистных и водозаборных сооружений.

В зоне распространения многолетнемерзлых грунтов за один-два сезона до начала строительства или в ходе подготовительных работ проводятся исследования физико-механических свойств

грунтов для строительства, геологического строения верхних горизонтов литосферы, физико-химического состава грунтов, зонирования территорий строительства по геоботаническим основаниям. Это все необходимо для устройства оснований и строительства фундаментов, для проектирования агротехнических и мелиоративных мероприятий при проведении комплексной мелиорации.

Методология исследования

Разработанность проблемы. Особенности правовой охраны земель при строительстве магистральных трубопроводов, правовые проблемы охраны земель как элемента окружающей природной среды и некоторые пути их устранения находятся в центре внимания. В теоретическом плане эти вопросы рассматривались начиная с 80-х годов прошлого века такими экологами-юристами, как С. А. Боголюбов, М. М. Бринчук, М. И. Васильева, В. П. Виноградов, А. К. Голиченков, В. Д. Ермаков, Б. В. Ерофеев, Н. Г. Жаворонкова, Э. Н. Жевлаков, Т. В. Злотникова, О. С. Колбасов, В. В. Петров, А. А. Тер-Акопов, А. С. Тимошенко и др.

В настоящее время эти вопросы отражены в работах отечественных ученых: В. Б. Агафонова, Р. В. Агеева, Е. О. Вегнер-Козловой, Г. А. Волкова, Э. Б. Бухгалтера, Д. Р. Коваленко, В. С. Кошовской, О. И. Крассова, Н. И. Красновой, Н. Г. Нарышевой, В. Д. Мельгунова, Т. В. Петровой, Ю. С. Петропавловской, А. Г. Тарасова, А. С. Тютюник, В. Н. Харьковская, Д. В. Хаустова, Е. Ю. Чмыхало и др.

Однако в экологическом праве как науке и практической природоохранной деятельности существуют проблемы правового регулирования охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности при строительстве магистральных трубопроводов углеводородного сырья, а правоприменительная практика характеризуется противоречивостью [5; 6].

Как следует из научных работ, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности с позиций права реализуется путем применения природоохранных требований и системы мер, изложенных в законах и составляющих правовую платформу.

Правовое обеспечение качества выполнения природоохранных требований. К числу законов, в которых содержатся те или иные требования по охране окружающей среды, обеспечения здоровья населения, сохранения разнообразия флоры и фауны относится большая группа законов в сфере обеспечения экологической безопасности. Ключевым законодательным актом в данной сфере является Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ – законодательный акт комплексного правового регулирования.

Кроме этого закона, в контексте данной работы следует выделить иные правовые акты: Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ; Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ; Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ; Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ; Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ; Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ; Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ; Федеральный закон «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ; Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ; Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ; Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ; Фе-

Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ; Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ; Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ.

Необходимо выделить и Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [1].

Следует заметить, что приведенный выше перечень носит далеко не исчерпывающий характер. Это лишь основополагающая правовая платформа. Эти законы обязательны для исполнения министерствами и ведомствами, физическими и юридическими лицами.

Помимо федеральных законов принимаются законы субъектов Российской Федерации [7; 8; 9], которые также активно используют свои полномочия в области охраны окружающей среды в соответствии со ст. 73 и 76 Конституции РФ. С. А. Боголюбов замечает, что «принятие субъектами Федерации нормативных правовых актов по экологическим вопросам должно обуславливаться не столько желанием обозначить свою суверенность... сколько необходимостью урегулировать нерешенные экологические непersonифицированные проблемы, имеющие общий характер, не исчерпывающиеся исполнением» [10]. Нормативные правовые акты принимаются субъектами РФ в разных формах.

Также имеют значение ведомственные нормативно-правовые акты и своды основных нормативных требований и положений, регламентирующих проектирование и строительство в отдельном ведомстве (отрасли). Что же касается территории прохождения, проектирования, технологии строительства магистральных трубопроводов, то основную роль в обеспечении экологической безопасности строительства и эксплуатации таких объектов играют технические регламенты и нормативные документы, оформленные в

виде специальных норм и правил, имеющих статус нормативно-технических документов. Среди этого пакета нормативных актов определенное место занимают своды правил СП 86.13330.2014 «Магистральные трубопроводы (актуализированная редакция СНиП III-42-80* «Магистральные трубопроводы» (СП 86.13330.2012)) и СП 36.13330.2012 «Магистральные трубопроводы» (актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85*).

Смешанный характер строительных норм и правил влечет за собой ряд вопросов об их правовой квалификации, о необходимости прохождения правовой экспертизы и регистрации в Минюсте России [11]. Следует согласиться с мнением Т. В. Петровой: «Содержащиеся в них нормы по большей части не имеют правового характера, поскольку регламентируют процессы проектирования, строительства, осуществления различных производственных процессов, хранения, транспортирования, утилизации, консервации в контексте необходимых при этих процессах мер безопасности (экологической, противопожарной, санитарной и пр.). Практическое же значение таких нормативных документов в силу конкретности их норм в ряде случаев оказывается выше, чем нормативных правовых актов, в том числе федеральных законов, нормы которых отсылают к этим документам» [11].

Результаты и обсуждение

Исходя из сформированной законодательной базы в сфере экологической безопасности, природоохранная деятельность выполняется путем применения экологических требований и комплекса разнонаправленных мероприятий, обеспечивающих их осуществление, в соответствии с законами и иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

Государственная экологическая экспертиза, лицензионная и надзорная деятельность, добровольное страхование экологической ответственности, юриди-

ческая ответственность реализуют экологически значимые требования природоохранного законодательства [6; 12; 13].

Существенное значение придается государственной экологической экспертизе – она является основным инструментом предупреждения экологического ущерба. В соответствии с Постановлением Правительства РФ [14] предметом государственной экспертизы является оценка проектной документации на соответствие инженерным изысканиям, санитарно-эпидемиологическим и экологическим требованиям, требованиям технических регламентов, в том числе промышленной, пожарной и иной безопасности.

Все частные и государственные компании (организации и т.п.) обязаны проводить всестороннюю экологическую оценку влияния сооружаемых объектов и намечаемой строительной деятельности на всех стадиях проектирования – от разработки инвестиционных замыслов и технико-экономических обоснований до рабочих проектов. Этот вид оценки проектов намечаемой строительной деятельности включает оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) и экологическую экспертизу проектной документации. Результаты изучений включают оценку полагаемых воздействий намечаемой строительной деятельности, потенциально возможных изменений в окружающей природной среде и обусловленных этими изменениями социально-экономических последствий для общества. Полученные данные учитываются при разработке проектных решений на основе выбора из имеющихся альтернатив наиболее экологически и экономически приемлемого варианта. Приоритетом является сохранение природных экосистем.

При разработке проектов строительства трубопроводов, затрагивающих область интересов других стран, ОВОС проводится в трансграничном контексте согласно Конвенции Европейской экономической комиссии ООН об оценке воз-

действия на окружающую среду в трансграничном контексте.

Выполнение природоохранных требований общего характера при строительстве магистральных трубопроводов предусматривается в упомянутом Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [15] и, в частности – разработка проектов восстановления загрязненных земель в зонах временного и (или) постоянного использования земель (ст. 46). В соответствии с этой статьей в проектно-сметной документации на объекты строительства магистралей содержится отдельный раздел по охране окружающей среды. Однако этот факт не гарантирует минимизации ущерба. Комплекс необходимых мер в проектах разрабатывается с отклонениями от действующих норм, поскольку отсутствует законодательно закрепленный состав и содержание проектной документации по рекультивации [16; 17]. В ряде случаев перечень предлагаемых мер не имеет значения, поскольку сам строительный процесс не соответствует требованиям законов и актов технического регулирования по охране земель при реализации этих мер.

Так, в соответствии с законом «Об охране окружающей среды» должны быть предусмотрены меры по рекультивации нарушенных и загрязненных земель при трубопроводном строительстве. Основным требованием законодательства об охране земель (почв) является необходимость мелиорации земель [8]. Положения строительных норм и правил детализируют общие требования и устанавливают ряд вполне определенных мер.

Анализ законодательства показал, что мероприятия по восстановлению нарушенных и загрязненных земель должны быть отражены в отдельном документе – проекте мелиорации земель, разработка и утверждение которого необходимы для строительства трубопроводов. Но закон «Об охране окружающей среды» прямо не требует разработки и утверждения «проекта восстановле-

ния» – упомянутый закон действует только с концепцией «проектов восстановления загрязненных земель». Надлежит различать термины «рекультивация нарушенных земель» и «рекультивация загрязненных земель» и их содержание. В существующих правовых актах по рекультивации земель такого разделения нет, из-за чего возникают сложности в разработке, планировании работ и в их приемке и дальнейшем мониторинге. Если при рекультивации нарушенных земель следует говорить о восстановлении почвенно-растительного покрова после завершения работ, то при рекультивации загрязненных земель необходимо говорить о создании условий для последующего восстановления почвенного и растительного покрова. В целях полномасштабного осуществления проектов рекультивации земель целесообразно Градостроительный кодекс (п. 3 ст. 51) дополнить положением о том, что не допускается выдача разрешения на строительство при отсутствии утвержденного в установленном порядке проекта рекультивации земель [5].

В России формируется двухуровневая система земельного законодательства – федеральное земельное законодательство и региональные системы земельного законодательства по количеству субъектов Российской Федерации. В этом контексте следует отметить, что с точки зрения экологической оценки законодательство также не является строго систематизированным. Имеется целый ряд разрозненных норм по экологической экспертизе, при наличии специального Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [19]. Это обстоятельство порождает определенные правовые коллизии, пробелы и неясности.

Например, на практике возникают спорные вопросы о том, на каком уровне экологической экспертизы (федеральном или региональном) проходят экспертизы по объектам, указанным в отраслевом законодательстве. Этот факт не идет на

пользу практике правового регулирования взаимоотношений, т. к. нельзя считать вопросы, связанные с объектами совместной юрисдикции России и её субъектов, малозначительными. Более того, это земельный вопрос.

Позволяя регионам регулировать свои земельные отношения, объективно специфические для конкретной территории, Конституция РФ реализует принципы целесообразности, разумности и справедливости. Положения Конституции, закрепляющие земельное законодательство как предмет совместной юрисдикции России и субъектов, чрезвычайно положительны, т. к. земельные отношения по своей природе неразрывно связаны с районом, на котором расположены земельные участки.

Таким образом, цель правового регулирования земельных отношений может быть значительнее: наиболее рациональное и эффективное использование земельных ресурсов, соблюдение земельных прав граждан России и формирование культурного земельного правопорядка [20]. При этом необходимо определить предпосылки перехода земельного законодательства на уровень совместного регулирования земельных отношений Российской Федерацией и субъектами.

Правоприменительная практика в части предоставления и использования земельных участков для строительства и размещения объектов трубопроводного транспорта должна быть направлена на недопущение необоснованного сокращения земельных площадей, а также особо охраняемых природных территорий. С этой целью необходимо развивать систему правил охраны окружающей природной среды местного масштаба, дифференцированно учитывающую конкретные условия взаимодействия объектов строительства и эксплуатации с окружающей средой. Следует согласиться с мнением А. Б. Василенко: «...немаловажно в законодательной деятельности обеспечить баланс интересов федерального центра и субъектов Федерации» [8].

В современном российском праве достаточно много актов, регулирующих вопросы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. В настоящее время особую актуальность приобретает эффективное правовое регулирование экологической безопасности в Российской Федерации, которое напрямую связано с формированием непротиворечивой системы правовых актов в сфере рекультивации нарушенных земель при строительстве магистральных трубопроводов. Назрела необходимость выявления и устранения пробелов в законодательстве о рекультивации нарушенных земель в районах строительства линейных сооружений. Именно «четкость и ясность формулировок законов – одно из важнейших условий их правильного применения и действенности» [21].

Цель совершенствования природоохранного блока российского законодательства заключается в недопущении или максимальном ограничении вредных воздействий со стороны нефтегазового комплекса при строительстве и эксплуатации на все компоненты окружающей среды и на экосистему в целом, а также обязательном восстановлении и поддержании в экосистеме состояния экологического баланса при условии рационального использования природных ресурсов. Для эффективного решения проблем защиты и сохранения окружающей среды в составе природоохранного законодательства должен быть прописан комплекс следующих мероприятий по охране и восстановлению природных ресурсов:

- разрабатывать технологию производства работ для восстановления природных ресурсов;

- использовать технику и технологии, максимально сохраняющие окружающую природную среду;

- проводить экологическую экспертизу новой техники, технологии и материалов, а также проектов на строительство, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение объектов нефтяной и газовой промышленности с

учетом экономической оценки природоохранных мероприятий по различным регионам страны;

- применять межотраслевую кооперацию по охране окружающей природной среды;

- устанавливать целевые показатели по охране окружающей природной среды;

- вменить в обязанность контролирующим органам надзор за ходом восстановительных работ;

- включить в контрактные цены на углеводородное сырье стоимость работ по охране окружающей природной среды;

- создавать мобильные комплексы по переработке строительных и промышленных отходов;

- производить оплату строительной и промышленной продукции с учетом выполнения работ по охране окружающей природной среды;

- производить оплату работ по охране окружающей природной среды не за объемы выполненных работ и затраченных ресурсов, а за фактически восстановленные ресурсы;

- не допускать ввода в эксплуатацию объектов, не соответствующих требованиям охраны природы;

- ввести природоохранный гарантийный паспорт на вводимый объект;

- хозяйственная и экологическая эффективность рекультивации должна отвечать нормативно-правовым актам и определяться не количеством рекультивированных земель, а уровнем восстановленности свойств техногенных ландшафтов исходным ненарушенным почвам (стабильным и динамическим почвенно-экологическим функциям).

Эти и другие мероприятия по охране окружающей природной среды и экологической безопасности, по мнению А. Б. Василенко, мог бы представлять закон «О магистральном трубопроводном транспорте», охватывающий не только нефте- и газопроводы. Его позиция исходит из того, что «...закон более постоя-

нен, не имеет обратной силы и тем самым обеспечивает большую привлекательность для инвестиций (в том числе зарубежных) в регулируемый им сектор экономики» [8].

«Вопросы в сфере экологии и охраны окружающей среды, проведения оценки воздействия на нее, определение основных направлений государственной политики в указанной области, установления уголовной и административной ответственности за совершение экологических преступлений и правонарушений и многие другие подробно регламентируются федеральными законами «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», Лесным, Водным, Земельным, Воздушным, Уголовным кодексами РФ, Кодексом об административных правонарушениях РФ, а также иными нормативными правовыми актами РФ. Несмотря на то, что указанные вопросы достаточно подробно регулируются действующим российским законодательством, его нормы нуждаются в дальнейшей регламентации и совершенствовании. Нужно сочетать различные методы обеспечения охраны окружающей среды. Следует предусматривать экономическое стимулирование внедрения экологически безопасных технологий и адекватную ответственность. В настоящее время законодательством Российской Федерации предусмотрены различные виды ответственности за нарушение природоохранного законодательства. Такая ответственность предусмотрена как Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, так и Уголовным кодексом Российской Федерации. Однако «наказание за совершенное правонарушение и сегодня далеко не всегда адекватно ущербу, наносимому им окружающей среде» – таково мнение Н. В. Комаровой [22]. Возможно изучить зарубежный опыт. Например, в Великобритании и Франции за последние годы были проведены реформы в области пра-

вового регулирования в сфере экологической и промышленной безопасности магистрального трубопроводного транспорта в сторону ужесточения требований и ответственности [23].

Выводы и рекомендации

Требования к охране природы содержатся как в федеральном, так и в региональном специальном законодательстве, технических нормах и правилах. Природоохранное законодательство Российской Федерации включает в себя требования в сфере охраны природы общего характера, требования и меры, направленные на охрану отдельных природных объектов и к некоторым периодам и видам строительной деятельности. Имеющиеся требования и меры на практике представляют декларативные экологические требования и оказываются недостаточными либо неэффективными, что не позволяет использовать всю возможность норм права для обеспечения выполнения заказчиками и подрядчиками природоохранных требований при сооружении магистральных трубопроводов.

Задачи охраны окружающей среды в любом промышленно осваиваемом регионе должны являться неотъемлемой частью полномочий всех государственных и правительственных учреждений. Ведомствам и крупным компаниям необходимо эффективно взаимодействовать с государственными органами власти по вопросам совершенствования нормативной правовой базы в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования. Главным направлением формирования единой природоохранной политики следует считать разработку и реализацию природоохранного законодательства с обеспечением экономических форм управления на всех уровнях и этапах хозяйственного развития. Большая роль в реализации единой природоохранной политики отводится неукоснитель-

ному соблюдению региональных регламентов развития конкретных территориальных комплексов, имеющих в своем составе источники воздействия на природные системы.

Следует гармонизировать существующие нормы права, регулирующие содержание и процесс согласования проектов рекультивации, а именно разработать межотраслевые (с точки зрения отраслей права – земельного и экологического) документы, руководствуясь которыми можно будет избежать конфликта противоречий.

Эффективность природоохранных мероприятий обусловлена также тем, что в строительных затратах стоимость природоохранных мероприятий может составлять примерно 10% от общей суммы. Законодательно следует закрепить необходимость использования достижений науки и техники при строительстве объектов, рекультивации и осуществлении экологического мониторинга.

Со стороны общественных экологических организаций, СМИ и в целом всей общественности должен проявляться интерес к рассматриваемой проблеме. Следует предпринимать серьезную работу по мониторингу актуальной информации по восстановительным мероприятиям на нарушенных территориях и информированию общественности о выполненных работах и проводимых мерах. Для этого должна быть разработана Программа информирования общественности с целью ознакомления населения с работой компаний по восстановлению нарушенных территорий при прокладке трубопроводов.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук: «Исключительные права

в европейской и восточноазиатской правовой традиции в XVII–XIX вв.» (МД-4949.2018.6).

Список литературы

1. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [утв. Президентом РФ от 30.04.2012]. URL: <http://base.garant.ru/70169264/#ixzz5ZCPY8IrR> (дата обращения: 20.12.2018).

2. Барбашова Н. В. Экологическая безопасность: актуальность правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 5(62). С. 117–126.

3. Лавыгина О. Л. Экологические аспекты при строительстве линейных объектов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 5 (10). С. 73–80.

4. Правовая охрана земель от негативного воздействия хозяйственной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. 239 с.

5. Крассов О. И. Совершенствование правового регулирования рекультивации земель // Экологическое право. 2012. № 6. С. 2–8.

6. Кошовская В. С. Правовые проблемы охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию нефтепроводов // Экологическое право. 2014. № 4. С. 12–19.

7. Томаков В. И., Томаков М. В., Семёнова В. С. Экологическая безопасность как правовая категория системы управления охраной окружающей среды промышленных предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 41–50.

8. Василенко А. Б. Законодательное обеспечение трубопроводного транспор-

та углеводородов // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. 2012. № 4 (8). С. 6–9.

9. Тонков Е. Е., Синенко В. С., Турагин В. Ю. Возможности совершенствования правового регулирования экологической безопасности в Российской Федерации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 10 (231), вып. 36. С. 148–154.

10. Боголюбов С. А. Развитие законодательства об экологической безопасности // Проблемы обеспечения экологической безопасности: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Лопатина. М., 2003. С. 37–42.

11. Петрова Т. В. Нормативные документы в области охраны окружающей среды: понятие, проблемы принятия и применения // Экологическое право. 2012. № 5. С. 18–23.

12. Хаустов Д. В. Проблемы правового регулирования экологической экспертизы на современном этапе // Нефть, газ и право. 2012. № 5. С. 29–44.

13. Заславская Н. М. Механизм правового регулирования отношений в сфере экологической политики // Экологическое право. 2016. № 3. С. 19–23.

14. О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 05.03.2007 № 145: [ред. от 22.10.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66669/ (дата обращения: 20.12.2018).

15. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: федер. закон № 7-ФЗ от 10.01.2002: [ред. от 31.12.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018]: URL: http://kodeks.systems.ru/zakon/fz-7_10-01-2002/ (дата обращения: 20.12.2018).

16. Бухгалтер Э. Б., Наполов О. Б. Нормативное обеспечение проведения

рекультивации нарушенных земель при строительстве магистральных газопроводов объектов ОАО «Газпром» // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2007. № 7. С. 2–4.

17. Вегнер-Козлова Е. О., Гуман О. М. Актуальные вопросы законодательства по рекультивации нарушенных земель // Известия вузов. Горный журнал. 2015. №4. С. 61–66.

18. Харьков В. Н. Правовые проблемы охраны земель // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 214–222.

19. Об экологической экспертизе [Электронный ресурс]: федер. закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ [с изм. на 03.08.2018]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014668> (дата обращения: 21.12.2018).

20. Анисимов А. П., Мелихов А. И. Проблемы разграничения совместных предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 46.

21. Тютюник А. С. Правовая охрана земель: понятие и содержание // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 105–115.

22. Комарова Н. В. Развитие природоохранного законодательства как необходимый фактор устранения экологических проблем в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/interview/10310/> (дата обращения: 20.01.2019).

23. Нормативное правовое регулирование экологической и промышленной безопасности трубопроводного транспорта на примере Великобритании и Франции / В. И. Салыгин, С. Г. Радионова, И. А. Гулиев, М. И. Рябова // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. 2018. Т. 8, № 1. С. 102–111.

Поступила в редакцию 24.02.19

UDC 349.6:502.175; 349.414:502.521

O. G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: tgpKSTU@yandex.ru)

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

M. V. Tomakov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

V. V. Andrienko, Undergraduate, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

A. V. Brezhnev, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov (Russia, 117997, Moscow, Strmyanny Lane, 36) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF RECLAMATION OF DISTURBED LANDS IN THE CONSTRUCTION OF TRUNK PIPELINES

The relevance is due to the need to improve environmental legislation and the formation of an adequate legal mechanism in the implementation of the necessary measures for the protection of land in the construction of trunk pipelines due to the increased negative impact.

Purpose. To identify shortcomings in the legislation on the reclamation of disturbed lands in the areas of construction of linear structures and the implementation of the law in the regulatory and technical documents to improve legislation, law enforcement and minimize the negative impact of the construction process on the land.

Objectives. To analyze the current system of sources of legal regulation of relations on land protection; to conduct a comparative legal analysis of the existing norms of land protection and to identify the main legal conflicts of legal regulation of land protection activities in the areas of construction of pipeline transport; to justify and formulate proposals for improving the legal regulation of land protection in the construction of trunk pipelines.

Methodology. The research is based on the methods of formal legal, comparative law and interpretation of law. The material of the study was the works of Russian researchers, legal acts of Federal legislation, as well as the basic regulatory and technical documentation in the field of environmental protection during the construction of trunk pipelines.

Results. The basic legal conflicts of legal regulation of environmental activities are revealed. In particular, the analysis of environmental legislation has found that measures for the reclamation of disturbed and contaminated land should be reflected in a separate document - a land reclamation project, the development and approval of which is mandatory for the construction of pipelines. But in the Law on environmental protection there is no direct requirement about the need to develop and approve the "project of land reclamation". The law on environmental protection operates only with the concept of "contaminated land restoration projects", which do not guarantee the implementation of land reclamation works.

Summary. The existing legal and regulatory documentation used in the development and implementation of projects for reclamation of disturbed land during construction requires improvement and introduction of constructive and objective additions to allow for law enforcement practice, to develop and implement reclamation projects at a qualitatively new level.

Key words: main pipeline; construction of pipelines; environmental protection; land violation; restoration and land reclamation.

For citation: Larina O. G., Tomakov V. I., Tomakov M. V., Andrienko V. V., Brezhnev A. V. Legal problems of implementation of projects of reclamation of disturbed lands in the construction of trunk pipelines. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 40–52 (in Russ.).

Reference

1. *Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ehkologicheskogo razvitiya Rossii na period do 2030 goda*: [utv. Prezidentom RF ot 30.04.2012]. URL: <http://base.garant.ru/70169264/#ixzz5ZCPY8IrR> (accessed 20.12.2018).

2. Barbashova N. V. *Ehkologicheskaya bezopasnost': aktual'nost' pravovogo reguliro-*

vaniya. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 5(62), pp. 117–126.

3. Lavygina O. L. *Ehkologicheskie aspekty pri stroitel'stve linejnyh ob'ektov. Izvestija vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 2014, no. 5 (10), pp. 73–80.

4. *Pravovaya ohrana zemel' ot negativnogo vozdejstviya hozyajstvennoj deya-*

tel'nosti. Diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2016. 239 p.

5. Krassov O. I. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya rekul'tivacii zemel'. *Ehkologicheskoe pravo*, 2012, no. 6, pp. 2–8.

6. Koshovskaya V. S. Pravovye problemy ohrany okruzhayushchej sredy pri razmeshchenii, proektirovanii, stroitel'stve i vvode v ehkspluatatsiyu nefteprovodov. *Ehkologicheskoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 12–19.

7. Tomakov V. I., Tomakov M. V., Semyonova V. S. Ehkologicheskaya bezopasnost' kak pravovaya kategoriya sistemy upravleniya ohranoj okruzhayushchej sredy promyshlennykh predpriyatij. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2017, vol. 7, no. 1 (22), pp. 41–50.

8. Vasilenko A. B. Zakonodatel'noe obespechenie truboprovodnogo transporta uglevodorodov. *Nauka i tekhnologii truboprovodnogo transporta nefi i nefteproduktov*, 2012, no. 4 (8), pp. 6–9.

9. Tonkov E. E., Sinenko V. S., Turanin V. Yu. Vozmozhnosti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya ehkologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2016, no. 10 (231), is. 36, pp. 148–154.

10. Bogolyubov S. A. Razvitie zakonodatel'stva ob ehkologicheskoy bezopasnosti. *Problemy obespecheniya ehkologicheskoy bezopasnosti*; ed. by V. N. Lopatina. Moscow, 2003, pp. 37–42.

11. Petrova T. V. Normativnye dokumenty v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy: ponyatie, problemy prinyatiya i primeneniya. *Ehkologicheskoe pravo*, 2012, no. 5, pp. 18–23.

12. Haustov D. V. Problemy pravovogo regulirovaniya ehkologicheskoy ehkspertizy na sovremennom ehtape. *Neft', gaz i pravo*, 2012, no. 5, pp. 29–44.

13. Zaslavskaya N. M. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere ehkologicheskoy politiki. *Ehkologicheskoe pravo*, 2016, no. 3, pp. 19–23.

14. *O poryadke organizacii i provedeniya gosudarstvennoj ehkspertizy proektnoj dokumentacii i rezul'tatov inzhenernykh izyskanij.*

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 05.03.2007 No 145: [red. ot 22.10.2018]. URL: http://www.consul-tant.ru/document/cons_doc_LAW_66669/ (accessed 20.12.2018).

15. *Ob ohrane okruzhayushchej sredy.* Feder. zakon ot 10.01.2002 No 7-FZ: [red. ot 31.12.2017: s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018]. URL: http://kodeks.systems.ru/zakon/fz-7_10-01-2002/ (accessed 20.12.2018).

16. Buhgalter Eh. B., Napolov O. B. Normativnoe obespechenie provedeniya rekul'tivacii narushennykh zemel' pri stroitel'stve magistral'nykh gazoprovodov ob'ektov OAO "Gazprom". *Zashchita okruzhayushchej sredy v neftegazovom komplekse*, 2007, no. 7, pp. 2–4.

17. Vegner-Kozlova E. O., Guman O. M. Aktual'nye voprosy zakonodatel'stva po rekul'tivacii narushennykh zemel'. *Izvestiya vuzov. Gornyj zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 61–66.

18. Har'kov V. N. Pravovye problemy ohrany zemel'. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2013, no. 2-2, pp. 214–222.

19. *Ob ehkologicheskoy ehkspertize.* Feder. zakon ot 23.11.1995 No 174-FZ: [s izm. na 03.08.2018]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014668> (accessed 20.12.2018).

20. Anisimov A. P., Melihov A. I. Problemy razgranicheniya sovmestnykh predmetov vedeniya Rossijskoj Federacii i ee sub'ektov. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2013, no. 1, pp. 46.

21. Tyutyunik A. S. Pravovaya ohrana zemel': ponyatie i sodержanie. *Yuridicheskaya nauka*, 2016, no. 5, pp. 105–115.

22. Komarova N. V. *Razvitie prirodohrannogo zakonodatel'stva kak neobhodimyj faktor ustraneniya ehkologicheskikh problem v Rossii.* URL: <https://www.garant.ru/inter-view/10310/> (accessed 20.01.2019).

23. Salygin V. I., Radionova S. G., Guliev I. A., Ryabova M. I. Normativnoe pravovoe regulirovanie ehkologicheskoy i promyshlennoj bezopasnosti truboprovodnogo transporta na primere Velikobritanii i Francii. *Nauka i tekhnologii truboprovodnogo transporta nefi i nefteproduktov*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 102–111.

Трудовое право

УДК 349.2

О. В. Мацкевич, канд. юрид. наук, доцент, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (Россия, 124080, Москва, ул. Врубеля, 12) (e-mail: 4448907@mail.ru)

НЕНОРМИРОВАННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ ИЛИ УЗАКОНЕННОЕ РАБСТВО

Актуальность. Несмотря на то, что возможность установления работнику ненормированного режима рабочего времени давно закреплена в трудовом законодательстве, механизм реализации такого способа привлечения работника к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени не совершенен и на практике вызывает многочисленные споры.

Целью статьи является исследование характерных особенностей ненормированного режима, отличающих его от сверхурочной работы, и выявление ряда проблемных аспектов в практике применения, требующих законодательного регулирования.

Задачи. Рассмотреть и проанализировать существующие версии к пониманию электроэнергетики как объекта энергетических правоотношений. В соответствии с первой концепцией электрическую энергию рассматривают как вещь, вторая версия заключается в «обязательно-правовом» подходе к «электроэнергии» как объекту обязательства. Сущность смешанного учения заключается в наделении электроэнергетики качественными признаками объектов вещных и обязательственных прав. Суть автономной версии заключается в понимании электрической энергии как материализованной ценности, имущественного блага, специфического самостоятельного объекта гражданских прав и предмета договора энергоснабжения.

Методология. Для исследования использованы такие методы, как анализ, диалектический, сравнительно-правовой.

Результаты проведенного исследования позволяют разграничить два способа привлечения работника к работе сверх установленной продолжительности, что гарантирует предоставление работникам реализацию их права на соответствующие компенсации.

Вывод. Автор в своем исследовании приходит к выводу о том, что ненормированный режим рабочего времени – это особый режим организации рабочего времени, который Трудовой кодекс применять разрешает, но только для отдельных работников и при выполнении целого ряда условий. Его нужно отличать от сверхурочной работы. Отсутствие адекватного правового регулирования рассматриваемого режима негативно сказывается на практике его применения. Опираясь на полученные выводы, автор данной статьи предлагает перечень ключевых проблем, с которыми сталкивается работник при применении режима ненормированного рабочего дня, обосновывает ряд предложений о внесении дополнений в ТК РФ в части, касающейся регулирования порядка и условий применения ненормированного режима рабочего времени.

Ключевые слова: право на отдых; ненормированный рабочий день; рабочее время; сверхурочная работа; дополнительный отпуск; дежурства; государственная служба.

Ссылка для цитирования: Мацкевич О. В. Ненормированный рабочий день или узаконенное рабство // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 53–59.

Введение

Английский экономист Д. Рикардо смог выдвинуть и обосновать тезис о том, что настоящим богатством любого народа является возможность в более короткое время выдать больше материальных богатств, иными словами, общество будет подлинно богатым в том случае, если станет возможным высвободить время из материального производственного процесса, то время, которое для человека является свободным и заполняется, например, свободной деятельностью че-

ловека, развивает его способности или в течение которого он может просто потреблять продукты [1].

Согласно ч. 5 ст. 37 Конституции РФ, каждому гарантируется право на отдых; работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск. В Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) нашли свое закрепление и гарантии, которые направлены на реализацию тако-

го права, как право на отдых (в том числе порядок установления режима труда). В частности, в ст. 91 ТК РФ регламентируется предельная норма продолжительности рабочего времени для работников всех организаций – сорок часов в неделю. Общим правилом является нормальная продолжительность рабочего времени. Вместе с тем трудовое законодательство все же предусматривает в качестве исключения возможность привлечения работников за пределами установленной продолжительности рабочего времени в двух случаях: для сверхурочной работы (ст. 99 ТК РФ) или на условиях ненормированного рабочего дня (ст. 97 ТК РФ).

Работа в условиях ненормированного рабочего дня получила в настоящее время широкое распространение в сфере наемного труда [2, с. 77]. Произошло это по ряду причин. Во-первых, в связи с тем, что принятое в 1928 г. Постановление НКТ СССР от 13.02.1928 № 106 «О работниках с ненормированным рабочим днем», содержащее перечень категорий работников, к которым этот режим мог применяться, признано утратившим силу, это дало работодателю право самостоятельно решать, каким категориям работников устанавливать такой режим.

В настоящее время в соответствии со ст. 101 ТК РФ перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем устанавливается коллективным договором, соглашениями или локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения представительного органа работников [3, с. 18]. Во-вторых, достаточно лишь распоряжения работодателя для привлечения, при наличии которого дополнительного согласия работника не требуется. Действующее трудовое законодательство РФ не регламентирует вопрос относительно формы такого распоряжения, а именно письменно или устно оно должно быть дано. Это для работодателя тоже весьма удобно, т. к. в отличие, например, от сверхурочной работы, где требуется обязательно приказ по каждому случаю, при ненормированном режи-

ме труда достаточно наличия такого условия в трудовом договоре. В-третьих, отсутствие в трудовом законодательстве нормативно закрепленных критериев понятия «эпизодичности» делает данное понятие оценочным и позволяет злоупотреблять рабочим временем работника.

Таким образом, привлекательность такого режима для работодателей привело к тому, что анализируемый способ определения рабочего времени стал рассматриваться как часть «корпоративной культуры». Уйти домой в шесть часов вечера считается дурным тоном.

Согласно ст. 101 ТК РФ ненормированный рабочий день – особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени. В связи с тем, что действующее законодательство не оговаривает границы допустимого преувеличения нагрузки, Федеральная служба по труду и занятости дает свои разъяснения по этому вопросу [4, с. 63]. Так, по их мнению, сам факт привлечения работников к работе за границами предельно установленной для них продолжительности рабочего времени ни в коем случае не должен носить систематического характера, а может быть допустимым время от времени, т. е. эпизодически и в каких-то оговоренных случаях.

В противном случае постоянный характер выполнения ежедневной работы за пределами нормальной продолжительности рабочего времени приводит к нарушению принципа обеспечения права каждого работника на отдых, включая ограничение рабочего времени (ст. 2 ТК РФ). В случае злоупотребления работодателем права при привлечении работника чрезвычайно часто к выполнению работ за границами установленной нормы его действия могут быть оспорены в суде, который сам факт переработки при ненормированном рабочем дне может при-

знать прикрытием сверхурочной работы, требующей дополнительной оплаты [5, с. 27].

Следовательно, привлекать к работе работника, которому установлен ненормированный рабочий день, можно либо до начала рабочего дня, либо после его окончания. Работа в таком режиме не предполагает безграничное использование работников в любой момент, когда это необходимо работодателю, т. е. ненормированное рабочее время не подразумевает работу в выходной или нерабочий праздничный день.

Так, Федеральная служба по труду и занятости в письме от 18.02.2014 № ПГ/1204-6-1 разъяснила, что само введение ненормированного рабочего дня для работников не означает, что на них не распространяются правила, определяющие время начала и окончания работы, порядок учета рабочего времени и т.д. [6] Эти работники на общих основаниях освобождаются от работы в дни еженедельного отдыха и праздничные дни.

Таким образом, привлечение работников, которым установлен ненормированный рабочий день, к работе в их выходные и нерабочие праздничные дни должно осуществляться с применением положений ст. 113 и 153 ТК РФ. В данном случае речь идет о необходимости оформить согласие работника (письменно); произвести учет мнения выборного органа первичной профсоюзной организации; уведомить работника о праве отказаться от работы в выходной день (для инвалидов, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет) и ознакомить с ним работников под подпись; подготовить приказ о привлечении к работе в выходной день. Кроме этого, до издания приказа придется убедиться в отсутствии у сотрудников медицинских противопоказаний для такой работы. Наконец, работа в выходной день должна быть оплачена по правилам ст. 153 ТК РФ.

Для работников с ненормированным рабочим днем время, отработанное за пределами нормальной продолжительности

рабочего дня, не считается сверхурочной работой, поэтому гарантии, предусмотренные законодателем для работников, работающих сверхурочно, на них не распространяются. В качестве компенсации за повышенную нагрузку и привлечение к работе во внеурочное время предоставляется дополнительный отпуск.

По правилам ст. 119 ТК РФ работникам с ненормированным рабочим днем предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого определяется коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка и который не может быть менее трех календарных дней. Порядок и условия предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска работникам с ненормированным рабочим днем в организациях, финансируемых из федерального бюджета, устанавливаются Правительством Российской Федерации, в организациях, финансируемых из бюджета субъекта Российской Федерации, а в организациях, финансируемых из местного бюджета, – органами местного самоуправления. Причем такой отпуск предоставляется независимо от того, сколько раз работник фактически привлекался в течение года к работе сверх установленной продолжительности или вообще не привлекался. Таким образом, для рассмотрения вопроса о предоставлении отпуска достаточно наличия условия в локальном нормативном акте и в трудовом договоре о ненормированном рабочем дне. По общему правилу (ст. 119 ТК РФ) компенсация за ненормированный режим работы составляет не менее 3 к.д.

По факту привлечения работников к работе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени возникает немало споров. На примере одной достаточно типичной ситуации [7] проанализируем ряд характерных ошибок, которые допускает работодатель, применяющий такой режим, а также выявим

необходимые признаки ненормированного режима работы, которые принимает во внимание суд.

Так, истец на протяжении нескольких лет осуществлял службу в качестве следователя СУ СК России по Смоленской области. В соответствии с положениями ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. №403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» служба в Следственном комитете является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники Следственного комитета в соответствии с настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Сотрудники Следственного комитета являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по замещаемой должности федеральной государственной службы с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

На сотрудников Следственного комитета (кроме военнослужащих) распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными настоящим Федеральным законом. В трудовом договоре истца была установлена нормальная продолжительность рабочего времени, а условие о ненормированном рабочем дне отсутствовало. Однако периодически он выполнял свою трудовую функцию в период суточных дежурств, в том числе в выходные и нерабочие праздничные дни (например, выезд на места происшествий, осуществление процессуальных действий и др.).

Стоит отметить, что в отношении порядка привлечения сотрудников к дежурствам применяются правила, установленные (в части, не противоречащей Трудовому кодексу РФ) Постановлением Секретариата ВЦСПС от 02.04.1954 № 233 «О дежурствах на предприятиях и в учреждениях» [8]. Так, к дежурствам работники допускаются не чаще 1 раза в месяц. За дежурства в выходные и празд-

ничные дни предоставляется отгул в течение ближайших 10 дней той же продолжительности, что и дежурство. В случае привлечения к дежурству после окончания рабочего дня явка на работу для работников как с нормированным, так и с ненормированным рабочим днем переносится в день дежурства на более позднее время.

Работодатель полагал, что привлечение сотрудника к выполнению работы за пределами нормальной продолжительности рабочего времени путем установления ему ненормированного рабочего дня является правом работодателя. В силу специфики труда следственного работника работа носит не эпизодический, а систематический характер, поэтому оснований для установления работнику режима ненормированного рабочего времени нет, т. к. за ее выполнение истцу выплачивались доплаты к должностному окладу за особые условия службы, а также за сложность и напряженность [9, с. 68]. За выезды в дни дежурства в выходные и нерабочие праздничные дни на места происшествий истцу представлялись отгулы.

Истец обратился с заявлением, в котором поставил вопрос о предоставлении ему ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью 12 к. д., сославшись на фактическое осуществление работы в режиме ненормированного рабочего времени.

В силу положений ст. 99 ТК РФ и п. 5.4 Правил внутреннего трудового распорядка Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, утв. приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 30.09.2011 №138, возможно лишь в двух случаях: для сверхурочной работы либо если работник работает на условиях ненормированного рабочего дня. В ходе судебного разбирательства был выявлен ряд обстоятельств, указывающих на то, что имело место фактическое осуществление трудовой деятельности именно в режиме ненормированного рабочего времени, а не сверхурочная работа, в связи с чем у истца есть

право на компенсацию дополнительных оплачиваемых отпусков [10, с. 16]. В частности, суд обратил внимание на следующее:

1. Согласно ст. 99 ТК РФ привлечение работодателем работника к сверхурочной работе по общему правилу допускается с его письменного согласия в строго установленных трудовым законодательством случаях. Вместе с тем осуществление истцом своей трудовой функции за пределами нормальной продолжительности рабочего времени производилось без получения от него соответствующего письменного согласия и не было обусловлено обстоятельствами, перечисленными в ст. 99 ТК РФ.

2. Учет продолжительности отработанного истцом свыше 40 часов в неделю рабочего времени ответчиком не велся, в связи с чем соблюдение работодателем установленных ч. 6 ст. 99 ТК РФ ограничений продолжительности выполнения служебных обязанностей во время осуществления дежурства за пределами нормальной продолжительности рабочего времени было невозможным [11, с. 7].

3. Нашли подтверждение обстоятельства непосредственного осуществления истцом служебной деятельности во время дежурств (привлечение в отсутствие письменного согласия к дежурствам по распоряжению работодателя, подтверждением чего служат утверждаемые графики дежурств).

4. Наличие занимаемых истцом должностей следователя и старшего следователя, в отношении которых возможно установление ненормированного рабочего дня в перечне должностей, предусмотренных п. 5.8 Правил внутреннего трудового распорядка Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, утв. приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 30.09.2011 №138.

Учитывая вышеизложенное, суд пришел к выводу о том, что выполнение истцом своей трудовой функции за пределами ежедневных начала и окончания

работы в силу закона не может быть отнесено к сверхурочной работе.

Выводы и рекомендации

Таким образом, ненормированный режим рабочего времени – это особый режим организации рабочего времени, который Трудовой кодекс применять разрешает, но только для отдельных работников и при выполнении целого ряда условий. Его нужно отличать от сверхурочной работы. Отсутствие адекватного правового регулирования рассматриваемого режима негативно сказывается на практике его применения. В частности, речь идет, например, о таких проблемных аспектах, как:

– отсутствие в трудовом законодательстве нормативно закрепленных критериев понятия «эпизодичности» (что делает данное понятие оценочным, приводит к отсутствию четких границ допустимого преувеличения нагрузки);

– отсутствие в договоре у работника, фактически осуществляющего работу в режиме ненормированного рабочего времени, такого условия;

– реализация права на дополнительный отпуск в связи с работой в таком режиме;

– отсутствие обязанности учета времени, фактически переработанного, работников;

– привлечение к работе в выходные дни работников с ненормированным режимом рабочего времени без дополнительной компенсации;

– привлечение к работе в режиме ненормированного режима лиц, работающих неполное рабочее время;

– все более широкое введение ненормированного рабочего дня, не обусловленное никакой реальной необходимостью.

Определенные действия уже принимаются законодателем, для того чтобы обеспечить работникам реализацию права на отдых и ограничение рабочего времени. В частности, новая редакция ст. 101 ТК содержит важное правило,

в соответствии с которым ненормированный рабочий день можно установить работнику, например работающему на условиях неполного рабочего времени, если при этом ему установлена неполная рабочая неделя, но с полным рабочим днем.

Своевременным следует признать внесение в Госдуму законопроекта, согласно которому время, фактически отработанное работником с ненормированным рабочим днем за пределами установленной для него продолжительности рабочего дня или смены, не должно превышать 120 часов в год. При этом оговаривается, что по достижении указанного предельного числа часов привлечение данного работника к работе за пределами установленной для него продолжительности рабочего времени может осуществляться только по правилам привлечения к сверхурочной работе с соответствующей ее компенсацией [12, с. 139].

Таким образом, за работодателем закрепляется обязанность обеспечения точного учета времени, т. е. фактически отработанного каждым работником с ненормированным рабочим днем. Отчасти указанный законопроект решит проблемы, с которыми сейчас сталкивается работник, в трудовом договоре которого есть условие о ненормированном рабочем дне. Возможно также установить предельно допустимые нагрузки по аналогии с работой посменно. В связи тем, что работа в две смены запрещена, предельно допустимая продолжительность ежедневной работы не может превышать 12 часов в сутки. Подобные меры могли бы сгладить отмеченные в статье негативные аспекты при работе в режиме ненормированного рабочего дня.

Список литературы

1. Рикардо Д. Сочинения. Т. 1: Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Госполитиздат, 1955. 339 с.
2. Гейц И. В. Нормирование труда и регламентация рабочего времени. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2007. 352 с.

3. Чижов Б. А. Работаем и отдыхаем по правилам // Экономико-правовой бюллетень. 2011. № 10. С. 6–159.

4. Редикульцева Е. Н. Правовое регулирование нормирования труда: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 202 с.

5. Лютов Н. Рабочее время и время отдыха // Вопросы трудового права. 2014. № 1. С. 27–35.

6. О ненормированном рабочем дне [Электронный ресурс]: письмо Федеральной службы по труду и занятости от 18.02.2014 № ПГ/1204-6-1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70513480/> (дата обращения: 20.01.2019).

7. Апелляционное определение № 33-1967/2013 от 28 мая 2013 г. по делу № 33-1967/2013 [Электронный ресурс] // Смоленский областной суд. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-smolenskii-oblastnoi-sud-smolenskaia-oblast/> (дата обращения: 21.01.2019).

8. О дежурствах на предприятиях и в учреждениях [Электронный ресурс]: постановление Секретариата ВЦСПС от 02.04.1954 N 233. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87184/ (дата обращения: 20.01.2019).

9. Аленина И. В. Рабочее время и время отдыха как взаимообусловленные категории // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (10). С. 112–119.

10. Петров А. Я. Особенности правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников и система российского трудового права // Трудовое право. 2013. № 10. С. 16–32.

11. Рычагова О. Е. Рабочее время и время отдыха. Омск: ОмГУ, 2012. 37 с.

12. Медведев С. М., Числов А. И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. 2016. № 11. С. 139–153.

Поступила в редакцию 08.02.19

UDC 349.2

O. V. Matskevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Russia, 125080, Moscow, Vrubel str., 12) (e-mail: 4448907@mail.ru)

IRREGULAR WORKING HOURS OR THE LEGALIZED SLAVERY

Relevance. In spite of the fact that the possibility of establishment to the worker of the unrationed mode of working hours is enshrined in the labor law long ago, the mechanism of implementation of such way of involvement of the worker to work outside the set duration of working hours is not perfect and in practice causes a numerous controversy.

The purpose of article is the research of the characteristics of the unrationed mode distinguishing it from overtime work and identification a number of the problem aspects in practice of application demanding legislative regulation.

Tasks. Consider and analyze the existing versions to understanding of the electric power as object of power legal relationship. According to the first concept electrical energy is considered as a thing, the second version consists in "obligations and legal" approach to "electric power" as to subject of the obligation. The entity of the mixed doctrine consists in investment of the electric power with qualitative characters of objects of real and liability laws. The essence of the autonomous version consists in understanding of electrical energy as the materialized value, the property benefit, a specific independent object of the civil rights and subject of the contract of power supply.

For a research are used such **methods** as the analysis, dialectic, comparative and legal.

Results of the conducted research allow to differentiate two ways of involvement of the worker to work over the set duration that guarantees providing to jobs implementation of their right for the corresponding compensations.

Output. The author in the research comes to a conclusion that the unrationed mode of working hours is a specific mode of the organization of working hours which the Labor code allows to apply, but only to certain workers and at execution of a number of conditions. It needs to be distinguished from overtime work. The lack of adequate legal regulation of the considered mode negatively affects practice of its application. Leaning on the received outputs, the author of this article offers the list of key problems which the worker at application of the mode of irregular working hours faces, proves a number of sentences about entering of additions into the Labor Code of the Russian Federation regarding concerning regulation of an order and the conditions of application of the unrationed mode of working hours.

Key word: right to rest; irregular working hours; working hours; overtime work; additional issue; watches; public service.

For citation: Matskevich O. V. Irregular working hours or the legalized slavery. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 53–59 (in Russ.).

References

1. Rikardo D. *Sochineniya. Vol. 1: Nachala politicheskoy ehkonomii i nalogovogo oblozheniya*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 339 p.

2. Gejc I. V. *Normirovanie truda i reglamentaciya rabocheho vremeni*. Moscow, Delo i Servis Publ., 2007. 352 p.

3. Chizhov B. A. Rabotaem i otdyhaem po pravilam. *Ehkonomiko-pravovoj byulleten'*, 2011, no. 10, pp. 6–159.

4. Redikul'ceva E. N. *Pravovoe regulirovanie normirovaniya truda*. Diss. kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 202 p.

5. Lyutov N. Rabochee vremya i vremya otdyha. *Voprosy trudovogo prava*, 2014, no. 1, pp. 27–35.

6. *O nenormirovannom rabochem dne*. Pis'mo Federal'noj sluzhby po trudu i zanyatosti ot 18.02.2014 No PG/1204-6-1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70513480/> (accessed 20.01.2019).

7. Apellyacionnoe opredelenie No 33-1967/2013 ot 28 maya 2013 g. po delu

No 33-1967/2013. Smolenskij oblastnoj sud. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshe-nya-smolenskii-oblastnoi-sud-smolenskaia-oblast/> (accessed 21.01.2019).

8. *O dezhurstvah na predpriyatiyah i v uchrezhdeniyah*. Postanovlenie Sekretariata VCSPPS ot 02.04.1954 No 233. URL: http://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_87184/ (accessed 20.01.2019).

9. Alenina I. V. Rabochee vremya i vremya otdyha kak vzaimoobuslovlennye kategorii. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, no. 1 (10), pp. 112–119.

10. Petrov A. Ya. Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij otdel'nyh kategorij rabotnikov i sistema Rossijskogo trudovogo prava. *Trudovoe pravo*, 2013, no. 10, pp. 16–32.

11. Rychagova O. E. *Rabochee vremya i vremya otdyha*. Omsk, OmGU Publ., 2012. 37 p.

12. Medvedev S. M., Chislov A. I. Prava, svobody i zakonnye interesy grazhdan: formy i sredstva ohrany. *Pravovoe pole sovremennoj ehkonomiki*, 2016, no. 11, pp. 139–153.

УДК 343.3/7

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94)
(e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, СТИМУЛИРУЮЩИХ СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАН С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Актуальность** охватываемых статьей проблем заключается в обосновании объективно существующих, наряду с традиционным способом правового регулирования, характерными для норм поощряющего, обязывающего и уполномочивающего характера, уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан с правоохранительными органами, которые отражают присущий российскому праву специальный класс социального воздействия на правосознание и волю граждан с целью изменения их поведения в сторону позитивной направленности.*

***Цель статьи** – обосновать и доказать, что уголовно-правовое поощрение представляет собой один из многих структурных элементов достаточно сложного по своей архитектуре государственно-правового механизма и метода стимулирования.*

***Задачи** в соответствии с поставленной целью состоят в том, чтобы подтвердить гипотезу, из которой вытекает, что уголовно-правовое стимулирование есть не что иное, как диалектическая составная часть реализации уголовной ответственности, взятая в ее ретроспективе, т. е. в качестве одного из видов государственного принуждения, специфического для обязывающих уголовно-правовых норм.*

***Методология**, на основе которой проводились исследования в рамках настоящей статьи, состоит из основных диалектических методов научного познания и формальной логики, а также анализа и обобщения научных и нормативных материалов, интерпретации правовых идей, комплексного, конкретно-исторического, социологического и других общих и частных методов.*

***Результатами** статьи служит подтверждение выдвинутых гипотез путем теоретического анализа уголовно-правовых регуляторов стимулирования правопослушного поведения, как до совершения преступления, так и в ходе его совершения, а также решение поставленных ориентиров и задач, в которых отмечается, что стимулирующий правовой порядок устанавливается путем поощрительных конструкций и обязательностью исполнения существующих в современном уголовном законе институтов ответственности и наказания за ненадлежащие действия, нарушающие общепринятые установления о государственном порядке.*

***Выводы.** Автором статьи делается вывод, содержащий умозаключение в том, что стимулирующие уголовно-правовые предписания демонстрируют совпадение нескольких формализованных антиподов – поощрение, уполномочивание и обязывание – только в тех случаях, когда необходимо добиться нужного для правоприменителя поведения физического лица в целях противостояния преступности.*

***Ключевые слова:** стимулирующие нормы; поощрение; уполномочивание; обязывание; борьба с преступностью; уголовная политика.*

Ссылка для цитирования: Новичков В. Е. Понятие и система уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан с правоохранительными органами Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 60–68.

Противоречивые политические, социально-экономические и иные процессы, происходящие в современном мире в период глобального кредитно-финансового и экономического кризиса, в сочетании с санкционной политикой ряда зарубежных государств в отношении России

отрицательно сказываются не только на развитии основных сфер жизнедеятельности, но и на качественной структуре современной преступности в стране. Так в 2018 г. удельный вес наиболее тяжких преступлений, по сравнению с 2017 г., вырос с 22,0% до 22,6%. При совершении

общественно опасных деяний оружие использовалось в совершении 5,5 тыс. преступлений (+9,9%). Объединенными для совершения наиболее опасных преступлений сообществами совершено 14,8 тыс. особо злостных деяний, а их рост лишь за один прошлый год составил 20,4% [1]. Одновременно интересы государственности Российской Федерации обязывают укреплять законность в сфере борьбы с преступностью, расширять и углублять демократические и гуманитарные начала уголовной политики и уголовного права. В этой связи должна совершенствоваться практика применения уголовно-правовых норм мотивирующего характера – нормативного поощрения, стимулирования мотивационной сферы делинквента в сторону правопослушания, а во всех других случаях активного применения обязываний, закрепленных в уголовном праве с целью обеспечения сотрудничества лиц, втянутых в орбиту правоотношений с правоохранительными органам в целях предупреждения преступлений и реализации уголовной ответственности.

На своеобразии уголовных норм поощряющего характера не раз обращалось внимание ученых-правоведов [2, с. 80; 3; 4; 5; 6]. Однако существование стимулирующих правовых нормативов как особой группы не является общепризнанным и содержит порой неоднозначную оценку, что, в свою очередь, заслуживает изучения данной проблемы, сопряженной с активизацией социально-правового мышления.

Стимулирование современного правового порядка в обществе устанавливается путем поощрительных конструктов и обязательностью исполнения существующих в уголовном законе механизмов ответственности и наказания за ненадлежащие действия, нарушающие общепринятые установления в государственном укладе жизнеобеспечения.

Стимулирующие уголовно-правовые предписания демонстрируют совпадение нескольких формализованных антиподов – поощрение, управомочивание и обязывание. Однако уточним, что такое тождество уголовно-правовых институтов наблюдается лишь в тех случаях, когда необходимо добиться нужного для правоприменителя поведения физического лица в целях противостояния преступности.

В том случае, когда обязывание выступает отрицательным моментом стимулирования, поощряющий аспект стимулирования всегда считается его положительным эквивалентом.

Охваченные единой целью и на основании особенностей свойственного метода правового регулирования, содержания и социального назначения и целей борьбы с преступностью вышеуказанные нормы, в свою очередь, образуют новый вид правовых норм – стимулирующих сотрудничество граждан с государством в сфере правопорядка [7].

Систематизирующими основаниями уголовно-правовых правил стимулирования сотрудничества граждан с силовыми структурами, противодействующими криминалу, является регулирование позитивной ответственности поведения людей в сфере борьбы с преступностью. Перечисленные основания уголовного правового регулирования мотивируют нужное направление поступков людей и отражают общие задачи российского уголовного закона – охрана всех отношений, существующих в государстве, от преступных деяний и частные его задачи – превенция преступлений. Частные задачи уголовного права выражены специальным классом социального воздействия на правосознание и волю граждан с целью изменения их поведения в сторону позитивной направленности, а в целом – стимулировать общество, социальные группы и ин-

дивидов, оказывать помощь силовым ведомствам и их отдельным структурам в упреждении совершения общественно опасных деликтов и их раскрытии. С помощью указанных норм повышается эффективность правового воздействия на процессы в сфере борьбы с преступностью, чем и определяется практическая полезность и методологическая значимость уголовно-правового мотивирования и стимулирования.

Однако обеспечивая одни и тех же задач и противодействия криминальному поведению и последствиям такого поведения, эти группы норм существенно различаются между собой как по субъектам, чьи интересы гарантируются данными нормами, так и по социальной, психологической и иной природе. Прежде всего, рассматриваемые уголовно-правовые предписания обеспечивают мотивационное профилактическое либо купирующее воздействие на непосредственного инициатора юридического факта – правонарушителя, а также всех тех участников уголовных отношений, которые вовлечены в круг уголовной процедуры: лояльных к закону граждан. С начального момента и до формализации юридического факта (преступления) в сферу правовых связей вовлекаются должностные лица правоохранительных органов, определяющие: а) наличие или отсутствие в поведении вышеназванных субъектов стимулирующего компонента с целью придания такому компоненту соответствующего юридического содержания; б) дальнейшую социально-правовую оценку фактов соблюдения и использования заинтересованными лицами стимулирующих установлений; в) различные мероприятия, а также необходимость задействования тех или иных механизмов, побуждающих граждан выполнять предписания этих норм.

Теория на основе уголовного закона выделяет следующие группы уголовно-правовых стимулирующих норм в зависимости от метода их воздействия на граждан:

1. Поощрение – нормы, обещающие личный имущественный, финансовый или иной интерес, преимущество, уступки, поощрения или прочие преференции в случае, если субъекты правовых отношений способствуют органам правоприменения в выполнении задач борьбы с преступлениями. Подобные уголовно-правовые установления именуется поощрительными и заключаются в мотивировании правонарушителя по собственной воле прекратить противоправные действия на начальной стадии общественно опасного деяния (к примеру, такой направленностью обладает ст. 31 УК РФ).

2. Институты уголовного материального и процедурного законов, поощряющие: откровенность виновного в изложении деталей содеянного, сожаление по поводу своего недобросовестного поведения, покаяние и всех тех поступков, которые способствуют установлению обстоятельств фактических противоправных действий виновного, а также той линии поведения, которая предусматривает специальные меры позитивного судебного реагирования, при формализации договора между сторонами правоотношений. К подобным институтам относятся, к примеру, пункты «и», «к» ст. 61 УК РФ, ст. 142, 317.1–317.9 уголовно-процессуального закона и некоторые примечания к статьям Особенной части уголовного закона, в которых перечислены особые условия избавления виновного от уголовной репрессии [8; 9] (например, примечания к ст. 126, 127.1, 205.5, 208, 291 (частично) УК РФ и др.).

3. Уголовно-правовые институты диспозитивного характера, выражающие-

ся в уполномочивании субъектов в рамках уголовного закона воспользоваться своими правами, данными им генетической природой, оборонять жизнь, здоровье, имущественные и неимущественные ценности, а также иные собственные блага и достоинства иных лиц. Стимулирующий эффект заключается в том, что государство в лице законодателя наделяет граждан правовой основой на реализацию уже генетически заложенных в них механизмов самозащиты, при этом распространяя такую оборонительную особенность на окружающих субъектов и предметы. Например, это ситуации, когда уголовный закон и правоприменитель не допускают репрессии в отношении лиц, оказавшихся в условиях правомерной обороны, которая была необходима для спасения себя или кого-либо (ст. 37 УК), либо это ситуация крайней исключительности, когда для спасения кого-либо и чего-либо приходится жертвовать чем-либо, кроме человеческой жизни (ст. 39 УК).

Рассмотренная выше группа стимулирующих уголовно-правовых установлений направлена на реализацию своих субъективных прав граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан, подданных монархий и апатридов, независимо от уровня сознания, наличия нравственного и правового воспитания, а также иных «сверхнормативных» достоинств. Закономерно и то, что стимулирующие нормы уголовного права в основном предназначены для лиц с пониженным уровнем самосознания и соответствующим этому правосознанию поведением.

4. Обязывающие – нормы, возлагающие обязанности оказания помощи правоохранительным органам, угрожая санкцией за невыполнение этих обязанностей. К их числу относятся нормы, направленные на наказание лиц, препят-

ствующих решению задач судопроизводства. Эти нормы применимы к такому поведению физических лиц, когда ими умышленно создаются ситуации, отвлекающие субъектов правоприменения от эффективного выполнения непосредственных обязанностей, тормозящие процессы осуществления правосудия, установления истины и др. К таким нормам законодатель относит сообщения, указания, выводы о несуществующих преступлениях или такого же рода мнимые рассуждения, показания или заключения, касающиеся конкретного факта в расследовании дела (ст. 306, 307, 308 УК) и др.

Можно с уверенностью заключить, что в современном российском законодательстве, в его уголовно-правовой отрасли наличествует система специфических стимуляций личностных поведенческих характеристик, отдельно применяемых к различным психотипам с целью изменения их поведения в сторону правопослушания.

Если в результате стимулирующего воздействия на мотивационную сферу субъекта достигаются цели и задачи, установленные в уголовном законе – предупреждение и пресечение преступлений, а также реализация уголовной ответственности, то такой субъект поощряется в виде применения соответствующих норм, устраняющих репрессию, либо поощрение происходит за счет мер позитивного судебного реагирования [10].

Уголовная политика, право и криминология обладают обширными научными и практическими знаниями в сфере уголовно-правового стимулирования содействия гражданами органам правоохраны в процессе воплощения ими общих и частных задач борьбы с преступностью.

Предупредительные возможности рассматриваемых установлений выражаются в мотивировании такого поощряе-

мого вида поведения, при котором субъекты на начальном этапе противоправных действий по собственной воле и желанию отказываются доводить их до намеченного преступного итога и, согласно установленным основным правилам, например ст. 31 УК, они освобождаются от репрессии со стороны закона и должностных лиц, применяющих этот закон. При этом отказавшееся от достижения намеченных целей лицо полностью осознавало наличие у него возможностей довести неправомерные действия до желаемого эффекта. Уголовная ответственность такого лица может наступить лишь при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих, что им нарушена или нарушается другая норма уголовного закона (например, правонарушитель изготовил вредную компьютерную программу, взломал пароли доступа клиентов банка, но похищать их сбережений не захотел). Чем руководствовался при этом правонарушитель, правового значения не имеет.

Поощрительных норм общего значения в уголовном законе, которыми руководствуется правоприменитель в отношении искомых лиц, более десяти и все они выступают в качестве поощряющих поведение, способствующее правонарушителю достойно выйти из ситуации негативного свойства. Это могут быть поощрения за добровольный отказ лица от доведения криминального деяния до желаемого результата (ст. 31 УК), различные виды социальной помощи потерпевшим от ранее совершенных преступных действий (п. «к» ст. 61 УК), согласие пострадавшей стороны на эквивалентную компенсацию понесенного вреда (ст. 76 УК) и др.

В качестве поощрительных выступают установления, указывающие на личностные характеристики виновного, в частности несло ли в прошлом это лицо наказание, за которое полная реализация

уголовной ответственности ещё не наступила, если нет, то такое виновное лицо, при наличии дополнительных условий, может быть освобождено от репрессии, например, по ст. 199.1, 199.3, 199.4 УК.

Применение уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан в деле предупреждения преступлений, заключается в воспитательном и ином воздействии на неустойчивых граждан, правонарушителей и иных лиц и не связано с применением уголовной ответственности (исключение составляет побуждение к деятельному раскаянию правонарушителей, если оно по закону является лишь смягчающим обстоятельством) [11, с. 111–114].

Если уголовно-правовое воздействие на правонарушителей и иных граждан, осуществляемое с помощью указанных стимулирующих норм, направлено на предупреждение правонарушений, то в отношении соучастников или субъектов основного преступления (например, взяткополучателя, изготовителя наркотических средств и др.) эти нормы используются в целях пресечения того или иного конкретного преступления. Не исключено, что одна и та же уголовно-правовая норма стимулирующего характера может быть применена правоохранительными органами как в процессе предупреждения преступлений, так и в процессе других направлений уголовно-правовой борьбы с преступностью.

Вторым направлением стимулирующего воздействия на субъектов правовых отношений будут являться те нормы уголовного права, которые ориентированы на прекращение уже начатых неправомерных действий делинквента, причем на любой стадии реализации им преступных намерений. Уголовно-правовыми стимуляторами в данном случае выступают те управомочивания, которые моти-

вируют граждан реализовать свою генетическую предрасположенность к защите разнообразных личных и общественных интересов от незаконных притязаний сторонних лиц. Защитная реакция гражданина на подобные угрозы регулируется общими установлениями уголовного закона и не считается вредным по форме выражения и по характеру наступивших последствий, даже если последствия считаются тяжкими. Единственным условием подобного оборонительного поведения законодатель считает соразмерность противодействия преступному воздействию (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

К сожалению, опросы граждан и изученные нами регистрационные документы органов внутренних дел показывают, что людьми нечасто реализуются данные от природы ценности и генетические свойства, заложенные в людях и уполномочивающие их защищать, а также оборонять себя и других лиц, в ситуациях критической необходимости и неизбежности. Наши исследования, проводившиеся на протяжении пяти лет, по применению гражданами России травматического оружия, приобретенного ими в целях самообороны, показали, что ежегодно эти оборонительные средства реально применяются чуть более 200 раз, а неправомерные нападения, пресекаемые другими, не относящимися к травматическому, огнестрельному или холодному оружию, применяются россиянами менее 30 раз в год.

Стимулирующие установления, направленные на пресечение преступлений, как правило, не сочетаются с теми положениями уголовного закона, которые имеют своей целью предупредительные и превентивные реакции правоохранителей в отношении виновных и иных лиц, в силу того что первые установления предполагают инициативный выбор гражданами варианта поведения, приводящего к по-

зитивному развитию возникших недоброкачественных событий, вторая же группа установлений требует от граждан позитивных действий до начала негативных событий либо после их окончания. Кроме того, правоохранительные органы могут применять обязывающие нормы (в реализации уголовной ответственности правонарушителей) в случаях, когда субъекты уголовно-правовых отношений сообщают о более тяжких и особо тяжких преступлениях, перечень которых дан в ч. 4, 5 ст. 15 УК РФ, их последующей регистрации органами государственной власти и принятии соответствующих законных мер (предупреждение и пресечение готовящихся преступлений, а также раскрытие и расследование уже совершенных преступлений) [12].

В процессе реализации уголовной ответственности органы внутренних дел используют следующие стимулирующие нормы уголовного права: а) поощрительные – чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления, относящиеся к обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность и наказание. Правоохранительные органы для этих целей используют также нормы УК о предотвращении виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда либо иное выполнение поощряемых действий; б) обязывающие – это все те нормы, о которых говорилось выше – заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК), заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в

случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (308 УК) и др.

В рассматриваемом случае применение стимулирующих уголовно-правовых норм, обязывающих граждан оказывать помощь в деле реализации уголовной ответственности, – это деятельность правоохранительных органов, обеспечивающих выявление преступлений, правонарушителей и применение к ним карательного воздействия – осуждения и наказания с целью охраны господствующих общественных отношений. Это направление конкретизируется в целях социальной интеграции (восстановления справедливости, попорченной преступлением – ст. 6 УК), а также в указанных законом (ст. 2 УК РФ) целях специального и общего предупреждения преступлений и исправления осужденного. Реализация уголовной ответственности устраняет конфликт между обществом, государством и правонарушителем, тем самым приспособливает его к жизни как равноправного члена общества.

Приведенная выше группировка уголовно-правовых стимулирующих норм по направлениям их использования в деле борьбы с преступностью дает представление о том, какие виды норм могут влиять на поведение субъектов, побуждая последних оказывать помощь правоохранительным органам в решении уголовно-правовых и уголовно-политических задач в сфере борьбе с преступностью [9].

В эту группировку стимулирующих норм уголовного права не вошли нормы, оказывающие стимулирующее воздействие опосредованно. Это так называемые обеспечительные уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность:

а) за общественно опасное противодействие гражданам оказывать помощь

государству в деле борьбы с преступностью;

б) за общественно опасное злоупотребление гражданами правами и льготами, предоставляемыми гражданам в связи с оказанием помощи государству в деле борьбы с преступностью.

Вывод. В заключение отметим, что применение указанных уголовно-правовых норм, как и сами нормы, следует отнести к элементам механизма стимулирования граждан оказывать помощь современному российскому государству. Эти нормы лишь содействуют процессу стимулирования, непосредственным стимулированием воздействием они не обладают. Такой подход к указанным обеспечивающим факторам, правильный сам по себе, позволяет повышать эффективность применения самих стимулирующих уголовно-правовых предписаний.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 19.02.2019).
2. Явич Л. С., Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
3. Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1984. 108 с.
4. Рубанова С. Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 173 с.
5. Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 192 с.

6. Сомова Ю. В. Примечания в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 223 с.

7. Гришанин П. Ф., Новичков В. Е. Применение уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан с органами внутренних дел в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с экономической преступностью: тр. Академии. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1992. С. 97–102.

8. Панько К. К. Примечание как нетипичное средство уголовного нормотворчества // Мировой судья. 2006. № 9. С. 19–22.

9. Новичков В. Е. Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан оказывать помощь правоохранительным органам (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 185 с.

10. Новичков В. Е. Понятие, система и значение уголовно-правовых норм, стимулирующих сотрудничество граждан с органами внутренних дел // Закон РСФСР «О милиции» и совершенствование оперативно-служебной деятельности милиции Республики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД РФ, 1992, Т. 1. С. 93–98.

11. Лупов Д. В. Предупреждение органами внутренних дел насильственных преступлений в отношении граждан, выполняющих общественный долг в сфере охраны общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 231 с.

12. Новичков В. Е. Реформировать российскую полицию и изменить качество ее работы в лучшую сторону можно! // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1, ч. 2. С. 98–103.

Поступила в редакцию 10.03.19

UDC 343.3/7

V. E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

CONCEPT AND SYSTEM OF CRIMINAL LAW STANDARDS STIMULATING COOPERATION OF CITIZENS AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN RUSSIA

Relevance. *The urgency of the problems covered by the article lies in the substantiation of objectively existing, along with the traditional method of legal regulation, characteristic for the norms of encouraging, binding and empowering criminal law norms stimulating the cooperation of citizens with law enforcement agencies that reflect the inherent Russian law a special class of social impact on the sense of justice and the will of citizens in order to change their behavior towards a positive direction.*

The purpose of the article is to substantiate and prove that the criminal law incentive is one of the many structural elements of the state-legal mechanism and method of incentive that is rather complex in its architecture.

The tasks in accordance with the goal are to confirm the hypothesis, from which it follows that criminal law stimulation is nothing but a dialectical component of the realization of criminal responsibility, taken in retrospect, i.e. as one of the types of state coercion specific to binding criminal law.

The methodology on the basis of which the research was conducted in the framework of this article consists of the basic dialectical methods of scientific knowledge and formal logic, as well as the analysis and synthesis of scientific and normative materials, interpretation of legal ideas, complex, specific historical, sociological and other general and particular methods.

The results of the article serve to confirm the hypotheses put forward and the solution of the stated goals and objectives, in which it is noted that the stimulation in law is carried out not only with the help of incentive measures and mechanisms, but also by establishing legal responsibility for improper conduct or violation of established legal norms.

Conclusion. The author of the article concludes that stimulation is one of the dialectical concepts, which expresses identity, encompassing the unity of two relative opposites - encouragement and binding, as well as uniting in them and at the same time acting independently regulatory legal empowerment.

Key words: incentive rules of criminal law; encouragement; empowerment; commitment; crime control; criminal policy; necessary defense; detention of a criminal.

For citation: Novichkov V. E. Concept and system of criminal law standards stimulating cooperation of citizens and law enforcement agencies in Russia. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 60–68 (in Russ.).

Reference

1. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-noyabr' 2018 goda*. URL: <https://mvd.rf/folder/101762/item/15304733/> (accessed 19.02.2019).

2. Yavich L. S., Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1982. Vol. 2. 359 p.

3. Eleonskij V. A. *Pooshchritel'nye normy ugovnogo prava i ih znachenie v deyatel'nosti organov vnutrennih del*. Habarovsk, Habar. VSH MVD SSSR Publ., 1984. 108 p.

4. Rubanova S. N. *Primechaniya k stat'yam Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: ponyatie, znachenie i vidy*. Diss. kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2011. 173 p.

5. Sabitov R. A. *Postkriminal'noe povedenie (ponyatie, regulirovanie, posledstviya)*; ed. by R. R. Galiakbarova. Tomsk, Tom. Univ. Publ., 1985. 192 p.

6. Somova Yu. V. *Primechaniya v ugovnom zakonodatel'stve (teoretiko-prikladnoj analiz)*. Diss. kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2009. 223 p.

7. Grishanin P. F., Novichkov V. E. *Primenenie ugovno-pravovyh norm, stimuliruyushchih sotrudnichestvo grazhdan s organami vnutrennih del v bor'be s prestupnost'yu. Aktual'nye problemy bor'by s ehkonomicheskoy prestupnost'yu*. Tr. Akademii. Moscow, Akad. MVD Rossii Publ., 1992, pp. 97–102.

8. Pan'ko K. K. *Primechanie kak netipichnoe sredstvo ugovnogo normotvorchestva*. *Mirovoj sud'ya*, 2006, no. 9, pp. 19–22.

9. Novichkov V. E. *Primenenie ugovno-pravovyh norm, pooshchryayushchih ili obyazyvayushchih grazhdan okazyvat' pomoshch' pravoohranitel'nym organam (po materialam organov vnutrennih del)*. Diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 1992. 185 p.

10. Novichkov V. E. *Ponyatie, sistema i znachenie ugovno-pravovyh norm, stimuliruyushchih sotrudnichestvo grazhdan s organami vnutrennih del. Zakon RSFSR "O milicii" i sovershenstvovanie operativno-služhebnoj deyatel'nosti milicii Respubliki. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* Omsk, Om. VSHM MVD RF Publ., 1992, vol. 1, pp. 93–98.

11. Lupov D. V. *Preduprezhdenie organami vnutrennih del nasil'stvennyh prestuplenij v otnoshenii grazhdan, vypolnyayushchih obshchestvennyj dolg v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka*. Diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2014. 231 p.

12. Novichkov V. E. *Reformirovat' rossijskuyu policiyu i izmenit' kachestvo ee raboty v luchshuyu storonu mozžno!* *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2012, no. 1, pt. 2, pp. 98–103.

УДК 343.9

В. С. Соловьев, канд. юрид. наук, ст. преподаватель, Краснодарский университет МВД России (Россия, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128) (e-mail: vladsolovyev@mail.ru)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН РАЗЛИЧИЯ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОЙ АКТИВНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Актуальность исследования. В настоящее время в России можно наблюдать крайне неравномерное распределение коэффициента криминальной активности несовершеннолетних как по отдельным регионам, так и по федеральным округам. Объяснение этого явления может указать на направления деятельности субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних, требующие повышенного внимания и контроля.

Целью работы является выявление причин географических различий уровня преступной активности подростков для определения возможных направлений совершенствования деятельности правоохранительных органов. Задачи работы – сравнить показатели криминальной активности подростков, личностные характеристики подучетных несовершеннолетних, показатели деятельности органов внутренних дел в области предупреждения подростковой преступности в разных федеральных округах России, на основе чего разработать рекомендации по совершенствованию деятельности субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Методология исследования. Проанализирован отчет о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, проведено сравнение среднегодовых показателей, зафиксированных в период с 2014 по 2018 г. на территории трёх федеральных округов: Центрального, Сибирского и Дальневосточного.

Исследован возраст несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел, места их обучения и воспитания, факты употребления ими наркотических средств и психотропных веществ, поводы для постановки несовершеннолетних на учет. Изучены показатели, связанные с реализацией должностными лицами органов внутренних дел отдельных видов мероприятий по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Подвергнуты анализу сведения о работе правоохранительных органов с родителями подростков.

В результате сформулированы основные выводы о причинах различного уровня преступной активности подростков на разных территориях России и направлениях использования такой криминологической информации в деятельности правоохранительных органов: указано на необходимость уделять внимание младшим возрастным группам, контролировать занятость несовершеннолетних, посещение ими мест учебы, трудоустройство, пристальное внимание обращать на подростков, воспитывающихся в детских домах и интернатах.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; коэффициент преступности; география преступности; криминологические показатели; подразделения по делам несовершеннолетних.

Ссылка для цитирования: Соловьев В. С. Криминологический анализ причин различия уровня преступной активности несовершеннолетних на территории России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 69–80.

Введение. Актуальность исследования. Одним из важных криминологических показателей, характеризующих тенденции, присущие преступности несовершеннолетних, является коэффициент криминальной активности подростков. Он представляет собой отношение числа несовершеннолетних преступников к общему числу несовершеннолетних, проживающих на территории, в расчете на 10 тысяч лиц в возрасте 14–17 лет (возраст возможного привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности).

Анализ среднего коэффициента криминальной активности несовершен-

нолетних в период с 2014 по 2018 г. позволил установить, что максимальное значение этого показателя было зафиксировано в следующих регионах:

- 1) Забайкальский край – 254,8;
- 2) Хабаровский край – 204,6;
- 3) Республика Бурятия – 197,1;
- 4) Амурская область – 189,6;
- 5) Республика Тыва – 184.

Четыре из пяти перечисленных регионов входят в состав Дальневосточного федерального округа России, ещё один – в состав Сибирского. Можно обнаружить крайне неравномерное распределение коэффициента криминальной активности несовершеннолетних как по

отдельным регионам России, так и по федеральным округам:

- 1) Северо-Кавказский федеральный округ – 27,9;
- 2) Центральный федеральный округ – 55,1;
- 3) Южный федеральный округ – 71,3;
- 4) Приволжский федеральный округ – 81,9;
- 5) Северо-Западный федеральный округ – 104,5;
- 6) Уральский федеральный округ – 128,9;
- 7) Сибирский федеральный округ – 145;
- 8) Дальневосточный федеральный округ – 180,3.

Максимальное значение коэффициента по федеральным округам превышает минимальное в 6,5 раз. Такая тенденция сохраняется уже более десяти лет, о чем свидетельствует исследование Г. И. Забрянского, в 2009 г. отнесшего Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа к числу территорий с высокой преступной активностью несовершеннолетних (негативной криминогенной зоне) [1, с. 101].

На уровне отдельных регионов разница этого показателя колоссальная. Значение коэффициента в Забайкальском крае (254,8) превышает этот показатель в Чеченской республике (2,2) почти в 116 (!) раз. Объяснение причин такого различия показателей преступной активности позволяет указать на направления деятельности субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних, требующие повышенного внимания и контроля, что делает тему исследования актуальной для криминологической науки.

Целью работы является выявление причин географических различий уровня преступной активности подростков для определения возможных направлений совершенствования деятельности правоохранительных органов.

Задачи работы – сравнить показатели криминальной активности подростков, личностные характеристики подучетных несовершеннолетних, показатели деятельности органов внутренних дел в области предупреждения подростковой преступности в разных федеральных округах России, на основе чего разработать рекомендации по совершенствованию деятельности субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Методология исследования. При расчете коэффициента использовались данные о количестве несовершеннолетних преступников, полученные с информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2]. Информация о количестве подростков в регионах была получена из сборника «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту» [3] Федеральной службы государственной статистики.

Для объяснения географических различий уровня преступной активности несовершеннолетних проанализирован отчет о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (форма 18 ГИАЦ МВД России). Было проведено сравнение среднегодовых показателей, зафиксированных в период с 2014 по 2018 г. на территории трёх федеральных округов: Центрального (с низким уровнем криминальной активности несовершеннолетних), Сибирского и Дальневосточного (с высоким уровнем криминальной активности несовершеннолетних). Данные, отраженные в отчете, позволили сравнить три группы показателей: связанные с характеристиками несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел, некоторыми характеристиками их родителей, а также с деятельностью самих органов внутренних дел.

Были подвергнуты критическому анализу попытки других авторов объяснить географические различия преступной активности несовершеннолетних.

Результаты и их обсуждение. Исследование позволило сравнить возраст несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел, их занятость, условия воспитания и другие характеристики. Распределение подучетных несовершеннолетних по возрастным группам не выявило серьезных различий по федеральным округам, однако можно отметить, что на территориях с повышенным уровнем преступной активности несовершеннолетних они в более раннем возрасте начинают проявлять девиантные наклонности. В Центральном федеральном округе доля лиц, не достигших 13-летнего возраста, среди состоящих на учете составляет 21,2%. В Сибирском федеральном округе этот показатель выше – 26,4%, в Дальневосточном – 28,3%. Доля подучетных в возрасте 14-15 лет различается минимально и составляет 32,9%, 31,2%, 31,8% соответственно. Удельный вес состоящих на учете в возрасте 16-17 лет в Центральном федеральном округе – 45,9%, в Сибирском федеральном округе – 42,4%, в Дальневосточном – 39,9%. Таким образом, при организации профилактической деятельности в регионах с высоким уровнем преступной активности несовершеннолетних повышенным вниманием следует охватывать младшие возрастные группы (до 13 лет).

Различия между федеральными округами выявлены и при анализе мест обучения несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел. На территориях с повышенной криминальной активностью несовершеннолетних выше процент тех, кто обучается в общеобразовательных организациях. В Дальневосточном федеральном округе этот показатель равен 75,1%, в Сибирском федеральном округе – 73,1%. На территории Центрального федерального

округа он составляет 67%. Это опять же можно объяснить более ранним началом девиантной активности подростков. Доля лиц, обучающихся в профессиональных образовательных организациях, среди состоящих на учете на территории Центрального федерального округа равняется 26,7%. По мере увеличения криминальной активности несовершеннолетних на территории этот показатель снижается: до 19,9% в Сибирском федеральном округе и до 16,8% – в Дальневосточном.

Обращает на себя внимание и разница в удельном весе неучащихся и неработающих несовершеннолетних среди состоящих на учете. В Центральном федеральном округе этот показатель равен 3,8%, на территориях с более высокой криминальной активностью подростков он выше (4,3% в Сибирском федеральном округе, 5,6% – в Дальневосточном).

Изучение удельного веса несовершеннолетних, состоящих на учете, в зависимости от условий воспитания позволило обнаружить минимальные различия доли лиц, воспитывающихся в неполных семьях (около 45% на каждой территории), опекунами и попечителями, в приемных и патронатных семьях, в учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. Единственное весомое отличие – в удельном весе подучетных лиц, воспитывающихся в детских домах и интернатах. Доля таких лиц в Центральном федеральном округе составила 1,7%, в Сибирском федеральном округе – 3,1%, в Дальневосточном – 5,5%. Это свидетельствует о необходимости уделять пристальное внимание профилактической работе в детских домах и интернатах на территориях с повышенной криминальной активностью несовершеннолетних.

Можно обнаружить разницу и при анализе соотношения несовершеннолетних, состоящих на учете и употребляющих наркотические средства и психо-

тропные вещества. В Центральном федеральном округе 1,2% подучетных употребляют наркотики, еще 0,9% – психотропные вещества. С увеличением криминальной активности несовершеннолетних на территории доля таких лиц увеличивается. В Сибирском федеральном округе она составляет 1,8% и 1,5% соответственно, в Дальневосточном федеральном округе – 2,3% и 2,1%.

Достаточно серьезные расхождения можно обнаружить при анализе поводов для постановки несовершеннолетних на учет. В Центральном федеральном округе половина подучетных несовершеннолетних совершили административное правонарушение, в том числе до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах доля таких несовершеннолетних существенно ниже и составляет 32,3% и 21% соответственно. Также на территориях с повышенной криминальной активностью несовершеннолетних ниже удельный вес подростков, состоящих на учете за совершение иных антиобщественных действий (занятие проституцией, бродяжничество или попрошайничество, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц). Если в Центральном федеральном округе их доля составляет 17,2%, то в Сибирском и Дальневосточном – 15,1% и 10,5% соответственно. На территории Центрального федерального округа 16,7% подучетных несовершеннолетних совершили преступление, однако не подлежат уголовной ответственности, главным образом, из-за недостижения предусмотренного законом возраста. Доля таких лиц в Сибирском федеральном округе выше – 21,3%, в Дальневосточном федеральном округе – 27,4%. Также на территориях с высокой криминальной активностью подростков наблюдается повышенная доля подучетных несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых избрана

мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, а также судимых несовершеннолетних. Если в Центральном федеральном округе удельный вес таких несовершеннолетних равен 5,4% и 3% соответственно, то в Сибирском федеральном округе – 9,7% и 5,9%, а в Дальневосточном – 14,1% и 8,4%. Иными словами, если в Центральном федеральном округе, где коэффициент криминальной активности несовершеннолетних является наиболее низким из исследуемых территорий, был поставлен на учет в связи с совершением преступления каждый четвертый подучетный подросток, то в Сибирском федеральном округе – более чем каждый третий, а в Дальневосточном федеральном округе – каждый второй.

Еще одним направлением исследования данных, отраженных в отчете о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является анализ количественных характеристик групп антиобщественной направленности. Сравнение среднегодового количества групп антиобщественной направленности, состоящих на учете, в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних, привело к противоречивым результатам. В Центральном федеральном округе с минимальным показателем коэффициента криминальной активности несовершеннолетних и в Дальневосточном федеральном округе с максимальным значением этого показателя количество групп антиобщественной направленности в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних практически не различается – 37,2 и 38 соответственно. В Сибирском федеральном округе этот показатель выше практически в два раза и составляет 67,5. Исходя из полученных результатов, связать корреляционной зависимостью этот показатель с коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних достаточно сложно. Практически не различается на трех исследуемых тер-

риториях и показатель подучетных групп антиобщественной направленности, имеющих в своем составе взрослых лиц. Для Центрального федерального округа их количество в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних составляет 9,3, для Сибирского – 7,8, для Дальневосточного – 8,1.

Гораздо более интересным является показатель численности несовершеннолетних, входящих в состав групп антиобщественной направленности, состоящих на учете. На территории с низким коэффициентом криминальной активности подростков (Центральный федеральный округ) наблюдается и самая низкая численность несовершеннолетних участников групп антиобщественной направленности – 88,8 в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних. В Сибирском федеральном округе этот показатель составляет 162,1, а в Дальневосточном – 252,9. Различается и среднее количество несовершеннолетних, входящих в состав одной такой группы. В Центральном и Сибирском федеральных округах этот показатель составляет 2,4, а в Дальневосточном федеральном округе он почти в три раза больше – 6,6. С учетом того, что в научных исследованиях, посвященных преступности несовершеннолетних, групповой характер указывается в качестве одной из основных ее криминологических особенностей [4, с. 157], можно сделать вывод о прямой корреляционной связи количества подростков, состоящих в группах антиобщественной направленности, и коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних. В связи с этим важную роль в предупреждении подростковой преступности приобретает работа по выявлению, контролю и разобращению групп антиобщественной направленности, в которые входят несовершеннолетние. Интересно, что число взрослых лиц, входящих в состав таких групп, на трех исследуемых территориях практически не различается (1,1 в Центральном федеральном округе, 1,2 – в Сибирском, 1,3 – в Дальне-

восточном). Можно говорить о том, что количество взрослых лиц, состоящих наряду с несовершеннолетними в антиобщественных группах, напрямую не влияет на уровень криминальной активности подростков.

Как уже было отмечено, анализ отчета о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних позволяет зафиксировать показатели, связанные непосредственно с деятельностью самих органов внутренних дел. Анализ таких показателей следует начать с оценки количества подростков, состоявших на учете и совершивших в это время общественно опасные деяния, в том числе преступления. Здесь также можно обнаружить корреляционные связи с коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних на территории. В Центральном федеральном округе в период нахождения на учете совершили общественно опасные деяния 5,1% несовершеннолетних, 3,5% совершили преступления. В Сибирском федеральном округе эти показатели выше и составляют 11,8% и 7,4% соответственно. Максимальные показатели зафиксированы в Дальневосточном федеральном округе. Там общественно опасные деяния совершили 16,6% подучетных несовершеннолетних, при этом 9,9% совершили преступления. Эти данные заставляют задуматься о качестве профилактической работы с подростками, состоящими на учете.

В том же направлении заставляют мыслить и показатели, связанные с направлением должностными лицами органов внутренних дел письменных сообщений по вопросам совершенствования деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений, устранения причин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних, а также выступлениями в средствах массовой

информации, чтением лекций и проведением бесед в образовательных организациях и местах организованного отдыха несовершеннолетних.

На территории Центрального федерального округа должностными лицами органов внутренних дел были направлены 492 письменных сообщения в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних и 11,3 сообщения в расчете на одного сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН ОВД РФ). Количество выступлений в средствах массовой информации составило 99,5 на 100 тысяч несовершеннолетних и 2,3 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Прочитано лекций по правовой пропаганде в образовательных организациях 1791,5 на 100 тысяч несовершеннолетних и 41,3 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Проведено лекций и бесед в местах организованного отдыха подростков 304,2 на 100 тысяч несовершеннолетних и 7 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ.

На территориях с более высоким коэффициентом криминальной активности подростков эти показатели существенно выше. В Сибирском федеральном округе были направлены 2155 письменных сообщений в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних и 39,4 – в расчете на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Количество выступлений в средствах массовой информации составило 201,6 и 3,7 соответственно. Количество лекций по правовой пропаганде в образовательных организациях составило 3851,8 на 100 тысяч несовершеннолетних и 70,4 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Число лекций и бесед в местах организованного отдыха подростков равнялось 598,4 на 100 тысяч несовершеннолетних и 10,9 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. В Дальневосточном федеральном округе количество направленных письменных сообщений составило 1138,4 на 100 тысяч несовершеннолетних и 21,4 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Число

выступлений в средствах массовой информации составляло 198,5 и 3,7 соответственно. Прочитано 3194 лекции по правовой пропаганде в образовательных организациях в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних и 60,2 – в расчете на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Количество лекций и бесед в местах организованного отдыха подростков составило 565,7 на 100 тысяч несовершеннолетних и 10,7 на одного сотрудника ПДН ОВД РФ. Можно проследить любопытную зависимость: показатель превышения коэффициента криминальной активности несовершеннолетних в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах над аналогичным коэффициентом в Центральном федеральном округе примерно равен показателю превышения количества проведенных сотрудниками ОВД профилактических мероприятий в тех же федеральных округах. Иными словами, чем больше профилактических мероприятий проводится, тем выше становится криминальная активность подростков. Такую, казалось бы, парадоксальную ситуацию можно объяснить как низким качеством и эффективностью проводимых мероприятий, так и стремлением к высоким количественным показателям профилактических мероприятий в ущерб качеству всей работы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Справедливо отмечается, что «хотя реформа правоохранительных органов обозначила ориентир на значимость социальной эффективности, реально в их построении и принятии управленческих решений чаще всего используются внутриведомственные количественные показатели» [5, с. 108]. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости переориентации профилактической деятельности с коллективных на индивидуальные формы, большее внимание следует уделять качеству, а не количеству профилактических мероприятий.

Следующим блоком информации, используемой для объяснения причин различия уровня преступной активности несовершеннолетних на территории России, являются сведения о работе правоохранительных органов с родителями подростков. Актуальность исследования таких данных обусловлена тем, что, по мнению специалистов, «в каждом совершаемом преступлении несовершеннолетними явно просматривается вина взрослых. Тревожит тот факт, что ослабевает контроль за детьми со стороны родителей» [6, с. 67]. Достаточно серьезную разницу можно обнаружить при изучении количества административных протоколов, составленных в отношении родителей и иных законных представителей несовершеннолетних. На территории Центрального федерального округа было составлено 1675 протоколов в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних, на территории Сибирского федерального округа – 2432 протокола, в Дальневосточном федеральном округе – 2586. Различается и количество родителей (законных представителей), состоящих на учете в органах внутренних дел. В Центральном федеральном округе на учете состоят 466 родителей в расчете на 100 тысяч несовершеннолетних, в Сибирском – 663 родителя, в Дальневосточном – 505 родителей. Таким образом, на территориях с повышенной криминальной активностью несовершеннолетних родители чаще привлекаются к административной ответственности и чаще подвергаются постановке на профилактический учет в органах внутренних дел.

Различается удельный вес оснований постановки родителей на учет. На всех исследуемых территориях среди таких оснований преобладает употребление спиртных напитков. По этому основанию на территории Центрального федерального округа состоят на учете 68,7% от подучетных родителей, в Сибирском федеральном округе – 63,8%, в Дальневосточном – 75,8%. В связи с

потреблением наркотических средств и психотропных веществ на учете состоят 2,2% от общего числа подучетных родителей Центрального федерального округа, 2,1% – от числа подучетных родителей Сибирского федерального округа, 1,4% – от числа подучетных родителей Дальневосточного федерального округа. Доля имеющих или имевших судимость среди подучетных родителей Центрального федерального округа составляет 6,9%. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах этот показатель выше и составляет 11,9%. Таким образом, если на территории с невысоким коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних имеет или имел судимость каждый четырнадцатый родитель, то на территориях с высокой криминальной активностью подростков – каждый восьмой. Это накладывает существенный отпечаток на социализацию несовершеннолетних, поэтому профилактической работе с семьями, имеющими в своем составе ранее судимых лиц, должно уделяться значительное внимание в регионах с повышенным уровнем криминальной активности подростков.

Стоит также отметить, что на всех анализируемых территориях зафиксировано примерно одинаковое соотношение проживающих несовершеннолетних, сотрудников ПДН ОВД РФ и подростков, состоящих на учёте. В Центральном федеральном округе на одного сотрудника ПДН ОВД РФ приходится 11,4 подучетных несовершеннолетних, в Сибирском федеральном округе этот показатель составляет 12,3, в Дальневосточном – 12,1. Количество проживающих на территории несовершеннолетних в расчете на одного сотрудника ПДН ОВД РФ максимально в Центральном федеральном округе и составляет 2306. В Сибирском федеральном округе на одного сотрудника приходится 1828 несовершеннолетних, а в Дальневосточном – 1883.

Вопрос объяснения географических различий преступности является весьма сложным в криминологической науке. К сожалению, значительная часть подобных исследований лишена глубокой научной базы и проводится людьми, далекими от криминологии. По словам М. П. Клейменова и И. М. Клейменова, «поверхностность, непонимание сложности криминологических связей и взаимодействий профанирует криминологию, превращает ее в ту область научных знаний, дверь в которую специалисту в сфере любой другой науки можно открыть “пинком”» [7, с. 14].

В исследовании В. Б. Салаховой (кандидат психологических наук), А. А. Лобжанидзе (доктор педагогических наук, профессор), Е. М. Гончаровой (преподаватель кафедры юридической психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя), выполненном в рамках Гранта Президента № МК-1562.2017.6, перечислены четыре группы факторов, определяющих криминогенную обстановку, связанную с преступностью несовершеннолетних в регионе [8, с. 114–115].

Первая группа факторов – социально-экономические. В эту группу, по мнению авторов [8], можно отнести демографические, экономические и социальные факторы. Уровень социально-экономического развития региона может существенно влиять на уровень подростковой преступности. Так, показатели роста количества преступлений характерны для регионов с низким уровнем социально-экономического развития (Республика Алтай, Алтайский край). В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития наблюдается снижение показателей подростковой преступности.

При этом авторы не изучают ни количественные показатели подростковой преступности, ни социально-экономические характеристики регионов. А зря, потому что Республика Алтай и Алтайский край занимают по уровню

преступной активности несовершеннолетних 16 и 28 место среди регионов России. При этом социально-экономические показатели указанных регионов не самые низкие в стране. По уровню среднедушевых денежных доходов ниже Республики Алтай и Алтайского края находится, например, Республика Калмыкия (коэффициент преступной активности несовершеннолетних 47,3, среди регионов России занимает 76 место), Республика Ингушетия (коэффициент преступной активности несовершеннолетних 8,3, среди регионов России занимает 84 место) и другие регионы с низкой криминальной активностью подростков [9]. Это же касается и анализа уровня безработицы в регионах [10]. Среднедушевые денежные доходы в Дальневосточном федеральном округе, взятые в среднем за год в период с 2014 по 2018 г. (34 136,1 руб.), уступают лишь доходам в Центральном федеральном округе (37 487,9 руб.).

Вторая группа факторов, выделяемых авторами [8], природно-географические, среди которых, по их мнению, особо стоит выделить рекреационный потенциал территории. Высокий рекреационный потенциал территории (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Крым) привлекает состоятельных туристов, тем самым способствует увеличению уровня преступности по отношению к ним. В этих регионах, как правило, ослаблен контроль за деятельностью правоохранительных органов.

Не ясно, из чего сделан вывод об ослабленном, «как правило», контроле за деятельностью правоохранительных органов в отмеченных авторами регионах, но даже не это главная проблема сделанных выводов. Главная проблема в том, что все три региона входят в число территорий с относительно невысокой криминальной активностью несовершеннолетних. Ростовская область занимает 64 место среди субъектов Российской Федерации (коэффициент криминальной

активности несовершеннолетних 68,9), Республика Крым – 65 место (коэффициент криминальной активности несовершеннолетних 67,2), Краснодарский край – 73 место (коэффициент криминальной активности несовершеннолетних 54,1).

Третья группа выделенных авторами [8] факторов – этно-культурные. Эти факторы могут по-разному повлиять на уровень преступности. Так, традиционная религиозность населения снижает рост преступности среди исламского населения в республиках Северного Кавказа, буддистского населения Калмыкии. Вместе с тем этническая общность создает благоприятную почву для формирования национальных ОПГ, в сферу деятельности которых попадают и молодые люди. Отчетливо это проявляется в крупных городах, где представлено множество этнических групп с определенной «преступной специализацией».

В данном случае можно согласиться с авторами, в республиках Северного Кавказа и Республике Калмыкия действительно низкий уровень криминальной активности несовершеннолетних, однако присутствие в числе регионов с минимальным коэффициентом криминальной активности подростков г. Москвы (82 место в России со значением коэффициента 18,9), Московской области (78 место со значением 43), г. Санкт-Петербурга (75 место со значением 47,7) позволяет усомниться в решающей роли влияния религиозного фактора на преступность несовершеннолетних и, тем более, в корректности вывода о крупных городах.

Авторы обозначили и четвертую группу факторов – организационно-правовые, среди которых выделили деятельность правоохранительных и судебных органов и пенитенциарной системы. По их словам, прослеживается четкая территориальная взаимосвязь между географией учреждений ФСИН и уровнем подростковой преступности.

Указано, что в пятерку первых по числу учреждений ФСИН входят Красноярский край (42), Свердловская область (36), Пермский край (35), Кемеровская область (26), Приморский край (25). Авторы утверждают, что они относятся к регионам с крайне высоким уровнем подростковой преступности. В то же время в двух регионах, где эти учреждения ФСИН отсутствуют (Чукотский АО и Ненецкий АО), уровень подростковой преступности низкий, как и в республиках Северного Кавказа, где число учреждений ФСИН значительно меньше по отношению к проживающему населению, чем в других регионах страны.

Достаточно условно можно назвать уровень криминальной активности подростков в перечисленных авторами регионах крайне высоким. Красноярский край занимает в России 24 место с коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних 145,9; Свердловская область – 21 место с коэффициентом 147,9; Пермский край – 20 место с коэффициентом 148,6; Кемеровская область – 17 место с коэффициентом 156,2; Приморский край – 12 место с коэффициентом 162,8. Также нельзя назвать Ненецкий и Чукотский автономные округа регионами с низким уровнем подростковой преступности. Первый находится на 27 месте в России со значением коэффициента 141,3; второй – на 48 месте с коэффициентом 85,4.

Для исследований, претендующих на криминологическую значимость, необходимо использовать весь арсенал методов криминологической науки: анализ как абсолютных, так и относительных показателей преступности, сопоставление данных уголовно-правовой статистики со статистикой социально-экономической, демографической и другими ее отраслями, изучение количественных и качественных показателей деятельности правоохранительных органов. Это в полной мере справедливо и для

исследования территориальных различий уровня преступной активности несовершеннолетних.

Выводы и рекомендации. Подводя итог, необходимо сформулировать основные выводы о причинах различного уровня преступной активности подростков на разных территориях России и направлениях использования такой криминологической информации.

1. На территориях с высоким уровнем криминальной активности несовершеннолетних можно наблюдать начало противоправной деятельности в более раннем возрасте. Соответственно, субъектам профилактики большее внимание следует уделять младшим возрастным группам.

2. Высокий уровень преступной активности подростков связан с проблемами занятости несовершеннолетних, посещением ими мест учебы, трудоустройством. Контроль этого направления является одним из путей снижения уровня подростковой преступности.

3. В регионах с высокой преступной активностью подростков выше доля несовершеннолетних преступников, воспитывающихся в детских домах и интернатах. Администрации, педагогам, а также сотрудникам правоохранительных органов следует обратить внимание на профилактическую работу с воспитанниками указанных учреждений.

4. Преступная активность несовершеннолетних связана со степенью их консолидации в группы антиобщественной направленности. В связи с этим важную роль в предупреждении подростковой преступности приобретает работа по выявлению, контролю и разобщению таких групп.

5. На первый взгляд парадоксально, но на территориях с высокой криминальной активностью несовершеннолетних проводится значительно больше профилактических мероприятий, связанных с направлением письменных сообщений по вопросам совершенствования деятель-

ности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений, устранения причин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних, а также выступлений в средствах массовой информации, лекций и бесед в образовательных организациях и местах организованного отдыха несовершеннолетних. Такую ситуацию можно объяснить как низким качеством и эффективностью проводимых мероприятий, так и стремлением к высоким количественным показателям профилактических мероприятий в ущерб качеству всей работы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Следует переходить от коллективных способов профилактики правонарушений несовершеннолетних на индивидуальные, повышать качество таких мероприятий, не ставя во главу угла их количество.

6. Территории с повышенной криминальной активностью несовершеннолетних характеризуются значительной долей ранее судимых родителей, состоящих на учете в органах внутренних дел. Необходим особый учет и более скрупулезная профилактическая работа с семьями, в которых проживают ранее судимые лица.

Сравнение территорий с различным уровнем криминальной активности несовершеннолетних, выявление географических различий может послужить своего рода подсказкой для правоохранительных органов, показать, на какие направления работы следует обратить внимание. Однако такое сравнение должно проводиться с применением широкого комплекса методов криминологической науки и использовать все возможные источники информации.

Список литературы

1. Забрянский Г. И. География преступности несовершеннолетних в России: методика и результаты исследования // Ученые труды Российской академии

адвокатуры и нотариата. 2009. № 2 (13). С. 97–108.

2. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 11.03.2019).

3. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 11.03.2019).

4. Писаревская Е. А. Групповая преступность несовершеннолетних и её предупреждение // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (41). С. 157–161.

5. Тяптин В. Д. О необходимости изменений в подходе к оценке деятельности правоохранительных органов (на примере органов внутренних дел) // Вестник ВЭГУ. 2016. № 3 (83). С. 107–117.

6. Козьявин А. А., Белоусова В. М. Понятие и система органов ювенальной

юстиции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. №2 (15). С. 65–71.

7. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Профанация криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 13–20.

8. Салахова В. Б., Лобжанидзе А. А., Гончарова Е. М. Географические факторы динамики преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 111–115.

9. Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (дата обращения: 14.03.2019).

10. Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm (дата обращения: 14.03.2019).

Поступила в редакцию 26.03.19

UDC 343.9

V. S. Solov'ev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Russia, 350005, Krasnodar, Yaroslavl str., 128) (e-mail: vladsolovyev@mail.ru)

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE REASONS OF THE DIFFERENCES IN THE RATE OF JUVENILE CRIMINAL ACTIVITY IN RUSSIA

The relevance of research. At present, in Russia one can observe an extremely uneven distribution of the coefficient of criminal activity of minors both in individual regions and in federal districts. The explanation of this phenomenon may indicate the directions of activity of the subjects of the prevention of juvenile crimes, requiring increased attention and control.

The aim of the work is to identify the causes of geographical differences in the level of criminal activity of adolescents to identify possible areas for improving the activities of law enforcement agencies. The tasks of the work are a comparison of the indicators of criminal activity of adolescents, personal characteristics of accounted minors, indicators of the activities of internal affairs agencies in the prevention of juvenile crime in various federal districts of Russia, on the basis of which to develop recommendations for improving the activities of subjects of the prevention of juvenile crimes.

Research Methodology. The report on the results of the work of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention and suppression of neglect and juvenile delinquency is analyzed, and a compari-

son of average annual indicators recorded in the period from 2014 to 2018 years in the territory of three federal districts: Central, Siberian and Far Eastern was conducted.

The age of minors registered in the internal affairs bodies, the places of their training and education, the facts of their use of narcotic drugs and psychotropic substances, the reasons for registering minors were investigated. The indicators related to the implementation by officials of the internal affairs bodies of certain types of activities for the prevention of juvenile delinquency were studied. Submitted to the analysis of information about the work of law enforcement agencies with parents of adolescents.

As a **result**, the main conclusions were formulated about the reasons for the different levels of criminal activity of adolescents in different territories of Russia and the directions for using such criminological information in law enforcement activities: it was pointed out the need to pay attention to younger age groups, monitor the employment of minors, visit their places of study, employment, pay close attention for adolescents being raised in orphanages and boarding schools.

Key words: juvenile delinquency; crime rate; crime geography; criminological indicators; juvenile affairs units.

For citation: Solovev V. S. Criminological analysis of the reasons of the differences in the rate of juvenile criminal activity in Russia. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 69–80 (in Russ.).

Reference

1. Zabryanskij G. I. Geografiya prestupnosti nesovershennoletnih v Rossii: metodika i rezul'taty issledovaniya. *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata*, 2009, no. 2 (13), pp. 97–108.

2. *Informacionno-analiticheskij portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii*. URL: http://crime-stat.ru/regions_chart_total (accessed 11.03.2019).

3. *Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu*. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (accessed 11.03.2019).

4. Pisarevskaya E. A. Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnih i eyo preduprezhdenie. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 1 (41), pp. 157–161.

5. Tyaptin V. D. O neobhodimosti izmenenij v podhode k ocenke deyatelnosti pravoohranitel'nyh organov (na primere organov vnutrennih del). *Vestnik VEHGU*, 2016, no. 3 (83), pp. 107–117.

6. Kozyavin A. A., Belousova V. M. Ponyatie i sistema organov yuvenal'noj yusticii. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2015, no. 2 (15), pp. 65–71.

7. Klejmenov M. P., Klejmenov I. M. Profanaciya kriminologii. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava*, 2010, no. 2, pp. 13–20.

8. Salahova V. B., Lobzhanidze A. A., Goncharova E. M. Geograficheskie faktory dinamiki prestupnosti nesovershennoletnih v Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 111–115.

9. *Srednedushevye denezhnye dohody po sub"ektam Rossijskoj Federacii*. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (accessed 14.03.2019).

10. *Uroven' bezroboticy naseleniya po sub"ektam Rossijskoj Federacii*. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm (accessed 14.03.2019).

УДК 343.9

Д. В. Алымов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: sledczy@list.ru)

Н. В. Еськова, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: natalieskova9@gmail.com)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЧАСТНЫХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

Актуальность исследования. Статья посвящена проблеме совершенствования криминалистического изучения личности как частной научной теории. Кроме того, предлагаются основные направления расширения предметной области криминалистического изучения личности с учетом современных условий развития науки и общественно-правовых реалий.

Также весьма актуальными являются проблемы научных исследований в области криминалистического изучения личности. В статье проанализированы различные подходы к определению понятий «человек», «индивид», «личность» через призму отдельных общественных наук, в частности социологии и психологии. Личность является центральным объектом криминалистического исследования. Ученые должны всячески способствовать созданию принципиально новой научной парадигмы, ориентированной на системное изучение личности в криминалистике с целью оптимизации деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Целью исследования является глубокое изучение понятия и содержания криминалистического учения о личности, анализ научных разработок по данному направлению, а также формулировка выводов относительно перспектив дальнейшего функционирования рассматриваемой частной научной теории в современных условиях развития криминалистики.

Задачи исследования: анализ научных подходов к раскрытию понятия и содержания криминалистического изучения личности; выделение структурных элементов рассматриваемой частной научной теории; определение основных проблем ее развития в современных условиях.

Методология. В процессе исследования были использованы следующие методы: исторический, конкретно-социологический, формально-логический, аналитический и другие.

Результаты исследования. Полученные результаты исследования могут способствовать активизации научно-исследовательской деятельности, а также разработке и внедрению новейших достижений науки и основанных на них рекомендаций по наиболее результативному их использованию.

Вывод. Авторы приходят к выводу о том, что глубокое изучение вопросов, входящих в предмет исследования данной статьи, может изменить научные подходы к формированию и функционированию рассматриваемой частной криминалистической теории, а также повысить ее значимость и эффективность в целях решения общих и частных задач борьбы с преступностью.

Ключевые слова: личность; человек; индивид; частная научная теория; криминалистика; борьба с преступностью.

Ссылка для цитирования: Алымов Д. В., Еськова Н. В. Криминалистическое изучение личности как элемент системы частных научных теорий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 81–91.

Введение

Отличительной особенностью российской криминалистики является то, что довольно долгое время различные представители данной науки развивали ее как самостоятельную, насыщая ее обширным теоретико-прикладным содержанием.

Во второй половине XX в. такие знаменитые ученые, как Р. С. Белкин, Ю. И. Краснобаев, А. А. Эксархопуло, В. С. Митричев, Г. Г. Зуйков, М. Я. Сегай и другие вели бурные дискуссии относительно определения предмета кримина-

листики, ее основных задач, методов, функций и принципов. Развитие теоретических основ криминалистики стало своеобразной питательной средой для масштабных исследований и появления разнообразных концепций, которые существенным образом обогатили данную науку и позволили рассматривать ее как самостоятельную, независимую и полностью отражающую свою главную социальную роль как средства борьбы с преступностью.

Актуальность данных исследований, обусловленная их фундаментальным характером для поступательного движения

криминалистического знания, усиливается необходимостью решения задач по борьбе с преступностью: увеличением удельного веса преступлений, их организованным характером, возникновением более сложных видов и групп преступлений. Все это требует повышенного уровня организации процесса раскрытия и расследования преступлений и его полноценного научного обеспечения [1].

Целью данного научного исследования является изучение понятия и содержания криминалистического учения о личности, анализ научных точек зрения относительно предметной области рассматриваемой категории, а также формулировка выводов относительно перспектив дальнейшего функционирования рассматриваемой частной научной теории в современных условиях развития криминалистики.

К основным задачам исследования относятся: определение предметной области криминалистического учения о личности; выделение элементов, входящих в содержание рассматриваемой частной научной теории; всестороннее изучение понятий «человек», «индивид», «личность» с позиции различных общественных наук.

Методология

К основным методам исследования относятся: конкретно-социологический, суть которого состоит в анализе и систематизации социальных фактов, явлений и процессов, относящихся к предмету данного научного исследования; формально-логический, который заключается в анализе основных понятий и категорий, а также их аргументация и логическая обработка; аналитический, состоящий в выделении научных проблем, лежащих в основе данного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

В структуре общей теории криминалистики особое значение приобретают частные криминалистические теории, ко-

торые отражают результаты познания объективных закономерностей действительности, являющиеся базой для разработки криминалистических средств, приемов и методических рекомендаций, используемых в борьбе с преступностью [2, с. 38].

В 90-е годы XX века Р. С. Белкин подробно рассмотрел основные характеристики и перспективы развития системы частных криминалистических теорий. По его мнению, совокупность частных криминалистических теорий, как и любая организационная структура, находится в состоянии постоянного развития и совершенствования. Основными направлениями развития данного процесса являются: постоянное пополнение системы, расширение круга ее элементов за счет появления новых частных научных теорий, модернизация системы; формализация ее элементов, развивающаяся на базе совершенствования математических и кибернетических методов и отдельных посылок, аргументов, выводов, а также иных положений частных криминалистических теорий; адаптация системы и ее реакция на изменение окружающей среды [3, с. 8–9].

Формирование частных криминалистических теорий связано с интенсивным развитием криминалистической науки и формированием новых научных концепций.

На сегодняшний день достаточно большое количество научных работ посвящено вопросам формирования различных частных криминалистических теорий.

В научной литературе можно встретить следующие частные криминалистические теории:

- криминалистическое учение о механизме слеодообразования;
- криминалистическое учение о признаках;
- теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики;

– учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования;

– криминалистическая теория причинности;

– теория криминалистического прогнозирования и временных связей и отношений;

– общие принципы организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств и др. [3, с. 8–9]

Большинство из представленных частных криминалистических теорий можно найти практически в любом классическом учебнике. Однако следовало бы уделить внимание той частной научной теории, которая довольно редко встречается в современных учебниках по криминалистике, но имеет огромное значение для формирования не только системы общей и частных теорий криминалистики, но и других ее разделов, особенно криминалистической тактики и методики раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений. Речь, прежде всего, идет о криминалистическом изучении личности.

Одним из тех ученых, кто включил данную научную теорию в общетеоретический раздел криминалистики, является Н. П. Яблоков [4]. По его словам, под криминалистическим изучением личности следует понимать установление криминалистически значимой информации о преступнике, жертве преступления, а также обвиняемом, потерпевшем и других участниках процесса расследования, включающей в себя сведения о присущих им анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления [4, с. 171–172].

В рамках криминалистической науки определение понятия «личность» вызывает бурные дискуссии. Прежде всего, возникает вопрос о том, какие признаки и свойства личности имеют значение для

следственно-оперативных и экспертных работников в процессе расследования преступления?

Н. П. Яблоков в своих учебниках рассматривает криминалистическое изучение личности с учетом тех признаков и свойств, которые характерны для человека как биологического существа, так и для лица, обладающего индивидуальными поведенческими признаками и свойствами, которые так или иначе отражаются в обширной системе взаимоотношений, связанных с процессом расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Схожую позицию занимает и Д. В. Исютин-Федотков, который считает, что с точки зрения криминалистики под личностью человека следует понимать совокупность его биологических, социальных и психических свойств (характеристик), сведения о которых отражены в окружающей среде и влияют на деятельность по раскрытию и расследованию преступлений [5, с. 146].

Однако, по нашему мнению, данное определение является обобщенным и не отражает характеристику тех свойств и качеств личности, которые имеют значение для раскрытия и расследования преступления.

В процессе расследования преступлений значительная роль отводится информации о лицах, которые так или иначе с этим преступлением связаны. При этом важную роль играют такие понятия, как «человек», «индивид», «личность», которые необходимо различать. В изучении вопроса, связанного с осуществлением следственной деятельности, эти понятия определяют характер и объем информации о лице, которую необходимо получить следствию с целью создания условий для быстрого и полного раскрытия преступления и наказания виновного лица.

Так, понятие «человек» в криминалистическом значении – это, прежде всего, носитель индивидуальной информации о тех признаках и свойствах, кото-

рыми он обладает как представитель биологического вида.

Эти признаки и свойства человека способны отражаться на объектах материального мира в виде разнообразных следов. В процессе установления лица, совершившего преступление, субъекты следственно-экспертной деятельности, работая с этими следами, устанавливая, по сути, не личность, а конкретного человека, который так или иначе связан с преступлением. В данном случае предпочтительнее будет говорить не об установлении личности, а об «идентификации человека», представляющего криминалистический интерес. Ведь в следах рук, ног, зубов и других частей тела нет сведений о личностных качествах того или иного человека, которые он проявляет в широком спектре социальных взаимоотношений. Речь идет лишь о тех признаках и свойствах, которые отражают особенности его анатомо-биологического статуса.

В данном аспекте следует согласиться с мнением Е. И. Фойгеля, который утверждает, что для криминалистической науки, имеющей своей целью выявление, фиксацию и исследование доказательственной информации, не имеет принципиального значения уровень социализации человека, поскольку носителями и источниками информации будут и лица, страдающие различными заболеваниями, не имеющие возможность пройти процесс социализации, и малолетние дети, и полноценные личности, и, что немало важно, их трупы [6, с. 74].

Говоря о понятии «индивид», следует отметить, что в нем воплощена родовая принадлежность человека. Так, например, индивидом можно считать и новорожденного, и взрослого на стадии дикости, и высокообразованного жителя цивилизованной страны [7, с. 876].

И. Смирнов и В. Титов, говоря о понятии «индивид», утверждают, что в него входят свойства и природные – рост, цвет глаз, строение тела, и социальные – интеллектуальный уровень развития, пси-

хологический склад, различная степень духовной культуры. С понятием «индивид» тесно связано понятие «индивидуальность». Вместе их объединяет то, что их основа в своей сути является биологической, природной. Однако у индивидуальности она бывает более сложной и разносторонней. Прежде всего индивидуальность проявляет себя в природных и психических качествах человека, а если конкретизировать, то в памяти, темпераменте, характере, эмоциональности [8, с. 133].

Таким образом, понятие «индивид» является более широким, включающим не только признаки и свойства, которые характерны для человека как представителя биологического вида, но и те, которые проявляются в процессе его индивидуального развития. Для криминалистики понятие «индивид» существенно расширяет познавательные функции субъектов следственной деятельности. Если в ходе исследования признаков и свойств человека речь во многом идет о решении идентификационных задач, то применительно к понятию «индивид» возможно определение свойств и состояний объекта, которые проявились в процессе совершения преступлений, что является предметом криминалистической диагностики. Таким образом, следственно-экспертные работники могут получить более обширную информацию об особенностях интеллектуальной и деятельности сторон лица, которые были им проявлены в процессе совершения преступления.

Так, например, при исследовании следов ног можно судить не только об индивидуальных особенностях стопы человека, но и о характере походки, темпе движения, наличии тех или иных особенностей опорно-двигательного аппарата и т. д. Изучая следы взлома, можно судить об определенных навыках лица в плане владения орудием его совершения, физической силе и иных признаках, которые отразились в обстановке совершения преступления. По характеру поврежде-

ний на теле трупа можно сделать определенный вывод о психических особенностях лица, совершившего убийство.

Если рассматривать понятие «личность» в криминалистике, то в первую очередь целесообразно обратиться к различным общественным наукам, которые занимаются исследованием данного феномена.

Так, например, в социологии личность является своеобразным комплексом природно-индивидуального, идущего от биологических особенностей человека, и социального, берущего начало в существующем многообразии социальных статусов. В процессе социализации на основе природной индивидуальности происходит формирование личности как социального субъекта с определенным уровнем потенциала, который позволяет ей занимать определенные социальные статусы в обществе [9, с. 79–80].

Л. Г. Костюченко, рассматривая социологический подход к изучению личности, отметила, что он направлен на исследование тех институциональных форм, которые выражены в системе его отношений с социальной средой [10, с. 109]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что человек, как биологическое существо, обладающее определенными биологическими, психическими и иными свойствами, характеризующими его как индивида, погружен в социальную среду, где он включается в систему социальных отношений, посредством чего приобретает социальные свойства и формируется как личность.

С точки зрения психологии личность обозначается как системное (социальное) качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности, общении и характеризующее меру представленности в нем общественных отношений [11, с. 337].

Психолог А. Н. Леонтьев отмечает, что слово «личность» употребимо только по отношению к человеку, притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Обычно не говорят «личность жи-

вотного» или «личность новорожденно-го». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т. д.; то же, конечно, можно сказать и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения [12].

Криминалистическое изучение личности вызывает особый интерес. Понятие «личность» ни в одной науке не трактуется четко, всегда есть множество мнений относительно того, что же понимать под личностью.

По мнению Е. Е. Центрова, используемое в криминалистической науке понятие «личность» не совпадает с принятым в социологии и социальной психологии, поскольку подразумевает не выявление социального в данном конкретном человеке, а лишь индивидуализацию, выявление признаков и свойств, отличающих его как индивида от других людей [13, с. 53].

Более конкретно в этом плане высказалась Н. И. Малыхина, которая считает, что для криминалистики «интерес представляют те признаки и свойства личности, которые указывают на ее закономерные связи с совершенным преступлением, проявляющиеся в многообразных следах (материальных, идеальных). Из всего множества свойств и качеств личности интерес криминалистов вызывают лишь те из них, которые участвуют в процессе детерминации механизма преступления, обуславливают особенности его отражательных возможностей и процесса следообразования, но вместе с тем испытывают на себе и запечатлевают воздействия других лиц, предметов и процессов, взаимодействующих с ними» [14, с. 27].

Однако и данное определение не в полной мере укладывается в традицион-

ное понимание личности в криминалистике.

Дело в том, что изучение личности в криминалистике зачастую сводится к исследованию научной категории «личность преступника». Однако для формирования полноценной частной научной теории имеет значение изучение личностных особенностей других субъектов уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста и, конечно, следователя.

Характерные особенности личности различных участников уголовного судопроизводства имеют огромное значение.

С учетом личностных особенностей подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего криминалистика разрабатывает тактику производства следственных действий, в которых эти лица участвуют. Многообразие тактических приемов, разрабатываемых в криминалистической тактике, основано на особенностях личности названных участников уголовно-процессуальных отношений с целью выбора следственными работниками оптимальной линии поведения, которая позволит им повысить эффективность деятельности, направленной на получение доказательственной и иной криминалистически значимой информации.

Так, например, допрос подозреваемого или обвиняемого часто сопровождается конфликтной ситуацией. Наличие данной ситуации требует от следователя использования тактических приемов, которые будут направлены на преобразование конфликтной ситуации в бесконфликтную, либо приемы, которые в условиях острой конфликтности позволят разоблачить этих лиц во лжи и получить вопреки их желанию правдивые показания. Что касается допроса потерпевших или свидетелей, то он зачастую сопровождается бесконфликтной ситуацией, когда лица дают полные и правдивые показания. Однако и при их допросе также могут возникать ситуации, которые так или иначе искажают реальную картину

произошедшего и препятствуют установлению существенных для дела обстоятельств. Речь идет, прежде всего, о случаях так называемого «добросовестного заблуждения». Дело в том, что для любого лица, участвующего в деле, допрос является своеобразным стрессом, с которым один человек справляется легко, а другой преодолевает его с большим трудом. Волнение, страх и иные факторы могут привести к тому, что потерпевший или свидетель могут что-то попросту забыть или перепутать. В этой ситуации следователю необходимо глубоко проанализировать материалы уголовного дела, чтобы выбрать те тактические приемы, которые будут направлены на активизацию мыслительной деятельности лица, дающего показания, и основываться на установлении обстоятельств дела в строгой хронологической последовательности либо на логическом анализе имеющейся в деле информации.

Переходя к анализу личностных особенностей следователя, стоит отметить, что процесс расследования преступлений требует от него сформированных психологических умений, навыков и качеств работы в нетипичных и сложных следственных ситуациях, умения оптимизировать свою работу, а также скоординировать взаимодействие всех участников, обеспечивающих процесс расследования.

Однако в рамках криминалистического изучения личности следователя остро ощущается дефицит научных разработок, которые могли бы способствовать решению многих криминалистических задач.

В данном аспекте следует согласиться с мнением Ю. Л. Дяблова, который утверждает, что наблюдается явный перекос криминалистического изучения личности в сторону тех участников, свойства и характеристики которых изучаются следователем, и практически отсутствуют завершенные научные криминалистические исследования, посвященные изучению личности самого следователя,

эксперта, оперативных сотрудников, также применяющих криминалистические средства и методы в своей профессиональной деятельности [15, с. 76].

Несмотря на немногочисленные научные разработки, посвященные изучению личности следователя, его деятельность все же является важным объектом исследования в криминалистике.

Попытаемся разобраться в вопросе о том, на какие именно личностные качества следователя акцентирует внимание криминалистическая наука.

Во-первых, многие ученые выделяют в качестве основного аспекта криминалистического изучения личности следователя его профессиональное мышление [15; 16; 17]. Криминалистическое мышление позволяет следователю оптимизировать свою работу и создать необходимые условия для решения широкого спектра криминалистических задач.

Д. В. Бахтеев в качестве структуры криминалистического мышления выделяет следующие элементы:

1) на базовом уровне выделяется совокупность морально-ценностных установок, развитое мировоззрение, а также критическое восприятие действительности;

2) на уровне восприятия ситуационных состояний расследования выделяется анализ сложившейся ситуации, ситуационное мысленное моделирование, версионный процесс;

3) на прикладном уровне криминалистического мышления можно выделить способы принятия криминалистически значимых решений, выявления недоработок в своей деятельности, определения наиболее целесообразных тактических приемов и комплексов по организации и планированию расследования преступлений [18, с. 18].

К числу тех научных разработок, которые обеспечивают развитие криминалистического мышления следователя, можно отнести:

1) научные разработки в области криминалистической алгоритмизации;

2) научные разработки в области тактических комбинаций (операций);

3) научные разработки в области криминалистической ситуалогии;

4) научные разработки в области криминалистической эвристики;

5) научные разработки в области организации версионного процесса и др.

Все эти научные разработки направлены на обеспечение деятельности следователя по созданию определенной системы взаимосвязанных действий в процессе расследования преступления, а также производства отдельного следственного действия или их группы. Научно-практические рекомендации системно-структурного характера позволяют быстро и качественно спланировать ход действий следователя практически в любой следственной ситуации, оптимизировать его деятельность в процессе собирания, исследования, оценки и использования доказательств и иной криминалистически значимой информации.

Однако для разработки полноценной концепции криминалистического мышления, по мнению Н. П. Яблокова, необходимо четко очертить отдельные методы такого мышления, раскрыть возможные приемы их использования прежде всего в рамках расследования преступлений; разработать дидактические приемы выявления знаний у студентов-юристов об этом мышлении, его важности для успешности их будущей юридической работы, особенно в сфере уголовного судопроизводства, и приемов выработки навыков такого мышления у них в том или ином объеме с учетом индивидуальных особенностей их мыслительных способностей [19, с. 119–120].

Во-вторых, следует выделить психологические качества личности следователя. По словам С. Д. Игнатова, основной частью психологической направленности личности следователя является глубокий интерес к своей профессии, понимание им своей работы как дела большого государственного значения. Только такое отношение к профессии способ-

ствуется формированию чувства долга и ответственности за порученное дело, необходимых для успешной следственной деятельности [20, с. 134].

Кроме того, хотелось бы выделить и другие компоненты психологической направленности следователя. К ним, на наш взгляд, можно отнести высокий уровень правовой культуры и правосознания, которое выражается в идейной приверженности к восстановлению социальной справедливости и обеспечению законности и правопорядка. Безусловно, следователь обязан знать нормативные предписания различных правовых актов, а также умело их использовать в практической деятельности по расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений. Однако без подкрепления этих знаний к правовой культуре и правосознанию вряд ли будет полноценно способствовать решению задач по борьбе с преступностью, а также защите прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений.

В-третьих, немаловажную роль в практической деятельности следователя играют и коммуникативные качества, а также организаторские способности.

Дело в том, что в своей работе следователь должен использовать свои психолого-коммуникативные качества не только в отношении подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей, но и в отношении тех лиц, которые участвуют в процессе раскрытия и расследования преступлений. Речь, прежде всего, идет об оперативных работниках, а также лицах, обладающих специальными знаниями, которые наряду со следователем являются составными элементами групповой формы расследования. Успех следственной деятельности будет зависеть, в частности, от возможности найти общий язык с представителями различных органов и структурных подразделений, а также умело наладить с ними контакт, который необходим для формирования комфортного психологического климата в составе следственной или

следственно-оперативной группы. Групповая форма расследования должна представлять собой четко отлаженный механизм, позволяющий решать весь комплекс задач, направленных на оптимизацию деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Выводы и рекомендации. Таким образом, мы коснулись лишь отдельных аспектов криминалистического изучения личности как частной научной теории, которая по своему содержанию достаточно объемная. Многие элементы криминалистического учения о личности остаются недостаточно изученными и находятся в стадии своего становления.

По нашему мнению, криминалистическое изучение личности, которую в своих учебниках отразил Н. П. Яблоков, является отправной точкой, определяющей направление дальнейшего развития данной частной научной теории применительно к современным условиям. При этом необходимо исследовать все многообразие объектов криминалистического изучения личности.

Так, безусловно, изучение личностных особенностей и качеств преступников должно выходить на первый план. Анализ этих данных позволяет следственным работникам более детально разобраться в криминалистической характеристике преступления, дать ему правовую оценку и принять на этой основе наиболее целесообразные тактические и процессуальные решения.

Однако изучение личности других участников уголовного процесса, в том числе и самого следователя, также имеет принципиальное значение. Дело в том, что следователь является центральным элементом в сложной системе уголовно-процессуальных отношений. Исходя из этого, он определяет основные направления расследования преступлений, осуществляет взаимодействие с представи-

телями различных правоохранительных структур и подразделений, а также с общественностью. От личностных особенностей следователя зависит качество процесса расследования, а также полнота исследования всех обстоятельств совершенного преступления.

Таким образом, криминалистическое изучение личности, по нашему мнению, должно стать перспективным направлением развития общей теории криминалистики. Ученым следовало бы больше внимания уделить рассматриваемой частной научной теории, разработать концептуальные положения, касающиеся изучения феномена личности в криминалистике с учетом современного состояния науки и общественно-правовых реалий.

Список литературы

1. Макогон И. В., Косарева Л. В. Проблема построения системы общей и частных теорий современной криминалистики // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). С. 14–23.
2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика; под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2005. 748 с.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3-х т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
4. Криминалистика / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
5. Исютин-Федотков Д. В. Личность человека как объект криминалистического изучения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69), № 1. С. 141–150.
6. Фойгель Е. И. К вопросу о соотношении понятий «человек» и «личность» в криминалистике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 71–78.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Аз, 1996. 928 с.
8. Смирнов И., Титов В. Философия / Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1998. 288 с.
9. Кравчук П. Ф., Зотов В. В. Личность в теории социальных коммуникаций // Личность. Культура. Общество. 2005. № 2 (26), т. 7. С. 73–82.
10. Костюченко Л. Г. Теоретические предпосылки социологического изучения личности // Личность. Культура. Общество. 2005. № 4. С. 108–128.
11. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. 2-е изд., стереотип. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 512 с.
12. Леонтьев А. Н. Индивид и личность: хрестоматия по психологии. М.: Просвещение, 1987. 447 с.
13. Центров Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем М.: Изд-во МГУ, 1988. 159 с.
14. Малыхина Н. И. Личность преступника как объект исследования в криминалистике // Следователь. 2004. № 8. С. 27–29.
15. Дяблов Ю. Л. Личность следователя и его профессиональное мышление как объект криминалистического изучения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-2. С. 75–81.
16. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. М.: Норма, 2009. 288 с.
17. Соколов А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 68–72.
18. Бахтеев Д. В. Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 13–20.

19. Яблоков Н. П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегоднешнего дня // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международ. науч.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. М.: Академия Следственного

комитета Рос. Федерации, 2014. С. 119–120.

20. Игнатов С. Д. Требования, предъявляемые к личности следователя // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2014. № 2. С. 133–141.

Поступила в редакцию 28.03.19

UDK 343.9

D. V. Alymov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: sledczy@list.ru)

N. V. Eskova, Undergraduate, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: natalieskova9@gmail.com)

CRIMINALISTIC STUDY OF PERSONALITY AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF PRIVATE SCIENTIFIC THEORIES

Relevance. *The relevance of research. The article is devoted to the problem of improving the criminalistic study of personality as a private scientific theory. The authors propose the main directions of expanding the subject area of criminalistic personality research, taking into account the modern conditions for the development of science and social and legal realities.*

The problems of scientific research in the field of criminalistic personality studies are relevant. The article analyzes various approaches to the definition of the concepts of "human", "individual", "personality" through the prism of individual social sciences, in particular, sociology and psychology. Personality is the central object of criminalistic research. The authors conclude that the modern scientific approach to the study of personality in criminalistics will review and supplement the subject area of this particular theory, as well as its individual elements. Therefore, they propose to intensify research activities in this direction. Scientists should contribute to the creation of a fundamentally new scientific paradigm focused on the systematic study of personality in criminalistics in order to optimize the detection, investigation and prevention of crimes.

The purpose of this research is to study in depth the concept and content of the forensic doctrine of personality, the analysis of scientific research in this area, as well as the formulation of conclusions regarding the prospects for the further functioning of the considered private scientific theory in modern conditions of forensic development.

Research problem: analysis of scientific approaches to the disclosure of the concept and content of forensic personality studies; the selection of the structural elements of the considered private scientific theory; definition of the main problems of its development in modern conditions.

Methodology. In the process of research the following methods were used: historical, concrete sociological, formal logical, analytical and others.

The results of the research can contribute to the intensification of research activities, as well as the development and implementation of the latest scientific achievements and recommendations based on them on their most effective use.

Conclusion. *The authors conclude that a detailed study of the issues included in the research subject of this article can significantly change the scientific approaches to the formation and functioning of the considered particular forensic theory. Such an approach can increase its relevance and effectiveness in order to solve general and specific tasks of combating crime.*

Key words: *personality; human; individual; particular scientific theory; criminalistics; crime control.*

For citation: Alymov D. V., Eskova N. V. Criminalistic study of personality as an element of the system of private scientific theories. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 81–91 (in Russ.).

References

1. Makogon I. V., Kosareva L. V. Problema postroeniya sistemy obshchej i chast-

nyh teorij sovremennoj kriminalistiki. *Mir nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 1 (5), pp. 14–23.

2. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. *Kriminalistika*; ed. by E. P. Ishchenko. Moscow, Yuridicheskaya firma "Kontrakt" Publ., Infra-M Publ., 2005. 748 p.
3. Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki: Obshchaya teoriya kriminalistiki*. Vol. 2. Moscow, Yurist Publ., 1997. 464 p.
4. *Kriminalistika*; ed. by N. P. Yablokov. 3th ed. Moscow, Yurist Publ., 2005. 781 p.
5. Isyutin-Fedotkov D. V. Lichnost' cheloveka kak ob"ekt kriminalisticheskogo izucheniya. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2017, vol. 3 (69), no. 1, pp. 141–150.
6. Fojgel' E. I. K voprosu o sootnoshenii ponyatij "chelovek" i "lichnost'" v kriminalistike. *Sibirskie ugolovno-procesual'nye i kriminalisticheskie chteniya*, 2016, no. 2 (10), pp. 71–78.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Az Publ., 1996. 928 p.
8. Smirnov I., Titov V. *Filosofiya*. 2th ed. Moscow, Ros. ehkon. akad. im. G. V. Plekhanova Publ., 1998. 288 p.
9. Kravchuk P. F., Zotov V. V. Lichnost' v teorii social'nykh kommunikacij. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2005, no. 2 (26), vol. 7, pp. 73–82.
10. Kostyuchenko L. G. Teoreticheskie predposylki sociologicheskogo izucheniya lichnosti. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2005, no. 4, pp. 108–128.
11. Petrovskij A. V., Yaroshevskij M. G. *Psihologiya*. 2th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 512 p.
12. Leont'ev A. N. *Individ i lichnost'*. *Hrestomatiya po psihologii*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 447 p.
13. Centrov E. E. *Kriminalisticheskoe uchenie o poterpevshem*. Moscow, MGU Publ., 1988. 159 p.
14. Malyhina N. I. Lichnost' prestupnika kak ob"ekt issledovaniya v kriminalistike. *Sledovatel'*, 2004, no. 8, pp. 27–29.
15. Dyablov Yu. L. Lichnost' sledovatelya i ego professional'noe myshlenie kak ob"ekt kriminalisticheskogo izucheniya. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2017, no. 2-2, pp. 75–81.
16. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. *Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskie osnovy*. Moscow, Norma Publ., 2009. 288 p.
17. Sokolov A. B. Kriminalisticheskoe myshlenie: ponyatie i sodержanie. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah*, 2013, no. 4 (55), pp. 68–72.
18. Bahteev D. V. Kriminalisticheskoe myshlenie i programmirovaniye rasledovaniya. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2018, no. 3, pp. 13–20.
19. Yablokov N. P. Nekotorye problemy kriminalistiki v svete segodnyashnego dnya. *Kriminalistika – proshloe, nastoyashchee, budushchee: dostizheniya i perspektivy razvitiya. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priurochennoj k 60-letiyu obrazovaniya sluzhby kriminalistiki*. Moscow, Akademiya Sledstvennogo komiteta Ros. Federacii Publ., 2014, pp. 119–120.
20. Ignatov S. D. Trebovaniya, pred'yavlyaemye k lichnosti sledovatelya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i pravo*, 2014, no. 2, pp. 133–141.

УДК 343.592.3

Д. Р. Бидзян, ст. преподаватель, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», филиал в г. Старый Оскол (Россия, 309514, Белгородская область, Старый Оскол, ул. Ленина, 59) (e-mail: JemmaRobertovna@yandex.ru)

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ДЕЯНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЮ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ

Актуальность. В настоящей статье проведен детальный анализ альтернативных действий, предусмотренных в диспозиции статьи 241 УК РФ. Дана формулировка понятия «организация занятия проституцией» посредством анализа доктринальных источников, международных правовых актов; раскрыты содержание таких элементов, как сутенерство и сводничество, а также даны их определения. Раскрыты понятия «организация притона», «содержание притона» и «систематическое предоставление помещения для занятия проституцией», предложены обоснованные с точки зрения теории и практики применения новеллы.

Целью статьи является комплексный анализ законодательства, предусматривающего ответственность за организацию занятия проституцией, выявление проблем правоприменения и предложения по совершенствованию законодательства.

Задачи. Рассмотреть и проанализировать существующие версии определения понятия «организация занятия проституцией», дать свое определение указанному понятию. Провести анализ приговоров судов в области применения статьи 241 УК РФ с целью разъяснения толкования альтернативных действий, предусмотренных диспозицией указанной статьи. Путем анализа административного законодательства РФ и особенностей привлечения к уголовной ответственности за систематическое предоставление помещений для занятия проституцией предложить новеллы в КоАП РФ, которые на практике облегчат доказуемость «систематичности» предоставления помещения и позволят в полной мере реализовать принцип «неотвратимости наказания».

Методы, использованные в научно-исследовательской работе: диалектика, анализ, синтез, статистический и формально-юридический.

Результаты проведенного исследования позволяют идентифицировать деяния, являющиеся «организацией занятия проституцией», установить критерии; модернизация уголовного и административного законодательства в сфере противодействия организации занятия проституцией.

Вывод. В ходе научно-исследовательской работы в рамках выбранной автором темы предложено: дополнить УК РФ статьей 241.1, которая позволит разграничить «организаторскую деятельность» от «содержания притонов и систематического предоставления помещений для занятия проституцией», а также реализовать принцип справедливости и применить институт соучастия в отношении лиц, совершающих деяния, предусмотренные указанной статьей; изменить содержание статьи 241 УК РФ; дополнить КоАП статьей 6.12.1 «Разовое предоставление помещения для занятия проституцией».

Ключевые слова: проституция; притон; организатор; сутенерство; сводничество; модернизация.

Ссылка для цитирования: Бидзян Д. Р. Об уголовно-правовой оценке деяний, составляющих организацию занятия проституцией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 92–101.

Введение

Уголовно-правовая оценка деяний, входящих в состав преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ, представляет собой одну из дискуссионных тем в теории уголовного права. В соответствии с официальными статистическими данными судами РФ по ст. 241 УК РФ за первое полугодие 2018 г. было вынесено 166 решений, за 2017 г. 392 решения, в 2016 г. – 426 решений [1]. Причиной

столь малых статистических величин является сложность выявления и доказуемости факта «организации занятия проституцией», несмотря на распространенность такого негативного социального явления, как проституция.

Данное обстоятельство объясняется высокой латентностью рассматриваемого преступления и определенными сложностями, возникающими при доказывании признаков состава, предусмотренного ст. 241 УК РФ. Для нейтрализации ука-

занных причин необходимо провести анализ состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за организацию занятия проституцией. Так, объектом преступления является общественная нравственность. Как дополнительный объект посягательства следует выделить общественные отношения в сфере охраны здоровья человека.

Диспозиция рассматриваемой статьи в качестве признаков объективной стороны позволяет выделить несколько альтернативных действий:

- деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами;
- деяния, направленные на содержание притонов для занятия проституцией;
- деяния, направленные на систематическое предоставление помещений для занятия проституцией.

Подобная нормативная формулировка вызывает ряд вопросов:

1. Организация занятия проституцией может выражаться в действиях, направленных на создание возможности для занятия проституцией другими лицами. Однако данное обстоятельство не требует непосредственной организации притона.

В связи с изложенным следует отметить наличие размытости в законодательной формулировке наименования ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией». Указанное наименование по своей смысловой нагрузке включает в себя и сутенерские действия, и посредничество, и пособничество, а также иные разновидности содействия проституции: содержание притонов и систематическое предоставление помещений для целей проституции.

2. Законодатель приравнивает все деяния, описанные в диспозиции статьи, друг к другу, т. е. подразумевая, что общественная опасность от всех этих деяний является одинаковой.

В целях обоснования предложений, сформулированных нами в статье, требуется анализ каждого из альтернативных действий, предусмотренных диспозицией ст. 241 УК РФ, в отдельности.

Методологическую основу в научно-исследовательской работе составили: диалектика, анализ, синтез, статистический и формально-юридический методы.

Результаты и их обсуждение

Действия, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами. Среди ученых-теоретиков нет единого мнения касательно терминологии, используемой законодателем в диспозиции ст. 241 УК РФ. Так, одни «организацию занятия проституцией» приравнивают к понятию «сутенерство» [2, с. 112; 3, с. 680], с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться, потому как в таком случае исполнителем организации занятия проституцией является сутенер. Отечественные криминологи под сутенером понимают «лицо мужского пола, существующее на средства, зарабатываемые проституцией зависимых от него женщин» [4, с. 202; 5, с. 605; 6, с. 151], что, по сути, является сексуальной эксплуатацией.

Действующий Уголовный кодекс РФ содержит в себе статьи, которые предусматривают ответственность как за сексуальную эксплуатацию человека (ст. 127 УК РФ), так и за вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). Посему в целях недопущения конкуренции норм отождествление понятий «сутенерство» и «организация занятия проституцией» является неверным.

Другие ученые утверждают, что организация занятия проституцией есть не что иное, как «сводничество», потому как оно выражается в действиях, которые виновный совершает исключительно в целях извлечения выгоды или иной личной заинтересованности. Указанные действия способствуют облегчению поиска парт-

неров для добровольного вступления в половую связь, одним из которых является лицо, занимающееся проституцией [6, с. 152; 7, с. 631].

На наш взгляд, такое раскрытие терминологии, используемой в диспозиции ст. 241 УК РФ, является неверным в силу того, что сводничество не всегда связано с проституцией.

В юридической литературе сводничество рассматривается в контексте посредничества в организации внебрачных половых контактов или удовлетворении сексуальной «страсти» в различных формах его проявления [8], а также как посредничество в разврате, которое выражается в вербовке лиц как женского пола, так и мужского в целях организации развратных мероприятий для «заказчика», которые совершаются с корыстной целью.

Таким образом, отличие «сводничества» от «организации занятия проституцией» заключается в преследуемой цели – в обеспечении организации любого внебрачного полового контакта, а не в организации занятия проституцией.

Резюмируя изложенное, отметим, ни сутенерство, ни сводничество не являются «организацией занятия проституцией». При этом последний термин охватывает больший круг деяний, о чем свидетельствует юридическая практика.

На сегодняшний день разъяснения Верховного Суда РФ об особенностях применения статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, сопутствующие проституции, в частности ст. 241 УК РФ, отсутствуют. Посему в своих решениях суды, как правило, перечисляют деяния субъекта, подпадающие, по их мнению, под организацию занятия проституцией. Например, Ступинским городским судом организацией занятия проституцией признаны действия в виде: «...предоставления девушек ФИО4 и ФИО5, согласных оказы-

вать услуги сексуального характера за денежное вознаграждение лицам, желающим воспользоваться данными услугами, и плата за это денег; предоставление девушкам, оказывающим услуги сексуального характера, находящегося в пользовании автомобиля; обеспечение сохранности полученных девушками от занятия проституцией денежных средств путем помещения их в условленное место в вышеуказанном автомобиле, а по окончании рабочего времени сопровождение девушек, оказывающих услуги сексуального характера, на своем автомобиле с места нахождения заказчика данных услуг до места жительства ФИО4 и ФИО5», при этом суд признает, что деятельность субъекта направлена на облегчение и создание условий для организации занятий проституцией другими лицами [9].

Аналогичной позиции придерживается Верховный Суд РФ, который по делу Ю. установил, что последний совершал деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, а именно: подыскивал клиентов, развозил девушек по клиентам, забирал обратно и получал деньги, распределял денежные суммы, снимал квартиры для проживания проститутток, оплачивал расходы, связанные с наймом жилья. Непосредственно притон Ю. не организовывал [9]. Но несмотря на это Верховным Судом действия последнего были квалифицированы по ч. 1 ст. 241 УК РФ.

Возможность использования такого описательного подхода подтверждается международным правовым актом, а именно Конвенцией ООН «О борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами», утвержденной Генеральной Ассамблеей 2 декабря 1949 г. [11, с. 287] Указанный правовой акт не содержит в себе понятия преследуемой деятельности и лишь указывает на неотвратимость наказания в

отношении каждого, кто для удовлетворения похоти другого лица выполняет деяния по сводничеству, склонению или соращению в целях проституции другого лица. При этом делается акцент на то, что наличие согласия проституирующего лица на его эксплуатацию не влияет на квалификацию содеянного. Преследуемым по смыслу текста Конвенции является как содержание дома терпимости, так и управление им, а также сознательное финансирование указанного дома терпимости. Наказуемыми являются и действия лица, которые направлены на предоставление в аренду здания или другого места, или части такового, в случае если указанное лицо знает о том, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.

На наш взгляд, квалифицировать как «организацию занятия проституцией» следует только организаторские и административные действия лица, направленные на руководство и обеспечение бесперебойного занятия проституцией другими лицами.

Посредством анализа теоретического материала и приговоров судов РФ нами был определен круг действий, которые относятся к организаторским:

- руководство организацией занятия проституцией другими лицами, подбор лиц, занимающихся проституцией;
- определение формы организации работы проституирующих лиц;
- привлечение и распределение ролей персонала;
- приискание мест как для проживания проституирующих лиц, так и их дислокации в ожидании «заказа», а также непосредственного оказания сексуальных услуг;
- формирование прейскуранта цен на предоставляемые услуги;
- установление правил внутреннего распорядка для персонала, а также си-

стемы дисциплинарных взысканий за нарушение установленных правил;

- установление соответствующего временного регламента занятости персонала, его учет;
- ведение бухгалтерии и обеспечение безопасности преступной деятельности.

К административным действиям следует отнести:

- прием «заказов» на услуги сексуального характера;
- консультация «заказчиков» и потенциальных «заказчиков»;
- представление «заказчику» непосредственного «исполнителя»;
- производство расчетов за оказанные услуги, а также выплата доли вознаграждения проституирующим лицам;
- транспортировка лиц, оказывающих услуги сексуального характера, к «заказчику».

Следующим альтернативным действием в рассматриваемой статье является «содержание притона для занятия проституцией». Под притоном следует понимать помещение или иное место, специально предназначенное или систематически используемое для занятия проституцией. Как притон следует расценивать также помещения или иные места, где дислоцируются лица, оказывающие услуги сексуального характера, ожидая заказов от «потребителя», которые собираются диспетчером, получающим те самые заказы по телефону. Далее диспетчером направляются проституирующие лица к «заказчику» для оказания услуг сексуального характера или же адрес местонахождения «исполнителя» сообщается потребителю, который предпочитает воспользоваться указанными выше услугами на территории «исполнителя» [3, с. 680].

Логично, что содержанию притона всегда предшествует его организация. Она выражается в действиях, направленных на поиск, приобретение, аренду,

приспособление помещения или иного места, а также подбор лиц, занимающихся проституцией, привлечение для них клиентов, поиск и наем лиц, обслуживающих притон, а также иные действия виновного, направленные на создание благоприятных условий для того, чтобы притон был пригодным для целей, ему отведенных.

После того как притон организован и готов к работе, в целях поддержания его функционирования следует содержание притона, которое заключается в оплате расходов, необходимых для обеспечения бесперебойной «работы». Данный факт признается и правоприменителем. Так, Советский районный суд в своем решении отмечает, «...Омельченко Д. В., с целью последующего содержания притона для занятия проституцией, 22 марта 2015 г. арендовал у ФИО7 квартиру №, расположенную в г. Тула. После этого Омельченко Д. В., в период с 22 марта 2015 г. до 23 марта 2018 г., имея умысел на организацию занятия проституцией другими лицами и содержание притона для занятий проституцией, из корыстных побуждений выполнял организаторскую, административную и хозяйственную функции» [12].

Таким образом, на наш взгляд, под организацией притонов для занятий проституцией следует понимать такую деятельность лица (лиц), которая заведомо направлена на создание притона. В тех случаях, когда организация притона перерастает в его содержание, подразумевающее под собой обеспечение дальнейшего его функционирования созданного притона, а также требует от субъекта выполнения организационно-распорядительной, административно-хозяйственной деятельности, уголовная ответственность наступает только за содержание притона. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что российский законодатель «организацию при-

тона» относит к числу действий, входящих в «организацию занятия проституцией».

Вследствие указанного выше правоприменитель квалифицирует выполнение субъектом преступления хозяйственных действий, направленных на содержание притона, как «организация занятия проституцией». Подобное применение закона, на наш взгляд, является неверным, потому как к хозяйственным действиям относится деятельность по контролю и несению хозяйственных расходов. Думается, данные действия являются следствием уже «организованного» занятия проституцией и направлены на дальнейшее обеспечение бесперебойного занятия проституцией другими лицами. Посему наблюдается необходимость в модернизации диспозиции ст. 241 УК РФ следующим образом: «деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами». Дополнить статью примечанием «Под организацией занятия проституцией в настоящей статье понимается организаторская и (или) административная деятельность виновного, направленная на обеспечение бесперебойного занятия проституцией хотя бы одним лицом».

Третьим альтернативным действием, предусмотренным ст. 241 УК РФ, является «предоставление помещений для занятия проституцией», которое заключается в систематическом возмездном или безвозмездном предоставлении лицам, оказывающим услуги сексуального характера, или их «заказчикам» квартир, комнат, дач, садовых домиков и других жилых или нежилых помещений, автомобилей для сексуальных контактов [13, с. 694].

Понятие систематического предоставления помещения для занятия проституцией раскрывается в примечании к ст. 232 УК РФ и определяется законодателем как «предоставление помещений

более двух раз». С учетом изложенного первые два раза правоприменитель выпи­сывает предупреждение «о запрете такой деятельности». Однако данные пред­упреждения не сопровождаются наложе­нием каких-либо взысканий на правона­рушителя, вследствие чего происходит игнорирование принципа «неотвратимо­сти наказания». Подобный недостаток можно компенсировать посредством мо­дернизации административного законо­дательства, которое будет предусматри­вать возможность привлечения лица к ответственности даже при разовом предоставлении помещения.

Выводы и рекомендации

С учетом изложенного выше, на наш взгляд, налицо несовершенство права в области реагирования на преступления и правонарушения, которые причиняют вред или создают угрозу причинения вреда общественной нравственности, что создает необходимость внесения ряда изменений в существующее российское законодательство, предусматривающих административную и уголовную ответ­ственность за деяния, направленные на организацию занятия проституцией и со­путствующие им:

1. Необходимо дополнить Кодекс об административных правонарушениях ст. 6.12.1 «Разовое предоставление по­мещения для занятия проституцией», ко­торая позволит в полной мере реализо­вать принцип «неотвратимости наказа­ния». В виде санкции указанная статья, на наш взгляд, должна предусматривать ответственность, аналогичную ст. 6.12 КоАП (получение дохода от занятия про­ституцией, если этот доход связан с заня­тием другого лица проституцией), а именно «наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей или админист­ративный арест на срок от десяти до пятна­дцати суток».

2. Указанную новеллу необходимо дополнить примечанием: «Под предо­

ставлением помещения для занятия про­ституцией в настоящей статье понимается любое предоставление жилого, нежи­лого помещения или автомобиля другому лицу для занятия проституцией незави­симо от формы предоставления».

Помимо прочего, на наш взгляд, приравнивание деяния по организации занятия проституцией к содержанию притона или предоставлению помещения для занятия проституцией является не­корректным ввиду различия степени уча­стия субъекта в реализации преступного умысла. Так как анализ материалов юри­дической практики свидетельствует о том, что именно организатор занятия проституцией выполняет действия по во­влечению других лиц в «содержание при­тона и систематическое предоставление помещения для занятия проституцией», однако законодатель предусматривает равную санкцию при совершении любого из этих деяний или всех их вместе взя­тых. Посему нуждается в модернизации и уголовное законодательство.

3. Дополнить ст. 241.1 «Содержание притонов или систематическое предо­ставление помещений для занятия про­ституцией», которая разграничит уголов­ную ответственность за деяния разного характера и степени общественной опас­ности. Установить наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок».

С учетом того, что субъектом пре­ступления в ст. 241 УК РФ является фи­зическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а на практике рас­сматриваемое преступление чаще совер­шается в соучастии, правоприменитель деятельность нескольких лиц с распреде­лением обязанностей между ними вы­

нужденно признает организацией занятия проституцией в соисполнительстве, игнорируя имеющийся в уголовном праве институт соучастия. Подобный факт имеет место быть ввиду того, что законодателем не предусмотрены квалифицирующие обстоятельства в виде совершения преступления в соучастии. На наш взгляд, указанный недостаток обосновывается наименованием ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией». Посредством грамматического толкования закона делается вывод, что само наименование определяет в качестве субъекта именно организатора. В подобном случае не в полной мере реализуется принцип «справедливости» (ч. 1 ст. 6 УК РФ), т. е. при различной степени участия лиц им инкриминируется единая статья.

4. Предложенная нами новелла в виде дополнения УК РФ ст. 241.1 «Содержание притонов или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией» расширит возможности в применении справедливого наказания при совершении преступления в соучастии:

«1. Содержание притонов или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные лицом:

а) с использованием своего служебного положения;

б) для занятия проституцией несовершеннолетних, –

наказываются лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на

срок до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой лиц, – наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй и третьей настоящей статьи, совершенные для занятия проституцией лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо без такового».

5. Модернизировать ст. 241 УК РФ следующим образом:

«1. Деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, –

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с применением насилия или с угрозой его применения;

в) с использованием для занятия проституцией несовершеннолетних, –

наказываются лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

на срок до десяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием для занятия проституцией лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо без такового».

Указанные новеллы, на наш взгляд, способны усовершенствовать российское законодательство в сфере борьбы с организацией занятия проституцией и иных сопутствующих проституции правонарушений и преступлений, облегчить процедуру выявления и привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, причиняющих вред или создающих угрозу причинения такого вреда охраняемым общественным отношениям в сфере нравственности.

Список литературы

1. Официальная статистика Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 27.01.2019).

2. Сучкова В. В. Общественная нравственность в сфере половых отношений как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 198 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 1359 с.

4. Люблинский П. И. Преступления в области половых сношений. М.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 246 с.

5. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2001. 703 с.

6. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Э. Н. Ренова. М.: Норма, 2002. 1040 с.

7. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Юрайт, 2014. 857 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 326 с.

9. Приговор № 1-117/18 от 8 мая 2018 г. по делу № 1-117/18 [Электронный ресурс] // Ступинский городской суд. URL: http://sudact.ru/regular/doc/9QeEjDRG7JLw/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+241.+Организация+занятия+проституцией%28УК+РФ%29®ular-doc_type=1008®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1546592171280 (дата обращения: 27.01.2019).

10. Определение Верховного Суда РФ от 24 марта 2006 г. № 48-006-25 [Электронный ресурс] // Судебная система Российской Федерации. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_34313.htm (дата обращения: 27.01.2019).

11. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России. Международно-правовой аспект. М.: Юристъ, 2006. 591 с.

12. Приговор № 1-51/2018 от 28 мая 2018 г. по делу № 1-51/2018 [Электронный ресурс] // Советский районный суд г. Тулы. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/L0K1LrIVygJl/?regular-txt=®ular-case_doc=1-51%2F2018®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=08.01.2018®ular-date_to=29.03.2019®ular-workflow_stage=&

regular-area=®ular-court=%D0%A1%
 D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%
 %81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%
 80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD
 %D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%
 D1%83%D0%B4+%D0%B3.%D0%A2%D
 1%83%D0%BB%D1%8B+%28%D0%A2%
 D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0
 %BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%
 B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82

%D1%8C%29®ular-judge=&_=155386
 4225130&snippet_pos=3146#snippet (дата
 обращения: 27.01.2019).

13. Комментарий к Уголовному ко-
 дексу Российской Федерации (постатей-
 ный) / под ред. А. И. Чучаева. 2-е изд.,
 испр., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2009.
 1032 с.

Поступила в редакцию 25.03.19

UDC 343.592.3

D. R. Bidzyan, Senior Lecturer, Branch of the Voronezh Economic-Legal Institute in the city of Stary Oskol (Russia, 309514, Belgorod region, Stary Oskol, Lenin Str., 59) (e-mail: JemmaRobertovna@yandex.ru)

ABOUT THE CRIMINAL LEGAL EVALUATION OF THE ACTS THAT CONSTITUTE THE ORGANIZATION PROSTITUTION

Urgency. *This article provides a detailed analysis of alternative actions provided for in the disposition of article 241 of the criminal code. The formulation of the concept of "organization of prostitution" through the analysis of doctrinal sources, international legal acts is given; the content of such elements as pimping and pimping is disclosed, as well as their definitions are given. The concepts of "the organization of the brothel, the content of the brothel and the systematic provision of premises for prostitution" are revealed, justified from the point of view of the theory and practice of the novel.*

The purpose of the article is a comprehensive analysis of the legislation providing for responsibility for the organization of prostitution, identification of problems of law enforcement and proposals to improve the legislation.

Tasks. *To consider and analyze the existing versions of the definition of "organization of prostitution", to give its definition of this concept. To analyze the sentences of courts in the application of article 241 of the criminal code in order to clarify the interpretation of alternative actions provided for by the disposition of this article. By analyzing the administrative legislation of the Russian Federation and the features of criminal prosecution for the systematic provision of premises for prostitution to offer novelties in the administrative Code, which in practice will facilitate the provability of "systematic" provision of premises and will fully implement the principle of "inevitability of punishment".*

Methods used in research: *dialectics, analysis, synthesis, statistical and formal legal.*

The results of the study allow to identify the acts that are "organization of prostitution", setting the criteria; modernization of criminal legislation and administrative in the sphere of combating the organization of prostitution.

Conclusion. *In the course of research work within the framework of the chosen by the author proposed: to Supplement the criminal code article 241.1, which will distinguish "organizational activities" from "the content of brothels and systematic provision of premises for prostitution", as well as to implement the principle of justice and apply the institution of complicity in respect of persons committing acts provided for in this article; to change the content of article 241 of the criminal code; to Supplement the administrative Code of article 6.12.1 "One-time provision of premises for prostitution".*

Key words: *prostitution; brothel; organizer; pimping; pimping; modernization.*

For citation: Bidzyan D. R. About the criminal legal evaluation of the acts that constitute the organization prostitution. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 92–101 (in Russ.).

Reference

1. *Oficial'naya statistika Sudebnogo departamenta RF*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (accessed 27.01.2019).
2. Suchkova V. V. *Obshchestvennaya npravstvennost' v sfere polovyh otnoshenij kak ob"ekt ugolovno-pravovoj ohrany*. Diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2004. 198 p.
3. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii*; ed. by V. M. Lebedev. 12th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2012. 1359 p.
4. Lyublinskij P. I. *Prestupleniya v oblasti polovyh snoshenij*. Moscow, L. D. Frenkel' Publ., 1925. 246 p.
5. *Bol'shoj juridicheskij slovar'*; ed. by A. Ya. Suharev, V. E. Krutskih. 2th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 703 p.
6. *Kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah*; ed. by Eh. N. Renova. Moscow, Norma Publ., 2002. 1040 p.
7. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'*; ed. by I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. Moscow, Yurajt Publ., 2014. 857 p.
8. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)*; ed. by V. I. Radchenko. 2th ed. Moscow, Prospect Publ., 2008. 326 p.
9. Prigovor No 1-117/18 ot 8 maya 2018 g. po delu No 1-117/18. Stupinskij gorodskoj sud. URL: http://sudact.ru/regular/doc/9QeEjDRG7JLw/?regular-txt=@ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Stat'ya+241.+Orga-nizaciya+zanyatiya+prostytuciej%28UK+RF%29@ular-doc_type=1008@ular-date_from=@ular-date_to=@ular-workflow_stage=@ular-area=@ular-court=@ular-judge=&_=1546592171280 (accessed 27.01.2019).
10. *Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2006 g. No 48-006-25*. Sudebnaya sistema Rossijskoj Federacii. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_34313.htm (accessed 27.01.2019).
11. Mizulina E. B. *Torgovlya lyud'mi i rabstvo v Rossii. Mezhdunarodno-pravovoj aspekt*. Moscow, Yurist Publ., 2006. 591 p.
12. *Prigovor No 1-51/2018 ot 28 maya 2018 g. po delu No 1-51/2018*. Sovetskij rajonnyj sud g. Tuly. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/L0K1LrIVygJl/?regular-txt=@ular-case_doc=1-51%2F2018@ular-lawch_unkinfo=@ular-doc_type=1008@ular-date_from=08.01.2018@ular-date_to=29.03.2019@ular-workflow_stage=®ular-area=@ular-court=%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%D0%B3.%D0%A2%D1%83%D0%BB%D1%8B+%28%D0%A2%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29@ular-judge=&_=1553864225130&snippet_pos=3146#snippet (accessed 27.01.2019).
13. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)*; ed. by A. I. Chuchaeva. 2th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 1032 p.

М. И. Синяева, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: mari_sinyueva@mail.ru)

ПОНЯТИЕ «ВОЗРАСТ» И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

***Актуальность** настоящей статьи заключается в важности правильного понимания для уголовного права такой категории, как возраст, несмотря на то, что уголовное законодательство не содержит дефинитивной нормы, устанавливающей понятие возраста, поэтому такое толкование возможно в рамках формирования уголовно-правовой доктрины.*

***Целью** статьи является всестороннее изучение понятия «возраст» для установления его уголовно-правовой регламентации.*

***Задачи** настоящей статьи заключаются в обозначении классификации возраста и ее подтверждении через приведенные основания и доводы; установление доктринального толкования понятия «возраст».*

***Методами** исследования выступают формально-юридический, позволяющий выявить соответствующие правовые понятия и выработать авторскую классификацию, и анализ законодательного закрепления понятия «возраст».*

***Результатами** исследования является вывод о том, что нормативное закрепление понятия возраста не требуется ни в уголовном, ни в ином нормативно-правовом акте. Тем не менее для определения и качественной работы правоприменителя в сфере уголовного законодательства необходимо доктринальное толкование возраста.*

***Вывод.** Автор в своем исследовании приходит к определению возраста в уголовном законодательстве как многовекторного фактора, который, во-первых, закреплен законодателем как одно из условий привлечения к уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), во-вторых, как признак, дифференцирующий потерпевших (ст. 106 и т.д.), в-третьих, как элемент уголовно-правовых предписаний, в которых указаны иные лица, не являющиеся акторами или потерпевшими.*

Исходя из рассмотренных критериев видов возраста, имеющих, по мнению автора, значение для уголовного законодательства, с определённой долей условности можно обозначить следующую классификацию возраста, в соответствии с которой он представлен по трем видам: биологический, хронологический, социально-правовой. Каждый из указанных видов возраста в той или иной мере прослеживается во всех нормативно-правовых актах.

***Ключевые слова:** понятие «возраст»; классификация возраста; профессиональный возраст; многовекторность; биологические; хронологические и социально-правовые признаки.*

***Ссылка для цитирования:** Синяева М. И. Понятие «возраст» и его уголовно-правовая регламентация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 102–107.*

Введение. Возраст – это многоплановое, междисциплинарное, всеобъемлющее понятие, которое имеет важное значение для всех отраслей права. Тем не менее ни в одной отрасли права данное понятие не закреплено на законодательном уровне.

Термин «возраст» можно определить с различных сторон. В соответствии со словарем С. И. Ожегова: «...возраст – это количество прожитого времени, лет» [1, с. 567], т. е. хронологический период времени, измеряемый годами. Такое понимание данного термина можно обозначить как общебытовое. В то же время биология, медицина, педагогика, психология, философия, социология с неизбежностью оперируют данным понятием, наполняя его своеобразными чертами,

необходимыми для реализации целей указанных наук. Уголовное право, преломляя все существующие дефиниции, заимствует лишь их сердцевину, что, на наш взгляд, вполне справедливо, т. к. право, в том числе и уголовное, чрезмерно наполненное знаниями из других отраслей, становится неработоспособным механизмом. Уголовное право заимствует данную терминологию, преломляя ее для своих нужд.

Несмотря на научную и практическую потребность, в том числе для целей уголовного права, какого-то единого учения о возрасте в юридической науке не сложилось [2, с. 6]. Можно лишь отметить, что многие авторы также подходят к определению рассматриваемого понятия с точки зрения временного периода,

выделяя при этом различные виды возраста.

Общеизвестно, что достижение установленного в законе возраста входит в число обязательных признаков субъекта преступления, а в ряде квалифицированных составов является конструктивным для определения признака потерпевшего от преступления и иных лиц. Следовательно, правильное понимание такой категории, как возраст, имеет весьма важное значение для уголовного права. В то же время уголовное законодательство не содержит дефинитивной нормы, устанавливающей понятие возраста, поэтому такое толкование возможно в рамках формирования уголовно-правовой доктрины [3, с. 300; 4, с. 167].

Методологическую базу исследования составил анализ законодательного закрепления понятия «возраст» и формально-юридический метод, позволяющий выявить соответствующие правовые понятия и выработать авторскую классификацию.

Для определения уголовно-правовой регламентации понятия «возраст» проанализируем его законодательное закрепление. Применительно к уголовному праву можно обозначить следующую классификацию возраста, в соответствии с которой он представлен по трем видам: *биологический, хронологический, социально-правовой*. При этом уголовно-правовая регламентация возраста в УК РФ подразумевает его закрепление как в положениях, касающихся субъекта преступления, потерпевшего от преступления, так и иных лиц, чему и посвящена данная работа.

Результаты и их обсуждение. В действующем уголовном законодательстве для обозначения возраста применяются следующие формулировки: «возраст, установленный настоящим Кодексом» (ст. 19 УК РФ), «возраст, с которого наступает уголовная ответственность» (ст. 20 УК РФ). В юридической литерату-

ре имеются и другие определения возраста: «возраст наступления уголовной ответственности», «возраст уголовной ответственности» [5, с. 51], «возраст вменения» [6, с. 32; 7, с. 168]. Следует согласиться с позицией Г. В. Назаренко, который полагает, что общепризнанное понятие «возраст наступления уголовной ответственности», в сущности, однозначно соответствует законодательному взгляду [8, с. 113]. При каждом упоминании подразумевается так называемый паспортный возраст, достижение которого закон связывает с возможностью привлечения субъекта к уголовной ответственности.

Как мы указали ранее, уголовное право аккумулирует в себе практически все виды возраста. Так *хронологический* возраст, (календарный, паспортный) [9, с. 83], исходя из трактовки ст. 20 УК РФ, необходим для установления возраста уголовной ответственности. В частях 1, 2 указанной статьи установлены общий (16 лет) и «пониженный» (14 лет) возраст наступления уголовной ответственности. Часть 3 указанной нормы фактически объединяет в себе *биологический* (психологический) [10, с. 323] и *социальный* [11, с. 117] возраст, где указано, что в случае достижения лицом возраста ответственности, но в силу отставания в психическом развитии, не связанном с психическими расстройствами, такое лицо уголовной ответственности не подлежит. Это позволяет утверждать, что при отсутствии качественной наполненности (интеллектуально-волевой фактор) отдельно календарный возраст не обладает тем значением, которое было бы решающим для уголовного права.

Профессиональный и *правовой* возраст уголовным законодательством определяется либо через критерии специального субъекта, либо как криминообразующий признак, указывающий на специфические черты потерпевшего от преступления или иных лиц.

Так, значение профессионального возраста заключается в том, что для квалификации преступления ст. 202 УК РФ

лицо должно быть либо нотариусом, либо аудитором, в ч. 2 ст. 150 УК РФ предусмотрен субъект преступления не только родитель или иной законный представитель, но и педагогический работник. Педагогом считается лицо, которое занимает соответствующую должность в государственном или негосударственном образовательном или воспитательном учреждении. В роли иных лиц могут выступать опекуны (попечители), приемные родители, чьи функции по воспитанию несовершеннолетнего закреплены в законе и являются определяющими.

В то же время в ст. 156 УК РФ субъектом преступления может быть, помимо родителя или иного законного представителя, педагогический работник или другой работник образовательной организации, медицинской организации, оказывающей социальные услуги либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетними. Под надзором в данном случае понимается не только непосредственный контроль за действиями несовершеннолетнего, но и деятельность воспитательного характера в принципе.

Наблюдается разная терминология в ст. 150 и 156 УК РФ применительно к описанию признаков специального субъекта. Учитывая, что основной объект уголовно-правовой охраны в данных нормах совпадает – это интересы несовершеннолетнего, не представляется возможным объяснить, почему перечень субъектов в ст. 156 УК РФ изложен шире, нежели в ст. 150 УК РФ, за счет законодательной формулировки «другой работник образовательной организации, медицинской организации, оказывающей социальные услуги либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетними». Учитывая, что ст. 156 УК РФ предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, возникает вопрос о полномочиях, указанных в диспозиции нормы, организаций. Полагаем, что медицинские ор-

ганизации не выполняют воспитательные функции. Так, в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что одним из принципов является приоритет охраны здоровья детей [7, ст. 4]. Нормативное определение термина «воспитание» дано в Федеральном законе «Об образовании», где сказано, что «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [8, ст. 2]. Соответственно, все образовательные организации осуществляют воспитательную функцию. Дать исчерпывающий перечень организаций, оказывающих социальные услуги, не представляется возможным, т. к. видов социальных услуг в настоящее время насчитывается более 200.

Как нам представляется, воспитательная функция реализуется далеко не всеми организациями, оказывающими социальные услуги. Следовательно, для определения признаков субъекта, осуществляющего свои трудовые обязанности в какой-либо конкретной организации, правоприменитель обязан обращаться к соответствующему нормативному акту, регламентирующему деятельность той или иной организации, оказывающей социальные услуги в целях выявления нормативно закрепленной обязанности осуществлять воспитательные функции в отношении несовершеннолетних.

Приведенный пример свидетельствует, что в случае если криминообразующим признаком является профессиональный возраст, правоприменителю следует учитывать не только возрастной фактор, но и функциональный момент осуществления профессиональной функции.

Примером профессионального возраста потерпевшего может быть состав преступления, предусмотренный ст. 295

УК РФ, где потерпевшим может быть только лицо, осуществляющее профессиональные функции в области правосудия либо предварительного расследования (судья, следователь, прокурор и т. д.)

Профессиональный возраст иных лиц можно проследить в случаях законодательной формулировки о совершении преступления в связи с исполнением лицом своих профессиональных обязанностей, когда потерпевшим будет близкое лицо. Например, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство близких в связи с осуществлением лицом служебной деятельности. Потерпевшим будет являться «близкое лицо», а иным лицом – лицо, выполнившее профессиональную функцию. Аналогичные признаки обнаруживаются в п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Таким образом, для уголовного законодательства имеет значение хронологический, биологический (психологический), социальный, правовой, и профессиональный возраст.

Выводы и рекомендации. Анализ нормативно-правовых актов позволяет заключить, что на законодательном уровне понятие «возраст» не закреплено и, как представляется, такое закрепление не требуется ввиду того, что данный термин носит общеизвестное представление и для каждой науки имеют существенное значение именно какие-то особенности. Например, для медицины – это физиологические особенности, для психологии – это вопрос восприятия, для права – это совокупность различных особенностей. Что касается уголовного права, то в данное понятие оно вкладывает различные критерии: из психологии – возможность осознавать, из социологии – позиционировать себя в обществе и т. д. Данные совокупности уголовное право определяет в отдельных нормах Уголовного кодекса, в связи с чем определять возраст и давать ему нормативное определение нет необходимости. Следует лишь учиты-

вать, что для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо не только знать его паспортный возраст, но и развитие данного лица должно соответствовать определенным требованиям.

Нормативное закрепление понятия возраста не требуется ни в уголовном, ни в ином нормативно-правовом акте. Тем не менее для определения и качественной работы правоприменителя в сфере уголовного законодательства необходимо доктринальное толкование возраста.

Возраст в уголовном законодательстве – многовекторный фактор, который, во-первых, закреплен законодателем как одно из условий привлечения к уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), во-вторых, как признак, дифференцирующий потерпевших (ст. 106 и т. д.), в-третьих, как элемент уголовно-правовых предписаний, в которых указаны иные лица, не являющиеся акторами или потерпевшими.

Многовекторность данного понятия заключается в том, что в *доктрине уголовного права возраст* рассматривается с позиции состава преступления, в качестве одного из признаков состава преступления и *специальных признаков* потерпевшего от преступления, влияющих на квалификацию содеянного. Возраст иных лиц находится вне поля зрения уголовно-правовой *доктрины*.

Исходя из рассмотренных выше критериев видов возраста, имеющих, по мнению автора, значение для уголовного законодательства, с определённой долей условности можно обозначить следующую классификацию возраста, в соответствии с которой он представлен по трем видам: *биологический, хронологический, социально-правовой*. Каждый из указанных видов возраста в той или иной мере прослеживается во всех нормативно-правовых актах, поэтому автор считает представленную классификацию наиболее полной и приемлемой. Возраст – это совокупность таких биологических, хронологических и социально-правовых

признаков, которые являются базовыми основаниями для решения вопросов о привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания.

Биологические признаки рассматриваемого понятия учитываются лишь отчасти – в основном это психологический возраст, который имеет значение, т. к. отражает уровень развития организма и уровень психической зрелости как лица, достигшего возрастных границ ответственности, установленных УК РФ (ч. 3 ст. 20 УК РФ), так и лиц, являющихся потерпевшими от преступления (ст. 124, 128 УК РФ и т. д.). Относительно иных лиц данный вид возраста не получил своего отражения.

Хронологические признаки (паспортный и календарный) также имеют существенное значение для привлечения к уголовной ответственности, что прямо прописано в ст. 19 УК РФ. Относительно субъекта преступления такими примерами являются ст. 134, 135 УК РФ и др. Также хронологические признаки имеют значение для потерпевшего от преступления (п. в ч. 2 ст. 105, 133, 134, 135 УК РФ и т. д.) и иных лиц (ст. 61, 82, 245 УК РФ и т. д.).

Социально-правовые признаки включают правовой, социальный и профессиональный виды возраста. Значение этих видов заключается в том, что они должны отражать возможность лица осознавать свои права и обязанности перед обществом (ч. 2 ст. 150, 156 УК РФ и т. д.). Относительно иных лиц данный вид возраста имеет значение в таких статьях, как 82 и 87 УК РФ.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

2. Михеев Р. И. Возраст. Уголовно-правовые и криминологические пробле-

мы // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью / отв. ред. Р. И. Михеев. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 3–17.

3. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.

4. Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М.: Высш. шк., 2009. 252 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / сост.: С. В. Бородин, С. В. Замятина; под ред. В. М. Лебедева. М.: СПАРК, 1998. 942 с.

6. Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: ИНФРА-М, 1996. 63 с.

7. Уголовное право. Часть общая / под ред. С. В. Бородина, Н. И. Загородникова, В. Ф. Кириченко. М.: Юрид. лит., 1996. 511 с.

8. Назаренко Г. В. Невменяемость. Уголовно-релевантные психические состояния. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 207 с.

9. Антипина И. Ю. Психологический возраст как отображение личностного ресурса // Известия ТРТУ. Тем. вып.: Психология и педагогика. 2006. № 14. С. 81–86.

10. Маркин В. В., Маркина Л. Д. Соотношение биологического, психологического и календарного возраста человека // Здоровье и образование в XXI века. 2011. Т. 13, № 7. С. 323–324.

11. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: монография. М.: Ось-89, 2009. 240 с.

Поступила в редакцию 15.03.19

UDC 343.224

M. I. Sinyaeva, Senior lecturer, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru)

THE CONCEPT OF "AGE" AND ITS CRIMINALLY-LEGAL REGULATION

The urgency of this article is the importance of a proper understanding of criminal law such as age category, despite the fact that the criminal law does not contain definitive rules that establishes the concept of age, so this interpretation is possible in the framework of the formation of criminal law doctrine.

The aim of the paper is a comprehensive study of the "age" of the concept, to establish its criminal legal regulation.

The objectives of this article are to the designation of the classification of the age and its confirmation through the listed grounds and arguments; establishing doktrinalnogo interpretation of the term "age".

The methods of research are legalistic, allowing to identify the relevant legal concepts and develop the author's classification, and analysis of legislative consolidation of the concept of "age".

The results of the study is the finding that the standard fastening age have no need of any criminal or in another legal act. However, to determine the quality of the work and the law enforcer in the area of criminal law must be doctrinal interpretation of the age.

Conclusion. The author in his study comes to determining the age of the criminal law - as a multi-faceted factors that, first, is fixed by the legislator as a condition of criminal responsibility (Article 19 of the Criminal Code.), And secondly, as a sign that differentiates victims (Article . 106, etc.), in the third place, as an element of the criminal law provisions which specify other persons are not actors or victims. Based on the criteria considered species with age, according to the author, to the criminal law, with a certain degree of conditionality can be identified by the following classification of age, according to which it is represented by three kinds: biological, chronological, social and legal. Each of these types of age in one way or another can be traced in all legal acts.

Key words: the concept of "age", the age classification, professional age, multi-vector, biological, chronological, social and legal characteristics.

For citation: Sinyaeva M. I. The concept of "age" and its criminally-legal regulation. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 102–107 (in Russ.).

Reference

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. 4th ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.

2. Miheev R. I. *Vozrast. Uголовно-правовые и криминологические проблемы. Problemy sovershenstvovaniya bor'by s prestupnost'yu*; ed. by R. I. Miheev. Irkutsk, Irkut. Univ. Publ., 1985, pp. 3–17.

3. *Uголовное право. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs. Vol. 7: Sub"ekt prestupleniya. Sub"ektivnaya storona prestupleniya. Kn. I. Sub"ekt prestupleniya*; ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, Yurlitin-form Publ., 2016. 528 p.

4. Bajbarin A. A. *Uголовно-правовая дифференциация возраста*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2009. 252 p.

5. Borodin S. V., Zamyatina S. V. *Uголовный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами*; ed. by V. M. Lebedeva. Moscow, SPARK Publ., 1998. 942 p.

6. Ignatov A. N., Kostarevoj T. A. *Uголовная ответственность и состав пре-*

stupleniya. Moscow, INFRA-M Publ., 1996, 63 p.

7. *Uголовное право. Chast' obshchaya*; ed. by S. V. Borodin, N. I. Zagorodnikov, V. F. Kirichenko. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1996. 511 p.

8. Nazarenko G. V. *Nevmenyaemost'. Uголовно-relevantnye psichieskie sostoyaniya*. St.-Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2002. 207 p.

9. Antipina I. Yu. *Psichologicheskij vozrast kak otobrazhenie lichnostnogo resursa. Izvestija TRTU. Tem. vyp.: Psichologiya i pedagogika*, 2006, no. 14 (69), pp. 81–86.

10. Markin V. V., Markina L. D. *Sootnoshenie biologicheskogo, psichologicheskogo i kalendar'nogo vozrasta cheloveka. Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*, 2011, vol. 13, no. 7, pp. 323–324.

11. Nazarenko G. V. *Uголовно-relevantnye psichieskie sostoyaniya lic, sovershivshih prestupleniya i obshchestvenno opasnye deyaniya*. Moscow, Os'-89 Publ., 2009. 240 p.

УДК 343.3/7

И. Г. Пыхтин, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: abcqir@gmail.com)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ФРАНЦИИ

***Актуальность** проблемы имплементации международных императивов в области правового поля, выработанных ООН, о защите критической информационной инфраструктуры в современное национальное уголовное законодательство ряда зарубежных стран Центральной Европы: Германии, Австрии, Швейцарии и Франции – заключается в том, что особо важные объекты критической инфраструктуры этих развитых государств в большей степени подвергаются неправомерному воздействию, следовательно, требуют большей защищенности.*

***Целью** статьи является анализ состояния и развития современного законодательства Германии, Австрии, Швейцарии и Франции в области уголовно-правовой защиты критических информационных структур жизнедеятельности этих государств и своевременность включения в их конструкцию международных правовых требований охраны этого направления защиты.*

*Для реализации этой цели были поставлены **задачи** изучения и анализа современного уголовного законодательства Германии, Австрии, Швейцарии и Франции, выявление особенностей искомых нормативных предписаний каждой страны, отличие их соответствующих юридических институтов друг от друга, реакции европейских ученых на закрепленные в национальных правовых регуляторах охранительных институтов.*

***Методологией** исследования темы настоящей статьи являются основные диалектические методы познания правовой действительности, а также теоретический анализ, синтез, умозаключение, индукция, дедукция, документальный метод изучения уголовных кодексов стран Центральной Европы, а также системно-структурный метод.*

*Вышеперечисленные аспекты позволили сделать **выводы и рекомендации**: критическая информационная инфраструктура Франции, Германии, Австрии и Швейцарии защищена несколькими, а в отдельных случаях и многочисленными нормами уголовного закона, тем не менее до настоящего времени искомое понятие данного вида инфраструктуры в праве этих стран не выработано.*

***Ключевые слова**: критическая информационная инфраструктура; неправомерное воздействие; компьютерная информация; зловередная компьютерная программа; средства защиты компьютерной информации; международная конвенция; информационные и коммуникационные технологии.*

Ссылка для цитирования: Пыхтин И. Г. Обеспечение уголовно-правовой охраны национальных объектов критической информационной инфраструктуры Германии, Австрии, Швейцарии и Франции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 108–115.

Современное киберпространство не имеет границ, национальности и каких-либо пределов распространения любой компьютерной информации, что, несомненно, актуализирует любую проблематику, связанную с неправомерным вмешательством в киберинфраструктуру любого государства и мирового сообщества в целом.

В уголовном законодательстве стран Европейского союза, где превалирует романо-германская правовая система, до недавнего времени уголовная ответственность за посягательства на нацио-

нальную критическую информационную инфраструктуру не предусматривалась, а соответственно, актуальность правовой защиты информационной архитектуры особо важных объектов жизнеобеспечения стран, входящих в ЕС, стояла и продолжает стоять очень остро. Кроме того, кодифицированные уголовные законы этих стран по сегодняшний день не структурировали преступления в сфере компьютерной информации, как это сделано в Уголовном кодексе РФ, в уголовном законодательстве Сингапура и модельном Уголовном кодексе стран СНГ,

в них нет отдельного раздела или самостоятельной главы, в которых были бы сконцентрированы категории преступлений в сфере компьютерной информации.

Целенаправленно исследовав проблему имплементации норм, принятых Евросоюзом, о защите критической информационной инфраструктуры в Уголовных кодексах государств Центральной Европы – Германии, Австрии, Швейцарии и Франции, а также используя методы теоретического синтеза, анализа, индукции, дедукции, изучения документов и системно-структурного метода, нами выяснено, что лишь после принятия государствами-членами ЕС ряда общеправовых европейских документов (например, Рекомендаций Комитета Министров по проблемам информационных технологий (N R (95) 13) и Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.)), а также Дополнительного протокола о введении уголовной ответственности за правонарушения, совершенные посредством кибернетических систем ETS N 189 (Страсбург, 28 января 2003 г.), в этих странах началась определенная работа по имплементации в национальное уголовное право положений, выработанных ЕС по защите критической информационной инфраструктуры [1; 2; 3].

В большинстве уголовных законов стран Европы эти нормы рассредоточены в различных разделах, в которых основными объектами неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру выступают различные виды общественных отношений, например, такие как: государственная измена и угроза внешней безопасности, национальная оборона (Австрия, ФРГ), общественная безопасность и общественный порядок (Нидерланды, ФРГ), служебная тайна и конфиденциальность (ФРГ), си-

стемы автоматизированной обработки информации (Бельгия, Франция), аутентификация средств кредитно-финансовых национальных учреждений (Австрия, Дания, ФРГ) и др. [2; 4; 5]

Изучив уголовное законодательство стран Европейского союза, мы не нашли ни в одном из них единого законодательного подхода к уголовно-правовому определению «критическая информационная инфраструктура», а главное – в них отсутствуют те самые конкретные нормы, которые должны предусматривать уголовную ответственность за неправомерное воздействие на национальные особо важные объекты жизнедеятельности. В соответствующих законах этих стран сосредоточены только те нормы, которые определяют такую ответственность за нарушение общественных отношений в различных сферах государственного, экономического, военного, социального и иного управления.

Так, в Федеративной Республике Германии соответствующая уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за посягательство на информационную инфраструктуру страны, была включена в Уголовный кодекс лишь после принятия в 2009, 2011 гг. «Национальной стратегии защиты критической инфраструктуры» и «Стратегии кибербезопасности для Германии», в которых определено, что критическая инфраструктура – это особо важные национальные, общественные и иные объекты, имеющие большое значение для функционирования современного общества, любой отказ или деградация которых приведет к устойчивым нарушениям и изменениям. В этих документах важность объекта критической информационной инфраструктуры рассматривается с точки зрения нарушения его функциональности или сбоя в безопасности, а также значимостью архитектуры обеспечения ин-

формационной и телекоммуникационной, электрической инфраструктуры, транспортного сегмента [6; 7].

В соответствии с этими документами в УК Германии были внесены поправки о защите целостности и конфиденциальности информационных технологий в параграфы 202a, 303a и 303b. Так, п. 202a УК Германии предусматривает уголовную ответственность за «шпионаж данных», т. е. незаконное получение данных для виновного или другого лица, которые были особенно защищены от несанкционированного доступа, если он обошел защиту (ч. 1). Эти данные должны быть только те, которые хранятся или передаются в электронном или магнитном виде или иным способом, не воспринимаемым непосредственно (ч. 2). Диспозиция п. 303a (Подделка данных) распространяется на тех лиц, которые незаконно удаляют, подавляют, предоставляют непригодную для использования компьютерную информацию или изменяют компьютерные данные (ч. 1). И уже ближе к пониманию неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру выглядит норма УК Германии п. 303b, предусматривающая ответственность за компьютерный саботаж, когда виновный вмешивается в операции ввода, обработки или передачи данных, подделывает их, незаконно удаляет, подавляет, предоставляет непригодную компьютерную информацию для использования или изменяет данные (п. 303a), которые имеют существенное значение для любых объектов информационной инфраструктуры или носителя информации, в том числе и особо важных объектов инфраструктуры, для государства, бизнеса и частного лица (ч. 1) с намерением нанести ущерб другому лицу (п. 202 (ч. 2)); или же их разрушение, повреждение, приведение в негодность, удаление или изменение системы обработки данных

(ч. 3). Если операция по обработке компьютерной и иной информации имеет существенное значение для критической инфраструктуры бизнеса, предприятия или государственного органа либо другого юридического лица (ч. 2), то наказание может быть суровым – от пяти до десяти лет лишения свободы.

Как считают немецкие ученые, подобная защита национальной критической информационной инфраструктуры далеко не полная и не соответствует последней Стратегии кибербезопасности Германии [8; 9; 10; 11].

На наш взгляд, это связано с тем, что п. 202a УК Германии касается только шпионажа и только в том случае, если доступ к критической информационной инфраструктуре защищен, а виновный преодолевает антивирусную защиту, установленную в инфраструктуре, в противном случае преступник окажется безнаказанным. Поэтому считать, что данная норма прямо направлена на защиту критической информационной инфраструктуры, нельзя.

В свою очередь, п. 303a УК Германии требует, чтобы виновный посягал на компьютерную информацию, находящуюся в критической инфраструктуре, которая располагается в какой-либо замкнутой общесоциальной системе, основанной на собственной информационной технологической платформе. Однако, как известно, информация может храниться и не в замкнутой системе, а вовсе находиться вне «файловой программы», и любое другое невинное вмешательство по смыслу параграфа должно будет влечь уголовную ответственность.

В Австрийском УК п. 118a предусматривает уголовную ответственность за «незаконный доступ к компьютерной системе» в случае, если «лицо, совершившее общественно опасные деяния в отношении компьютерной системы, ко-

торая является неотъемлемой частью критической инфраструктуры, должно быть наказано лишением свободы на срок до двух лет» (п. 2). Если же данное деяние лицо совершает в составе преступной организации, то такое лицо наказывается лишением свободы на срок до трех лет (п. 4).

По смыслу рассматриваемой нормы её охранительная функция распространяется на все общественно опасные деяния, связанные с посягательством на критическую информационную структуру, если эти посягательства направлены на ту информацию, которая закреплена на носителях в компьютерной системе. При этом необходимо иметь в виду, что объект посягательства по данному параграфу ограничен частной сферой и нарушением служебной тайны (п. 118–124 УК).

Защита критических инфраструктур в Австрии и обеспечение кибербезопасности направлена в первую очередь на безопасность экономики, благосостояния населения, здоровья граждан, нормального функционирования «киберпространства» государственных институтов. Для этих целей Рабочая программа развития на 2013–2018 годы Федеральным правительством Австрии предусматривает разработку общегосударственной концепции повышения устойчивости защиты критических информационных инфраструктур Австрии и обязательную реализацию, «Австрийской стратегии кибербезопасности» (ÖSCS), которая, как считают австрийские и европейские ученые, к настоящему времени остается нереализованной [3; 12; 13].

Статья 143 bis 11 УК Швейцарии защищает от несанкционированного проникновения в систему обработки данных, в которой размещены государственные, частные и иные активы, т. е. той части критической информационной инфраструктуры, которая в соответствующем

Реестре относится к банковскому сектору. Тем не менее деяния будут считаться посягательствами на критическую информационную инфраструктуру лишь в том случае, если субъект «не санкционированно проникнет через оборудование для передачи данных в иностранную систему обработки данных, которая особенно защищена от доступа» (ч. 1 ст. 143 bis 11) или субъект при совершении деяния размещает пароли, программы или другие данные, которые он знает или должен принять либо которые он использовал при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 УК (принята 1 января 2012 г.).

Следует отметить, что Швейцария – одна из немногих стран, которая имплементировала в собственный УК предписания Совета Европы касательно защиты противоправного вмешательства в сферу компьютерной информации (ст. 144-бис 1 – повреждение электронных данных, их создание и продажу, 272.1 – посягательство на компьютерную сферу информации при политической разведке, 273.2 – экономической разведке, когда разведываются данные, составляющие производственную или коммерческую тайну, 274.12 – военной разведке и др.).

Особо отметим, что в УК Швейцарии сосредоточено достаточное количество норм, охраняющих информационную инфраструктуру, «обеспечивающую» «конституционный строй» страны (например, ст. 275.13), в которых предусмотрена уголовная ответственность и за вмешательство в выборы, и за подделку посредством компьютерных манипуляций бюллетеней, и за их «подтасовку», всего того, о чём обеспокоены современные политики. Однако специалисты в области защиты критической информационной инфраструктуры Швейцарии подчеркивают, что противопоставить своим заявлениям какие-либо реальные право-

вые инструменты на сегодняшний день законодатель и правительство Швейцарии так и не смогли [11; 12; 13].

Можно сделать однозначный вывод: в Швейцарии законодательные акты, обеспечивающие правовую защиту критической информационной инфраструктуры, направлены, во-первых, в основном на охрану денежно-финансовой и кредитной сфер и банковского сектора, а во-вторых, на сохранность критически важной информации в государственно-бюрократической сфере и монополизированных сферах экономики [14; 15; 16].

В 2011 г. Франция утвердила новую «Стратегию цифрового развития» («Plan France Numérique 2012–2020: Bilan et Perspectives») [17; 18], после чего страна направила свои усилия в поддержку информационно-коммуникационных цифровых технологий (ИКТ) и защиты критической информационной инфраструктуры государственных органов, учреждений, предприятий, бизнеса, граждан, физических и юридических лиц, а в Уголовный кодекс Франции были внесены соответствующие изменения и поправки в части, касающейся охраны особо важных объектов информационной инфраструктуры страны.

Глава III в Книге III УК Франции предусматривает уголовную ответственность за посягательства на системы автоматизированной обработки данных и содержит 10 статей, направленных на защиту особо важных объектов критической информационной инфраструктуры. Нарушением уголовного закона считаются: 1) доступ к центральной, отдельной или общей части всей автоматизированной системы обработки данных или ее части (ч. 1 ст. 323-1), если это приводит к удалению или изменению данных, содержащихся в системе, или к изменению работы этой системы (ч. 2 ст. 323-1), или когда вышеназванные преступления были совершены в отношении системы ав-

томатизированной обработки персональных данных, внедренной государством (ч. 3 ст. 323-1); 2) любое воспрепятствование или искажение работы автоматизированной системы обработки данных (ч. 1 ст. 323-2), или когда это преступление было совершено в отношении системы автоматизированной обработки персональных данных, внедренной государством (ч. 2 ст. 323-2); 3) мошенническое введение данных в автоматизированную систему обработки, извлечение, хранение, воспроизведение, передача, удаление или мошенническое изменение содержащихся в них данных (ч. 1 ст. 323-3), а также когда это преступление было совершено в отношении системы автоматизированной обработки персональных данных, внедренной государством (ч. 2 ст. 323-3); 4) незаконное воздействие на режим компьютерной безопасности, а также отсутствие документов, разрешающих импортировать, хранить, предлагать, назначать или предоставлять какое-либо оборудование, инструмент, компьютерную программу или любые данные, разработанные или специально адаптированные для совершения одного или нескольких преступлений, указанных в ст. 323-1–323-3 УК Франции (ст. 323-3-1); 5) участие в преступной группе, преступной организации или в преступном сообществе, созданных с целью подготовки, характеризуемой одним или несколькими существенными фактами, одного или нескольких преступлений, предусмотренных в ст. с 323-1 по 323-3-1 (ст. 323-4); 6) если преступления, предусмотренные в ст. с 323-1 по 323-3-1, совершены в организованной группе и против системы автоматизированной обработки персональных данных, внедренной государством (ст. 323-4-1)

Выводы

Несмотря на то, что критическая информационная инфраструктура Франции,

как и всех перечисленных в настоящей статье стран Центральной Европы – Германии, Австрии и Швейцарии, защищена несколькими нормами уголовного закона, тем не менее, как отмечают ученые, до сегодняшнего дня искомое понятие данного вида инфраструктуры в праве не выработано, а существующие понятия трактуются судебной практикой широко, что приводит к значительным трудностям в квалификации преступных деяний, посягающих на национальную информационную инфраструктуру государства [3; 5; 19; 20].

Список литературы

1. Teoh C. S., Mahmood A. K. National cyber security strategies for digital economy // *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 2017, vol. 95, no 23, P. 6510–6522.
2. Ten national cyber security strategies: a comparison / H. A. M. Luijffl, B. Kim, Sp. Maartje, P. de Graaf // *Critical information infrastructure security 6th International workshop, CRITIS 2011*. Lucerne, Switzerland, 2011. P. 1–17.
3. Cassin R. Fraude informatique // *Encyclopédie Dalloz de Droit pénal*. Paris, 1995. P. 1-41.
4. Lord Jopling (United Kingdom). Protect critical infrastructures // *Special Report. International Secretariat October 7, 2007 Brussels*, 2007. P. 3–23.
5. Shafqat N., Masood A. Comparative analysis various national cyber security strategies // *International journal computer and information security*. 2016. No 14 (1). P. 129–146.
6. National strategy for critical infrastructure protection (CIP Strategy) [Электронный ресурс]. Berlin, 2009. URL: http://ccpic.mai.gov.ro/docs/Germania_cip_strategy.pdf (дата обращения: 08.12.2018).
7. Fischer T. *Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen*. München: C. H. Beck Verlag, 2017. 612 p.
8. *Critical Information Infrastructures Security: 11th International Conference, CRITIS 2016*. Paris, France, 2016.
9. Erfolgreich. Österreich. Arbeitsprogramm der österreichischen Bundesregierung für die Jahre 2013 bis 2018 [Электронный ресурс] // *Wiener zeitung*. URL: https://www.wienerzeitung.at/_em_daten/_wzo/2013/12/12/131212_1953_regierungsprogramm_2013_2018.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
10. Hilgendorf E. *Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch*, 12. Auflage 2009 ff, Band 13 (zu §§ 331 ff StGB), Kommentierung zu § 339 StGB. Berlin, 2009. 144 p.
11. Bolognal S., Costanzo G. Di, Luijff E. An overview of R&D activities in Europe on critical information infrastructure protection // *CRITIS 206: Critical Infrastructure security (CIIP)*. Bologna, 2006. P. 91–102.
12. Renda A. *Protecting Critical Infrastructure in the EU* // *CEPS Task Force Report*. Brussels: Centre for European policy studies, 2010.
13. Buchan R. *Research handbook on international law and cyberspace*. London, UK, 2017.
14. *Schweizerisches Strafgesetzbuch*. Vom 21. Dezember 1937 (Stand am 1. März 2018 Jahre). Bern: Bundesamt f. Bauten + Logistik, 2018.
15. *The International code of conduct for private security service providers*. Genève, Switzerland: Geneva academy of international humanitarian law and human rights, 2013.
16. *Nationale Strategie zum Schutz kritischer Infrastrukturen 2018–2022*. vom 27. Bern: Schweizerische Eidgenossenschaft Confédération Suisse Confederazione Svizzera Confederaziun svizra: Bundesamt für Bevölkerungsschutz BABS, 2012.

17. France numérique 2012-2020. Bilan et Perspectives. Paris: Ministère de l'économie, des finances et de l'industrie, 2011.

18. Le Référentiel général de sécurité (RGS) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ssi.gouv.fr/administration/reglementation/confiance-numerique/le-referentiel-](http://www.ssi.gouv.fr/administration/reglementation/confiance-numerique/le-referentiel-general-de-securite-rgs/)

[general-de-securite-rgs/](http://www.ssi.gouv.fr/administration/reglementation/confiance-numerique/le-referentiel-general-de-securite-rgs/) (дата обращения: 11.12.2018).

19. Bonnefoi P.-F. Cours de Sécurité Informatique. Limoges: Université de Limoges, 2007. 110 p.

20. Devergranne T. La propriété informatique. Paris II, 2007. 592 p.

Поступила в редакцию 19.03.19

UDC 343.3/7

I. G. Pykhtin, Post-Graduate Student, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: abcqip@gmail.com)

SECURING THE CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF NATIONAL OBJECTS OF CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF GERMANY, AUSTRIA, SWITZERLAND AND FRANCE

The article deals with the actual problem of the implementation of mandatory international imperatives developed by the UN on the protection of critical information infrastructure in the modern national criminal legislation of a number of foreign countries in Central Europe - Germany, Austria, Switzerland and France, in which critical infrastructure is more exposed to undue influence.

The purpose of the article is to analyze the state and development of modern legislation in Germany, Austria, Switzerland and France in the field of criminal law protection of the critical information structures of the vital activity of these states.

To achieve this goal, the tasks were set not only to study and analyze modern criminal legislation of Germany, Austria, Switzerland and France, but also to interpret specific criminal law norms contained in the national criminal code of these countries, aimed at ensuring the security of critical information objects, identifying features of the required regulatory regulations of each country, the difference of their respective legal institutions from each other, the reaction of European scientists, a synthesis of the results of the study of the above constant legal and regulatory framework in these countries in Central Europe, and drawing conclusions based on the results of work on material for the initiate the critical information infrastructure of European countries.

The identified actual problems, goals, objectives, object and subject of this article, along with such methods as theoretical synthesis, analysis, and deduction from actual legislative and scientific material to a general statement - induction, conclusions made in the article on the rules of logic - deduction, documentary method the study of the Criminal Code of some countries of Central Europe, as well as the system-structural method, compiled a methodology for preparing (and writing) this article.

The above aspects led to the following conclusions: the critical information infrastructure of France, Germany, Austria and Switzerland is protected by several, and in some cases, numerous norms of criminal law, however, the concept of this type of infrastructure has not yet been developed in these countries.

Key words: *critical information infrastructure; illegal influence; computer information; malicious computer program; creation; distribution; use of computer programs; computer information protection tools; strategy; convention; recommendations; information and communication technologies.*

For citation: Pykhtin I. G. Securing the criminal-legal protection of national objects of critical information infrastructure of Germany, Austria, Switzerland and France. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 108–115 (in Russ.).

Reference

1. Teoh C. S., Mahmood A. K. National cyber security strategies for digital economy. *Journal of theoretical and applied*

information technology, 2017, vol. 95, no. 23, pp. 6510–6522.

2. Luijfl H. A. M., Kim B., Maartje S., de Graaf P. Ten national cyber security strategies: a comparison. *Critical Infor-*

mation infra-structure security 6th International work-shop, CRITIS 2011. Lucerne, Switzerland, 2011, pp. 1–17.

3. Cassin R. Fraude informatique. *Encyclopédie Dalloz de Droit pénal*. Paris, 1995, pp. 1–41.

4. Lord Jopling (United Kingdom). *Protect critical infrastructures*. Special Report. International Secretariat October 7, 2007 Brussels. 2007. pp. 3–23.

5. Shafqat N., Masood A. Comparative analysis various national cyber security strategies. *International journal computer and information security*, 2016, no 14 (1), pp. 129-146.

6. *National strategy for critical infrastructure protection* (CIP Strategy). Berlin, 17th June 2009. URL: http://ccpic.mai.gov.ro/docs/Germa-nia_cip_strategy.pdf (accessed 08.12.2018).

7. Fischer T. *Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen*. München, C. H. Beck Verlag, 2017. 612 p.

8. Critical information infrastructures security. 11th International conference, CRITIS 2016. Paris, France, 2016.

9. Erfolgreich. Österreich. Arbeitsprogramm der österreichischen Bundesregierung für die Jahre 2013 bis 2018. Wiener zeitung URL: https://www.wienerzeitung.at/_em_daten/_wzo/2013/12/12/131212_1953_regierungsprogramm_2013_2018.pdf (accessed 10. 12. 2018).

10. Hilgendorf E. Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch, 12. Auflage 2009 ff, Band 13 (zu §§ 331 ff StGB), Kommentierung zu § 339 StGB. Berlin, 2009. 144 p.

11. Bolognal S., Costanzo G. Di, Luijff E. An Overview of R&D activities in Europe on critical information infrastructure Protection(CIIP). CRITIS 2006: Critical infra-

structure security. Bologna, 2006, pp. 91–102.

12. Renda A. Protecting critical infrastructure in the EU. *CEPS task force report*. Brussels: Centre for European policy studies, 2010.

13. Buchan R. Research handbook on international law and cyberspace. London, UK, 2017.

14. *Schweizerisches strafgesetzbuch*. Vom 21. Dezember 1937 (Stand am 1. März 2018 Jahre). Bern, Bundesamt f. Bauten + Logistik, 2018.

15. *The International code of conduct for private security service providers*. Genève, Switzerland, geneva academy of international humanitarian law and human Rights, 2013.

16. *Nationale Strategie zum Schutz kritischer Infrastrukturen 2018–2022*. Vom 27. Bern, Schweizerische Eidgenossenschaft Confédération Suisse Confederazione Svizzera Confederaziun svizra, Bundesamt für Bevölkerungsschutz BABS, 2012.

17. *France numérique 2012–2020*. Bilan et Perspectives. Paris, Ministère de l'économie, des finances et de l'industrie, 2011.

18. *Le Référentiel général de sécurité* (RGS). URL: <http://www.ssi.gouv.fr/administration/reglementation/confiance-numerique/le-referentiel-general-de-securite-rgs/> (accessed 11.12.2018).

19. Bonnefoi P.-F. Cours de sécurité Informatique. Limoges, Université de Limoges, 2007, 110 p.

20. Devergranne T. La propriété informatique. Paris II, 2007. 592 p.

УДК 342.922

С. А. Чернышёв, канд. социол. наук, Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина (Россия, 308034, Белгород, ул. Горького, 71)
(e-mail: sercher777@rambler.ru)

А. М. Журбенко, канд. экон. наук, преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина (Россия, 308034, Белгород, ул. Горького, 71)
(e-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru)

С. В. Цветов, преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина (Россия, 308034, Белгород, ул. Горького, 71) (e-mail: tsvetov_86@mail.ru)

А. Р. Махмутов, слушатель, Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина (Russia, 308034, Белгород, ул. Горького, 71)
(e-mail: bodyfaaar@gmail.com)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСТАНОВКИ И СТОЯНКИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ С ЦЕЛЬЮ УМЕНЬШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что в статье существует ряд пробелов в современном законодательстве, решение которых требует скорейшего решения для обеспечения безопасности дорожного движения. На современном этапе, учитывая существенный рост количества автомобилей в стране, любые проблемы в сфере регулирования дорожного движения обретают особую важность, прежде всего потому, что затягивание решения подобных проблем неуклонно увеличивает потенциальную аварийность ежедневного использования автопарка.

Цель – проведение комплексного исследования проблемы правового регулирования остановки и стоянки автотранспортных средств с целью уменьшения дорожно-транспортных происшествий.

Задачами для достижения вышеуказанной цели стало рассмотрение основных современных законодательных норм в сфере регулирования дорожного движения, что позволило определить ряд способов решения выделенных проблем.

Методология проведенного исследования представлена как функциональным методом, так и рядом частнонаучных методов, среди которых особо следует выделить статистический метод и формально-юридический методы.

Результатами проведенного исследования стали следующие положения: основным способом решения проблемы выступает нормотворческая деятельность ОВД. Органам внутренних дел необходимо уделить больше внимания понятийному определению остановки и оптимизировать временные границы остановки транспортного средства не только на проезжей части дорог, но и вне их. Нельзя не отметить, что были учтены законодательные особенности субъектов Российской Федерации, которые также влияют на регулирование правил дорожного движения в конкретном регионе. Авторами особо отмечается, что в данный момент существует ряд проблемных аспектов в вопросе правового регулирования стоянки в неположенных местах, а также остановки в непредусмотренных местах, которые повышают аварийность транспортных средств на дорогах. Указанная в статье проблема является наиболее актуальной и злободневной как для Белгорода и Белгородской области, так и для других регионов нашей страны. Выводами проведенного исследования стали следующие: для упрощения фиксации времянахождения при остановке транспортного средства в неположенном месте внести изменения в текст Постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения»; закрепить в актах федерального законодательства административную ответственность за нарушение установленных правил, а также предоставить право субъектам Российской Федерации самостоятельно устанавливать размер штрафа с учетом социально-экономических условий региона.

Ключевые слова: безопасность; остановка; транспортное средство; дорожное движение; дорожно-транспортные происшествия.

Ссылка для цитирования: Правовое регулирование остановки и стоянки автотранспортных средств с целью уменьшения дорожно-транспортных происшествий / С. А. Чернышёв, А. М. Журбенко, С. В. Цветов, А. Р. Махмутов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 116–122.

Введение. Каждый год в нашей стране увеличивается количество автомобилей. Это касается и Белгорода с одноименной Белгородской областью, это касается и Москвы. Важность прогнозирования и работы с статистическими данными, как значимого инструмента

предупреждения, отмечал В. Е. Новичков в своей работе [1]. Так, если постараться выделить ряд ключевых статистических показателей, то отметим, что согласно данным «Автостата» за последние десять лет в нашей стране увеличилось вдвое количество автомобилей (рис. 1).

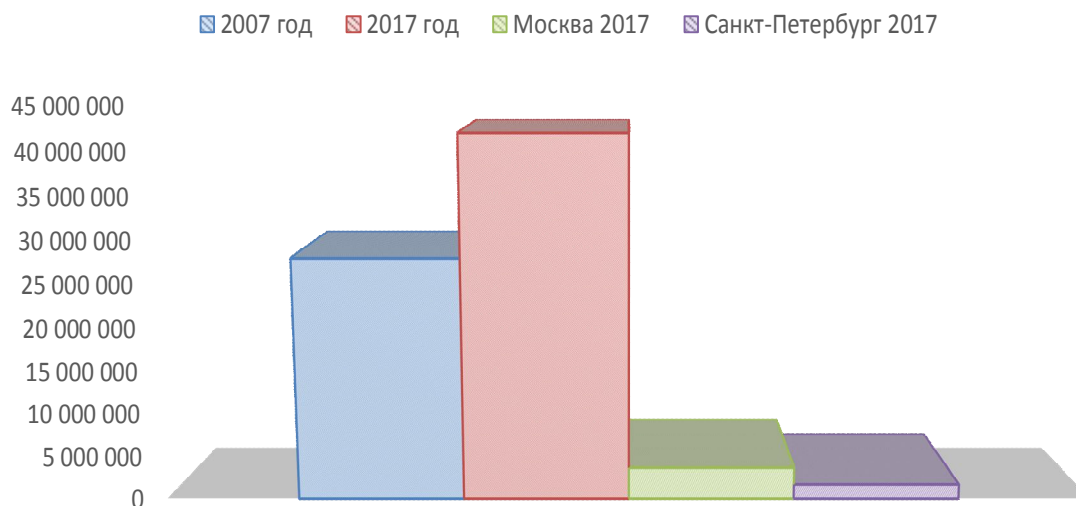

Рис. 1. Количество автомобилей в РФ

Если в 2007 г. в нашей стране насчитывалось 28 млн легковых автомобилей, то в 2017 г. автопарк уже перевалил за отметку 42 млн единиц. Крупнейшие автопарки сосредоточены в двух российских мегаполисах. По данным агентства, на середину 2017 г. парк Москвы насчитывал 3,65 млн легковых автомобилей, а в Санкт-Петербурге числилось 1,68 млн машин [2].

Приведенная статистика обязывает провести некоторые *обсуждения* и показывает, что темпы роста автопарка и её сосредоточенность в мегаполисах (ведь именно около 1/8 части всего автопарка страны находится в двух городах) своим присутствием порождают другой весьма проблемный аспект – проблему парковок и нарушений правил дорожного движения, связанных с ней.

Методология проведенного исследования представлена как функциональным методом, так и рядом частнонаучных методов, среди которых особо сле-

дует выделить: статистический и формально-юридический методы.

Актуальность выделенной проблемы мы можем проследить посредством анализа актуальных статистических данных. Согласно официальным данным ГИБДД в 2017 г. было зарегистрировано 5021 дорожно-транспортных происшествий, сопряженных с наездом на стоящее транспортное средство, в которых погибло 602 человека и ранено 6756 человек [3]. Как показывает приведенная статистика, проблема крайне актуальна для нашей страны (рис. 2). И как показывает практическая составляющая, большое количество нарушений происходит в связи с неправильной парковкой транспортных средств, которая и влечет совершение подобных нарушений. В этой связи предлагаем рассмотреть основные теоретические аспекты вышеупомянутой проблемы, посредством которой станет возможным поиск выхода из проблемной ситуации.

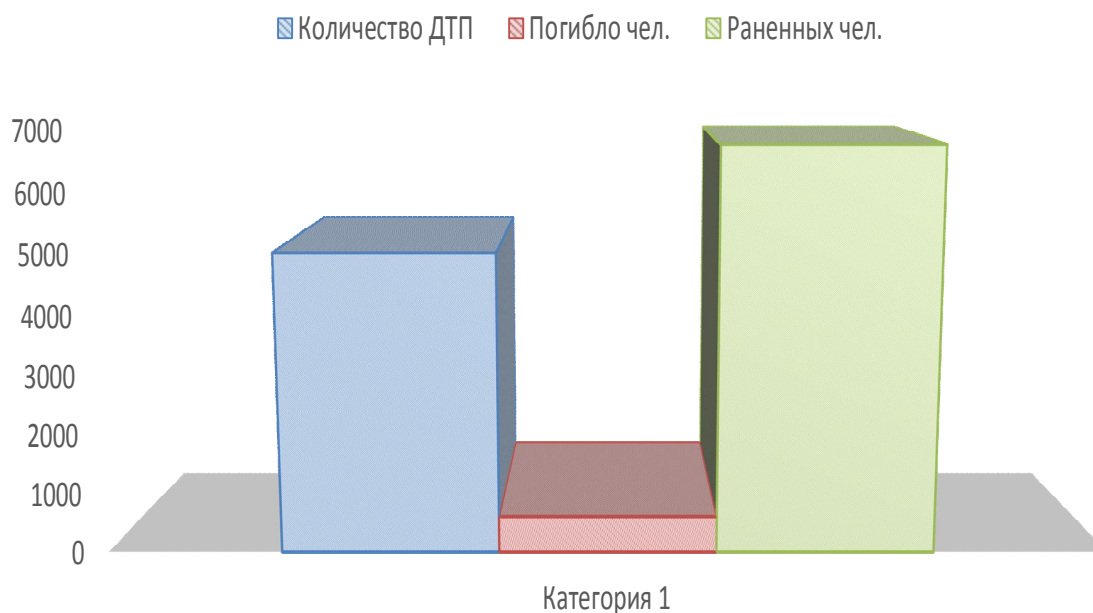

Рис. 2. Показатели ДТП, сопряженных с наездом на стоящее транспортное средство

Результаты и обсуждение. Согласно ПДД, парковка – это место, предназначенное для организованной стоянки транспортных средств [4]. Парковка может быть частью дороги либо примыкать к обочинам, площадям, тротуарам, зданиям и пр. Она обозначена соответствующими знаками или разметкой и может быть как платной, так и бесплатной. Что касается понятия стоянки согласно ПДД, то стоянка – это прекращение движения автомобиля более чем на 5 минут, не связанное с посадкой пассажиров или разгрузкой грузов. Другими словами, стоянкой считается действие, когда Вы, например, остановили свой автомобиль во дворе и сегодня уже не собираетесь никуда ехать. На основе этих двух определений можно четко выделить, чем отличается парковка от стоянки. Парковка – это место, а стоянка – это процесс. Что касается остановки, то ею считается прекращение движения ТС на время менее 5 минут (или более 5 минут, если оно используется для посадки пассажиров или разгрузки грузов).

Продолжая наше обращение к теоретическим основам ПДД, выделим несколько запретов, упомянутых в законе:

1) ближе чем 5 м до пешеходного перехода или перекрестка;

2) ближе 15 м до остановки маршрутных ТС и такси;

3) перед опасными поворотами и на участках дорог с видимостью менее 100 м;

4) в местах, где ТС будет закрывать от других участников дорожного движения знаки, светофоры;

5) в местах, где ТС будет создавать препятствия для движения машин и пешеходов;

6) в местах, где расстояние между сплошной линией разметки (кроме обозначающей край проезжей части), разделительной полосой или противоположным краем проезжей части и остановившимся транспортным средством менее 3 м.

Существует также вариант, при котором местные власти уполномочены временно ограничивать остановку, а также стоянку автомобилей на некоторых участках проезжей части. В качестве

примера можно привести следующие ситуации. Ежегодно 9 мая во многих городах нашей страны на период проведения общественных мероприятий, концертов, шествий, парадов местные власти ограничивают движение, в том числе остановки и стоянки. Существует также вариант, когда при введении чрезвычайной ситуации, или чрезвычайного положения, органами власти может быть ограничено движение, в том числе стоянка и остановка, транспортных средств на территории объявления ЧП или ЧС.

На основании практических рекомендаций как сотрудников органов внутренних дел, так и простых автомобилистов нами были выделены следующие проблемы:

1. Затрудненный процесс доказывания превышения времени остановки. Причиной подобной трудности служит отсутствие верхней временной границы времянахождения транспортного средства. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» в ст. 1.2 указано: «Остановка – преднамеренное прекращение движения транспортного средства на время до 5 минут, а также на большее, если это необходимо для посадки или высадки пассажиров либо загрузки или разгрузки транспортного средства». Как видим, в тексте установленных правил при высадке (загрузке) пассажиров отсутствует максимальный временной порог.

2. Беспорядочная остановка транспортных средств вдоль проезжей части, сопровождающаяся «наездами» на газоны. Следует также отметить, что вышеуказанную проблему сопровождает следующий проблемный аспект: ни в Правилах дорожного движения, ни в Кодексе об административных нарушениях, ни в правилах благоустройства Белгорода определение «газона» не встречается.

Однако запреты на стоянку транспорта на озеленённых территориях есть в федеральных законах «Об охране окружающей среды» [5] и «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [6] и других нормах государственного уровня [7; 8; 9]. Хотя и актами федерального законодательства закреплён запрет на парковку на клумбах, ответственность за нарушение подобного предписания не предусмотрена ни в одном нормативном акте. Касаемо ситуации в Белгороде, похожие ситуации стараются решить путем выписывания штрафов, однако в последнее время автомобилисты все чаще оспаривают выданные протоколы, ссылаясь на решение ВС РФ, который постановил, что местные власти не имеют права выписывать такие штрафы, пока региональное законодательство идёт вразрез с федеральным законодательством.

В качестве **результатов** проведенного исследования мы видим целесообразным принятие следующих мер, которые, на наш взгляд, помогут решить выделенные проблемы.

Во-первых, для упрощения фиксации времянахождения при остановке транспортного средства в неполюженном месте внести изменения в текст Постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» в ст. 1.2, а именно: «Остановка – преднамеренное прекращение движения транспортного средства на время до 5 минут, а также на большее, если это необходимо для посадки или высадки пассажиров либо загрузки или разгрузки транспортного средства». Предложенные изменения касаются снижения временного порога с 5 до 3 минут, с возможностью продления этого порога при высадке пассажиров до 5 минут.

Во-вторых, закрепить в актах федерального законодательства административную ответственность за нарушение установленных правил, а также предоставить право субъектам Российской Федерации самостоятельно устанавливать размер штрафа с учетом социально-экономических условий региона. Считаем возможным создание органа административно-технического надзора на территории г. Белгорода и Белгородской области по аналогии с Главным управлением Государственного административно-технического надзора Московской области [10], в задачу которого входят такие полномочия, как:

«12.3. Надзор за соблюдением установленных требований, связанных с эксплуатацией, стоянкой, обслуживанием и ремонтом транспортных средств.

12.4. Надзор за соблюдением установленных требований, связанных с размещением брошенных и (или) разукомплектованных транспортных средств».

Подобный шаг позволил существенно повысить качество осуществляемой политики в сфере обеспечения чистоты, порядка и благоустройства, надлежащего состояния и содержания земельных участков, мест производства земляных, ремонтных, строительных и иных видов работ, строений, нежилых зданий и сооружений.

Выводы. Таким образом, следует отметить, что на данный момент существует ряд проблемных аспектов в вопросе правового регулирования стоянки в неположенных местах, а также остановки в непредусмотренных местах, которые повышают аварийность транспортных средств на дорогах. Данная проблема является наиболее актуальной и злободневной как для Белгорода, так и для других регионов нашей страны. Каждый день каждый из нас регулярно становится оче-

видцем подобных нарушений, которые могут привести к более печальным последствиям, чем простой штраф. Именно поэтому решение выделенных проблем должно стать важным шагом для законодателя в рамках общего улучшения проводимой политики.

Список литературы

1. Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 471 с.

2. «Автостат»: количество легковых автомобилей в России за последние десять лет выросло на 50% [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/industry/avtostat-chislo-legkovih-avtomobilei-v-Rossii-za-poslednie-desyat-let-viroslo-na-50-2018-01-31/> (дата обращения: 16.02.2019).

3. Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Госавтоинспекция. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 16.02.2019).

4. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 : [ред. от 04.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 16.02.2019).

5. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 16.02.2019).

6. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ: [ред. от 18.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 16.02.2019).

7. О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Феде-

рации: постановление Правительства РФ от 12.12.2017 № 1524 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 52, ч. I, ст. 8125.

8. О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 20.10.2017 № 1276 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 45, ст. 6658.

9. О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 13.02.2018 № 156 // Собр. законода-

тельства Рос. Федерации. 2018. № 8, ст. 1225.

10. Положение о Главном управлении Государственного Административно-технического надзора Московской области [Электронный ресурс]: постановление Правительства МО от 29.10.2007 № 847/28: [ред. от 23.08.2018]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=МОВ;n=274089#034985440071691754> (дата обращения: 16.02.2019).

Поступила в редакцию 21.03.19

UDC 342.922

S. A. Chernyshev, Candidate of Sociological Sciences, Belgorod law Institute of MIA of Russia named after I. D. Putilin (Russia, 308034, Belgorod, Gorky str., 71) (e-mail: sercher777@rambler.ru)

A. M. Jurbenko, Candidate of Economic Sciences, Lecturer, Belgorod law Institute of MIA of Russia named after D. I. Putilina (Russia, 308034, Belgorod, Gorky str., 71) (e-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru)

S. V. Tsvetov, Lecturer, Belgorod Law Institute, Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin (Russia, 308034, Belgorod, Gorky str., 71) (e-mail: tsvetov_86@mail.ru)

A. R. Makhmutov, Student, Belgorod legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian named after I. D. Putilin (Russia, 308034, Belgorod, Gorky str., 71) (email: bodyfaaap@gmail.com)

LEGAL REGULATION OF A STOP AND THE PARKING OF VEHICLES FOR THE PURPOSE OF REDUCTION OF THE ROAD ACCIDENTS

*The **relevance** of the topic under consideration is due to the fact that the article considers a number of important gaps in modern legislation, the solution of which requires an early decision to ensure road safety. At the present stage, given the significant increase in the number of cars in the country, any problems in the field of traffic control are of particular importance, first of all, because the delay in solving such problems steadily increases the potential accident rate of daily fleet use.*

*The **purpose** of the study is to conduct a comprehensive study of the problem of legal regulation of stopping and parking of motor vehicles in order to reduce traffic accidents.*

*The **tasks** to achieve the above goals are: consideration of the main modern legislation in the field of traffic control, which allowed to determine a number of ways to solve the highlighted problems.*

*The **methodology** of the study is presented as a functional method, and a number of chastinational methods, among which it should be particularly highlighted: the statistical and formal legal methods.*

*The **results** of the study were the following: the main way to solve the problem is the law-making activity of the ATS. The internal affairs agencies need to pay more attention to the conceptual definition of a stop and optimize the time limits for stopping a vehicle not only on the carriageway, but also outside it. It should be noted that the legislative features of the constituent entities of the Russian Federation, which also influence the regulation of traffic rules in a particular region, were taken into account. The authors emphasize that at this moment there are a number of problematic aspects in the matter of legal regulation of parking in unauthorized places, as well as stopping unintended*

places, which increase the accident rate of vehicles on the roads. The problem indicated in the article is the most urgent and topical for Belgorod and the Belgorod Region, as well as for other regions of our country.

The findings of the study were: to simplify the fixation of the time of location when stopping the vehicle in the wrong place, make changes to the text of the Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090 "On Traffic Regulations"; to fix administrative responsibility for violation of the established rules in acts of federal legislation, as well as to grant the right to constituent entities of the Russian Federation to independently set the amount of the fine taking into account the socio-economic conditions of the region.

Key words: safety; stop; vehicle; traffic; traffic accidents.

For citation: Chernyshev S. A., Jurbenko A. M., Tsvetov S. V., Makhmutov A. R. Legal regulation of a stop and the parking of vehicles for the purpose of reduction of the road accidents. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 116–122 (in Russ.).

Reference

1. Novichkov V. E. *Prognozirovanie v sfere bor'by s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii*. Diss. oct. jurid. nauk. Moscow, 2005. 471 p.

2. "Avtostat": *kolichestvo legkovykh avtomobilej v Rossii za poslednie desyat' let vyroslo na 50%*. URL: <https://rns.online/industry/avtostat-chislo-legkovykh-avtomobilei-v-Rossii-za-poslednie-desyat-let-viroslo-na-50-2018-01-31/> (accessed 16.02.2019).

3. *Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya*. Gosavtoinspekciya. URL: <http://stat.gibdd.ru> (accessed 16.02.2019).

4. *O Pravilah dorozhnogo dvizheniya*. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 No 1090: [red. ot 04.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (accessed 16.02.2019).

5. *Ob ohrane okruzhayushchej sredy*. Feder. zakon ot 10.01.2002 No 7-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 16.02.2019).

6. *O sanitarno-ehpidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya*. Feder. zakon ot

30.03.1999 No 52-FZ: [red. ot 18.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (accessed 16.02.2019).

7. *O vnesenii izmeneniya v Pravila dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii*. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.12.2017 No 1524. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2017, no. 52, pt. I, st. 8125.

8. *O vnesenii izmenenij v Pravila dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii*. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.10.2017 No 1276. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2017, no. 45, st. 6658.

9. *O vnesenii izmeneniya v Pravila dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii*. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2018 No 156. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2018, no. 8, st. 1225.

10. *Polozhenie o Glavnom upravlenii Gosudarstvennogo Administrativno-tehnicheskogo nadzora Moskovskoj oblasti*. Postanovlenie Pravitel'stva MO ot 29.10.2007 No 847/28 red. ot 23.08.2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MOB;n=274089#034985440071691754> (accessed 16.02.2019).

УДК 327

Д. А. Миргород, канд. полит. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (Россия, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9) (e-mail: denmirgorod@yahoo.com)

ОПЕРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Актуальность настоящей статьи определяется высоким конфликтным потенциалом ближневосточного региона, проблемы которого главным образом связаны с отсутствием системного подхода к обеспечению безопасности.

Цель статьи заключается в выявлении структурных параметров региональной системы безопасности на Ближнем Востоке с учетом внутренних и внешних факторов.

В качестве основных **методов** в статье использовались ситуационный анализ мирового политического процесса в рамках проблемного и диагностического полей, методы индуктивного обобщения, компаративного, факторного и геополитического анализа.

К **результатам** проведенного в статье исследования можно отнести вывод о том, что происходит видоизменение региональной системы безопасности на Ближнем Востоке – одним из наиболее конфликтно-генных регионов современности. В статье предпринимается попытка выявления ключевых параметров ближневосточной системы безопасности через анализ существующих подходов к исследованию региона как одного из уровней международной безопасности, представляющей собой систему международных отношений. В статье рассматриваются ведущие государства Ближнего Востока, которые составляют ядро системы региональной безопасности, а также определяются основные нерегиональные участники формирования ближневосточной системы безопасности. Автор приходит к выводу о том, что становление новых центров силы на Ближнем Востоке и активная конфронтация мировых держав в этом регионе максимально усложняют определение контуров текущей системы безопасности на этой территории.

Заключение. С точки зрения взаимоотношений региональных лидеров Ближнего Востока автор определяет региональную систему ближневосточной безопасности как многополярную (четыре полюса – Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция). Вместе с тем возлеченность глобальных центров силы предполагает многоуровневый характер региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, предусматривает наличие круга мировых государств, оказывающих непосредственное влияние на развитие Ближнего Востока, к которым можно отнести Россию, США, Китай и страны ЕС.

Ключевые слова: глобальная безопасность; международная безопасность; региональная безопасность; Ближний Восток; модель региональной безопасности; операционная модель безопасности.

Ссылка для цитирования: Миргород Д. А. Операционные модели региональной безопасности на Ближнем Востоке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 123–129.

Введение

Рассматривая проблемы безопасности любого региона, наряду с выявлением угроз для его социально-экономического и политического развития, необходимо определять те системные характеристики региональной безопасности, от которых зависит его стабильность или ее отсутствие. Таким образом, к главным задачам исследования структуры региональной безопасности можно отнести выявление ее существующих и перспективных параметров. Исходя из этого, достижение

цели и задач исследования позволит дать характеристику нынешнему состоянию безопасности Ближнего Востока, а также сформулировать потенциальные форматы системы региональной безопасности на средне- и долгосрочную перспективу.

Методология исследования

Подъем научного интереса к вопросу обеспечения региональной безопасности и ее институциональной основе начался после Второй мировой войны, что отчетливо прослеживается в соответствующих работах Дж. Ная (1968) [1]. Подобные

ранние труды в области региональной безопасности имели тенденцию к исключительно теоретической разработке проблемы, тогда как последующая литература была разделена между теми, кто продолжал дискутировать в рамках теории, и теми, кто рассматривал региональную безопасность как вопрос практической политики. Так, Б. Бузан и О. Вивер (2003) оказали огромное влияние на изучение региональной безопасности благодаря авторской разработке и эмпирическому применению концепции/теории комплексов региональной безопасности [2]. Схожие идеи можно уловить и в более ранних работах Д. Лейка и П. Моргана (1997), также опиравшихся на комплексный подход обеспечения региональной безопасности в сравнительном исследовании основных региональных систем [3]. В отличие от них Р. Келли (2007) ставит региональную безопасность в общие рамки «нового регионализма» [4]. Также выделим работы Э. Золинген (1998), которая рассматривает региональную потребность в безопасности как совместный продукт формирования внутренней и межгосударственной коалиции [5], в то время как А. Ачарья и А. Джонстон (2003) озабочены проблемой институализации системы безопасности [6]. Д. Лемке (2002) обобщает теорию перехода власти, чтобы отразить динамику региональных систем безопасности [7], в то время как Р. Фовн (2009) представляет основные направления теории международных отношений и всеобъемлющий учет растущей значимости региональных систем безопасности, несмотря на противодействующий тренд глобализации [8]. Отмеченные подходы позволили автору сформировать ясное представление о состоянии теории в сфере региональной безопасности и перенести теоретические подходы на существующие проблемы регионального развития Ближнего Востока.

Автором использовались ситуационный анализ мирового политического процесса в рамках проблемного и диагностического полей безопасности. Указанный метод позволил сформировать понимание текущего расклада сил на международной арене, определив тем самым основные характеристики глобальной системы, влияющие на региональное политическое развитие.

Методы индуктивного обобщения, компаративного, факторного и геополитического анализа позволили соотнести существующие параметры системы международных отношений с обстановкой в регионе Ближнего Востока, а также выявить ключевых региональных и нерегиональных акторов, влияющих на состояние ближневосточной безопасности.

Результаты и их обсуждение

В качестве системы безопасности могут выступать так называемые «операционные модели» безопасности, характеризующие расклад сил и вовлеченность различных участников в процесс формирования системы безопасности того или иного региона [9]. Анализ существующих операционных моделей безопасности определенных регионов позволяет существенно повысить возможности по изучению и прогнозированию развития территорий, представляющих исследовательский интерес.

К таковым регионам, безусловно, можно отнести и Ближний Восток, который продолжает оставаться одним из наиболее конфликтогенных регионов мира, оказывая значительное влияние на динамику различных глобальных процессов, а также формирует соответствующие риски и угрозы для национальной безопасности России. Таким образом, региональная система безопасности Ближнего Востока требует ревизии ее состояния и определения ключевых параметров.

Особенно это важно с учетом меняющейся глобальной системы безопасности. Эти изменения связаны с экономическим и военно-политическим подъемом Китая, стремлением России восстановить свои позиции на международной арене, частичным возвращением к геополитике прошлого, появлением новых форм «холодной» войны. Анализ событий последних лет позволяет нам утверждать, что США, Европа, Россия и Китай имеют интересы, связанные с созданием и поддержанием безопасности в ближневосточном регионе. Эти интересы, однако, ограничены: никакая внешняя сила не может доминировать в регионе, а конкурирующие глобальные акторы в регионе будут определять его будущее, так же как и настоящее.

Говоря об операционных моделях безопасности ближневосточного региона, укажем на том, что этот термин (операционная модель безопасности) пришел из общей теории международной безопасности и касается в первую очередь ее глобальной проекции. В этой связи необходимо отметить, что операционные модели безопасности на глобальном уровне могут выстраиваться в зависимости от количества субъектов системы безопасности. Исходя из этого, эти модели в современных реалиях могут иметь следующий вид:

– однополярная модель международной безопасности, основанная на гегемонии одного государства в международных процессах, а также на ведущей роли военно-политических союзов, возглавляемых этим государством [10, р. 29];

– многополярная модель международной безопасности, связанная с закреплением в мировой политике новых центров силы, вовлеченных в управление развитием системы международных отношений [11];

– универсальная (глобальная) модель международной безопасности, продвигаемая главным образом глобалистами, которые считают, что международная безопасность может быть обеспечена только при условии участия всех без исключения членов мирового сообщества [12];

– «концерт держав» – подход, сопряженный с формированием международной системы безопасности на принципах взаимодействия между наиболее развитыми государствами мира [13, с. 49].

Если спроецировать указанные операционные модели международной безопасности глобального уровня на региональную плоскость, то мы получим более сложную и многоступенчатую структуру, поскольку она будет включать в себя существующий внутренний баланс сил в конкретном регионе, а также внешний фактор, связанный с участием в региональных процессах ведущих мировых держав. Таким образом, именно совокупность внутренних и внешних участников формирует международную безопасность региона.

С этой точки зрения наиболее примечательным для исследования регионом мира является Ближний Восток, развитие которого самым тесным образом сопряжено с необходимостью определения закономерностей и принципов взаимодействия региональных держав и глобальных акторов в формировании ближневосточной системы международной безопасности.

Оценивая современный внутренний баланс сил на Ближнем Востоке, необходимо отметить, что последние два десятилетия определили значительные тектонические сдвиги в перераспределении роли различных региональных государств в процессах формирования международной безопасности ближневосточной территории. Распад биполярной системы международных отношений, втор-

жение в Ирак, череда политических потрясений и переворотов в арабских государствах региона, война в Сирии, международный терроризм, иранская ядерная программа, внешнеполитический и военный подъем России, скачки цены на нефть определили облик современного Ближнего Востока, где закрепились определенные центры силы.

Полагаем, что на современном этапе наиболее четкими и выраженными лидерскими чертами на Ближнем Востоке обладают четыре государства – Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция. Именно эти страны, с учетом различных параметров (политический вес, военный потенциал, экономика и т. д.), можно считать полноценными полюсами в региональных масштабах Ближнего Востока.

Немного подробнее останавливаясь на каждом из названных государств, отметим, что Израилю с момента своего образования в 1948 г. удалось стать самой мощной экономической и военной державой региона, которая активно поддерживается США. Наличие у Израиля ядерного оружия также подтверждает лидирующие позиции страны на Ближнем Востоке [14, с. 121–124]. Ирану даже в условиях постоянного санкционного давления удается планомерно развивать свою экономику, наращивать военный потенциал и составлять конкуренцию другим ведущим региональным странам [15, с. 148–149]. Также необходимо указать на то, что Иран достаточно успешно конвертирует в политическое влияние свой статус главного шиитского государства в мире. Саудовской Аравии за последние три десятка лет удалось достаточно эффективно трансформировать свою ресурсную базу в экономические и военные достижения. С политической точки зрения Королевству удалось стать суннитским лидером на Ближнем Востоке и отобрать этот статус у Египта. Более

того, Саудовская Аравия не так давно приняла решение о развитии программы по освоению мирного атома, что можно рассматривать как компенсационную меру в отношении временно свернутой ядерной программы Ирана [16]. Обеспечив свое поступательное социально-экономическое развитие в 1990-х гг., Турция последовательно позиционирует себя как государство, способное определять облик Ближнего Востока, а также принимать участие во всех ключевых событиях региона. Примером этому может служить ее диверсифицированная политика в отношении Сирии [17].

Добавим также, что часть государств региона, сохраняя свой высокий удельный вес в ближневосточных процессах, не могут в достаточной степени конкурировать с указанными государствами в борьбе за статус региональных «сверхдержав». Условно эти страны (Египет, Катар, ОАЭ и т. д.) можно отнести ко второму эшелону в распределении баланса сил на Ближнем Востоке [18].

Каждый из обозначенных внутренних полюсов, обремененный своими национальными интересами, стремится к реализации того конструкта международной безопасности, который в максимально полной мере соответствует целям и задачам их внешней политики. Императивы их ближневосточной политики носят многомерный характер и зависят от соответствующего видения направления регионального развития, а также от кооперации или конфронтации с другими ближневосточными странами и с глобальными государственными акторами. При этом укажем на то, что заявленные четыре полюса Ближнего Востока (Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция) зачастую конфликтуют в силу разности своих подходов к обеспечению региональной безопасности.

Выводы и рекомендации

Таким образом, с учетом существующих операционных моделей международной безопасности можно говорить о том, что на Ближнем Востоке сложилась многополярная модель региональной безопасности. Вместе с тем, как мы уже отмечали, на региональном уровне международная безопасность не может существовать в отрыве от ведущих акторов мировой политики.

Политическая активность и внешнеполитические приоритеты как ближневосточных государств, так и глобальных игроков может в значительной степени видоизмениться в связи с последними событиями на Ближнем Востоке, которые могут привести к приходу к власти новых лидеров, обладающих иным видением выстраивания отношений с мировыми государствами. Конструируя ближневосточную систему безопасности, необходимо отметить, что главными внерегиональными участниками этих процессов являются Россия, США, страны ЕС и КНР. Укажем на то, что, как и в ситуации с региональными игроками, интересы мировых стран в этом регионе, и не только, носят конфронтационный характер.

Таким образом, на современном этапе на Ближнем Востоке сложилась сложная многоуровневая операционная модель безопасности, которая включает в себя региональные центры силы и ведущие мировые державы, в совокупности формирующие структуру региональной безопасности. Эту модель условно можно обозначить как «4+4», где в первом случае 4 – это ведущие ближневосточные государства (Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция), а во втором – глобальные полюсы, включающие в себя Россию, США, страны ЕС и Китай.

При этом еще раз отметим, что данная модель основана на анализе роли ведущих государств на глобальном и реги-

ональном уровне. При более детальном исследовании параметров системы безопасности на Ближнем Востоке следует учитывать потенциал других государств региона и особенности внешней политики иных глобальных центров силы. Вместе с тем заявленная модель дает четкое представление о базовом конструкте ближневосточной системы безопасности.

Список литературы

1. Nye J. International regionalism: readings. Boston: Little, Brown, 1968. 432 p.
2. Buzan B., Wæver O. Regions and powers: the structure of international security. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 564 p.
3. Lake D., Morgan P. M. The new regionalism in security affairs // Regional orders: building security in a new world. 1997. No 1. P. 3–19.
4. Kelly R. E. Security theory in the "new regionalism" // International studies review. 2007. No 2. P. 197–229.
5. Solingen E. Regional orders at century's dawn: global and domestic influences on grand strategy. Princeton: Princeton Univ. Press, 1998. 334 p.
6. Johnston A. I., Acharya A. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting cooperation: regional institutions in comparative perspective. 2007. No 1. P. 1–31.
7. Lemke D. Regions of war and peace. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 235 p.
8. Fawn R. Globalising the regional, regionalising the global. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 261 p.
9. Сергунин А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. Политические исследования. 2005. No 6. С. 126–137.

10. Dönges H. E., Hofmann S. C. Defence as security. New York: Routledge Handbook of Defence Studies, 2018. 398 p.

11. Акаев А. А. О перспективах становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: 17-я Междунар. Лихачевская науч. конф. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 30–35.

12. Nikitin A. I. The concept of universal security: a revolution of thinking and policy in the nuclear age // Breakthrough: Emerging New Thinking. New York: Walker, 1988. P. 168–175.

13. Никитин А. И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 44–59.

14. Held C. Middle East patterns, student economy edition: places, people, and politics. New York: Routledge, 2018. 728 p.

15. Wastnidge E. Iran and Syria: an enduring axis // Middle East Policy. 2017. No 2. P. 148–159.

16. Fraser C. In Defense of allah's realm: religion and statecraft in saudi foreign policy strategy // Transnational religion and fading states. 2018. No 1. P. 212–240.

17. Турция намерена создать новые зоны безопасности на севере Сирии [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5303893> (дата обращения: 20.01.2019)

18. Fürtig H. Prospects for new regional powers in the Middle East // Regional Powers in the Middle East. 2014. No 1. P. 209–220.

Поступила в редакцию 19.03.10

UDC 327

D. A. Mirgorod, Candidate of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University (Russia, 357532, Pyatigorsk, Kalinin av., 9) (e-mail: denmirgorod@yahoo.com)

OPERATIONAL MODELS OF REGIONAL SECURITY IN THE MIDDLE EAST

The relevance of this article is determined by the high conflict potential of the middle East region, the problems of which are mainly associated with the lack of a systematic approach to security.

The objective of the article is to identify the structural parameters of the regional security system in the Middle East, taking into account internal and external factors.

As the main research methods, the article used a situational analysis of the world political process within the framework of problem and diagnostic fields, methods of inductive generalization, comparative, factorial and geopolitical analysis.

*The results of the study carried out in the article include the fact that there is a modification of the regional security system in the Middle East, which continues to be one of the most conflict-prone regions of our time. The emergence of new centers of power in the Middle East and the active confrontation of world powers in this region make it extremely difficult to determine the contours of the current security system in this territory. The article attempts to identify the key parameters of the Middle East security system through an analysis of existing approaches to the study of the region as one of the levels of international security, which is a system of international relations. The article discusses the leading states of the Middle East, which constitute the core of the regional security system, and identifies the main non-regional participants in the formation of the Middle East security system. **Conclusion:** From the point of view of relations between regional leaders of the Middle East, the author defines the regional system of Middle Eastern security as multi-polar (the four poles are Israel, Iran, Saudi Arabia and Turkey). At the same time, the involvement of global centers of power presupposes the multi-level nature of the regional security system in the Middle East. This in turn provides for a range of world states that have a direct impact on the development of the Middle East, to which Russia, the USA, China, and the EU countries can be attributed.*

Key words: *global security; international security; regional security; Middle East; regional security model; operational security model.*

For citation: Mirgorod D. A. Operational models of regional security in the Middle East. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 123–129 (in Russ.).

References

1. Nye J. International regionalism: readings. Boston, Little, Brown Publ., 1968. 432 p.
2. Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: the structure of international security*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003. 564 p.
3. Lake D., Morgan P. M. The new regionalism in security affairs. *Regional Orders: Building Security in a New World*, 1997, no. 1, pp. 3–19.
4. Kelly R. E. Security theory in the "new regionalism". *International Studies Review*, 2007, no. 2, pp. 197–229.
5. Solingen E. *Regional orders at century's dawn: global and domestic influences on grand strategy*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1998. 334 p.
6. Johnston A. I., Acharya A. Comparing regional institutions: an introduction. *crafting cooperation: regional institutions in comparative perspective*, 2007, no. 1, pp. 1–31.
7. Lemke D. *Regions of war and peace*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002. 235 p.
8. Fawn R. *Globalising the regional, regionalising the global*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009. 261 p.
9. Sergunin A. A. Mezhdunarodnaya bezopasnost': novyye podkhody i kontsepty. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2005, no. 6, pp. 126–137.
10. Dönges H. E., Hofmann S. C. *Defence as security*. New York, Routledge Handbook of Defence Studies, 2018. 398 p.
11. Akaev A. A. O perspektivah stanovleniya ustojchivogo mnogopolyarnogo miroustrojstva na baze partnerstva civilizacij. *Global'nyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego. 17-ya Mezhdunar. Lihachevskaya nauch. konf.* St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2017, pp. 30–35.
12. Nikitin A. I. The concept of universal security: a revolution of thinking and policy in the nuclear age. *Breakthrough: Emerging New Thinking*. New York, Walker Publ., 1988, pp. 168–175.
13. Nikitin A. I. Novaya sistema otnosheniy velikikh derzhav XXI veka: "kontsert" ili konfrontatsiya? *Polis: Journal of Political Studies*, 2016, no. 1, pp. 44–59.
14. Held C. *Middle East Patterns, Student Economy Edition: Places, People, and Politics*. New York, Routledge, 2018. 728 p.
15. Wastnidge E. Iran and Syria: An enduring axis. *Middle East Policy*, 2017, no. 2, pp. 148–159.
16. Fraser C. In defense of allah's realm: religion and statecraft in saudi foreign Policy Strategy. *Transnational religion and fading states*, 2018, no 1, pp. 212–240.
17. Turtsiya namerena sozdat' novyye zony bezopasnosti na severe Sirii. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5303893> (accessed 20.01.2019).
18. Fürtig H. Prospects for new regional powers in the Middle East. *Regional powers in the Middle East*, 2014, no. 1, pp. 209–220.

УДК 327+321

Е. С. Устинович, д-р полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: lenausti@mail.ru)

Е. В. Галкина, д-р полит. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Россия, 355029, Ставрополь, ул. Пушкина, 1) (e-mail: galkina_e@mail.ru)

МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ ОРИЕНТИР НА ИНДИЮ

Актуальность. В статье речь идет о все возрастающем влиянии мирового политического процесса на развитие международных экономических отношений. Среди негативных факторов, тормозящих развитие взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества в современном мире, все больше называют протекционизм. Между тем, с одной стороны, опыт отдельных стран, в первую очередь Индии, свидетельствует о положительном эффекте протекционизма для национальной экономики. Однако многие годы в значительной мере именно протекционизм мешал плодотворному развитию российско-индийских торгово-экономических отношений. Актуальность поднятой нами темы российско-индийских торгово-экономических отношений обосновывается как вышесказанным, так и тем, что возникла необходимость понимания сущности происходящих в Индии экономических процессов, в основе которых лежат либеральные реформы, включая структурные преобразования системы внешнеэкономических связей, для возможного заимствования как их отдельных аспектов, так и механизма проведения для модернизации экономики России.

Цель исследования представленного в статье современного состояния российско-индийских отношений в политическом и экономическом аспектах состоит в их оценке.

Задачами исследования стали анализ отношения высшего политического руководства России к использованию мер протекционистской политики в экономике, состоянию российско-индийских отношений, их потенциале, а также разработке практических мер для привлечения как государственных, так и частных индийских компаний для инвестирования в российские или российско-индийские совместные проекты.

Методология исследования включила в себя неинституциональный анализ, сравнительные методы исследования, политический анализ.

Источниковую базу исследования составили работы ведущих российских ученых по вопросам российско-индийских экономических отношений. Это также статистические данные и информация, размещенная на сайте Посольства Индии в Российской Федерации, а также выступления Президента России В. В. Путина по актуальным проблемам российско-индийских отношений.

Выводы. Показаны практические результаты использования мер протекционистского характера в индийской экономике и их результаты. Даны рекомендации о необходимости наращивания торгового оборота с Индией и расширение производственной кооперации.

Ключевые слова: мировая политика; международные экономические отношения; протекционизм; Россия; Индия; торговля.

Ссылка для цитирования: Устинович Е. С., Галкина Е. В. Мировой политический процесс и международные экономические отношения: российский ориентир на Индию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 130–137.

Введение

Мировой политический процесс и международные экономические отношения сегодня, как никогда ранее за последние лет 50, не переживают столь значимую взаимозависимость. В своем интервью немецкой газете «Handelsblatt» 6 июля 2017 г. Президент России В. В. Путин, в частности, сказал, что «прежние экономические модели практически исчерпали себя, протекционизм превращается в норму, а его скрытой формой ста-

новятся односторонние, политически мотивированные санкционные ограничения в торговле и инвестициях» [1].

Это высказывание российского президента не осталось без внимания всех ведущих СМИ Германии. Так, «Züddeutsche Zeitung» написала о разгоревшейся дискуссии G 20 по формулировкам в итоговой декларации по торговле. В частности, в документе удалось сохранить формулировку «борьба с протекционизмом» («Kampf gegen Protektionismus») [2].

Наряду с положительными комментариями были и вполне критические. Известный немецкий общественно-политический еженедельник «Der Spiegel» пытался «уличить» саму Россию в протекционизме (рис. 1). Корреспондент изда-

ния Бенджамин Биддер (<https://twitter.com/BenjaminBidder>) подчеркивал, что Россия сама занимается протекционизмом, поэтому ограничивает доступ зарубежных компаний, в частности, к сельскому хозяйству.

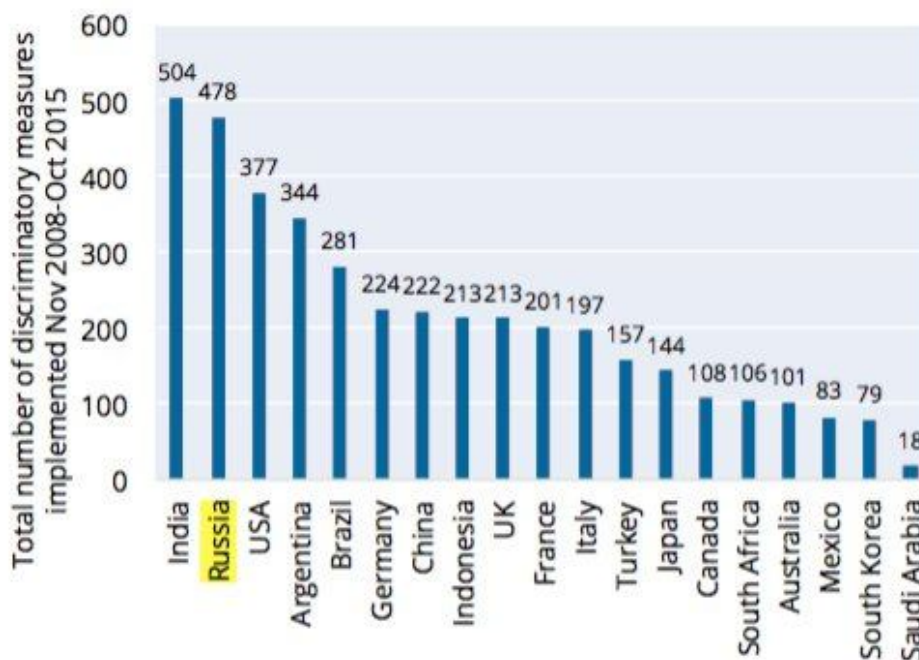

Рис. 1. Протекционизм в G20

Ясно одно, что в этих политико-экономических условиях Российская Федерация вполне закономерно стремится расширить свое присутствие в Азиатском регионе и, в частности, в странах-участницах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Здесь можно справедливо согласиться с мнением Ю. Л. Коноваловой, которая считает, что среди стран, заинтересованных в более тесном сотрудничестве с Российской Федерацией, особенно стоит выделить Индию, начало сотрудничества с которой было положено еще в советский период [3, с. 7].

Сегодня, несмотря на значительное увеличение абсолютных показателей в торговом и инвестиционном сотрудничестве двух стран с середины 2000-х гг., их доли в общем объеме внешней торговли

и инвестиций все еще остаются незначительными, а к 2016 г. динамика торгово-экономического сотрудничества России и Индии вовсе снизилась. С учетом вступления Индии в ШОС и возможным созданием Зоны свободной торговли с ЕАЭС дальнейшее российско-индийское торгово-экономическое и инвестиционное взаимодействие рассматривается в качестве двигателя устойчивого развития партнеров и повышения благосостояния и уровня жизни их населения.

Профессор МГИМО Н. В. Галищева подчеркивает, что «широкомасштабная экономическая либерализация была начата в Индии в 1991 г., почти одновременно с реформами в России, и, как показала практика двух минувших десятилетий, индийские экономические реформы в целом оказались более успешными» [4, с. 4].

Результаты и их обсуждение

Актуальность поднятой нами темы российско-индийских торгово-экономических отношений обосновывается как вышесказанным, так и тем, что возникла необходимость понимания сущности происходящих в Индии экономических процессов, в основе которых лежат либеральные реформы, включая структурные преобразования системы внешнеэкономических связей (ВЭС), для возможного заимствования как их отдельных аспектов, так и механизма проведения для модернизации экономики России.

Немаловажно и то, что именно за счет введения на определенный период протекционистских мер Индия смогла добиться таких результатов – стать самой динамично развивающейся экономикой мира на сегодняшний день.

Между тем есть мнение, что Индия пока еще слабо вовлечена в международное разделение труда [5]. Именно в этой связи внешняя торговля приобретает особое значение для экономики страны.

Индия сегодня в основном экспортирует готовые швейные изделия из натуральных тканей, собственно ткани, продовольствие, медикаменты и ряд других товаров. Основной экспортный товар – индийский чай, на который приходится почти четверть мирового экспорта этого продукта.

Среди стран – крупнейших торговых партнеров Индии следует назвать Соединенные Штаты Америки, Федеративную Республику Германию, Японию и Великобританию. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики России, за десятилетний период с 2005 по 2015 г. Индия повысила показатели импорта больше, чем показатели экспорта. Этот показатель также свидетельствует отчасти и о том, что либерализация торговой политики осуществляется в интересах собственного государства прежде всего и не обходится без тех самых протекционистских мер.

Приведенный в действие протекционистский механизм правительством Ин-

дии обеспечивал достаточно эффективную защиту отечественным производителям их прав. Это происходило за счет увеличения ставок таможенных пошлин на ввоз некоторых видов товаров. В первую очередь это были товары, которые имели решающее значение для экономики Индии и производились в самой стране. Также были осуществлены соответствующие меры правового характера – внесены соответствующие изменения в индийский закон 1992 г. о внешней торговле (Forcing Trade Act).

Вместе с тем были введены меры запретного характера. Они касались части импорта алкогольной продукции, продуктов питания и чая, которые не соответствовали внутренним правилам регулирования.

Экономические либеральные реформы, начавшиеся в 1991 г., принесли свои результаты для Индии. Индийский экспорт в среднем увеличивался более чем на 10% ежегодно. Укрепилась национальная валюта, и обменный курс индийской рупии стал более стабильным и менее волатильным.

Тем не менее, несмотря на определенные успехи экономического курса и политики, доля Индии в мировой торговле еще достаточно минимальна и составляет чуть более 1%. На этом фоне для Индии становится актуальной задача расширения экономического сотрудничества с Россией. Задачи расширения российско-индийского торгово-экономического сотрудничества были обозначены еще во время пятнадцатого ежегодного саммита, на котором политические лидеры Индии и России поставили цель увеличения торгового оборота к 2025 г. до 30 млрд долл.¹

¹ В 2014 г. объем двусторонней торговли достиг 9,51 млрд долл., тогда как индийский экспорт составил 3,17 млрд долл. (данный показатель увеличился на 2,6% по сравнению с 2013 г.), а импорт товаров из России – 6,34 млрд долл. (здесь наблюдается снижение на 9,2% по сравнению с 2013 г.).

Торговый интерес Индии в отношении Российской Федерации связан, прежде всего, с вооружением, оборудованием для атомных электростанций, электрооборудованием, а также изделиями из стали и алмазами.

За пятнадцать лет, начиная с 2000 г., объем инвестиций Индии в российскую экономику составил около 8 млрд долл. Среди инвестиционных российских предприятий, куда «вложились» Индия, можно назвать, например, Волжский абра-

зивный завод в Волгограде, нефтяную компанию Imperial Energy (Томск), проект «Сахалин-1».

Однако при всем сказанном следует отметить, что исходя из статистических материалов, представленных на сайте Посольства Индии в Российской Федерации по вопросам экономического сотрудничества, российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество не было особенно плодотворным последние годы (табл. 1).

Таблица 1

Индия – Россия. Торговая статистика

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Индийский экспорт в Россию, тыс. долл. США	2786484	3041456	3088799	3172157	2067339
Индийский импорт из России, тыс. долл. США	6079836	7915553	6981503	6341109	4797351
Общая двусторонняя торговля, тыс. долл. США	8866320	10957009	10070302	9513266	6864690

Следует также обратить внимание на то, что еще в начале двухтысячных годов, когда был подписан российско-индийский Договор о стратегическом сотрудничестве (2000 г.), объем товарооборота между двумя странами составлял всего 1,5 млрд долл., более чем скромная цифра. Тогда стояла задача его увеличения до 10 млрд долл. к 2010 г. Однако эту цель смогли достичь только в 2012 г. К 2015 г. объем взаимной торговли снова упал и составил чуть менее 8 млрд долл.

В начале 2017 г. (I квартал), по данным российской Федеральной таможенной службы (ФТС), увеличился значительно – более чем на 29% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., что составило 440 330 257 долл. США.

Показатели российского экспорта – 1,28 млрд долл., что также более чем на 35% больше, чем в аналогичном периоде 2016 г. (табл. 2).

Таблица 2

Пять крупнейших индийских импортеров из России в 2017 году

Наименование товара	Объем, тыс. долл. США	Изменение, %
1. Природный или культивированный жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценным металлом, и изделия из него; имитационные украшения; монета	892995	-15

Окончание табл. 2

Наименование товара	Объем, тыс. долл. США	Изменение, %
2. Удобрения	627076	98
3. Ядерные реакторы, котлы, машины и механические устройства; их части	449555	-31
4. Минеральное топливо, минеральные масла и продукты их дистилляции; битуминозные вещества; минеральные воски	291313	39
5. Машины и механические приборы; электрическое оборудование; их части; звуковые рекордеры и репродуцирующие устройства, телевизионные изображения и звуковые рекордеры и репродуцирующие устройства, телевизионные рекордеры и рекордеры, а также запасные части	285800	-20

Вместе с тем импорт России из Индии в 1 квартале 2017 г. составил 669 707 229 долл. США, увеличившись на 18,30% (103 598 943 долл. США) по

сравнению с аналогичным периодом 2016 г. (в таблице 3 представлены самые крупные товарные позиции по индийскому экспорту из России).

Таблица 2

Пять крупнейших индийских экспортеров в Россию в 2017 году

Наименование товара	Объем, тыс. дол.	Изменение, %
1. Фармацевтические товары	429632	-23
2. Чай, кофе	136701	21
3. Ядерные реакторы, котлы, машины и механические приборы; их части	136306	-44
4. Табак	113725	14
5. Электрические машины и оборудование и их части; звукозаписывающие устройства и репродукторы, телевизионные устройства для воспроизведения изображений и звукозаписи и репродукторы, а также части и принадлежности таких изделий	109985	-26

Таким образом, за последние 2-3 года сложилась положительная динамика в торговом сотрудничестве России и Индии. Сальдо торгового баланса по результатам первого квартала 2017 г. увеличилось более чем на 61%.

Выводы

Узы давней и тесной дружбы связывают Индию и Россию уже больше 70 лет. В период холодной войны Индия и Советский Союз поддерживали тесное военно-стратегическое, экономическое и

дипломатическое взаимодействие. Со временем отношения Индии с Западом и странами других регионов становились лучше, крепились и связи с Россией.

За последние годы созданы институциональные предпосылки взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества [6].

Сегодня Россия и Индия договорились между собой о либерализации режима деловых визитов. Эти и другие меры призваны содействовать развитию двусторонней торговли. К 2025 г. страны-партнеры планируют повысить объем двусторонней торговли до 30 млн долл. Российские компании очень охотно вкладывают средства в такие отрасли индийской экономики, как строительство, крупные инфраструктурные проекты (специализированные грузовые коридоры, промышленные кластеры и т. д.), «умные города», обмен технологиями, повышение квалификации [7].

Индия принимает меры для привлечения как государственных, так и частных российских компаний. В то же время индийские компании проявляют большой интерес к главным перспективам инвестирования в российскую экономику, особенно в ее природно-ресурсную сферу: угольную промышленность; производство удобрений; добычу и обработку углеводородов, минералов и редкоземельных металлов. Россия стала первой страной, согласившейся принять участие в проекте Make in India в двух ключевых стратегических секторах: атомная энергетика и оборона [8]. Россия будет производить в Индии компоненты для ядерных реакторов и военных вертолетов. Российские компании в сотрудничестве с индийскими партнерами будут участвовать в строительстве 12 атомных электростанций.

В совместном заявлении по итогам последнего Российско-индийского сам-

мита в Гоа в октябре 2016 г. впервые на политическом уровне было зафиксировано, что Индия и Россия намерены работать вместе в целях продвижения взаимных инвестиций и других форм экономического сотрудничества на Дальнем Востоке [9].

Так получилось, что Индия в 2017 г. стала главным гостем Петербургского международного экономического форума, в рамках которого ее делегация провела больше 10 мероприятий, включая встречи бизнесменов, круглые столы и презентации. 1 июня 2017 г. прошел деловой завтрак под названием «Евразийский экономический союз – Индия. Стратегическое партнерство».

Премьер-министр Индии Нарендра Моди заверил, что Индия потратит более 1 трлн долл. в ближайшие четыре года на развитие объектов инфраструктуры. Деньги будут направлены на создание грузовых коридоров, дорог, водных путей. Индия станет одной из стран-лидеров по вложению средств в инфраструктурные проекты [10].

Президент России В. В. Путин со своей стороны подчеркнул, что в качестве ключевого приоритета в российско-индийских отношениях наращивание торгового оборота с Индией и расширение производственной кооперации. Все это говорит о том, что российско-индийское экономическое сотрудничество снова выходит на траекторию роста.

Список литературы

1. Статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт» [Электронный ресурс]. 2017. 6 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54988> (дата обращения: 17.01.2019).
2. Die Ergebnisse des G-20-Gipfels [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/g-abschlusserklaerung-in-hamburg-die-ergebnisse-des-g->

gipfels-1.3579385 (дата обращения: 17.01.2019).

3. Коновалова Ю. А. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 182 с.

4. Галищева Н. В. Внешнеэкономическая политика Индии в условиях либеральных реформ: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2013. 55 с.

5. Галищева Н. В. Внешняя торговля Индии в 1950-2000-х гг. // Вестник МГИМО. 2012. №1. С. 181–186.

6. Российско-индийские переговоры 5 октября 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58727> (дата обращения: 17.01.2019).

7. Канория Х. Как России и Индии удалось сотрудничать в новой экономи-

ческой ситуации // ПМЭФ. 2017. С. 98–103.

8. Панкадж Саран: Индия намерена активизировать сотрудничество с РФ на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3974044> (дата обращения: 17.01.2019).

9. Шикин В. Российско-индийское стратегическое партнерство. Достигнут ли потолок? [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-strategicheskoe-partnerstvo-dostignut-li/> (дата обращения: 17.01.2019).

10. Россия и мир – 2017. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 79–81.

Поступила в редакцию 03.03.19

UDK 327

E. S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: lenausti@mail.ru)

E. V. Galkina, Doctor of Political Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University (Russia, 355029, Stavropol, Pushkin str., 1) (e-mail: galkina_e@mail.ru)

WORLD POLITICAL PROCESS AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS: THE RUSSIAN INDICATOR FOR INDIA

Relevance. *The article deals with the ever-increasing influence of the world political process on the development of international economic relations. Among the negative factors hampering the development of mutually beneficial trade and economic cooperation in the modern world, protectionism is increasingly called. Meanwhile, on the one hand, the experience of individual countries, primarily India, demonstrates the positive effect of protectionism on the national economy. However, for many years protectionism in particular has hampered the fruitful development of Russian-Indian trade and economic relations. The relevance of the topic of Russian-Indian trade and economic relations raised by us is justified both by the above and by the fact that it became necessary to understand the essence of economic processes in India, which are based on liberal reforms, including structural changes in the system of foreign economic relations (WEC), for possible borrowing as their individual aspects, and the mechanism for the modernization of the Russian economy.*

The purpose of the research presented in the article on the current state of Russian-Indian relations in political and economic aspects is to evaluate them.

The objectives of the study were to analyze the attitude of the top political leadership of Russia to the use of protectionist policies in the economy, the state of Russian-Indian relations, their potential, and the development of practical measures to attract both public and private Indian companies to invest in Russian or Russian-Indian joint ventures. projects.

The research **methodology** included a neoinstitutional analysis, comparative research methods, and political analysis.

The source base for the study was the work of leading Russian scientists on Russian-Indian economic relations. It also includes statistics and information posted on the website of the Embassy of India in the Russian Federation, as well as speeches by President of Russia Vladimir Putin on topical issues of Russian-Indian relations.

Conclusions. The practical results of the use of protectionist measures in the Indian economy and their results are shown. Recommendations on the need to increase trade with India and the expansion of industrial cooperation are given.

Key words: world politics; international economic relations; protectionism; Russia; India; trade.

For citation: Ustinovich E. S., Galkina E. V. World political process and international economic relations: the Russian indicator for India. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 130–137 (in Russ.).

Reference

1. Stat'ya Vladimira Putina v nemeckoj gazete "Handel'sblatt". 2017. 6 July. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54988> (accessed 17.01.2019).
2. Die Ergebnisse des G-20-Gipfels. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/g-abschlusserklaerung-in-hamburg-die-ergebnisse-des-g-gipfels-1.3579385> (accessed 17.01.2019).
3. Konovalova Yu. A. *Rossijsko-indijskoe trgovno-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Diss. kand. ehkon. nauk. Moscow, 2016. 182 p.
4. Galishcheva N. V. *Vneshneehkonomicheskaya politika Indii v usloviyah liberal'nyh reform*. Avtoref. Diss. dokt. ehkon. nauk. Moscow, 2013. 55 p.
5. Galishcheva N. V. Vneshnyaya trgovlya Indii v 1950–2000-h gg. *Vestnik MGIMO*, 2012, no. 1, pp. 181–186.
6. Rossijsko-indijskie peregovory 5 oktyabrya 2018 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58727> (accessed 17.01.2019).
7. Kanoria H. Kak Rossii i Indii udalos' sotrudnicat' v novej ehkonomicheskoy situacii. *PMEHF*, 2017, pp. 98–103.
8. Pankadzh Saran: *Indiya namerena aktivizirovat' sotrudnichestvo s RF na Dal'nem Vostoke*. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3974044> (accessed 17.01.2019).
10. *Rossiya i mir – 2017. Ehkonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz*. Moscow, IMEHO RAN Publ., 2016, pp. 79–81.
9. Shikin V. *Rossijsko-indijskoe strategicheskoe partnerstvo. Dostignut li potolok?* URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossijsko-indijskoe-strategicheskoe-partnerstvo-dostignut-li/> (accessed 17.01.2019).

УДК 323.2

В. А. Ливцов, д-р ист. наук, профессор, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, 302028, Орел, б-р Победы, 5А) (e-mail: livcov@orel.ranepa.ru)

К. С. Жилин, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, 302028, Орел, б-р Победы, 5А) (e-mail: dancer43@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время в Российской Федерации одним из приоритетных направлений государственной социальной политики является защита прав детей, создание благоприятной обстановки для их воспитания и развития.

Цель. Авторами проведен общий анализ механизма становления и особенностей реализации государственной социальной политики в отношении детей-сирот в России второй половины XIX – первой половины XX века. Охарактеризована роль общественных и государственных организаций в реализации государственной социальной политики.

Задачи. Выполнен краткий обзор мероприятий, проведенных для оптимизации и модификации системы учреждений по работе с юными гражданами для социальной защиты сирот и содействию в их социальной адаптации.

Также в работе изучено изменение количества профильных учреждений в разные периоды российской истории, что позволило отметить высокую значимость накопленного практического опыта реализации государственной социальной политики в процессе модернизации современного механизма оказания эффективной поддержки нуждающимся в ней молодым гражданам.

Методология исследования включила в себя исторический анализ и сравнительно-исторический метод исследования.

Результаты. Источниковую базу исследования составили работы по вопросам социального сиротства как социальной проблеме, в том числе исторический и юридический анализ форм устройства детей, которые остались без родительского внимания; проблема сиротства в современной российской исторической науке; региональный аспект в развитии системы обучения детей-сирот в XIX в.; международный опыт усовершенствования социальных услуг для нуждающихся детей, а также правовая политика по вопросам детства как сфера государственной деятельности и т.д.

Выводы состоят в том, что изучение опыта реализации государственной социальной политики в России второй половины XIX – первой половины XX века наглядно демонстрирует реализацию воспитания безнадзорных детей либо в детских учреждениях интернатного типа, либо в приёмной семье.

Ключевые слова: государство; губерния; земство; политика; население; общество; детство; сиротство; социальная защита; приют; интернат.

Ссылка для цитирования: Ливцов В. А., Жилин К. С. Особенности государственной социальной политики в отношении детей-сирот в России второй половины XIX – первой половины XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 138–144.

Введение

Современные интеграционные процессы глобализирующегося мира усиливают свое всеобъемлющее воздействие на жизнедеятельность общества. Особенно ощущается их влияние на формирование социальных институтов защиты детей, в первую очередь – осиротевших [1]. Отметим, что в Российской Федерации защита прав детей, создание благоприятной обстановки для их воспитания и развития выделяется в качестве одного из основных направлений государственной социальной политики [2]. Тем не менее на пу-

ти к повышению эффективности и оптимизации данной системы существует целый ряд вызовов и рисков, требующих глубокого теоретического изучения. Для лучшего понимания сущности проблемы, а также поиска закономерностей и путей ее решения следует провести анализ отечественного опыта организации системы государственных мер по социальной защите детей-сирот.

Методология

В научных исследованиях широко применяются два термина, которые часто ошибочно трактуются как тождествен-

ные – это понятия «сирота» и «социальный сирота». Н. И. Бойко писал, что сиротство является неотъемлемым элементом цивилизации и неминуемым следствием вооруженных конфликтов, эпидемий, стихийных бедствий и ряда иных причин, которые способны привести к гибели родителей и, соответственно, становлению детей сиротами [3, с. 63]. А. В. Петрова считает, что сиротами следует считать детей, которые лишены семьи и имеют право на государственную защиту и помощь [4, с. 97]. Что же касается социальных сирот, то О. Н. Истратова предлагает считать ими детей, у которых биологические родители живы, но в силу воздействия определенных факторов последние не занимаются воспитанием и не заботятся о них, соответственно, в данном случае функцию опеки юных граждан на себя возлагают государство и общество [5, с. 244].

В данной работе речь пойдет об обеих категориях сиротства.

Активная работа по формированию государственной социальной политики в отношении детей-сирот была развернута в середине XIX в. Например, в 1854 г. было создано Ведомство учреждений, которое занималось администрированием и курированием деятельности благотворительных, женских и ряда специализированных учебных заведений. Позже, в 1864 г. оно было реорганизовано в четвертое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Данное событие является основополагающим для последующего направления государственных материальных и экономических ресурсов на содержание кормилиц и воспитанников системы учреждений для сирот.

Следует отметить, что вторая половина XIX в. в России ознаменовалась отменой крепостного права, поэтому при решении крестьянского вопроса уделялось внимание социальной защите детей. Так, «Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости» возлагало на крестьянские общи-

ны обязанности по присмотру за круглыми сиротами [6].

К этому времени деятельность по оказанию помощи детям-сиротам уже являлась неотъемлемой частью государственной политики. В этот период началось ее активное законодательное оформление, тогда же получили новый импульс развития специализированные учреждения для детей изучаемой категории. Оно происходило в рамках тесного взаимодействия государства, церкви и частных благотворителей.

Были заложены основы системы профессиональной помощи. К ее созданию и формированию специализированных институтов для защиты государством интересов детей-сирот привлекались специалисты из различных отраслей (административной, религиозной, педагогической и др.). Это напрямую повлияло на повышение уровня светскости воспитания рассматриваемой социально-демографической категории [7]. Юных граждан обучали ремесленному делу, что создало благоприятные условия для быстрого освоения будущей профессии [8]. Была сформирована система профессионального образования, представленная совокупностью учебных заведений среднего звена [7].

При обществе «Синий крест», под отчетным самой великой княгине Елизавете Маврикиевне, в 1893 г. было создано отделение защиты детей от жестокого обращения. Его воспитанники располагались в общежитии с подведомственными мастерскими.

К концу XIX в. в российской практике социальной защиты детей преобладал общественный подход. Его распространение определено воздействием комплекса факторов. Например, церковь уступила прямую социальную работу общественным и государственным организациям, но не прекратила оказывать помощь нуждающимся детям, а функция присмотра за безнадзорными детьми была передана благотворительным обще-

ственным организациям и местным органам самоуправления – земствам.

Последние стремились к снижению показателя детской смертности в специализированных воспитательных учреждениях. Но несмотря на все предпринимаемые меры реальное положение дел с призреванием детей-сирот менялось незначительно: «ужасные, потрясающие совесть результаты воспитания сирот подсказывают жесткую мысль, что не стоит заботиться о сохранении жизни младенцев, если мы не можем им приготовить жизни вне порока и разврата», – писал М. Ошанин. И далее: «На народные трудовые деньги мы создаем этому же народу новое бремя, новых преступников и новую искусственную тяготу. Но если такой ужасный результат получается несмотря на то, что масса людей вложила в это дело всю свою энергию, нередко талант, и несмотря на громадные денежные расходы и труды, то очевидно, что в неуспехе виноваты не отдельные люди, а неправильна сама система, при которой эти люди работают и при которой, очевидно, хороших результатов получить невозможно» [9].

Их деятельность находилась в прямой зависимости от локальных условий: там, где приюты отсутствовали, дети сразу же отправлялись на патронаж в деревню; в других местах сироты жили при родильных отделениях и богадельнях. В ряде губерний специализированных детских учреждений не было вовсе. Юные граждане доставлялись в Московский воспитательный дом. Однако в промышленно развитых регионах приюты создавались для подкидышей и сирот фабричных рабочих [10].

Вводилось поощрение практики усыновления детей. До достижения воспитанником 12-летнего возраста родитель получал вознаграждение в количестве 5 руб./мес. При этом на имя ребенка в сберегательную кассу вносилось ежемесячно по 2 рубля из бюджета губернских земств.

С середины 1890-х гг. в стране стали активно появляться целые села-приюты (часто их называют «жеденовскими», по фамилии инициатора создания подобных заведений), рассчитанные на 40 человек, хотя фактически в них всегда было меньше воспитанников.

Важно отметить, что в этот период деятельности многочисленных приютов в некоторых из них было организовано попечительство над выпускниками, что говорит о небезразличном отношении руководителей сиротских учреждений к судьбе воспитанников даже после их выпуска. Также эта мера социальной защиты облегчала адаптацию последних к самостоятельной жизни [11].

В 1910 и 1914 гг. состоялись съезды теоретиков и практиков сферы социальной защиты детей. В качестве важнейшего направления их работы выделялось создание эффективной системы специализированных воспитательных учреждений.

При городской московской думе успешно функционировали Благотворительный совет и специализированная детская комиссия. Она собирала и анализировала сведения об исключенных из школ детях. Другой ее функцией являлся контроль за условиями содержания юных преступников.

В начале XX в. в России действовали 19 108 попечительских советов, в ведении которых находились значительные финансовые ресурсы. Они направлялись на организацию и развитие системы учебно-воспитательных учреждений, а также на содержание детских домов, столовых и ночных приютов для малоимущего населения.

Признавалась важность социальной защиты детства и юношества. На одном из земских съездов в 1916 г. было высказано и единогласно поддержано мнение, согласно которому забота о беспризорных детях является обязанностью государства [12].

По состоянию на начало 1917 г. на территории РСФСР работали 583 приюта,

в которых воспитывались около 30 000 детей [13].

Тем не менее после Октябрьской революции детские приюты были закрыты, а дети размещены в детских домах и других воспитательных учреждениях. Пришедшие к власти большевики осудили благотворительность как буржуазный пережиток – она была официально запрещена. Политика секуляризации закрыла церкви путь к участию в воспитании безнадзорных детей.

В стране стали активно появляться дома младенцев и детские дома – для содержания сирот раннего и школьного возраста соответственно. Вместе с ними был разработан и интегрирован новый механизм воспитания, которому предстояло воплотить в жизнь идеи коммунизма. Общеизвестны слова большевика А. Е. Бадаева: «Так или иначе мы заставим матерей согласиться на национализацию детей» [14].

В первые послереволюционные годы был запущен процесс создания новых детских учреждений взамен закрытых приютов: для сирот школьного возраста организовывались не только детские дома, но и школы-коммуны, детские городки и учреждения интернатного типа.

Тем не менее ставка делалась на детские дома: в январе 1919 г. их было 1279 (75 300 воспитанников), а в июле того же года – 1734 (124 627 детей). Все эти организации были задуманы как педагогические учреждения нового типа, а их преимущества усматривались в том, что «здесь ребенок находится под постоянным надзором, поэтому из него легче лепить то, что нам нужно» [15].

Начала оформляться новая социальная задача, стоящая перед детскими домами – трудовая подготовка подростков. В связи с тем, что волна беспризорности накрывала Россию все сильнее, в 1925 г. было принято решение о подготовке детей-сирот РСФСР к трудовой общественно-полезной деятельности. Осуществлялось приращение детских домов к фабрикам и заводам, работникам которых

настоятельно рекомендовалось взять шефство над юными воспитанниками специализированных учреждений системы социальной защиты за год до их выпуска.

Проведение этих мероприятий совпало с резким уменьшением количества детских домов: если в 1922 г. их насчитывалось 6063 (540 000 детей), то в 1925 г. их стало 2836 (228 127 воспитанников). Очевидной причиной сокращения детских домов стало отсутствие у государства средств на их содержание, следствием чего стала новая волна беспризорности. Для поддержки имеющихся детских домов было решено на всей территории РСФСР отводить пахотные и огородные земли, а также бесплатно снабжать детские дома семенами и инвентарем.

Около 1935 г. было объявлено о ликвидации детской беспризорности как массового явления, и с этого момента в детских домах стали находиться исключительно дети-сироты. При этом родители, имеющие потребность поместить своего ребенка в это учреждение, были лишены такой возможности. В это же время довольно остро встал вопрос о положении воспитанников домов младенца, по разным причинам задержавшихся там до достижения возраста 7–8 лет: им требовалось другое питание, одежда, а главное – воспитание.

Ситуация усугублялась тяжелым материальным положением этих учреждений: дети-сироты голодали и совершали массовые побеги из детских домов. Только в 1940 г. детприемниками НКВД СССР было зарегистрировано 11 799 детей, бежавших из детских домов [16]. Их судьба не была завидной: Постановление СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» обязывало незамедлительно возвращать детей в детский дом или к родителям, что зачастую пагубно отражалось на личности несовершеннолетних и не способствовало социальной защите их прав [17].

Несмотря на очевидные несовершенства детских домов, они продолжали считаться лучшей формой общественного воспитания и устройства осиротевших детей.

На территории РСФСР в начале 1940-х гг. насчитывалось около 1700 детских домов, в которых постоянно проживали 187 000 юных граждан. Уже 25 июня 1941 г., в связи с началом военных действий, был поставлен вопрос об увеличении количества воспитанников детских домов общего типа на 22 000 человек параллельно с их эвакуацией в восточном направлении.

В послевоенные годы положение воспитанников детских домов оставалось тяжелым, тем более что их количество за военное время сильно увеличилось, а материальное положение, разумеется, не улучшилось – в 1946 г. их было уже 3568 (почти 360 000 детей). В этот период во вновь организуемые детские дома направлялись не только осиротевшие в годы войны дети, но и те, для воспитания которых в семьях отсутствовали приемлемые условия.

Результаты и их обсуждение

Таким образом, исследование теории и практики осуществления государственной социальной политики в отношении детей-сирот в России второй половины XIX – первой половины XX в. показало, что воспитание детей-сирот чаще всего осуществлялось либо в детских учреждениях интернатного типа, либо в приёмной для ребенка-сироты семье. При этом был уже накоплен ценный практический опыт Российской истории, который важен, прежде всего, для разработки эффективного механизма оказания помощи нуждающимся детям в современный период.

Список литературы

1. Мордань О. А. Усовершенствование социальных услуг для детей, оставшихся без попечения родителей: международный опыт // Вестник государствен-

ного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 200–206.

2. Селютин Е. Н. Правовая политика по вопросам детства как сфера государственной деятельности: теоретико-правовой аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, №5. С. 115–123.

3. Бойко Н. И. Социальное сиротство как социальная проблема // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием: в 2-х т. / отв. ред. Л. К. Тропина, Т. Н. Карфилова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Т. 1. С. 63–65.

4. Петрова А. В. Проблема сиротства в современной российской исторической науке // Успехи современного естествознания. 2011. № 4. С. 97–100.

5. Истратова О. Н. Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. № 10. С. 242–249.

6. Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 7: Документы крестьянской реформы. М.: Юрид. лит., 1989. 816 с.

7. Васильева М. А. Региональный аспект в развитии системы обучения детей-сирот в XIX в. // Актуальные проблемы современной науки: свежий взгляд и новые подходы: I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Приволж. науч.-исслед. центр. Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012. С. 93–94.

8. Наруцкая Н. В. Историко-правовой анализ несемейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 311–314.

9. Ошанин М. Н. О призрении покинутых детей. Ярославль: Типолитогр. Губ. зем. управы, 1912. 283 с.

10. Нечаева А. М. Государственно-правовая охрана детей-сирот в России // Советское государство и право. 1991. № 6. С. 121–127.

11. Меркулов П. А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 196–204.

12. Костина Е. Ю. История социальной работы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 110 с.

13. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 400 с.

14. Зензинов В. Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929. 325 с.

15. Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России (История и современность). М.: Дом, 1994. 176 с.

16. Быкова О. Н., Склярова Т. В. Из истории призрения осиротевших детей в России и Европе: нравственно-правовой аспект // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. № 5. С. 66–82.

17. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: постановление СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. // Собр. законов СССР. 1935. № 35, ст. 252.

Поступила в редакцию 16.03.19

UDC 323.2

V. A. Livtsov, Doctor Historical Sciences, Professor, Central Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 302028, Orel, Pobedy av., 5A) (e-mail: livcov@orel.ranepa.ru)

K. S. Zhilin, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 302028, Orel, Pobedy av., 5A) (e-mail: dancer43@mail.ru)

PECULIARITIES OF STATE SOCIAL POLICY REGARDING CHILDREN ORPHANS IN RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE XIX TH – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

*The **relevance** of the study is due to the fact that currently in the Russian Federation one of the priorities of the state social policy is the protection of the rights of children, the creation of a favorable environment for their upbringing and development.*

***Purpose.** The authors carried out a general analysis of the mechanism of the formation and characteristics of the implementation of state social policy in relation to orphans in Russia in the second half of the 19th - the first half of the 20th century. The role of public and state organizations in the implementation of state social policy is characterized.*

***Talks.** Made a short overview of the activities undertaken to optimize the system of institutions and modifications to work with the young citizens for the social protection of orphans and to promote their social adaptation.*

Also, the study examined the change in the number of specialized institutions in different periods of Russian history, which made it possible to note the high importance of the accumulated practical experience in implementing state social policy in the process of modernizing the modern mechanism of providing effective support to young citizens in need.

*The research **methodology** included a historical analysis and a comparative historical research method.*

***Results.** Source base study included the works on social orphanhood as a social problem, including historical and legal analysis of the forms of children left without parental care; the problem of orphanhood in modern Russian historical science; regional aspect in the development of the system of teaching orphans in the XIX century; international experience to improve social services for children in need, as well as legal policy on childhood as a public service, etc.*

*The **conclusion** is that the study of the experience of implementation of the state social policy in Russia in the second half of XIX - early XX century clearly demonstrates the implementation of education of street children in residential care or in a foster family.*

***Key words:** state; province; zemstvo; politics; population; society; childhood; orphanhood; social protection; shelter; boarding school.*

***For citation:** Livtsov V. A., Zhilin K. S. Peculiarities of state social policy regarding children orphans in Russia of the second half of the XIX th – first half of the XX century. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 138–144 (in Russ.).*

Reference

1. Mordan' O. A. Usovershenstvovanie social'nyh uslug dlya detej, ostavshihsya bez popecheniya roditel'ej: mezhdunarodnyj opyt. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 2014, no. 1, pp. 200–206.
2. Selyutina E. N. Pravovaya politika po voprosam detstva kak sfera gosudarstvennoj deyatel'nosti: teoretiko-pravovoj aspect. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2015, vol. 10, no. 5, pp. 115–123.
3. Bojko N. I. Social'noe sirotstvo kak social'naya problema. *Molodezh' XXI veka: potencial, tendencii i perspektivy. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarod. uchastiem*; ed by L. K. Tropina, T. N. Karfidova. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2014, vol. 1, pp. 63–65.
4. Petrova A. V. Problema sirotstva v sovremennoj rossijskoj istoricheskoj nauke. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2011, no. 4, pp. 97–100.
5. Istratova O. N. Semejnoe neblagopoluchie kak social'no-psihologicheskaya problema. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*, 2013, no. 10, pp. 242–249.
6. Chistyakov O. I. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Vol. 7: Dokumenty krest'yanskoj reformy*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 816 p.
7. Vasil'eva M. A. Regional'nyj aspekt v razvitii sistemy obucheniya detej-sirot v XIX v. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: svezhij vzglyad i novye podhody. I Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. Privolzh. nauch.-issled. centr. Joshkar-Ola, Kollokvium Publ.*, 2012, pp. 93–94.
8. Naruckaya N. V. Istoriko-pravovoj analiz nesemejnyh form ustrojstva detej, ostavshihsya bez popecheniya roditel'ej. *Molodoj uchenyj*, 2012, no. 6, pp. 311–314.
9. Oshanin M. N. O prizrenii pokinutyh detej. Yaroslavl', Tipolitogr. Gub. zem. upravy, 1912, 283 p.
10. Nechaeva A. M. Gosudarstvenno-pravovaya ohrana detej-sirot v Rossii. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 6, pp. 121–127.
11. Merkulov P. A. Molodezhnye organizacii RSFSR nachala 1920-h godov. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2017, no. 1 (97), pp. 196–204.
12. Kostina E. Yu. *Istoriya social'noj raboty*. Vladivostok, Dal'nevost. Univ. Publ., 2004, 110 p.
13. Prihozhan A. M., Tolstyh N. N. *Psihologiya sirotstva*. 2th ed. St.-Petersburg, Piter Publ., 2005, 400 p.
14. Zenzinov V. *Besprizornye*. Parizh, Sovremennye zapiski, 1929. 325 p.
15. Nechaeva A. M. *Ohrana detej-sirot v Rossii (Istoriya i sovremennost')*. Moscow, Dom Publ., 1994, 176 p.
16. Bykova O. N., Sklyarova T. V. Iz istorii prizreniya osirotevshih detej v Rossii i Evrope: nravstvenno-pravovoj aspect. *Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psihologiya*, 2007, no. 5, pp. 66–82.
17. O likvidacii detskoj besprizornosti i beznadzornosti. Postanovlenie SNK SSSR i CIK VKP(b) ot 31 maya 1935 g. *Sobr. zakonov SSSR*, 1935, no. 35, art. 252.

УДК 328.185:316.624

М. В. Шедий, д-р социол. наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, 302015, Орёл, ул. Приборостроительная, 35) (e-mail: m_v_shedij@mail.ru)

Е. Н. Малик, канд. полит. наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, 302015, Орёл, ул. Приборостроительная, 35) (e-mail: malik57-elena@mail.ru)

КОРРУПЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: АНОМИЯ ИЛИ НОРМА?

Актуальность. Коррупция в России имеет широкий спектр причин для возникновения и распространения в политической, экономической, культурно-духовной сферах общества. Но все ее проявления в большей степени ощутимы в реальной социальной жизни, сказываются на ее уровне, степени защищенности граждан, обеспеченности их прав и свобод. Научная картина коррупции как сложнейшего социального феномена призвана содействовать разработке и реализации антикоррупционной политики и произвести фундаментальные сдвиги в общественном, групповом и индивидуальном сознании, позитивную коррекцию в правилах поведения граждан.

Цель. Статья посвящена исследованию значения коррупции в системе современных отношений российского социума.

Задачи. Для достижения поставленной цели авторами проанализированы особенности восприятия коррупции в российском обществе как постоянной величины, исследована корреляция восприятия коррупции как нормы поведения и возраста индивида, изучена возможность преобразования коррупции из социальной аномии в социальную норму.

Методология. В исследовании применялись методы экспертного и массового опроса (анкетирование), метод контент-анализа, вторичного анализа результатов общероссийских социологических исследований.

Результаты. Основная проблема состоит не в наличии и даже не в широком распространении коррупционных связей в современном российском обществе, а в отсутствии четкого водораздела, грани между корруптивным и «нормальным» поведением.

Выводы. На основе анализа результатов исследования авторы приходят к выводу: общественное сознание в своих представлениях о коррупции и оценках ее масштаба достаточно однородно и характеризуется поразительным единством как для выборки граждан, так и для выборки экспертов. Можно утверждать, что если сравнивать различные социальные аномии, которые сейчас имеют место в российском обществе, коррупция, бесспорно, является самой массовой. В то же время коррупция оценивается достаточно спокойно. Это связано с тем, что в общественном сознании достаточно распространение получила идея о социальной неизбежности и необходимости коррупции.

Ключевые слова: коррупция; общество; аномия; степень распространения коррупции; борьба с коррупцией; социальные установки; общественное сознание.

Ссылка для цитирования: Шедий М. В., Малик Е. Н. Коррупция и российское общество: аномия или норма? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 145–155.

Введение

Коррупция как социальное явление существует практически во всех странах мира, однако для современной России она является одной из наиболее острых проблем. Социальная опасность коррупции для общества заключается в том, что она деформирует не только институты государства, в частности государственную и муниципальную службу, но и институты гражданского общества.

Безусловно, борьбу с коррупцией, о которой вполне справедливо говорят как

о «социальной пандемии» [1], усложняет ее многоликость, способность трансформироваться и видоизменяться в процессе цивилизационного развития и приобретать в разных государствах различные специфические особенности и характерные для данного государства формы проявления [2].

Данные официальной статистики, экспертных оценок, а также исследований указывают на то, что коррупция в России не только остается одной из серьезнейших проблем, но и продолжает обостряться [3]. То обстоятельство, что в

коррупционные практики вовлечено практически все общество, также определяет сложность борьбы с ней. Реформирование системы государственной и муниципальной службы, правоохранительных органов, ужесточение системы санкций за коррупционные преступления, совершенствование нормативно-правовых актов на предмет сокращения в них «коррупционных ниш», – несомненно, важные направления антикоррупционной политики, но они не дадут должного эффекта, если не будут подкреплены целенаправленной работой по формированию нетерпимого отношения всего социума к коррупционному поведению [4].

Таким образом, успешная антикоррупционная политика невозможна без фундаментальных сдвигов в общественном, групповом и индивидуальном сознании, без серьезных позитивных коррекций в правилах поведения не только таких целевых групп, как государственные и муниципальные служащие, но и самих граждан.

Вышеизложенные положения выступают весомыми аргументами, обуславливающими необходимость исследования социального феномена коррупции в российском социуме и формирования целостной системы знаний как инструмента изменения общественного сознания и поведения граждан, а также разработки эффективных антикоррупционных действий государства и общества.

Методология

Для получения социологической информации применялись методы экспертного и массового опроса (анкетирование), метод контент-анализа, вторичного анализа результатов общероссийских социологических исследований, анализ документов.

Авторами были проведены социологические опросы населения и экспертов в Воронежской и Орловской областях, целями которых являлось изучение тенденций развития и особенностей институционализации коррупции в современном

российском обществе, а также исследование антикоррупционного потенциала гражданского общества

Эмпирическую базу исследования «Коррупция в современной России: причины возникновения и проблемы преодоления» составили данные опроса населения в 2015–2016 гг. Воронежской и Орловской областей в возрасте от 18 лет и старше (N = 1050). Выборка репрезентирует население обследуемых областей по полу и возрасту. В экспертном опросе приняли участие государственные и муниципальные служащие, замещающие руководящие должности, работники правоохранительных органов, депутаты законодательных органов власти различных уровней, представители научного сообщества, изучающие проблему коррупции, политических партий, журналисты, общественные деятели, правозащитники и представители бизнес-сообщества (N = 197).

При обработке и анализе эмпирических данных использовался пакет статистических программ для анализа данных социальных наук SPSS Base.

Результаты и их обсуждение

Важной переменной в анализе социальных установок является самооценка отношения к коррупции. Данная переменная отражает степень позитивного или негативного отношения респондентов к данному социальному явлению [5].

По нашему мнению, распространенность коррупционных действий порождает представления об их нормальности, а отсутствие устойчивых практик социального контроля формирует толерантное отношение к коррупции и взяткам среди населения. Прямой вопрос об отношении к взяткам не является надежным инструментом измерения в силу описываемого выше эффекта соответствия социально одобряемым нормам.

Тем не менее ответы на такой вопрос могут продемонстрировать степень жесткости существующих норм, выявить уро-

вень внутреннего контроля по отношению к данной форме девиации.

Оценивая степень укорененности в общественном сознании проблемы коррупции и взяточничества, респондентам был задан вопрос: «В России для решения своих проблем гражданам приходится нередко давать взятки. По вашему мнению, взятки – это...». Так, 10,7% респондентов ответили: «Взятки – необходимая часть нашей жизни, без них ничего не решить» (а это каждый десятый опрошенный); 35,4% – «Их можно избежать, но со взятками легче делать дела». Приходится констатировать, что 2/5 россиян относятся к коррупции как к «привычному “фону жизни”». Однако есть и положительная тенденция, так 50,3% опрошенных респондентов указали: «Взятки нужно избегать, поскольку коррупция разлагает нас и нашу власть».

Приведенные данные свидетельствуют о том, что одним из существенных факторов развития коррупции в современной России является недооценка большинством россиян степени значимости этого явления. Они склонны оценивать коррупцию как нечто менее опасное и тревожащее в сравнении с явлениями, которые в основном являются следствиями коррупции [6]. Вероятно, недооценка проблемы коррупции является следстви-

ем того, что, как ранее указывалось, лишь меньшинство респондентов (38,8%) убеждено, что если чиновники перестанут брать взятки, то «людям станет проще решать свои проблемы». Такие результаты весьма показательны. В общественном сознании получила достаточное распространение идея о социальной неизбежности и необходимости коррупции [7]. Ослаб уровень внутреннего самоконтроля по отношению к данной форме девиации. Соответственно, необходимо усиление методов внешнего социального контроля [8].

Закономерно выглядит связь опыта участия в коррупционной деятельности и отношения к коррупции и взяткам: чем чаще человек сталкивается с проявлениями коррупции, тем менее негативно воспринимает данное явление. Опыт и столкновение с коррупцией влияют на установки людей. Даже вынужденное личное участие ведет к формированию одобрительного отношения к взяточничеству, т. к., преодолевая возникший внутренний когнитивный диссонанс, человек оправдывает свое неблагоприятное поведение, изменяя эмоциональное отношение к взяткам с негативного на якобы нейтральное («так легче делать дела», рис. 1).

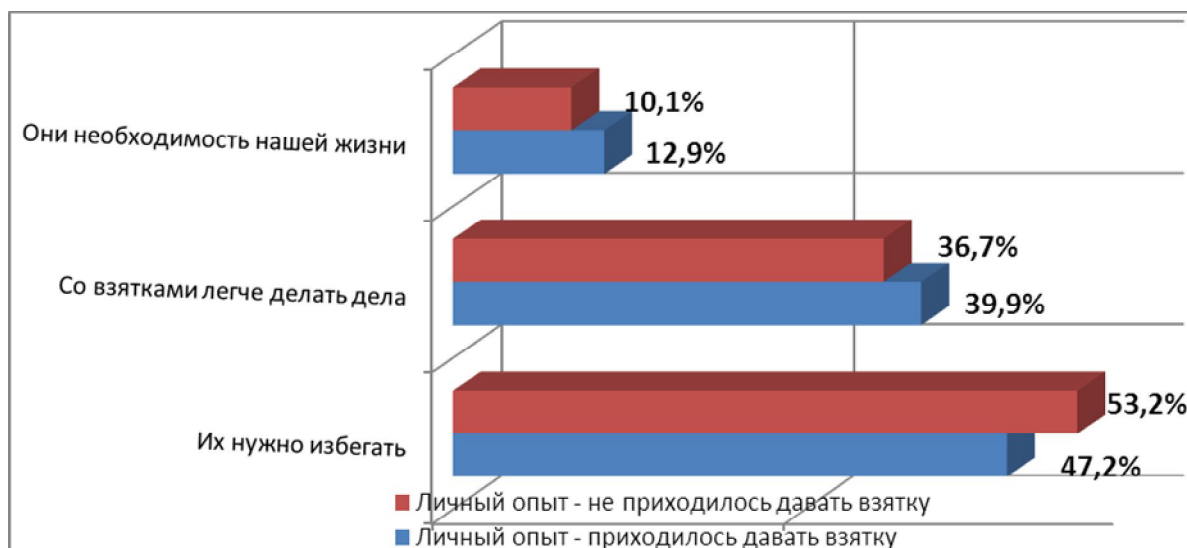

Рис. 1. Отношение к взяткам в зависимости от личного опыта

Среди социально-демографических факторов наибольшее влияние на вос-

приятие взяточничества оказывают возраст и материальное положение (рис. 2).

Рис. 2. Отношение к взяткам в зависимости от возраста респондентов

Исследование выявило прямую зависимость среди различных групп населения между отношением к коррупции и градации по возрасту, образованию и материальному положению. Так, наиболее

молодым людям со средним или средним специальным образованием характерно более повышенное терпимое отношение к проявлениям коррупции (рис. 3).

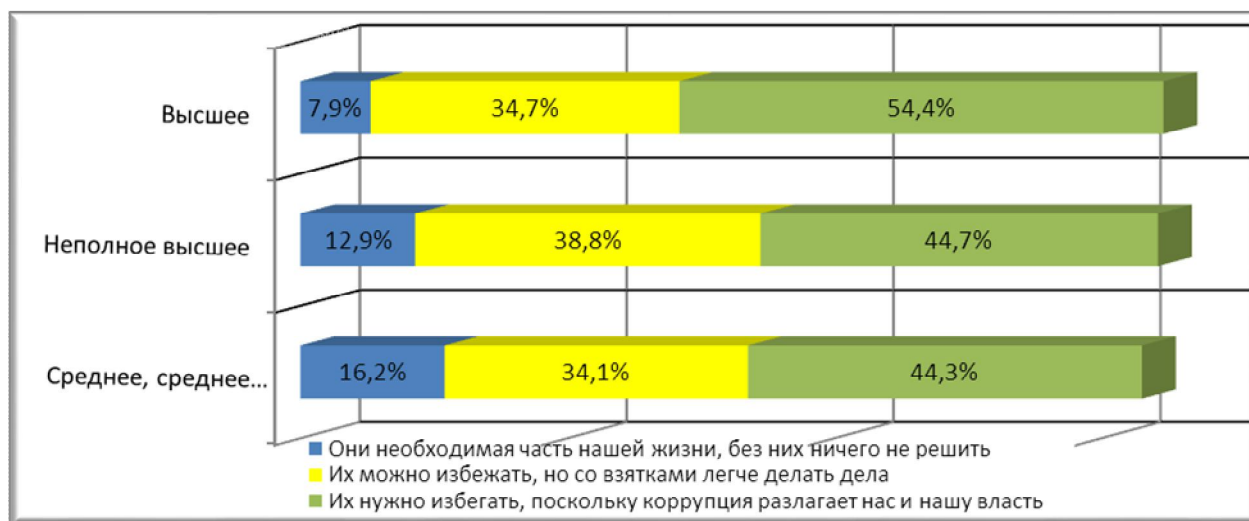

Рис. 3. Отношение к взяткам в зависимости от образования респондентов

Следует отметить, что наиболее толерантное отношение характерно для группы респондентов с высокими и относительно высокими доходами. Коррупция является привилегией материально обеспеченных слоев населения. Чем выше уровень материального положения, тем выше уровень терпимости и, следо-

вательно, вероятности реализации коррупционного поведения.

Таким образом, вероятнее всего осуществление более целенаправленной социальной политики в отношении коррупции в первую очередь будут поддерживать такие специфические группы, как лица предпенсионного и пенсионного возраста и население с невысокими дохо-

дами, т. к. именно этим категориям присуще негативное восприятие коррупции.

Респондентам задавались вопросы об их отношении к взяточникам и взяточполучателям. Большинство респондентов с осуждением относятся к тем, кто берет взятки (64% опрошенных), а отношение к взяточникам без осуждения отметили лишь 23,5%. Примерно также распределяются и ответы экспертов: осуждают коррупционеров 78,5%, воспринимают их без осуждения 19,4%. Тех же, кто взятки дает, участники опроса осуждают существенно реже – 45,1% респондентов (43% опрошенных экспертов). Относятся к взяточникам без осуждения 42,1% респондентов (48,1% экспертов).

Фундаментальную основу коррупции в форме взяточничества составляет моральная готовность населения брать и давать взятки [9]. Коррупцию считают неискоренимой только по одной причине, а именно потому, что широкие массы людей не готовы отказаться от мздоимства как формы социального взаимодействия, которую мы попытались измерить в данном исследовании, используя в качестве индикатора следующий вопрос: «Считаете ли вы, что материальное вознаграждение (подарки, деньги) врачам, преподавателям школ и вузов, работникам жэков за работу, которую они должны делать бесплатно, есть такое же опасное и вредное явление для общества, как и коррупция во власти?». Ответы участников опроса сформировали следующую картину моральной готовности граждан к коррупционному взаимодействию.

Принципиальными противниками мздоимства предстали только 52,1% опрошенных респондентов и 62,4% экспертов. Остальные же в той или иной мере, по той или иной причине, но соглашаются жить по коррупционным правилам (39,9% респондентов и 31,2% экспертов), а это означает, что, несмотря на наметившуюся благоприятную тенденцию снижения коррупционных рисков в

нашем государстве процесс этот еще далеко не завершен.

Важнейшей предпосылкой существования мздоимства выступает укоренившаяся в массовом сознании традиция материально возмездного взаимодействия людей, сохранившаяся с древнейших времен [10]. В современном российском обществе, как видно из данного исследования, эта традиция еще далеко не утратила своего влияния на социальное поведение значительной части населения.

Отношение к коррупции является одним из основных показателей, определяющим остроту восприятия проблемы коррупции [11]. По данному показателю можно сделать общее заключение о терпимости населения к коррупции и о возможности вовлечения населения в меры по противодействию ей.

Респондентам был задан вопрос о том, насколько вредным или полезным для общества явлением является коррупция. Большинство респондентов категорически заявили о вреде коррупции (71,1,7%), в то время как 6% сказали, что коррупция – это нормальное явление, а 1,5% – что она является полезной для общества. Несмотря на высокий процент тех, кто считает, что коррупция является вредным для общества явлением, значительный процент респондентов воспринимает коррупцию как неизбежное и широко распространенное явление, часть повседневной жизни (14%).

Довольно интересные результаты получаются, если проанализировать ответы на данный вопрос в разных возрастных группах (рис. 4). Так, молодежь в возрасте 18–29 лет более терпима к коррупции, чем другие возрастные группы: 19,5% респондентов этой возрастной группы сказали, что коррупция является элементом повседневной жизни, в то время как в более зрелых возрастных группах значительное большинство респондентов считают, что коррупция является вредным явлением.

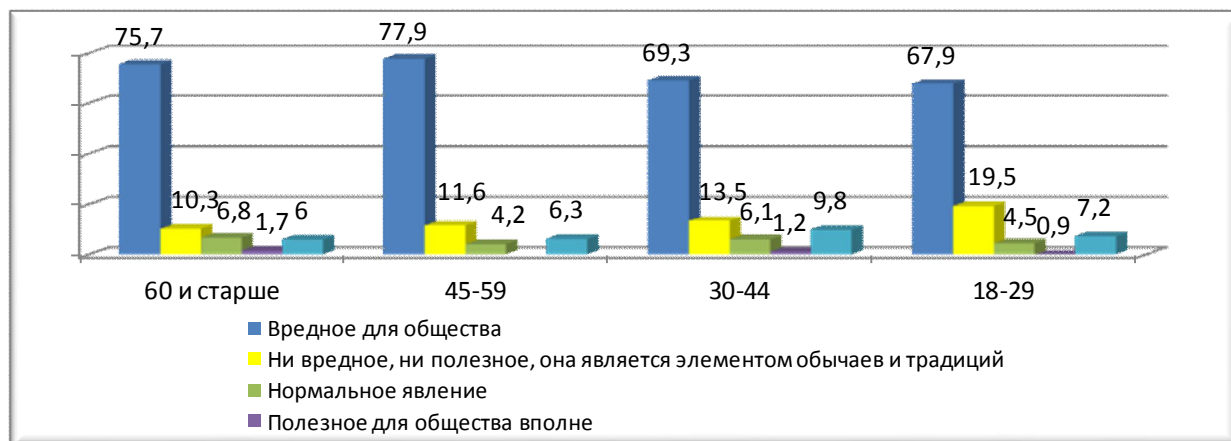

Рис. 4. Оценка значимости коррупции для современного российского общества в зависимости от возраста респондентов, %

Для анализа понимания сущности коррупции российскими гражданами во время опроса респондентам предложили оценить 15 ситуаций – в какой степени их можно считать проявлениями коррупции. Следует отметить, что с научной точки зрения они все являются проявлениями злоупотребления властью. Смысл этого вопроса заключался именно в том, чтобы выяснить, в какой степени строго научная трактовка коррупции совпадает с мнениями «простых людей».

Данный подход, с одной стороны, позволяет выявить жизненные установки при определении коррупции, с другой – косвенно выявить отношение респондентов (лояльность) к различным видам коррупционных действий.

На вопрос «Как вы оцениваете нижеперечисленные ситуации? Ниже приведен список различных ситуаций», оценивая каждую ситуацию, респонденты должны были выбрать один из следующих ответов: «1) это, точно, случай коррупции; 2) это спорная ситуация: может, коррупция, а может, нет; 3) это не имеет отношения к коррупции; 0) затрудняюсь ответить». Далее по каждой из 15 ситуаций респонденты определяли, коррупция это или не коррупция.

На рисунке 5 показаны доли тех, кто отмечал в анкете, что такая-то ситуация точно является коррупцией.

Если проанализировать распределение значений рейтингов, то легко усмотреть две полярные группы ситуаций – с высокими и низкими значениями рейтингов соответственно. В первой группе смешаны два типа ситуаций: мелкие или типичные ситуации, с одной стороны, и серьезные ситуации с элементами политической коррупции – с другой. Все они отличаются явным коррупционным признаком – взяткой. Исключение составляет коррупционный шантаж на выборах (последняя ситуация). Отсутствие типичного признака взятки делает этот случай крайне примечательным. Важно, что респонденты относят его к явным случаям опасной коррупции.

Во второй группе ситуации объединяются отсутствием привычного признака взятки в ее традиционном денежном выражении. Можно предположить, что низкие значения рейтингов коррупционности подобных ситуаций обеспечиваются наличием значимой группы респондентов, которые отождествляют коррупцию и взяточничество.

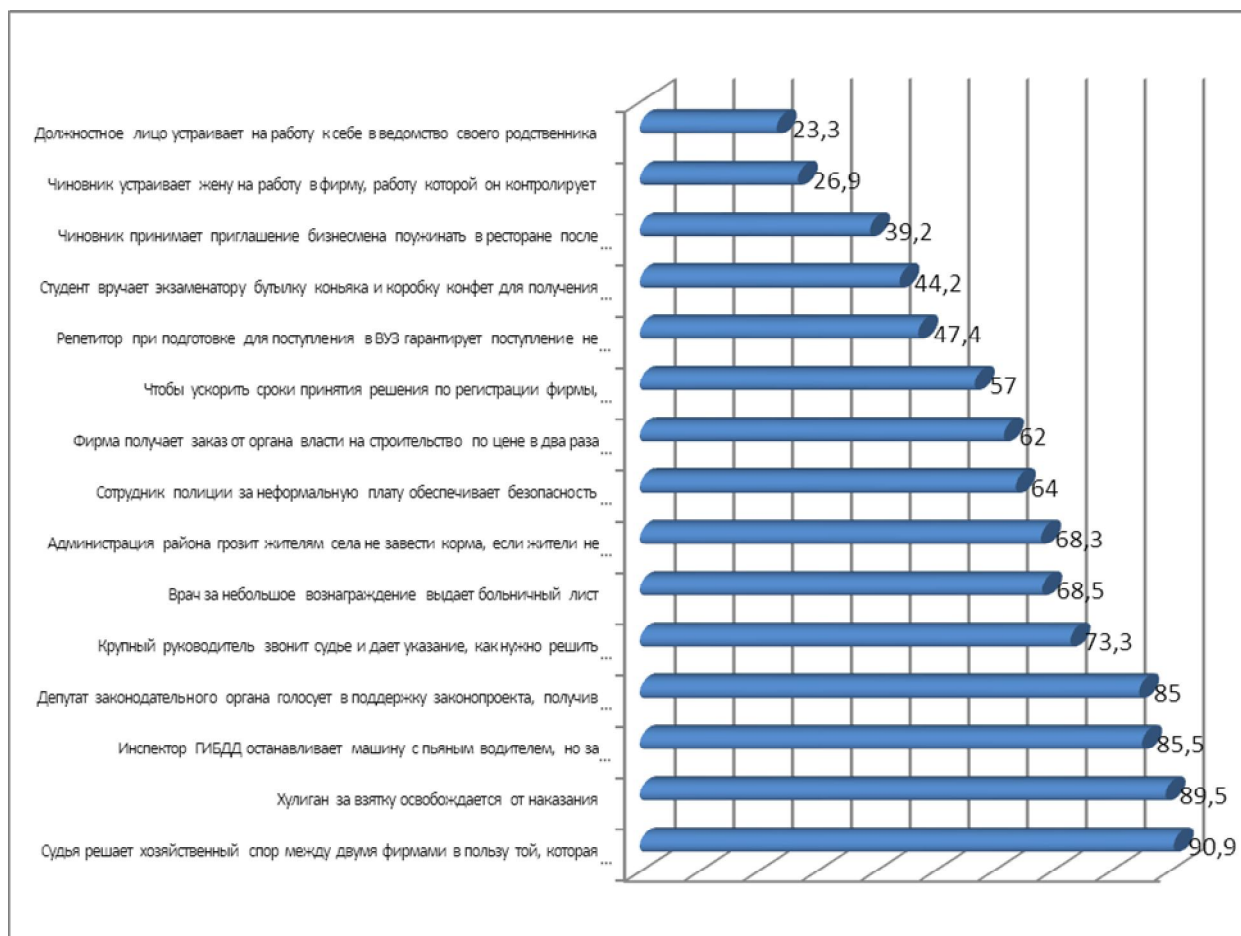

Рис. 5. Иерархия коррупционных ситуаций по степени восприятия коррупции (процент отметивших позицию «Это точно случай коррупции»)

Анализ рисунка 5 показывает, что большинство населения четче идентифицирует коррупцию в тех ситуациях, где имеют место действия, которые предполагают нелегальные денежные операции между гражданами и государственными чиновниками. Другие ситуации, где имеет место коррупция без участия денег (протекционизм, nepотизм, фаворитизм), респондентами труднее идентифицировались как коррупционные. Мелкая бытовая коррупция с использованием подношений практически не считается коррупционным действием.

Данные результаты подтверждают вывод: в российском обществе коррупция воспринимается большинством населения прежде всего как денежные операции с участием граждан и чиновников. Неденжные операции, такие, например, как

предоставление специальных льгот родственникам и друзьям или неправомерное завладение государственным имуществом, большей частью не рассматриваются как коррупционное поведение.

Можно также отметить интересную закономерность: в верхней части диаграммы доминируют ситуации «верхушечной» коррупции (коррупции высших должностных лиц), в то время как в нижней части — ситуации «низовой» коррупции. Россияне замечают и осуждают злоупотребления властью высокопоставленными чиновниками и политиками, но весьма снисходительны к злоупотреблениям должностных лиц среднего и низшего звена. «Низовая коррупция» является своего рода коррупцией-невидимкой — ее никто особо не замечает.

Свидетельство глубокой коррумпированности социального поля – готовность значительной части населения приспособиться к такой ситуации как неизбежной.

При разбивке опросной выборки по возрастным группам было обнаружено, что более молодые люди (18–29 лет) ина-

че воспринимают коррупцию, чем более старшие по возрасту респонденты (рис. 6). Они в меньшей степени склонны трактовать в качестве коррупции такие явления, как взяточничество, подношения или ненадлежащее использование государственного (общественного) имущества.

Рис. 6. Оценка респондентами ситуации как некоррупционной в зависимости от возраста, % от числа опрошенных каждого возраста

Исследуя степень укоренения в сознании социума коррупционных явлений, респондентам был задан вопрос о допу-

стимости или недопустимости тех или иных ситуаций, связанных напрямую с коррупцией и взяточничеством (рис. 7).

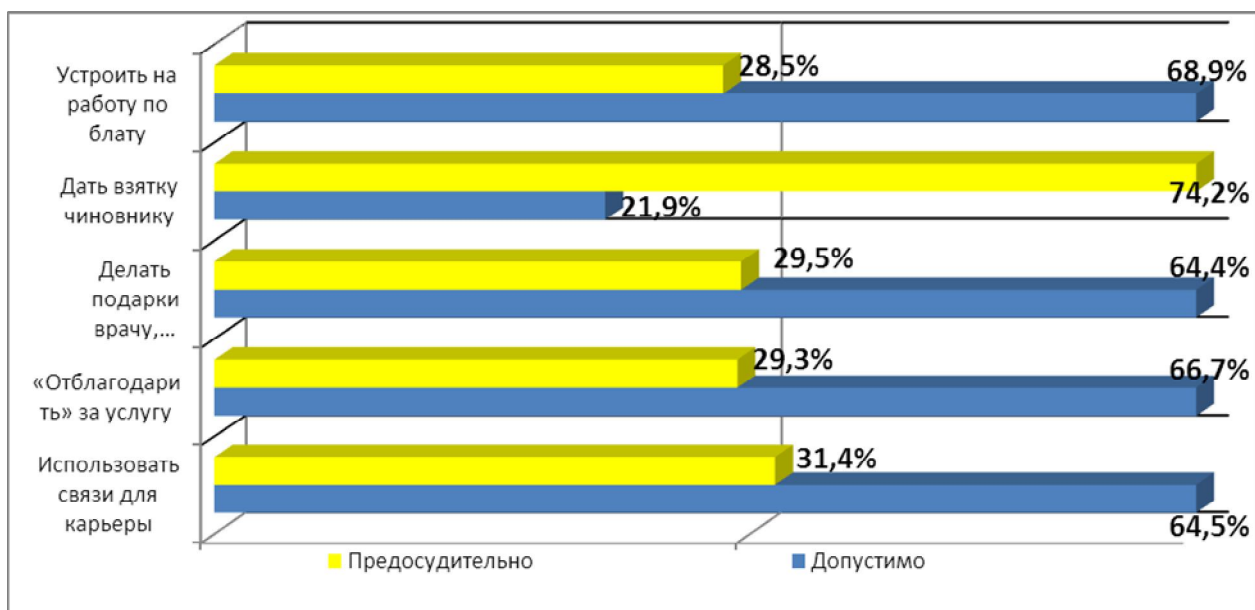

Рис. 7. Оценка коррупционных ситуаций респондентами

Оценивая полученные результаты, следует отметить достаточно высокий уровень приспособления социума к корруптивной среде и двойственного отношения к взяточничеству в зависимости от приобретения выгоды для себя лично.

Выводы и рекомендации

Коррупция наносит удар по конституционной модели государства, подрывая его политические и социально-экономические устои, гарантии прав и свобод человека. Коррупция ослабляет все государственные институты – парламентские, управленческие и судебные, деформирует избирательные кампании и отношение граждан к публичной власти. Деформируется правосознание людей. Снижение качества государственного управления пагубно отражается на выполнении государственных функций в экономической и социальной сферах.

Коррупция как социальная болезнь общества приводит (прямо или косвенно) к вовлечению в ее сети многих граждан. Порождаются своего рода «коррупционные сети», где все связаны между собой передачей «коррупционной эстафеты»: вымогательство, взятки, корыстное использование правил, выгода как мотив деятельности и т. п. [12]

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод, что сложившаяся ситуация, безусловно, нашла свое отражение в общественном сознании людей, сформировав двойной стандарт морали и поведения в обществе. Граждане проявляют определенное спокойствие по отношению к коррупции, т. к. значительная их часть привыкла к данному явлению, сталкиваясь с ним в повседневной жизни. И главная проблема заключается не в существовании или значительном распространении коррупции в современном российской социуме, а в отсутствии четкой границы между корруптивным и «нормальным».

Таким образом, можно констатировать, что из-за недооценки населением коррупции, тех угроз, которые она в себе

несет для общества, будет значительно затруднена мобилизация социума на реальное противодействие данному явлению.

Исследование показало, что хотя и медленно, но неуклонно в обществе формируется механизм противодействия коррупции, основанный на высоком гражданском сознании и ответственности. Речь идет о понимании и использовании прав как регулятора общественных отношений с учетом публичных и частных интересов, о преодолении деформации сознания и поведения, формировании правовой культуры и стимулов, мотивов правомерного поведения, об активизации общественных институтов, о развитии форм антикоррупционной саморегуляции.

Бесспорно, в механизме противодействия коррупции до сих пор слабо используется социальный потенциал общества [13]. Государственные и муниципальные органы акцентируют внимание на юридических и материальных аспектах, и общественные институты не считают задачу преодоления коррупции относящейся к их уставным целям. Между тем преодоление социального зла является задачей и тех, и других, поэтому в программах и планах нужна переориентация деятельности всех институтов.

Список литературы

1. Многоликая коррупция: Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления : пер. с англ. / под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 551 с.

2. Кузьмин В. П., Кузьмин П. В. Пути повышения эффективности борьбы с коррупцией в России с учетом зарубежного опыта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2(27). С. 67–74.

3. Гончаров С. П. Коррупция как угроза общественной безопасности: теоретико-правовой аспект // Известия Юго-

Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 12–18.

4. Щербатых С. В., Алонцева Д. В. Коррупция как системное явление: теоретико-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 3(28). С. 48–58.

5. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г. А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 752 с.

6. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.

7. Коррупция в России: независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» 2015–2016 гг. // Ассоциация адвокатов России «За права человека». URL: <http://rusadvocat.com/> (дата обращения: 28.01.2019).

8. Гишинский Я. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. СПб.: Алетейя, 2017. 140 с.

9. Бубнов Ю. М. Социальная готовность к коррупционному взаимодействию [Электронный ресурс] // Социология в системе научного управления: материалы IV Всерос. социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2012. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/1669.pdf (дата обращения: 10.01.2017).

10. Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 3. С. 101–116.

11. Рогозин Д. Фантом коррупции. Аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. № 4-5 (1). С. 139–154.

12. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией. Т. А. Едкова, О. А. Иванюк, Ю. А. Тихомиров [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: ООО «Полиграф-плюс»; 2013 160 с.

13. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы: монография / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2015. 361 с.

Поступила в редакцию 20.03.19

UDC 328.185:316.624

M. V. Shedij, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Russia, 302015, Orel, Priborostroitelnaya str., 35) (e-mail: m_v_shedij@mail.ru)

E. N. Malik, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Russia, 302015, Orel, Priborostroitelnaya str., 35) (e-mail: malik57-elena@mail.ru)

CORRUPTION AND RUSSIAN SOCIETY: ANOMIUM OR NORM?

Relevance. *Corruption in Russia has a wide range of reasons for the emergence and spread in the political, economic, cultural and spiritual spheres of society. But all its manifestations are more tangible in real social life, affect its level, the degree of protection of citizens, the security of their rights and freedoms. The scientific picture of corruption as a complex social phenomenon is intended to promote the development and implementation of anti-corruption policies and to make fundamental changes in public, group and individual consciousness, a positive correction in the rules of behavior of citizens.*

Purpose. *The article is devoted to the study of the importance of corruption in the system of modern relations of Russian society.*

Tasks. *To achieve this goal, the authors analyzed the perception of corruption in Russian society as a constant value, investigated the correlation of corruption perception as a norm of behavior and age of an individual, studied the possibility of transforming corruption from social anomie into a social norm.*

Methodology. *The study used the methods of expert and mass survey (questioning), the method of content analysis, secondary analysis of the results of nationwide sociological research.*

Results. The main problem is not in the presence and even not in the wide spread of corruption ties in modern Russian society, but in the absence of a clear dividing line, the line between corrupt and "normal" behavior.

Conclusions. Based on the analysis of the research results, the authors come to the conclusion: the public consciousness in its perceptions of corruption and estimates of its scale is fairly uniform and is characterized by an amazing unity for both the sample of citizens and the sample of experts. It can be argued that if we compare the various social anomies that now exist in Russian society, corruption is undoubtedly the most widespread. At the same time, corruption is assessed fairly calmly. This is due to the fact that the idea of social inevitability and the need for corruption has become widely spread in the public consciousness.

Key words: corruption; society; anomie; the degree of spread of corruption; the fight against corruption; social attitudes; public consciousness.

For citation: Shedij M. V., Malik E. N. Corruption and russian society: anomium or norm? *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 145–155 (in Russ.).

Reference

1. *Mnogolikaya korrupciya: Vyvlenie uyazvimykh mest na urovne sektorov ehkonomiki i gosudarstvennogo upravleniya*; ed. by Eh. Kamposa i S. Pradhana. Moscow, Al'pina Pablisherz, 2010. 551 p.
2. Kuz'min V. P., Kuz'min P. V. Puti povysheniya ehffektivnosti bor'by s korrupciyey v Rossii s uchetom zarubezhnogo opyta. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 67–74.
3. Goncharov S. P. Korrupciya kak ugroza obshchestvennoj bezopasnosti: teoretiko-pravovoj aspect. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 12–18.
4. Shcherbatyh S. V., Alonceva D. V. Korrupciya kak sistemnoe yavlenie: teoretiko-pravovoe issledovanie. *Izvestiya Jugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2018, vol. 8, no. 3(28), pp. 48–58.
5. *Rossiyskaya korrupciya: uroven', struktura, dinamika: opyt sociologicheskogo analiza*; ed. by G. A. Satarova. Moscow, Fond Liberal'naya Missiya Publ., 2013. 752 p.
6. Krivosheev V. V. Osobennosti anomii v sovremennom rossijskom obshchestve. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2004, no. 3, pp. 93–97.
7. *Korrupciya v Rossii: nezavisimyj godovoj doklad vsrossijskoj antikorrupcionnoj obshchestvennoj priemnoj chistyey ruki 2015–2016 gg.* Associaciya advokatov Rossii "Za prava cheloveka". URL: <http://rusadvocat.com/> (accessed 28.01.2019).
8. Gilinskij Ya. *Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol' v obshchestve postmoderna. Sb. st.* St.-Petersburg, Aleteya Publ., 2017. 140 p.
9. Bubnov Yu. M. Social'naya gotovnost' k korrupcionnomu vzaimodejstviyu. *Sociologiya v sisteme nauchnogo upravleniya. Materialy IV Vseros. sociologicheskogo kongressa.* Moscow, IS RAN Publ., 2012. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/1669.pdf (accessed 10.01.2017).
10. Golosenko I. A. Fenomen "ruskoj vzyatki": ocherk istorii otechestvennoj sociologii chinovnichestva. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1999, vol. 2, no. 3, pp. 101–116.
11. Rogozin D. Fantom korrupcii. Analiticheskaya rekonstrukciya obshchestvennogo fenomena. *Sociologiya vlasti*, 2012, no. 4-5 (1), pp. 139–154.
12. Edkova T. A., Ivanyuk O. A., Tihomirov Yu. A., eds. Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v bor'be s korrupciyey; ed. by Yu. A. Tihomirov. Moscow, OOO "Poligraf-Plyus" Publ., 2013. 160 p.
13. *Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by*; ed. by A. I. Dolgovej. Moscow, Rossiyskaya kriminologicheskaya associaciya Publ., 2015. 361 p.

УДК 327.8

Е. С. Устинович, д-р полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: lenausti@mail.ru)

О. В. Переверзева, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 302028, Орел, б-р Победы, 5А) (e-mail: zzz-0@mail.ru)

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ИСПАНСКАЯ МОДЕЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Актуальность. В настоящей статье представлен общий обзор современных отечественных и зарубежных исследований «мягкой силы» Испании.

Цель статьи состоит в анализе основных работ по проблеме «мягкой силы» в Испании и определении ее основных черт и особенностей.

Задачи. Авторам настоящей статьи представляется важным изучить пример Испании. Начать анализ следует со знакомства с уже имеющимися работами других исследователей по данной теме. Источниковую базу для подготовки данной статьи составили работы преимущественно на испанском языке, что позволяет повысить значительно качество исследования, так как используются первичные данные.

Методология. Использована методология исследования, которая включила в себя использование неонституционального и сравнительного метода исследования и политического анализа.

В политической науке многие исследователи развивают концепцию «мягкой силы». Данное направление исследований является достаточно популярным. В контексте инструментов «мягкой силы» наиболее часто говорят о публичной, культурной и экономической дипломатии и формировании позитивного имиджа страны. Среди большого количества исследований, освещающих различные аспекты данной концепции, выделяются работы, посвященные «мягкой силе» отдельных стран. Это работы российских исследователей Е. М. Астахова, Н. В. Ковалевской, Г. А. Химич, Е. Д. Терентьевой, М. Л. Кардановой, Л. Б. Эздековой. Среди испанских авторов следует назвать Х. П. Гутьерреса, А. Бадилью, Дж. Най.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрена деятельность испанского государства по изучению и формированию государственного имиджа. Особенно выделяется роль Королевского института Элькано в информационной поддержке этой государственной политики. Данная статья также содержит информацию о позициях Испании в различных рейтингах репутации, имиджа и «мягкой силы» стран мира.

Выводы и рекомендации. Показано, что испанская модель «мягкой силы» заслуживает внимания и дальнейшего анализа. Несмотря на то, что отдельные ее аспекты были рассмотрены отечественными и зарубежными исследователями, тема не является полностью изученной и будущие изыскания могут привести к интересным для политической науки и практики выводам.

Ключевые слова: «мягкая сила»; имидж; Королевский институт Элькано; Индекс глобального присутствия.

Ссылка для цитирования: Устинович Е. С., Переверзева О. В. Мировая политика: испанская модель «мягкой силы» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 156–161.

Введение

Термин «мягкая сила», введенный в оборот Джозефом С. Наем-младшим в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»), уже прочно закрепился в лексиконе политологов-теоретиков, практикующих дипломатов и просто интересующихся политикой людей, а одноименная концепция, несмотря на многочисленную критику, в целом, доказала свою состоятельность, значи-

мость и удобство для политической науки.

Результаты и их обсуждение

В самом начале более поздней работы «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» («Soft Power: The Means to Success in World Politics») Джозеф Най противопоставляет «мягкую» силу «жесткой» и определяет первую как способность получать желаемое путем привлечения, а не принуждения или подкупа. По его мнению, «мягкая сила» государства обуславливается при-

влекательностью его культуры, политических идеалов и политик [1, p. 11].

Многие исследователи позже развили концепцию «мягкой силы», добавляя и классифицируя ее составляющие, которые являются взаимодополняемыми и порой даже тяжело отличимыми. В настоящее время в контексте инструментов «мягкой силы» наиболее часто говорят о публичной, культурной и экономической дипломатии и формировании позитивного имиджа страны. Среди большого количества исследований, освещающих различные аспекты данной концепции, выделяются работы, посвященные «мягкой силе» отдельных стран. Авторам настоящей статьи представляется интересным изучить пример Испании. Начать анализ следует со знакомства с уже имеющимися работами других исследователей по данной теме.

Е. М. Астахов считает, что Испания – одна из первых стран Европы, начавших формировать политику по продвижению национального образа в начале прошлого века. В своей статье «К русскому восприятию испанского опыта “мягкой силы”» Евгений Михайлович, рассматривая этапы становления «мягкой силы» в Испании и характеризуя деятельность основных институтов, ответственных за ее реализацию как в культурном, так и в экономическом направлении, выделяет следующие характерные черты: за реализацию всех направлений «мягкой силы» отвечают организации, подчиненные центральному правительству; стратегия государства в этой сфере формировалась при участии частных фондов и экспертов; МИД Испании играет важнейшую роль в координации мероприятий в этом направлении; политика «мягкой силы» Испании является очень разноплановой и включает в себя деятельность в разных областях: политики, экономики, торговли, культуры, средств массовой информации, контактов между высшими учебными заведениями, гражданскими обществами и т. д. [2]

Несмотря на указанную многоаспектность «мягкой силы» Испании, большинство исследований по теме фокусируется на ее культурной (в частности языковой) составляющей. Среди исследований по этим направлениям можно назвать работы Н. В. Ковалевской [3], Г. А. Химич и Е. Д. Терентьевой [4], М. Л. Кардановой и Л. Б. Эздековой [5].

Несомненно, своей эффективностью «мягкая сила» Испании во многом обязана именно богатой культуре и влиятельному в мире языку. Так, исследователь Хуан Прието Гутьеррес отмечает, что внешняя культурная политика представляет собой важную составляющую испанской «мягкой силы» и опирается она на язык и все, что с ним связано [6]. Необходимость культурной дипломатии для Испании поддерживает и испанский дипломат Ион де ла Рива. При этом он утверждает, что ее ключевым элементом для Испании должно стать сотрудничество с ЮНЕСКО [7].

Нельзя не упомянуть о работах ведущего исследователя испанского аналитического центра Королевского института Элькано Анхела Бадильо. Он также настаивает, что Испания должна проводить сильную внешнюю культурную политику, которая будет отвечать ее стремлениям занять подобающее место на международной арене. Анхел Бадильо выделяет основное препятствие Испании на этом пути – отсутствие скоординированности действий в сфере внешней культурной политики и четкого разделения полномочий между осуществляющими ее институтами [8].

Вопросами «мягкой силы» Испании также занимался бывший исследователь все того же Института Элькано Хавьер Нойя. В одной из своих статей он выдвигает и обосновывает идею о том, что Испания не могла бы считаться культурной державой без ее политических, культурных и экономических связей с Латинской Америкой и что ее вклад в испанскую «мягкую силу» тяжело переоценить [9].

В большинстве рассмотренных работ по теме авторы, помимо прочего, говорят об имидже Испании в мире. Как известно, имидж государства является одной из важнейших составляющих «мягкой силы». Нетрудно представить, что страна с приятным климатом, красивыми пейзажами, развитой туристической инфраструктурой, богатыми историей и культурой, известной национальной кухней представляется крайне привлекательной в глазах иностранцев. Так, в рейтинге репутации стран мира 2018 года (The 2018 Country RepTrak) Испания занимает 14 место [10].

Испания уделяет большое внимание изучению и формированию своего образа на мировой арене. Так, не говоря о предшествующих инициативах, в 2012 г. был запущен проект «Марка Испании» (Marca España) – государственная политика, направленная на улучшение имиджа Испании в мире, благодаря поощрению и координации действий в экономической, культурной, социальной и научно-технической сферах. В октябре 2018 г. данная инициатива была обновлена и теперь именуется «Глобальная Испания» (España Global). Целью этой государственной политики все так же остается улучшение восприятия Испании за рубежом и среди самих испанцев [11].

Среди большого числа партнеров данного проекта важную роль играет Королевский институт Элькано, в рамках которого была создана Обсерватория имиджа Испании (Observatorio Imagen de España). Деятельность Обсерватории направлена на изучение общественного мнения путем международных опросов, публикацию результатов анализов об имидже Испании в прессе и докладов о политиках продвижения государственного бренда, а также на реализацию Системы показателей различия между образом и реальностью (Sistema de Indicadores de la Distancia entre Imagen y Realidad) [12]. Согласно Барометру имиджа Испании

(Barómetro Imagen de España) Королевского института Элькано (результаты за сентябрь 2018 г.) Испания имеет оценку 7,1 по 10-балльной шкале у европейских стран, где проводились опросы [13]. Интересная особенность Испании заключается в том, что она является одной из стран, население которой традиционно оценивает свою страну хуже, чем это делают за рубежом.

Стоит также выделить еще один рейтинг Королевского института Элькано – Индекс глобального присутствия (Índice Elcano de Presencia Global). Под глобальным присутствием создатели рейтинга понимают реальную проекцию стран вне своих границ в экономической, политической и социальной областях (объем экспорта, количество туристов, спортивные достижения международного уровня и др.). Индекс состоит из трех типов такого присутствия: экономического, военного и «мягкого». По итогам 2017 г., согласно Индексу глобального присутствия 2018, Испания занимает 11 место, причем в рейтинге интересующего нас «мягкого» присутствия – 9 место [14]. Отметим, что в другом рейтинге «мягкой силы» The Soft Power 30 2018 Испания заняла 14 место [15], что, в целом, говорит об адекватности оценки аналогичного испанского исследования.

Итак, очевидно, что Мадрид заинтересован в продвижении и формировании привлекательного имиджа Испании в мире и уделяет внимание как теоретической, так и практической стороне этого вопроса. Сейчас испанское правительство стремится к закреплению за Испанией образа современной демократической страны, которая признает важность принципа многосторонности в международной политике, уважает права человека, защищает окружающую среду, отстаивает идею устойчивого развития, оказывает помощь развивающимся странам, выступает за искоренение всех форм дискриминаций (с упором на гендерную

дискриминацию), поощряет решение проблемы мигрантов и беженцев. Например, именно этим темам посвятил почти все свое первое выступление в Генеральной Ассамблее ООН председатель правительства Испании Педро Санчес [16].

Выводы и рекомендации

Представленный в настоящей работе материал показывает, что Испания осознает потенциал своей «мягкой силы» и старается его развивать. Не случайно многие темы, выдвигаемые ею на международную повестку дня, помимо благотворного воздействия на ее имидж, напрямую соотносятся с ее национальными интересами. К примеру, проблема мигрантов для нее остра из-за особенностей географического положения.

У «мягкой силы» Испании, помимо уже упомянутых в работе, есть и другие особенности. Так, в ее формировании принимают участие автономные сообщества как важные элементы культурного многообразия страны, а одним из способов ее наращивания является расширение представительства Испании в международных и региональных организациях и даже создание новых (Альянс цивилизаций, Ибероамериканский саммит).

Таким образом, испанская модель «мягкой силы» заслуживает внимания и дальнейшего анализа. Несмотря на то, что отдельные ее аспекты были рассмотрены отечественными и зарубежными исследователями, тема не является полностью изученной, и будущие изыскания могут привести к интересным для политической науки и практики выводам.

Список литературы

1. Nye J. S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. 397 p.

2. Астахов Е. М. К русскому восприятию испанского опыта «мягкой силы» // *Ибероамериканские тетради*. 2013. № 2(2). С. 40–50.

3. Ковалевская Н. В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. № 5-2. С. 141–145

4. Химич Г.А., Терентьева Е.Д. Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 1, № 1. С. 197–207.

5. Карданова М. Л., Эздекова Л. Б. Роль культурно-языкового фактора как инструмента «мягкой силы» во внешней политике Испании // *Дискуссия*. 2015. №8 (60). С. 72–76.

6. Prieto Gutiérrez J. J. *La acción cultural exterior de España a través del Instituto Cervantes* // Real Instituto Elcano. 2013. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/imagen+de+espana/oiel14-2013-la-accion-cultural-exterior-espana-instituto-cervantes (дата обращения: 25.02.2019).

7. De la Riva I. *En defensa de una diplomacia cultural para España* // *Política Exterior*. 2012. Vol. 26, No 147. P. 116–128.

8. Badillo Matos A. *Las políticas públicas de acción cultural exterior de España* [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. 2014. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/403edb0044639570ad11bde307648e49/EEE19-badillo-politicas-publicas-accion-cultural-exterior-espana+.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=403edb0044639570ad11bde307648e49> (дата обращения: 26.02.2019).

9. Noya J. *La contribución de América Latina al poder blando de España en el mundo* [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. 2008. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido!/ut/p/a1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfGjzOKNQ1zcA73dDQ38_YK NDRwtfN1cnf2cDf1DjFULsh0VAepxmvsl/?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/wps/wcm/connect/elcano/Elcano_es/Zonas_es/ARI79-2008 (дата обращения: 26.02. 2019).

10. 2018 Country RepTrak [Электронный ресурс] // Reputation Institute. 2018. URL: <https://www.rep-utationinstitute.com/sites/default/files/pdfs/2018-Country-RepTrak.pdf> (дата обращения: 25.02.2019).

11. España Global [Электронный ресурс] // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación de España. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/MarcaEsp/Paginas/Inicio.aspx> (дата обращения: 25.02.2019).

12. Observatorio Imagen España [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: http://www.realinsti-tuto-elcano.org/wps/portal/rielcano_es/observatorio-imagen-espana/presentacion/que-es-el-oie.aspx (дата обращения: 28.02.2019).

13. Barómetro de la imagen de España (BIE). Madrid: Real Instituto Elcano, 2018. 98 p.

14. Informe Elcano de presencia global. Madrid: Real Instituto Elcano, 2018. 64 с.

15. The Soft Power 30 Report 2018 [Electronic resource]. URL: <https://soft-power30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (дата обращения: 4.03.2019).

16. La intervención de Pedro Sánchez ante la Asamblea General de la ONU // Radiotelevisión Española (RTVE). 2018. URL: <http://www.rtve.es/alacarta/videos/noticias-24-horas/intervencion-pedro-sanchez-ante-asamblea-general-onu/4758478/> (дата обращения: 24.02.2019).

Поступила в редакцию 22.03.19

UDC 327.8

E. S. Ustinovich, Doctor Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: lenausti@mail.ru)

O. V. Pereverzeva, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 302028, Orel, Pobedy av., 5A) (e-mail: zzz-0@mail.ru)

WORLD POLITICS: THE SPANISH MODEL OF "SOFT POWER"

Relevance. This article presents a general review of modern domestic and foreign research on the "soft power" of Spain.

The **purpose** of the article is to analyze the main works on the problem of "soft power" in Spain and identify its main features and characteristics.

Tasks. It is important for the authors of this article to study the example of Spain. The analysis should begin with an introduction to the existing work of other researchers on this topic.

The source base for the preparation of this article was mainly works in Spanish, which can significantly improve the quality of research, because used primary data.

Methodology. The research methodology was used, which included the use of a neoinstitutional and comparative research method and political analysis.

In political science, many researchers develop the concept of "soft power." This line of research is quite popular. In the context of the tools of "soft power" most often talk about public, cultural and economic diplomacy and the formation of a positive image of the country. Among the large number of studies highlighting various aspects of this concept, there are works dedicated to the "soft power" of individual countries. These are the works of Russian researchers Astakhova EM, Kovalevskaya N.V., Khimich G.A., Terentyeva E.D., Kardanova M.L., Ezdekova L.B. Among Spanish authors, J. J. P. Gutiérrez, A. Badillo and J. Noya.

Results and its discussion. The article describes the activities of the Spanish state in the study and formation of the state image. The role of the Royal Institute of Elcano in informational support of this state policy is especially highlighted. This article also contains information on Spain's positions in various ratings of the reputation, image and "soft power" of the countries of the world.

Conclusions and recommendations. It is shown that the Spanish model of "soft power" deserves attention and further analysis. Despite the fact that some of its aspects were considered by domestic and foreign researchers, the topic is not fully explored, and future research may lead to conclusions that are interesting for political science and practice.

Key words: soft power; image; Elcano Royal; Institute; Global presence index.

For citation: Ustinovich E. S., Pereverzeva O. V. World politics: the spanish model of "soft power". *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 156–161 (in Russ.).

Reference

1. Nye J. S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs Group, 2004. 397 p.
2. Astahov E. M. K russkomu vospriyatiyu ispanskogo opyta "myagkoj sily". *Iberoamerikanske tetradi*, 2013, no. 2(2), pp. 40–50.
3. Kovalevskaya N. V. Rol' ispanskogo yazyka kak "myagkoj sily" vo vneshnej politike Ispanii. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2015, no. 5-2, pp. 141–145
4. Himich G. A., Terent'eva E. D. Rol' gumanitarnogo sotrudnichestva v sovremennoj vneshnej politike Ispanii. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 197–207.
5. Kardanova M. L., Ehzdekova L. B. Rol' kul'turno-yazykovogo faktora kak instrumenta "myagkoj sily" vo vneshnej politike Ispanii. *Diskussiya*, 2015, no. 8 (60), pp. 72–76.
6. Prieto Gutiérrez J. J. *La acción cultural exterior de España a través del Instituto Cervantes*. Real Instituto Elcano. 2013. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/imagen+de+espana/oie14-2013-la-accion-cultural-exterior-espana-instituto-cervantes (accessed 25.02.2019).
7. De la Riva I. En defensa de una diplomacia cultural para España. *Política Exterior*, 2012, vol. 26, no. 147, pp. 116-128.
8. Badillo Matos A. *Las políticas públicas de acción cultural exterior de España*. Real Instituto Elcano. 2014. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/403edb0044639570ad11bde307648e49/EEE19-badillo-politicas-publicas-accion-cultural-exterior-espana+.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=403edb0044639570ad11bde307648e49> (accessed 26.02.2019).
9. Noya J. *La contribución de América Latina al poder blando de España en el mundo*. Real Instituto Elcano. 2008. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido/!ut/p/a1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfGjzOKNQ1zcA73dDQ38_YKNDRwtfN1cnf2cDf1DjfULsh0V Aepxmvs!/?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/wps/wcm/connect/elcano/Elcano_es/Zonas_es/ARI79-2008 (accessed 26.02. 2019).
10. *2018 Country RepTrak*. Reputation Institute. 2018. URL: <https://www.reputationinstitute.com/sites/default/files/pdfs/2018-Country-RepTrak.pdf> (accessed 25.02. 2019).
11. *España Global*. Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación de España. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/MarcaEsp/Paginas/Inicio.aspx> (accessed 25.02.2019).
12. *Observatorio Imagen España*. Real Instituto Elcano. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/observatorio-imagen-espana/presentacion/que-es-el-oie.aspx (accessed 28.02.2019).
13. *Barómetro de la imagen de España (BIE)*. Madrid: Real Instituto Elcano, 2018. 98 p.
14. *Informe Elcano de presencia global*. Madrid, Real Instituto Elcano, 2018. 64 p.
15. *The Soft Power 30 Report 2018*. URL: <https://soft-power30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (accessed 4.03.2019).
16. *La intervención de Pedro Sánchez ante la Asamblea General de la ONU*. Radiotelevisión Española (RTVE). 2018. URL: <http://www.rtve.es/alacarta/videos/noticias-24-horas/intervencion-pedro-sanchez-ante-asamblea-general-onu/4758478/> (accessed 24.02.2019).

С. М. Шукуров, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: sino.shukurov@gmail.com)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ РОГУНСКОЙ ГЭС И CASA-1000)

Актуальность. После самороспуска Советского Союза новообразованным государствам в наследство от СССР досталось множество нереализованных гидроэнергетических проектов. Подобными на территории Среднеазиатской части СССР были проекты Рогунской ГЭС (на территории бывшей Таджикской ССР) и комплекс гидроэлектростанций на реке Нарын (на территории бывшей Киргизской ССР). Однако после распада СССР названные проекты остались без финансирования и были законсервированы. Спустя несколько лет, после укрепления государственного и экономического строя, перед Таджикистаном и Кыргызстаном остро встал вопрос об энергетической независимости от советской объединенной системы использования водно-энергетических ресурсов. Советская система использования водно-энергетических ресурсов региона предполагала накопление воды Таджикистаном и Кыргызстаном (страны верховья) в зимний период, чтобы летом пустить эту воду на полив земель Казахстана, Туркменистана и Узбекистана (страны низовья). Взамен (под контролем Москвы) эти страны компенсировали нехватку электроэнергии в зимний период Таджикистану и Кыргызстану электроэнергией (от тепловых станций) и газом. Однако после обретения независимости первое руководство независимого Узбекистана в одностороннем порядке признало предоставление компенсации уже за трансграничные водные ресурсы нецелесообразным. Именно фактор отмены компенсации стал решающим для стран верховья в намерении развивать свой гидроэнергетический потенциал, который привел к возобновлению строительства бывших советских проектов и поиску альтернативных маршрутов экспорта излишней электроэнергии наподобие проекта CASA-1000.

Цель – проанализировать динамику изменения позиций международных игроков на мировой политической арене в отношении строительства Рогунской ГЭС и транснационального энергетического проекта CASA-1000.

Задачи: рассмотреть позиции и интересы стран дальнего и ближнего зарубежья в отношении гидроэнергетических проектов Рогунская ГЭС и CASA-1000; подвергнуть анализу официальное отношение России к гидроэнергетическим проектам Центральной Азии.

Выводы. Рассмотрены события, произошедшие с 2016 г., и приведены основные выводы, опровергающие заявления ученых и специалистов, утверждавших невозможность реализации проектов Рогунская ГЭС и CASA-1000.

Ключевые слова: CASA-1000; Рогунская ГЭС; гидроэнергетика; Центральная Азия; постсоветское пространство.

Ссылка для цитирования: Шукуров С. М. Эволюция взглядов на перспективы развития гидроэнергетики постсоветского пространства в современных геополитических условиях (на примере проектов Рогунской ГЭС и CASA-1000) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 162–170.

Введение

Вода является необходимым условием жизни на Земле, и без наличия необходимых водных ресурсов и свободного доступа к ним как человек, так и государство существовать не могут. Ведь не случайно первые поселения и государства появились именно рядом с большими реками и озерами. Вода обеспечивала людей всем – пропитанием, строительным материалом, а с развитием науки и технологий люди научились получать с помощью воды электроэнергию.

Среди стран Центральной Азии (далее – ЦА) первое место по запасам гид-

роэнергоресурсов занимает Таджикистан (в стране формируются 64% воды региона). По общим запасам гидроэнергоресурсов Таджикистан занимает 8-е место в мире; по удельным запасам на душу населения – 87,8 тыс. кВт/ч на человека в год – 2-е место в мире; а по удельным запасам на единицу территории – 3,62 млн кВт/ч на 1 км² – 1-е место в мире [1]. На одной только реке Вахш в настоящее время эксплуатируются Центральная ГЭС, Перепадная ГЭС, Головная ГЭС, Сангтудинские ГЭС (1 и 2), Байпанзинская ГЭС, Нурекская ГЭС, Рогунская ГЭС (первый агрегат был запущен 16 но-

ября 2018 г.) и Шурабская ГЭС (планируется к строительству). При таком потенциале Таджикистану по силам не только удвоить выработку собственной электроэнергии, но и обеспечивать своих южных соседей, страдающих от острой нехватки электроэнергии.

Энергетическая политика и водная дипломатия Таджикистана основываются на: обеспечении энергетической независимости и безопасности республики; установлении взаимовыгодных отношений и непричинении вреда соседним государствам; повышении интеграции энергетических систем с соседними странами на основе рыночных отношений, путем привлечения инвестиций, как государственных, так и частных [2, с. 33].

Анализ динамики позиций государств на мировой арене относительно проектов Рогунская ГЭС и CASA-1000

Электроэнергия – это, прежде всего, двигатель развития экономики государства, независимо от того, покупает оно электроэнергию или вырабатывает. Наличие электроэнергии и гидроэнергетических ресурсов в стране является показателем качества жизни населения государства. Несмотря на свой гидроэнергетический потенциал и наличие ГЭС после обретения независимости Республика Таджикистан неожиданно столкнулась с острой нехваткой электроэнергии. Причиной тому служил отказ первого руководства Республики Узбекистан следовать советской системе использования водноэнергетических ресурсов Центральноазиатского региона. Сначала Узбекистан начал продавать газ и электричество, которые согласно советской энергосистеме должны были быть предоставлены Таджикистану и Кыргызстану в качестве компенсаций в зимний период. Потом цены на газ и электричество в зимний период искусственно были увеличены, в результате чего из-за образовавшихся долгов первое руководство Узбекистана решило отключить газ Таджи-

кистану и Кыргызстану. Руководству Республики Таджикистан пришлось вводить энерголимит в отдаленных районах, сёлах, крупных городах и даже в столице – Душанбе в осенне-зимний период. В отдаленных районах электричество подавали на 2 часа в сутки, а в столице – с 5:00 до 22:00. Благодаря запуску ТЭЦ дневной энерголимит в стране официально был отменен в 2017 г. Для Республики Таджикистан, обладающей огромными запасами гидроресурсов, развитие гидроэнергетики имеет жизненно важное для народа значение, именно поэтому строительство Рогунской ГЭС было признано проектом века.

Водная дипломатия, которую сегодня проводит Таджикистан, в глобальном масштабе дает определенные плоды, но, несмотря на растущее взаимопонимание и уважение национальных интересов друг друга странами Центральной Азии, все еще остаются нерешенными некоторые вопросы в области гидроэнергетики, например, ранее подписанные соглашения о совместном использовании трансграничных рек, которые плохо согласованы и иногда противоречат друг другу [2, с. 38]. Для развития региональной (гидро) энергетики на международном уровне с момента объявления независимости и по сей день усилиями Таджикистана было сделано многое: проведены международные форумы и конференции высокого уровня, подписаны международные договоры и соглашения, разработаны и реализуются международные проекты, одним из которых является проект CASA-1000 (CentralAsia – SouthAsia 1000).

Энергетический проект «Центральная Азия – Южная Азия», более известный как CASA-1000, – это проект стоимостью 1,60 млрд долл. США. Цель проекта – проведение высоковольтных ЛЭП из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Данный транснациональный проект свяжет эти страны единой энергетической сетью (рис.).

Рис. План прокладки ЛЭП из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан в рамках проекта CASA-1000 [3]

В настоящее время в Исламской Республике Афганистан (ИРИ) большая нехватка электроэнергии. В большинстве городов страны электричество подается лишь на несколько часов в день [4]. Энергетическая система Афганистана находится в плохом состоянии из-за многолетней нестабильности, и с ростом населения данная проблема будет только обостряться. В Пакистане существует аналогичная проблема. Несмотря на строительство крупных солнечных парков (проект солнечной энергии), ветроэнергетических и других проектов, по данным Всемирного Банка почти, 50% домашнего хозяйства в Пакистане, 80% из которых находятся в сельской местности, не подключены к электросети. Реализация проекта CASA-1000, который может ежегодно поставлять электроэнергию до 5 млрд киловатт-часов в страны Южной Азии, позволит реализовать потенциалы Кыргызстана и Таджикистана и решить проблему нехватки электроэнергии, с которой сталкиваются Пакистан и Афганистан. Возможности проекта CASA-1000 также совпадают с целями

группы Всемирного Банка по искоренению крайней бедности, которая и инвестирует проект наряду с Индией, Исламским Банком Развития, USAID, DFID, AusAID. Такими совместными усилиями страны региона смогут сообща противостоять современным вызовам и найти правильные пути решения существующих и возникающих проблем.

Помимо международных организаций и ряда стран, которые официально выражают поддержку реализации проекта CASA-1000 на мировой арене, существуют страны, которые выступают против его реализации. Кроме этого, есть субъекты на мировой арене, которые видят в этом проекте геополитическую игру, и в зависимости от ситуации придерживаются той или иной стороны.

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан (страны низовья) по объективным причинам могут выступать против реализации проекта CASA-1000, т. к. его эффективность и успех зависят от строительства крупных ГЭС на территориях Кыргызстана и Таджикистана. Страны низовья привыкли получать водные ре-

судьбы региона по советской системе, которая предусматривала двухстороннюю выгоду. Однако после распада советской системы некоторые новообразованные страны Центральной Азии решили пересмотреть свои отношения друг с другом, исходя исключительно из своих «национальных интересов», не принимая во внимание национальные интересы остальных. Такой недалёковидный шаг привел к немедленному пересмотру советской системы использования водных ресурсов региона, в результате чего она была искажена и проходит болезненно для всех стран региона. Именно этот шаг и спровоцировал Таджикистан и Кыргызстан (страны верховья) к строительству крупных гидроэлектростанций на своих территориях и инициализации проекта CASA-1000. Соответственно, страны низовья не устраивает как строительство крупных ГЭС, так и реализация подобных проектов странами верховья, т. к. процесс наполнения дамб занимает долгие годы (и вода будет поступать не в тех односторонне выгодных условиях), а выгоды от проекта CASA-1000 придадут стимул к строительству крупных ГЭС.

Геополитические игры вокруг данного проекта видит Азиатский Банк Развития (АБР). В феврале 2007 г. АБР выделил кредит в размере 21,5 млн долл. Таджикистану на реализацию проекта передачи электроэнергии из Республики Таджикистан в Исламскую Республику Афганистан [4]. АБР рассматривался в качестве основного инвестора проекта CASA-1000, т. к. он планировал финансировать 40% от всех расходов проекта [5]. Однако в июле 2013 г. СМИ сообщили, что АБР резко изменил свою позицию и отказался поддержать проект, аргументируя это «угрозами безопасности в Афганистане» [6]. В январе 2014 г. глава представительства АБР в Таджикистане Си Си Ю официально подтвердил, что АБР не только перестает участвовать в реализации проекта CASA-1000, но и

также прекращает свое участие в строительстве Рогунской ГЭС. Хотя проект и напрямую не связан со строительством Рогунской ГЭС мощностью 3600 МВт, подключение данной гидроэлектростанции к проекту гарантирует стабильную передачу электроэнергии, от которой зависит развитие и стабильность южных соседей Таджикистана.

Позиция России и российских экспертов по поводу реализации проекта CASA-1000 и сооружения крупных гидроэлектростанций Кыргызстаном и Таджикистаном вызывает большой интерес. Россия изначально проявляла большую заинтересованность к энергетическим проектам, разрабатываемым странами Центральной Азии, и принимала активное участие в их реализации. Она также выразила свою заинтересованность в участии в реализации проекта Рогунской ГЭС, как только это было объявлено Таджикистаном, и в 2004 г. российская компания «РУСАЛ» подписала соглашение с Правительством Таджикистана о ее строительстве. Однако в сентябре 2007 г. Правительство Республики Таджикистан в одностороннем порядке расторгло подписанное соглашение с «РУСАЛ» и обвинило российскую сторону в отставании интересов соседнего Узбекистана [7].

Россия начала поддерживать интересы Узбекистана после того, как последний вернул свой внешнеполитический вектор обратно в сторону России из-за осуждения и введения санкций Западом после Андижанских событий 2005 г. Тем не менее Россия не хотела отказываться от Рогунской ГЭС и начала подготавливать новый проект межправительственного соглашения, который скептически воспринимался в Таджикистане. Ситуация изменилась в октябре 2008 г., после частичной отмены санкций со стороны Запада против Узбекистана, т. к. практически через месяц после отмены санкций Центральноазиатская республика объявила о приостановлении своего членства

в Евразийском экономическом сообществе. Опасаясь, что Узбекистан снова повернет свой внешнеполитический вектор в сторону Запада, Президент России Д. А. Медведев посетил эту страну в январе 2009 г. и на ее территории заявил, что Россия не станет принимать участие в строительстве гидроэлектростанций в Центральноазиатском регионе, если они не учитывают интересы соседних стран [8]. Парадокс заявления заключался в том, что параллельно на территории Таджикистана шло строительство Сангтудинской ГЭС-1 с участием России, доля которой составляла 75% минус 1 акция. Спустя полгода после своего заявления, 30 июля 2009 г. Президент России Д. А. Медведев посетил Таджикистан с двухдневным рабочим визитом, и на следующий день принял участие в торжественной официальной церемонии запуска ГЭС Сангтуда-1 вместе с Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном. Спустя год, в августе 2010 г. Д. А. Медведев заявил о заинтересованности России принять участие в проекте CASA-1000 [9], против реализации которой выступал Узбекистан.

О денонсации соглашений по строительству Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбаратинской ГЭС совместно с Россией в январе 2016 г. объявил и Кыргызстан. Подписанные в 2012 г. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1» [10] и «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о строительстве и эксплуатации Верхне-Нарынского каскада гидроэлектростанций» [11] изначально имели существенный недостаток: в пункте 15 Соглашения по строительству Камбаратинской ГЭС-1 и в пункте 14 Соглашения по строительству Верхне-Нарынского каскада ГЭС было написано, что «соглашение подпи-

сано на неопределенный срок». Тем не менее по «джентльменскому» договору ожидалось, что проекты будут завершены и введены в эксплуатацию в 2016 г. Вместо этого в 2016 г. соглашение было денонсировано Кыргызстаном по причине «отсутствия решений по финансированию проектов» со стороны Российской Федерации. Эти проекты (как и Рогунской ГЭС) Россия не хотела потерять и предложила Кыргызстану изменить условия кредитования, но данное предложение было отклонено.

В обоих случаях, после денонсаций соглашений Таджикистаном и Кыргызстаном о строительствах ГЭС совместно с Россией, российские эксперты начали утверждать, что проект CASA-1000 является частью разработанной Вашингтоном концепции «Большая Центральная Азия» (БЦА), и полагать, что данная концепция была разработана с целью вывода государств Центральной Азии из-под влияния России [12, с. 124]. В свою очередь таджикский ученый Гузель Майтдинова отмечает следующее: «Большинством аналитического сообщества ЦА геоконцепция БЦА была воспринята как американский подход к реализации собственных национальных интересов без учета того объективного факта, что в настоящее время государства региона являются субъектами, которые нуждаются в серьезной модернизации, а не объектами геополитики. Экономические и политические задачи, определяемые Вашингтоном, уже пытаются решать в рамках ШОС государства-члены и наблюдатели. Проект БЦА, продиктованный геополитическими интересами США, пока не находит поддержки у государств ЦА, которые достаточно эффективно интегрированы в ШОС и ЕврАзЭС» [12, с. 124].

Исходя из всего вышесказанного, нами действительно прослеживались геополитические игры вокруг строительства Рогунской ГЭС и реализации трансэнергетического проекта CASA-1000.

Однако стоит подчеркнуть, что эти геополитические игры велись против развития гидроэнергетического потенциала, единственного в данной исторической эпохе способного не только ослабить зависимость Таджикистана от соседей по региону, но и значительно укрепить экономику страны.

Выводы

С течением времени изменения, произошедшие за последние 3 года в Центральноазиатском регионе, опровергают все утверждения и заявления многих экспертов и ученых, пророчивших нежизнеспособность проектов Рогунской ГЭС и CASA-1000 и относящих данные проекты к области «политической мифологии». Во-первых, самое главное историческое событие связано с запуском первого агрегата Рогунской ГЭС 16 ноября 2018 г. Несмотря на геополитические игры против Рогунской ГЭС, Таджикистану удалось превратить в реальность этот проект благодаря международному сообществу. Во-вторых, с приходом нового руководства в Республике Узбекистан изменилась и ее позиция по отношению к вышеназванным проектам. При прежнем руководстве Узбекистан был единственной страной в регионе, которая отказывалась вести переговоры и консультации по поводу строительства Рогунской ГЭС. Несмотря на то, что все остальные страны региона вели переговоры и консультации, Узбекистан не хотел повторного пересмотра условий советской энергосистемы Центральной Азии, которые были изменены в 1992 г. по ее же инициативе. Новое же руководство страны увидело в этих проектах возможности для развития своего государства и поддержало не только проект CASA-1000, но и строительство Рогунской ГЭС. Для строительства ГЭС Таджикистан приобретает у Узбекистана грузовики, что благоприятно влияет на ее экономику. Что касается CASA-1000, то

Узбекистан вместе с Туркменистаном выразили заинтересованность в присоединении к проекту [13]. В-третьих, реализация проекта CASA-1000 официально стартовала в мае 2016 г. С тех пор многое было сделано, и его полное завершение ожидается в 2021 г. В-четвертых, 23 ноября 2018 г. АБР безвозмездно выделил Таджикистану 35 млн долл. с целью обратного соединения Таджикистана к Центральноазиатской энергетической системе (ЦАЭС)[14]. Следует отметить, что Таджикистан был отключен от Узбекистана (по сути, от ЦАЭС) в 2009 г. с целью давления на намерения Душанбе завершить достройку Рогунской ГЭС. В-пятых, 4 февраля 2019 г. Российская Федерация вновь выразила заинтересованность в подключении российских компаний к реализации проекта CASA-1000 [15].

Вышеназванные изменения являются признанием надёжности и эффективности Рогунской ГЭС и проекта CASA-1000. Не исключено, что новый подход к использованию водноэнергетических ресурсов Центральной Азии с учетом национальных интересов друг друга приведет к укреплению и возрастанию экономик стран региона.

Список литературы

1. Гидроэнергетические ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в ЦА [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <http://mfa.tj/index.php?l=ru&art=5> (дата обращения: 14.01.2018).
2. Ҳисобот оид ба кори илмию тадқиқотӣ барои соли 2015 дар мавзӯи «Концепсияи рушди баҳши воқеии иқтисод бо тавачҷуҳ ба арзиши иловашуда» барои солҳои 2001-2015. Қисми: «Стратегияи рушди баҳши воқеии иқтисод» (дар доираи комплекси сӯзишворӣ-энергетикӣ ва соҳаи кишоварзӣ) // Маркази тадқиқоти стратегияи назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 2015. 138 с.

3. Development of renewable energy resources in Afghanistan for economically optimized cross-border electricity trading [Electronic resource] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/318706753_Development_of_renewable_energy_resources_in_Afghanistan_for_economically_optimized_cross-border_electricity_trading (дата обращения: 24.02.2019).
4. Таджикистан и АБР подписали соглашение по проекту передачи электроэнергии в Афганистан [Электронный ресурс] // Все об Афганистане. URL: afghanistan.ru/doc/8135.html (дата обращения: 15.01.2018).
5. Азиатский банк развития не будет участвовать в реализации проекта CASA-1000 и Рогунской ГЭС [Электронный ресурс] // Агентство международной информации Trend. URL: <https://www.trend.az/casia/tajikistan/2231018.html> (дата обращения: 24.02.2019).
6. АБР отказался поддержать проект CASA-1000, в котором намерен участвовать, в том числе и Таджикистан [Электронный ресурс] // TAG. URL: <https://www.tajikta.tj/ru/news/abr-otkazalsya-podderzhat-proekt-casa-1000-v-kotorom-nameren-uchastvovat-v-tom-chisle-i-tadzhikistan-smi> (дата обращения: 24.02.2019).
7. Гриб Н., Соловьев В. Между Россией и Таджикистаном встала плотина // Коммерсантъ. 2007. №160. С. 10
8. Россия-Узбекистан: Медведев попал в Ташкент «очень и очень своевременно» [Электронный ресурс] // ИА «Фергана». URL: <https://www.fergana-news.com/articles/6035> (дата обращения: 25.02.2019).
9. Пакистан поддерживает подключение России к проекту CASA-1000 // ASIA Plus. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20181105/pakistan-podderzhivaet-podklyuchenie-rossii-k-proektu-casa-1000> (дата обращения: 03.03.2019).
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902373129> (дата обращения: 02.03.2019).
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о строительстве и эксплуатации Верхне-Нарынского каскада гидроэлектростанций [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-72/44572 (дата обращения: 02.03.2019).
12. Саидмуратов А., Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, №3. С. 118–125.
13. Узбекистан строит линию, которая может стать составной частью ЛЭП CASA-1000 [Электронный ресурс] // ASIA Plus. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20181129/uzbekistan-stroit-liniyu-kotoraya-mozhet-stat-sostavnoi-chastyu-lep-casa-1000> (дата обращения: 25.02.2019).
14. Project Agreement (Reconnection to Central Asian Power System Project) between Asian Development Bank and Open Joint Stock Company Barqi Tojik dated 23 November 2018 [Electronic resource] // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/projects/documents/taj-52122-001-grj> (дата обращения: 03.03.2019).
15. Лавров заявил, что Россия готова подключиться к проектам CASA-1000 и ТАПИ [Электронный ресурс] // SPUTNIK. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20190204/1028164295/lavrov-russia-gotova-podklyuchitsya-proekty-casa-1000-tapi.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Поступила в редакцию 14.03.19

UDC 327.620.9

S. M. Shukurov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: sino.shukurov@gmail.com)

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE PROSPECTS OF HYDROPOWER DEVELOPMENT IN THE POST-SOVIET SPACE IN MODERN CONDITIONS (ON EXAMPLE OF ROGUNHPS AND CASA-1000 PROJECTS)

Relevance. After the self-dissolution of the Soviet Union, the newly formed States inherited from the USSR a lot of unrealized hydropower projects. Similar projects in the Central Asian part of the USSR were the Rogun HPS (in the territory of the former Tajik SSR) and a complex of hydroelectric power stations on the Naryn River (in the territory of the former Kyrgyz SSR). However, after the self-dissolution of the USSR, these projects were left without funding and were mothballed. A few years later, after the strengthening of the state and economic systems, Tajikistan and Kyrgyzstan faced the issue of energy independence from the Soviet unified system of water and energy resources use. The Soviet system of use of water-energy resources of the region assumed accumulation of water by Tajikistan and Kyrgyzstan (the countries of the upper reaches) in the winter period to let this water to the lands of Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan (the countries of the lower reaches) in the summer. In return, (under Moscow's control) these countries compensated in the winter period electricity shortages in Tajikistan and Kyrgyzstan with electricity (from thermal power plants) and gas. However, after independence, the first leadership of independent Uzbekistan recognized the provision of compensation for transboundary water resources as inappropriate. The factor of cancellation of compensation was decisive for the upstream countries in their intention to develop their hydropower potential, which led to the resumption of construction of former Soviet projects and the search for alternative routes for the export of excess electricity, in the likeness of the CASA-1000 project.

Purpose – to analyze the dynamics of changes in the positions of international players in the world political arena in relation to the construction of the Rogun HPS and the trans-energy project CASA-1000.

Tasks: to consider the positions and interests of the countries of near and far abroad in relation to hydropower projects Rogun HPS and CASA-1000; to analyze the official attitude of Russia to hydropower projects in Central Asia.

Summary. The historical events that have occurred since 2016 are considered in conclusion, and the main conclusions – refuting the statements of scientists and specialists who claimed the impossibility of implementing the projects Rogun HPS and CASA-1000 are presented in conclusion.

Key words: CASA-1000; Rogun HPS; hydropower; Central Asia; post-soviet space.

For citation: Shukurov S. M. The evolution of views on the prospects of hydropower development in the post-soviet space in modern conditions (on example of Rogunhps and CASA-1000 projects). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 162–170 (in Russ.).

Reference

1. *Gidroehtnergeticheskie resursy Tadzshikistana i problemy vodopol'zovaniya v CA*. Ministerstvo inostrannyh del Respubliki Tadzshikistan. URL: <http://mfa.tj/index.php?l=ru&art=5> (accessed 14.01.2018).

2. *Ҳисобот оид ба кори илмию тадқиқотӣ барои соли 2015 дар mavzī «Konsepsiyai rushdi bahshi voқеii iқtsod bo tavaҷҷух ба arzishi ilova-shuda» барои solҳoi 2001-2015*. Қисми: “Strategiyai rushdi bahshi voқеii iқtsod” (dar doirai kompleksi sўzish-vorī-ehnergetikī va soҳai kisho-varzī). Markazi tadқиқoti strategii nazdi Prezidenti Ҷумҳурii Тоҷикiston. 138 p.

3. *Development of renewable energy resources in Afghanistan for economically optimized cross-border electricity trading*. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/318706753_Development_of_renewable_energy_resources_in_Afghanistan_for_economically_optimized_cross-border_elec-tricity_trading (accessed 24.02.2019).

4. *Tadzshikistan i ABR podpisali soglashenie po proektu peredachi ehlektroehnergii v Afganistan*. Vse ob Afganistane URL: afghanistan.ru/doc/8135.html (accessed 15.01.2018).

5. *Aziatskij bank razvitiya ne budet uchastvovat' v realizacii proekta CASA-1000*

i Rogunskoj GEHS. Agentstvo mezhdunarodnoj in-formacii Trend. URL: <https://www.trend.az/casia/tajikistan/2231018.html> (accessed 24.02.2019).

6. *ABR otkazalsya podderzhat' proekt CASA-1000, v kotorom nameren uchastvovat', v tom chisle i Tadjikistan*. TAG. URL: <https://www.tajikta.tj/ru/news/abr-otkazalsya-podderzhat-proekt-casa-1000-v-kotorom-nameren-uchastvovat-v-tom-chisle-i-tadzhikistan-smi> (accessed 24.02.2019).

7. Grib N., Solov'ev V. Mezhdu Rossiej i Tadjikistanom vstala plotina. *Kommersant*", 2007, no. 160, pp. 10

8. *Rossiya-Uzbekistan: Medvedev popal v Tashkent "ochen' i ochen' svoevremennno". IA "Fergana"*. URL: <https://www.fergananews.com/articles/6035> (accessed 25.02.2019).

9. *Pakistan podderzhivaet podklyuchenie Rossii k proektu CASA-1000*. ASIA Plus. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20181105/pakistan-podderzhivaet-podklyuchenie-rossii-k-proektu-casa-1000> (accessed 03.03.2019).

10. *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kirgizskoj Respubliki o stroitel'stve i ehkspluatacii Kambaratinskoj GEHS-1*. Ehlektronnyj fond pravovoj i normativno-tekhnicheskij dokumentacii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902373129> (accessed 02.03.2019).

11. *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom*

Kirgizskoj Respubliki o stroitel'stve i ehkspluatacii Verhne-Narynskogo kaskada gidroehlektrostancij. Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-72/44572 (accessed 02.03.2019).

12. Saidmuradov A., Puseva E. Konceptiya Bol'shoj Central'noj Azii vo vneshnej politike SSHA v Central'no-Aziatskom regione. *Central'naya Aziya i Kavkaz*, 2010, vol. 13, no. 3, pp. 118–125.

13. *Uzbekistan stroit liniyu, kotoraya mozhet stat' sostavnoj chast'yu LEHP CASA-1000*. ASIA Plus. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20181129/uzbekistan-stroit-liniyu-kotoraya-mozhet-stat-sostavnoi-chastyu-lep-casa-1000> (accessed 25.02.2019).

14. Project Agreement (Reconnection to Central Asian Power System Project) between Asian Development Bank and Open Joint Stock Company Barqi Tojik dated 23 November 2018. Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/projects/documents/taj-52122-001-grj> (accessed 03.03.2019).

15. *Lavrov zayavil, chto Rossiya gotova podklyuchit'sya k proektam CASA-1000 i TAPI*. SPUTNIK. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20190204/1028164295/lavrov-russia-gotova-podklyuchitsya-proekty-casa-1000-tapi.html> (accessed 03.03.2019).

УДК 93/94:325.111[(292.471):(47)]

С. П. Шендрикова, д-р ист. наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Россия, 298635, Ялта, ул. Севастопольская, 2А) (e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru)

В. Н. Босняк, аспирант, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Россия, 298635, Ялта, ул. Севастопольская, 2А) (e-mail: vbosnyak@gmail.com)

УРБАНИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВАСТОПОЛЯ И ЯЛТЫ)

Актуальность. В свете возвращения Крыма в состав Российской Федерации на правах субъекта особо остро стоит вопрос изучения истории полуострова на разных ее этапах. В этом контексте Президент В. В. Путин серьезное внимание уделяет туристской сфере полуострова. Глава государства неоднократно озвучивал свою позицию относительно состояния туристской отрасли в Крыму. 17 августа 2015 года в Ялте на заседании президиума Государственного Совета, посвященного развитию региона, В. В. Путин, говоря о потенциале внутреннего туризма в России, особое внимание уделил крымскому направлению, обозначив главные направления, такие как качественный сервис, удобная логистика, широкий выбор гостиниц с разной ценовой политикой, экологические и природоохранные стандарты, а также доступность объектов культурно-исторического наследия для людей. Сдача в эксплуатацию в 2018 году Крымского моста и нового аэропорта в Симферополе тому подтверждение. Освоение Российской империей присоединенных территорий в XVIII веке проявилось в активной урбанизации местных городов.

Цель и задачи. Целью данной научной публикации является презентация исторического опыта в контексте развития приморских городов после присоединения Крыма к России в 1783 году. Достижение обозначенной цели авторы видят посредством рассмотрения примеров проявления урбанизации в Севастополе и Ялте.

Методология. В ходе работы использованы логические методы исторического исследования, которые формулируют основные принципы теории познания. При использовании данных методов внесена конкретика относительно цели исследования и решаемых задач. В этом контексте прежде всего следует вспомнить анализ и синтез, аналогию и сравнение, логическое моделирование и обобщение.

Результатом анализа исторического опыта в данной научной статье является определение места и роли Российской империи в развитии крымских городов после присоединения полуострова на примере социокультурной сферы.

Выводом исследования является мысль о прямой зависимости урбанистических процессов в таких приморских городах Крыма, как Севастополь и Ялта, от активного освоения полуострова Российской империей.

Ключевые слова: урбанизация; город; социальная сфера; население; общество; полуостров; экономика; хозяйство; промышленность.

Ссылка для цитирования: Шендрикова С. П., Босняк В. Н. Урбанистическое развитие Крыма после присоединения полуострова к Российской империи (на примере Севастополя и Ялты) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 171–177.

Введение

После присоединения Крыма к Российской империи полуостров активно осваивался. Особенно это стало заметным во второй половине XIX в., когда ведущие приморские города интенсивно получали статус курортных, оздоровительных и торговых центров регионов. Однако рассматривать это как глобаль-

ную урбанизацию нельзя, поскольку крымские приморские города и сейчас невелики. Вместе с тем у каждого из них есть своя история становления и развития, в которой театральная жизнь предстает одним из важнейших факторов.

Методология

При использовании данных методов внесена конкретика относительно цели

исследования и решаемых задач. В этом контексте прежде всего следует вспомнить анализ и синтез, аналогию и сравнение, логическое моделирование и обобщение.

Результаты

Результатом анализа исторического опыта в данной научной статье является определение места и роли Российской империи в развитии крымских городов после присоединения полуострова на примере социокультурной сферы. Выводом исследования является мысль о прямой зависимости урбанистических процессов в таких приморских городах Крыма, как Севастополь и Ялта, от активного освоения полуострова Российской империей.

Обсуждение

Значительный прогресс промышленной и социальной сферы Российской империи в пореформенный период сказался на экономическом развитии южных регионов. На тот момент активно осваивался потенциал Крыма, причем одной из важнейших задач в этом вопросе была модернизация инфраструктуры крымских портов. И здесь в первую очередь, на наш взгляд, следует говорить о Севастополе. Одновременно с военным возрождался и коммерческий порт города, занимавший западный берег южной бухты. Если в 1866 г. товарооборот Севастополя и Феодосии исчислялся 2 млн 799 тыс. 940 руб., то уже в 1880-е гг. среднегодовой товарооборот этих портов вырос до 18 млн 700 тыс. руб., а к концу XIX в. среднегодовой товарооборот исчислялся более чем 24 млн руб. [1, с. 156] В этой связи грузооборот внутреннего судоходства в денежном выражении увеличился от 6,2 млн руб. до 21 млн руб. [2, с. 120] Кроме того, 1875 г. для Таврической губернии был ознаменован пуском в эксплуатацию первой железной дороги, ко-

торая обеспечивала сообщение от станции Лозовая (современная Харьковская область в Украине) в Севастополь. Это открывало широкие перспективы для развития российской военно-морской базы и всего южного побережья.

В рамках изменений в административной вертикали власти в 1873 г. было создано севастопольское градоначальство. 17 января 1881 г. на имя Таврического губернатора направилось распоряжение главы департамента полиции барона И. Велио, в котором согласно выше утвержденного 12 октября 1874 г. «Устава военных сборов» предписывалось следующее: «На устройство маскарадов и драматических представлений Военные Собрания обязаны испросить разрешение местного полицейского начальника, причем на сцене дозволяется только постановка пьес, разрешенных цензорами драматических сочинений при Главном Управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурой оригиналов». Кроме того, при исполнении на музыкальных вечерах или концертах музыкальных пьес, не опубликованных в прессе, необходимо было получить разрешение местного цензурного учреждения. Кроме этого на каждый спектакль для представителя полиции необходимо было в зрительном зале устанавливать кресло [3, л. 215].

Бурное развитие экономики страны в целом и Крыма в частности, проникновение на территорию полуострова идей русской культуры и образованности, распространение научных знаний и модных веяний в жизни общества того времени превратили полуостров в один из центров культурной жизни Юга России. Становление Крыма как курорта относится именно ко второй половине XIX в. Одновременно с этим имело место и развитие театра, особенно в приморских городах Таврической губернии. Сюда в этот пе-

риод на гастроли хотели попасть многие профессиональные театральные труппы.

Вторая половина XIX в. для Севастополя ознаменовалась не только восстановлением города после разрушительных последствий обороны во время Крымской войны. Благодаря усилиям А. Бертье-Делагарда был оборудован первый водопровод в Севастополе, спланированы Приморский и Военный бульвары, восстановлено после Крымской войны Адмиралтейство. Прогрессивные тенденции экономического развития Российской империи, которые имели место в отечественной истории под влиянием реформ 1860–1870 гг., для Крыма в первую очередь отразились на развитии железнодорожного и водного транспорта. Привлекательность Севастополя как курорта, повышенное внимание к нему представителей столичной верхушки и интеллигенции привели к сближению периферии с центрами культурной жизни государства. Это стало результатом популяризации Севастополя среди высокопрофессиональных трупп из крупных городов России.

В начале XX в. Севастополь был одним из крупнейших и развитых городов Таврической губернии как в промышленно-экономическом, так и в культурном аспектах. Если после Крымской войны население города составляло 5 тыс. человек, то через 19 лет – 11 тыс., через 30 лет – 25,3 тыс.; в 1895 г. количество жителей достигло довоенного уровня. В 1900 г. в нем проживало уже около 60 тыс. человек [4, с. 11]. Развитие торгово-промышленного комплекса обусловило внушительный подъем торговли. Севастополь стал крупным экономическим центром Юга России.

По мнению историка П. Надинского, активное освоение Южного берега наблюдалось после окончания Крымской войны [1, с. 163]. Заметную популярность Ялта получила начиная с 1861 г., когда

царская семья приобрела имение «Ливадия». После организации здесь летней резиденции императора вокруг Ялты начался настоящий ажиотаж. Покупка земельной собственности здесь стала вопросом престижа. В 60-е гг. XIX в., следуя примеру царской семьи, в Ялту направлялись и придворная знать, и царские чиновники, и помещики, и капиталисты. Это привело к строительству на Южном берегу Крыма (далее – ЮБК) многочисленных дворцов и имений. Оживилось и городское строительство. Возводились гостиницы, доходные дома, магазины и другие социальные учреждения. Так, например, в Ялте в это время было оборудовано газовое освещение улиц. Территория города расширилась с 5 до 500 десятин, а его центр переместился с улицы Бульварной (ныне – улица Рузвельта) на Набережную.

В этот период ЮБК привлекал особое внимание у российских ученых, в частности медиков. Большая заслуга в развитии города в качестве первого в России климатического курорта принадлежит В. Дмитриеву и С. Боткину [2, с. 537]. С этими именами связано становление и развитие курортно-оздоровительной системы Крыма во второй половине XIX – начале XX в. и дальнейшая деятельность рекреации полуострова в этом направлении. Благодаря этому в 1880-х гг. Ялта получила статус не только одного из самых популярных и модных курортов Российской империи, но и бальнеологического центра. О городе с интересом заговорили в Западной Европе. В этой связи имел место постоянный поток отдыхающих и желающих именно здесь поправить свое здоровье. Статистика того времени говорит о том, что в сезон на ЮБК ежегодно приезжало до 15 тыс. человек [1, с. 164].

Высокий уровень интереса к полуострову повлек за собой резкий рост стоимости земли на юге Крыма. К примеру,

до 1970-х гг. одна десятая земли в Ялте и ее окрестностях стоила от 24 до 36 тыс. руб. [1, с. 164] Это способствовало ускоренному развитию в пореформенные годы различных видов транспортного сообщения. Так, в 1870–90-х гг. благодаря пароходному сообщению соединились порты Черного моря. В начале 1890-х гг. Ялта тоже стала портом. Здесь был построен мол, прикрывавший гавань от сильных штормов. Надо отметить, что значительный вклад в этом важном для Ялты строительстве сыграл уже упомянутый выше А. Бертье-Делагард, генерал-лейтенант инженерных войск, ученый-инженер, известный также как выдающийся историк, археолог, краевед и нумизмат.

Кроме курортных возможностей, ЮБК всегда выгодно отличался от других регионов полуострова природными ресурсами в плане виноградарства и садоводства. Однако в культурно-образовательном смысле город оставлял желать лучшего. Начиная с 1876 г. здесь работали только две гимназии. Позже было открыто коммерческое училище, при котором функционировали бухгалтерские курсы. В 1880 г. в Ялте насчитывалось девять «низших» учебных заведений, в частности ремесленная школа в Аутке. В этот период в городе имелись две избычигальни и четыре платные библиотеки. Из развлекательных заведений, где могли проводить свой досуг приезжие и местные граждане, функционировали два клуба и народный дом. В последнем чаще всего организовывались танцевальные и литературные вечера [2, с. 539]. В 1880-х гг. в Ялте имелись две главные улицы. Одна – у берега моря. Здесь располагались городская бульвар, пристань и пароходное агентство. Эту улицу отличали красивые сооружения. Вторая улица была менее респектабельной. На ней находились базар, лавки, кофейни и другие подобные заведения [5, с. 97]. По

плану Ялта с близлежащими сельскими домами и дачами на 1880 г. состояла из шести улиц: Почтовой, Елисаветинской, Набережной, Ауткинской, Виноградной и Садовой.

В городе насчитывалось пять отелей, из них три: «Россия», «Эдинбургский» и «Ялтинский» – считались первоклассными и пользовались спросом у богатых приезжих, другие два: «Крымский» и «Мулла-Асанский» – были рассчитаны на менее состоятельных отдыхающих [5, с. 98]. Кроме этого в Ялте имелось несколько хороших магазинов и лавок, в которых приезжие могли найти все необходимое.

Транспортные перевозки по городу осуществлялись экипажами и фаэтонами. Доступность в этом вопросе для широких слоев граждан была обеспечена решением ялтинской городской управы, которая установила «умеренную плату за проезд» [5, с. 99]. Учитывая курортные приоритеты, в Ялте были организованы морские общественные купальни с отдельными пристройками для теплых морских ванн. Однако, по правде говоря, морские купания здесь отдыхающих привлекали меньше, чем, например, в Евпатории или Феодосии. Причиной тому стало каменистое морское дно и не всегда чистая вода [5, с. 100]. Однако это не уменьшало популярности Ялты в глазах курортников. Необычный местный ландшафт в виде амфитеатра Крымских гор, разнообразная вечнозеленая растительность и целебный климат превратили Ялту в один из самых популярных отечественных курортов XIX в.

Поскольку публика, посещавшая Ялту, в основном состояла из представительниц русской и западноевропейской интеллигенции, на местные власти легли серьезные заботы по обустройству разнообразных развлечений для курортников. 1 февраля 1882 г. на одном из заседаний ялтинской городской думы под управле-

нием городского головы А. Врангеля был заслушан доклад городской управы «...о важности и необходимости для города, приобретшего значение и репутацию Санаторной станции для грудных больных, – устройства Городского парка, отсутствие которого служит постоянным укором со стороны приезжих больных во время сезона» [6, л. 1]. Обсудив этот вопрос, дума единогласно приняла положительное решение.

В деле развития культурной жизни в Ялте первым шагом стала организация и открытие городского сада. Так, в свое время ялтинской городской властью были проведены переговоры с графиней К. Адлерберг о купле-продаже участка для устройства на его территории вышеупомянутого сада. Переговоры принесли городу желаемый результат и в отчете гласных городской думы говорилось о собравшихся «2 апреля в 12 часов дня в саду, бывшего графини Адлерберг» [6, л. 2] для обсуждения конкретных мер, направленных на организацию досуга отдыхающих и местных жителей. 24 апреля 1882 г. члены комиссии, ответственной за решение этого вопроса, И. Дьяконов и Н. Шамин отчитались: «...сад приведен в надлежащий вид и на первый раз совершенно готов для приема публики» [6, л. 5].

Торжественное открытие городского сада состоялось 2 мая 1882 г. Во время этого мероприятия играл оркестр военной музыки [6, л. 7]. Следует сказать, что именно городской сад в конце XIX в. стал для Ялты духовным и культурным центром города. С появлением городского сада в Ялте было объявлено открытие счета, все финансовые поступления на который предполагалось привлечь для строительства павильонов, в частности и театрального, с целью организации зоны отдыха и досуга граждан. Наряду с этим все кассовые сборы за входные билеты в городской сад планировалось также ис-

пользовать на дальнейшую организацию культурных заведений города. Так, в 1882 г. доход от покупки входных билетов в горсад составил 1500 руб. [6, л. 57]

На рубеже XIX–XX вв. Ялта представляла собой достаточно развитый и современный курортный город [7, с. 202–203]. На тот момент здесь было построено десять отелей: «Россия», «Центральная», «Таврида», «Франция», «Гранд-отель», «Марьино», «Санкт-Петербург», «Ялта», «Московская», «Европейская» [8, с. 245]. Новый город занимал центр Ялты. Это была самая обустроенная часть с новыми домами и уютными улицами. Местом для прогулок, кроме набережной, также служил городской сад, о котором подробно говорилось ранее. Он был небольшим и довольно уютным, в теплое время года здесь играла живая музыка [7, с. 212]. Привлекательность Ялты как курорта и туристической базы создала городу репутацию российской «Ривьеры» [9, с. 91]. Справедливости ради следует заметить, что этот статус Ялта сохранила и в новейшей своей истории [10, с. 113].

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что урбанистические процессы в городах Крыма происходили в тесной зависимости от важнейших социально-экономических и политических преобразований после присоединения полуострова к Российской империи. Ярким проявлением этого стала реорганизация административного устройства края, проведенная в XVII – начале XIX в. Возрастающий интерес на рубеже XVII–XIX вв. со стороны российских властей и общества к полуострову объяснялся природным потенциалом Крыма в контексте туристской отрасли. Активное развитие Севастополя в середине XIX в. было спровоцировано особым статусом города в лице ведущей военно-морской базы. Все это в совокупности привело к тому, что государствен-

ные и частные инвестиции вкладывались в развитие городов Крыма и края в целом.

Список литературы

1. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь: Крымиздат, 1951. 229 с.

2. История городов и сел УССР: в 26 т. Т. 26: Крымская обл. / пред. редкол. Л. Д. Солодовник. Киев: Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974. 623 с.

3. ГАРК (Гос. арх. Республики Крым). Ф. 197, Оп. 1. Д. 412. (Симферопольского полицмейстера бумаги по разным предметам: прошения, рапорты, объявления, заявления. О разрешении к постановке украинских пьес за 1881 г. на 952 листах).

4. Иванов В. Б. Севастополь. Историческая летопись, 1783–2008 гг.; ред. А. А. Касаткин. Севастополь: ЧП «Иванова», 2008. 480 с.: фот.

5. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников: с прил. ст. Берег Крыма, как климатолечебная местность, карты Крымского полуострова, плана г. Севастополя и проч. 3-е изд., испр. и доп. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1880. 435 с.

6. ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 395 (О разрешении почетному гражданину Ф. А. Бегуну устроить в городском саду летний театр в 1883 году на 343 листах).

7. Безчинский А. Путеводитель по Крыму / [при участии д-ра В. Н. Дмитриева и др.; изд. ред. журнала «Русская мысль»]. М.: Типолитограф. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. 471 с.

8. Путеводитель по Крыму для путешественников: с прил. ст. Берег Крыма, как климатолечебная местность, карты Крымского полуострова, плана г. Севастополя и проч. / сост. Г. Караулов и М. Сосногорова. 4-е изд., значит. пополненное и улучш. Одесса: Тип. А. Шульце, 1883. 512 с.

9. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 24-е изд. СПб.: ред. «Путеводителей», [1913]. VIII с.

10. Міста і села України. Автономна Республіка Крим. Місто Севастополь: історико-краєзнавчі нариси / ред. кол.: Н. Купрацевич, Н. Полапа, А. Щербакова [та ін.]. Київ: Укр. видав. Консорціум, 2009. 467 с.

Поступила в редакцию 28.02.19

UDC 93/94:325.111[(292.471):(47)]

S. P. Shendrikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Humanitarian Pedagogical Academy, branch of the Crimean Federal Vernadsky University in Yalta (Russia, 298635, Yalta, Sevastopol str., 2A) (e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru)

V. N. Bosniak, Post-Graduate Student, Humanitarian Pedagogical Academy, branch of the Crimean Federal Vernadsky University in Yalta (Russia, 298635, Yalta, Sevastopol str., 2A) (e-mail: vbosnyak@gmail.com)

URBANISTIC DEVELOPMENT OF CRIMEA AFTER ACCESSION OF THE PENINSULA TO THE RUSSIAN EMPIRE (EXEMPLIFIED BY SEVASTOPOL AND YALTA)

Relevance. *In the context of the Crimea's return to the Russian Federation, the question of studying the history of the peninsula in different periods is particularly actual. In this context, President V. Putin pays serious attention to the recreational sector of the peninsula. He has repeatedly voiced his position regarding the state of the tourism industry in Crimea. August 17, 2015 in Yalta at the meeting of the Presidium of the State Council regarding the devel-*

opment of the region, speaking about the potential of domestic tourism in Russia, Putin paid special attention to the Crimean direction, identifying the main areas such as service quality, convenient logistics, a wide range of hotels with different pricing policies, ecological and environmental standards and the availability of cultural and historical heritage for people. The commissioning in 2018 of the Crimean Bridge and the new airport in Simferopol is a proof of this. The development of the territories gained by the Russian Empire in the eighteenth century manifested itself in the active urbanization of local cities.

Purpose and objectives. The purpose of this scientific publication is the presentation of historical experience in the context of the development of coastal cities after the annexation of Crimea to Russia in 1783. The author sees the achievement of the designated goal by examining examples of urbanization in Sevastopol and Yalta.

Methodology. In the course of work, logical methods of historical research were used, which formulate the basic principles of the theory of knowledge. When using these methods, specificity was introduced regarding the purpose of the study and the tasks to be solved. In this context, we should first recall analysis and synthesis, analogy and comparison, logical modeling and generalization.

Results. The result of the analysis of historical experience in this scientific article is to determine the place and role of the Russian empire in the development of the Crimean cities after the annexation of the peninsula on the example of the socio-cultural sphere.

Conclusion. The conclusion of the study is the idea of direct dependence of urban processes in such coastal cities of the Crimea, as Sevastopol and Yalta, from the active development of the peninsula of the Russian Empire.

Key words: urbanization, city, social sphere, population, society, peninsula, economy, industry.

For citation: Shendrikova S. P., Bosniak V. N. Urbanistic development of Crimea after accession of the peninsula to the Russian empire (exemplified by Sevastopol and Yalta). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 171–177 (in Russ.).

Reference

1. Nadinskij P. N. Oчерки по истории Kryma. Pt. 1. Simferopol', Krymizdat Publ., 1951. 229 p.

2. *Istoriya gorodov i sel USSR*. Vol. 26: Krymskaya obl.; ed. by L. D. Solodovnik. Kiev, In-t istorii AN USSR Publ., Ukr. sov. ehnciklopediya AN USSR Publ., 1974. 623 p.

3. GARK (Gos. Arh. Respubliki Krym), 197, op. 1. d. 412. (Simferopol'skogo policmejstera bumagi po raznym predmetam: prosheniya, raporty, ob"yavleniya, zayavleniya. O razreshenii k postanovke ukrainskih p'es za 1881 g. na 952 listah).

4. Ivanov V. B. *Sevastopol'. Istoricheskaya letopis'*, 1783–2008 gg.; ed. by A. A. Kasatkin. Sevastopol', CHP "Ivanova" Publ., 2008. 480 p.

5. Sosnogorova M. A. *Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov: s pril. st. Bereg Kryma, kak klimatolechebnaya mestnost', karty Krymskogo poluostrova, plana g. Sevastopolya i proch.* 3th ed. Odesa, Tip. L. Nitche, 1880. 435 p.

6. GARK, f. 522, op. 1, d. 395. (O razreshenii pochetnomu grazhdaninu F. A. Begunu ustroit' v gorodskom sadu letnij teatr v 1883 godu na 343 listah).

7. Bezchinskij A. *Putevoditel' po Krymu*; [pri uchastii d-ra V. N. Dmitrieva eds; ed. by zhurnala "Russkaya mysl"]. Moscow, Tipolitogr. T-va I. N. Kushnerev i K^o, 1901. 471 p.

8. *Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov: s pril. st. Bereg Kryma, kak klimatolechebnaya mestnost', karty Krymskogo poluostrova, plana g. Sevastopolya i proch.*; ed. by G. Karaulov i M. Sosnogorova. 4th ed. Odessa, Tip. A. Shul'ce, 1883. 512 p.

9. Moskvich G. G. *Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu*. 24th ed. St. Petersburg, Ed. "Putevoditelej", [1913]. VIII s.

10. *Mista i sela Ukraini. Avtonomna Respublika Krim. Misto Sevastopol': istoriko-kraeznavchi narisi*; ed. by N. Kupravecich, N. Polapa, A. Shcherbakova [ta in.]. Kiev, Ukr. vidav. Konsorcium, 2009. 467 p.

УДК 94(47)

В. Н. Прямыцын, канд. военных наук, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 100)
(e-mail: priamitzynvn@mail.ru)

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИИ (1876–1945 ГГ.)

Актуальность. В статье рассматривается формирование взглядов на мобилизационную деятельность. В качестве первого из мобилизационных документов, принятых в сфере военной гидрометеорологии, рассматривается Устав главной физической обсерватории. В статье описывается практическая реализация его положений в годы Первой мировой и Гражданской войн. Значительная мобилизационная работа была проведена государственными органами в межвоенный период. Совершенствование мобилизационной подготовки позволило гидрометеорологической отрасли подготовиться к началу Великой Отечественной войны. В статье подробно раскрывается содержание мобилизационных мероприятий каждого из периодов Великой Отечественной войны.

На современном этапе органы военной и гражданской гидрометеорологических служб Российской Федерации осуществляют мобилизационную работу. Это обуславливает актуальность изучения опыта мобилизационной деятельности в сфере военной гидрометеорологии Российской империи и СССР.

Целью статьи является ознакомление профессиональных сообществ историков и гидрометеорологов с соответствующим историческим опытом.

Задачей статьи является выявление содержания мобилизационной деятельности отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1945 г. и обобщение ее опыта.

Методология. При подготовке статьи использованы методологические основы военно-исторической науки.

Выводы. В заключение автор приходит к выводу, что в годы Великой Отечественной войны был эффективно использован предыдущий опыт мобилизационной работы. Это позволило в короткие сроки переориентировать профильные ресурсы государства на решение задач гидрометеорологического обслуживания Вооруженных сил.

Рекомендации. Использовать опыт мобилизационной деятельности отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии, полученный в период с 1876 по 1945 г., на современном этапе.

Ключевые слова: мобилизационная подготовка; мобилизация; гидрометеорологическая служба; Вооруженные силы.

Ссылка для цитирования: Прямыцын В. Н. Мобилизационная деятельность отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 178–186.

Введение. Важной составляющей деятельности органов военной и гражданской гидрометеорологических служб Российской Федерации на современном этапе является мобилизационная работа. Это обуславливает актуальность изучения опыта мобилизационной деятельности в сфере военной гидрометеорологии Российской империи и СССР. С целью ознакомления профессиональных сообществ историков и гидрометеорологов с соответствующим историческим опытом подготовлена настоящая статья. Ее задачей является выявление содержания мо-

билизационной деятельности отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1945 г. и обобщение ее опыта.

Методология. Для изучения мобилизационной деятельности отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1945 г. был использован набор принципов и методов, свойственных военно-исторической науке. Среди использованных принципов исследования принципы: всесторонности, историзма, объек-

тивности, конкретности, противоречия, целостности, развития, системности, преемственности и прогнозирования. Автор использовал методы, относящиеся ко всем основным группам: общенаучные, специальные, специально-исторические и смежных дисциплин. Ряд общенаучных и специальных методов (исторический, аналогии, абстрагирования, обобщения, сравнения, биографический, системный...) были использованы в исследовании в их частнонаучной интерпретации, применительно к исторической науке (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-биографический, историко-системный, проблемно-хронологический).

Результаты и обсуждения. С момента зарождения отечественной гидрометеорологической отрасли ее деятельность была тесным образом связана с Военным и Морским министерствами. Так, первым подразделением, чья работа была посвящена исключительно интересам военной гидрометеорологии, стало Отделение морской метеорологии, телеграфных сообщений о погоде и штормовых предостережений Главной физической обсерватории (ГФО), созданное в 1876 г., финансируемое Морским министерством и укомплектованное его офицерами [1, с. 7].

Закономерно, что гидрометеорологическое дело, как и медицинское, ветеринарное, горное и др., попало в сферу интересов силовых ведомств и рассматривалось ими в контексте обеспечения безопасности государства. Со временем сформировались взгляды на взаимодействие Военного и Морского министерств с Главной физической обсерваторией в возможных будущих войнах [2, с. 70]. Они нашли отражение в нормативно-правовых актах и руководящих документах, что положило начало мобилизацион-

ной деятельности государственных органов в сфере военной гидрометеорологии.

Установлено, что основы мобилизационной работы в гидрометеорологической отрасли были заложены так называемым «Законом 1912 г.» [3, л. 278]. В нем впервые было документально закреплено положение об освобождении специалистов Обсерватории «от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота и от службы в государственном ополчении» [3, л. 281], содержался перечень должностных лиц, оставляемых в условиях военного времени для работы по специальности. Это создало первый в истории отечественной гидрометеорологии прецедент, когда в мирное время решением высшего руководства государства регламентировалась деятельность гидрометеорологов в условиях военного времени.

Спустя два года мобилизационные положения получили практическую реализацию. На фоне начала военных действий Австро-Венгрией и приготовлений к войне в Германии 17 июля 1914 г. в России была объявлена всеобщая мобилизация. Как и во всех Вооруженных силах, подготовка к войне началась и в Гидрометеорологической части Главного гидрографического управления Морского министерства. В этот день все сотрудники, находящиеся вне Санкт-Петербурга, получили телеграммы следующего содержания: «17.07.1914 г. Царское Село. Колпинская ул. д. 29. Сомовой. Отпуска прекращены. Приказано всем явиться» [4, л. 77].

В первые месяцы войны Военное ведомство признало целесообразность частичной мобилизации ГФО «главным образом в части ее ведающей синоптической метеорологией». Были сокращены расходы на модернизацию сети наблюдательных станций, приостановлено издание ежедневного и ежемесячного бюллетеней погоды и публикация ежегодных

данных наблюдений по территории России [5, с. 2].

22 декабря 1915 г. решением Николая II на основе ГФО было создано Главное военно-метеорологическое управление (ГВМУ, Главмет) [6, д. 6, л. 1, 4-4 об.]. Значительная часть коллектива Обсерватории, включая весь руководящий состав, была призвана на службу с назначением на должности в Главмете. Обсерватория столкнулась с существенными затруднениями, вызванными призывом части ее персонала в действующую армию. В таких условиях руководству Главмета пришлось приложить значительные усилия к тому, чтобы высококвалифицированные сотрудники продолжили работу по специальности, вплоть до ходатайств перед Верховным Главнокомандующим [7, с. 4].

После выхода государства из Первой мировой войны, воспользовавшись внутренними противоречиями в России, немцы усилили наступление, создав угрозу Петрограду. 31 августа 1917 г. ряд сотрудников Главмета были направлены в командировку вглубь страны «для прискания места для управления на случай эвакуации из Петрограда» [6, д. 5, л. 107]. Когда враг вышел на подступы к Пскову и Таллину, было принято решение об эвакуации важнейших военных учреждений в тыловые районы. В числе прочих был переведен в Москву и Главмет.

Опыт мобилизационной работы в годы Первой мировой войны обусловил необходимость наличия в составе Главной геофизической обсерватории (ГГО) Отдела военной гидрометеорологии. В мирное время одной из его задач был учет специалистов-метеорологов и разработка соответствующих мобилизационных предположений для Мобилизационного управления Штаба РККА. В условиях войны Обсерватории предписывалось «выделить из своего состава для Военного ведомства на основании инструкции

последнего особый орган в соответствии с потребностями и условиями военного времени» [8, с. 8].

Одним из наиболее значимых мероприятий мобилизационной работы в межвоенный период стало утверждение народным комиссаром обороны Положения о военной гидрометеорологической службе в военное время. Оно регламентировало организацию, цели и задачи военной гидрометслужбы, обязанности каждого из его органов и руководящих лиц, порядок снабжения специальным имуществом, комплектования кадрами, сбора и распространения гидрометеорологической информации (ГМИ) [9, д. 41, л. 38–42 об.].

Начиная с середины 1930-х гг. постановлениями Совета Народных Комиссаров (СНК) ежегодно утверждался и подписывался начальником Генерального штаба мобилизационный план, в котором, наряду с другими органами государственного управления, было указано количество человек, подвергающихся мобилизации от Главного управления Гидрометеорологической службы (ГУГМС) при СНК СССР. В соответствии с мобилизационным планом 1938–1939 гг. при начале войны предполагалось иметь 1760 военнотружущих гидрометеорологической специальности.

Ключевым мобилизационным мероприятием второй половины 1930-х гг. стала разработка, утверждение и распространение Указаний о порядке сбора, распределения и кодирования метеорологических и гидрологических сведений в военное время [10, д. 20, л. 75–77]. Они были разосланы в 108 метеорологических станций через территориальные органы ГУГМС и переданы на хранение в ближайшие к станциям районные исполкомы [10, д. 20, л. 104]. Оттуда они могли «быть своевременно выданы начальникам соответствующих станций» [10, д. 1, л. 9]. С получением условного сигнала

руководителю наблюдательной гидрометеорологической станции предписывалось прибыть в райисполком и получить пакет, в котором содержался порядок первоочередных действий [10, д. 20, л. 132–134].

В межвоенный период в органах управления военной и гражданской гидрометеорологической службы был разработан комплект мобилизационных документов, регламентирующих деятельность гидрометеорологов в условиях военного времени. Так, в Народном комиссариате обороны был создан Список учреждений Народного комиссариата водного транспорта СССР, подлежащих снабжению в военное время секретными кодами метеослужбы РККА. В ГУГМС при СНК СССР разработали Указания о порядке распространения гидрометеорологических данных в военное время учреждениями Единой гидрометслужбы Союза ССР [10, д. 1, л. 2-2 об., 3]. Указанная документация обладала грифом «совершенно секретно».

В конце 1930-х гг. мобилизационная работа в сфере военной гидрометеорологии, охватывавшая до тех пор лишь военные и гражданские гидрометеорологические структуры, распространилась и на Народный комиссариат путей сообщения. Так, 14 февраля 1937 г. начальник Метеорологического отдела Штаба ВВС РККА сообщил начальнику Центрального мобилизационного управления НКПС список телеграфистов железнодорожного ведомства, привлекаемых к метеорологическому обслуживанию авиации в период мобилизации [10, д. 20, л. 70].

С началом Второй мировой войны некоторые специалисты гидрометеорологической службы, имевшие опыт службы в годы Первой мировой войны, отмечали недостатки мобилизационной работы, ведущейся в СССР. Так, известный теоретик и практик военно-гидрометеорологического дела В. А. Шталь полагал,

что у метеорологов нет ясного представления о порядке их действий в условиях военного времени [10, д. 20, л. 5–7].

Первый практический опыт частичного отмобилизования был получен советской гидрометеорологической службой во время проведения Польского похода. Это позволило подтвердить недостатки предшествовавшей мобилизационной подготовки, обозначенные В. А. Шталем. К числу крупнейших из них было отнесено то, что резервные базы оставались без метеоспециалистов, и пополнить их было невозможно из-за недостатка приписного состава. В созданной метеослужбе ВВС Белорусского фронта некомплект штата достигал: метеорологов – 60%, метеонаблюдателей – 50%. Он должен был быть восполнен за счет призыва военнослужащих из запаса. Однако на все создаваемые по штатам военного времени авиационные метеорологические станции (АМС) ВВС Белорусского фронта прибыло всего три приписных специалиста. Из-за этого вновь сформированные АМС имели по одному метеорологу и одному наблюдателю [10, д. 48, л. 18–20].

Практика частичного отмобилизования была продолжена во время Советско-финляндской войны. Так, с 1 января до 1 апреля 1940 г. в порядке прохождения сбора для усиления Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) ВВС были призваны два командира запаса – инженеры-синоптики И. С. Замчалов и Колбушков. На протяжении трех месяцев они несли дежурства в качестве помощников дежурного инженера ГАМС. Специалисты были призваны из запаса и для работы в составе АМС ВВС Северо-Западного фронта. Этот опыт позволил подтвердить нехватку инженеров-синоптиков запаса и выявить их низкую подготовку [10, д. 48, л. 61].

По результатам частичного отмобилизования во время Польского похода и

Советско-финляндской войны государственными органами был проведен анализ, сделаны выводы и приняты решения, направленные на улучшение мобилизационной работы. Так, в 1940 г. в Гидрографической службе ВМФ был проведен переучет и бронирование вольнонаемного состава [11, с. 79]. 15 октября 1940 г. было принято Постановление СНК СССР № 2032-854сс, которым регламентировалось гидрометеорологическое обслуживание частей Красной армии в военное время. Обслуживание на театрах военных действий и занятой территории противника возлагалось на командование фронтов и армий [12, л. 251].

Важнейшим мобилизационным документом, принятым накануне начала Великой Отечественной войны, стал Приказ народного комиссара обороны

№ 035 от 24 января 1941 г. «О порядке обслуживания Гидрометеорологической службой СССР Наркомата обороны, Наркомвоенморфлота и НКВД СССР в мирное время». Приказ содержал пункт, регулирующий порядок перехода на положение военного времени [9, д. 63, л. 104, 111].

По результатам анализа опыта частичного отмобилизования органами государственного управления было инициировано проведение ревизии мобилизационной обеспеченности гидрометеорологической отрасли. Выявленный комплект составил 8540 чел., что позволило установить процент мобилизационной обеспеченности к штатному составу (69%) и к фактическому составу (76%) [13, д. 4, л. 20] (рис.).

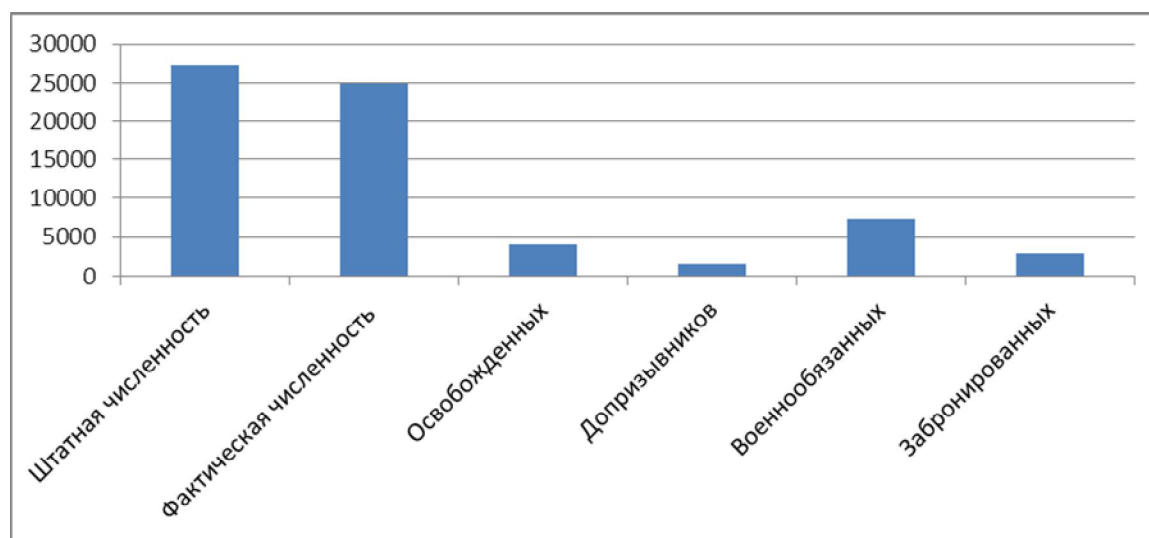

Рис. Мобилизационные показатели ГУГМС при СНК СССР по состоянию на 1 апреля 1941 г.

В ГУГМС при СНК СССР под руководством начальника отдела обороны майора Прохорова был проведен переучет мобилизационных ресурсов и разработаны важные мобилизационные документы: Список военнообязанных сотрудников, уходящих в ряды КА и ВМФ с объявлением мобилизации по состоянию на 13 июня 1941 г.; Список руководящего состава местных органов Гидрометслуж-

бы, не забронированного на военное время по состоянию на 1 апреля 1941 г.; Ведомость готовности органов Гидрометеорологической службы к переходу на секретное кодирование гидрометеорологических сведений по районам по состоянию на 1 июня 1941 г. [13, д. 4, л. 26–28, 29, 31–34] Это позволяет сделать вывод о том, что в военной и гражданской гидрометеорологических службах был про-

веден серьезный анализ полученного опыта отмобилизования, в короткие сроки приняты и реализованы на практике необходимые решения.

С началом Великой Отечественной войны мобилизационная деятельность государственных органов в сфере военной гидрометеорологии была направлена на скорейшее переориентирование работы гидрометеорологической отрасли для обеспечения интересов вооруженных сил и экономики в условиях военного времени. Наиболее важными задачами являлись сохранение и оптимальное перераспределение ее ресурсов.

Первым мероприятием стало создание Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА), в состав которого были переданы не только кадры и материальная часть, но и финансирование всех гражданских и военных органов и структур, а также все опытные и серийные заказы, размещенные ими на предприятиях СССР [14, л. 22]. Одновременно осуществлялись перевод гидрометеорологических органов и подразделений на штаты военного времени, ввод в действие руководящих документов военного времени, создание новых органов и подразделений. В контексте мобилизационной деятельности государственных органов 16 августа 1941 г. было выпущено Распоряжение СНК № 8066 рс, которым Московский гидрометеорологический институт и его Военный факультет преобразовывались в Высший военный гидрометеорологический институт (ВВГМИ КА) [15, л. 413]. Эти мероприятия сопровождалось призывом значительной части гражданских специалистов из запаса на военную службу [16, д. 1, л. 3].

Наиболее организованно мобилизационные мероприятия прошли в Гидрометеорологической службе ВМФ, чьи подразделения на морских театрах были

полностью укомплектованы, хорошо снабжены и имели необходимые запасы приборов и расходных материалов. Кроме того, в силу специфики морских театров, гидрометслужбы флотов еще в мирное время осуществляли деятельность в тесном взаимодействии с местными органами ГУГМС при СНК СССР [17, с. 219–225].

Важной составляющей мобилизационной деятельности в первом периоде войны являлось проведение мероприятий по эвакуации. Центральные и часть территориальных органов ГУГМС КА были эвакуированы в г. Свердловск [13, д. 15, л. 68]. Они были объединены в так называемую «Свердловскую группу», которую возглавил заместитель начальника ГУГМС КА полковник Я. С. Либин. Эвакуации подверглись и учебные заведения, в которых осуществлялась подготовка специалистов-гидрометеорологов.

В связи с эвакуацией органов военного управления из личного состава ГАМС ВВС были сформированы рабочие группы, которые направлялись в места эвакуации для их обеспечения. Так, большая часть коллектива была направлена в Арзамас, Куйбышев, Горький и Свердловск. Однако значительная нагрузка на сотрудников ГАМС ВВС еще до завершения 1941 г. потребовала возвращения специалистов в г. Москву [18, л. 15, 21]. Мобилизационная деятельность государственных органов в 1942–1943 гг. ограничивалась реэвакуацией центральных учреждений и учебных заведений ГУГМС КА.

С окончанием Великой Отечественной войны, но еще до завершения Советско-японской войны, руководство ГУГМС КА приступило к подготовке мероприятий по демобилизации гидрометеорологической отрасли государства. Были разработаны Положение о ГУГМС при СНК СССР на мирное время и после-

военные штаты военных гидрометеорологических подразделений. 31 августа 1945 г. начальник ГУГМС КА направил на согласование командующему ВВС материалы по организации гидрометслужбы СССР на мирное время [13, д. 116, л. 77, 78–81, 214–216].

Постановлением СНК СССР № 2439-656 от 21 сентября 1945 г. ГУГМС КА передавалось из состава Народного комиссариата обороны в состав СНК СССР. Мероприятия по передаче предписывалось завершить к 1 января 1946 г. Некоторые из центральных учреждений подлежали расформированию. Так, ВВГМИ КА был реорганизован в гражданский вуз с сохранением при нем военного факультета [13, д. 116, л. 88].

Одновременно на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 г. осуществлялась демобилизация военнослужащих центральных учреждений, передаваемых из НКО в ГУГМС СССР. Приказами начальника ГУГМС КА № 0608, 0609, 0610, 0611, 0612 от 24 декабря 1945 г. и 0613, 0614, 0615 от 26 декабря 1945 г. гражданские специалисты, призванные в начале войны на военную службу, увольнялись в запас. В конце декабря 1945 г. из ведения ГУГМС КА в НКВМФ была передана ГМС ВМФ. Передаче подлежали как ее центральные органы, так и УГМС и отделы ГМС на морских театрах [16, д. 2, л. 129, 211–280, 234].

Выводы. Подводя итог рассмотрения мобилизационной деятельности государственных органов в период с 1876 по 1945 г., можно сделать следующие выводы:

1. Первым прецедентом мобилизационной деятельности органов государственного управления было регламентирование вопросов призыва гидрометеорологических специалистов в действующую армию на случай войны в «Законе 1912 г.». Россия вступила в Первую ми-

ровую войну, не имея мобилизационных планов в сфере военной гидрометеорологии. Лишь в середине войны потребности действующей армии и флота продиктовали необходимость мобилизации гражданских гидрометеорологических институтов. В годы Гражданской войны мобилизационные мероприятия ограничились выбором места для размещения органа управления военной гидрометеорологией на случай оставления столицы и его перемещением.

2. В межвоенный период на основе опыта Первой мировой и Гражданской войн в СССР был подготовлен комплект мобилизационных документов, регламентирующих деятельность гидрометеорологической отрасли в военное время. Накануне объявления всеобщей мобилизации Великой Отечественной войны она получила опыт частичного отмобилизования в ходе Польского похода и Советско-финляндской войны. Опыт позволил государственным органам выявить недостатки мобилизационной подготовки межвоенного периода и внести в нее необходимые изменения. Благодаря этому советская гидрометеорологическая отрасль располагала к лету 1941 г. необходимым комплектом мобилизационных документов и опытом их реализации на практике.

3. В годы Великой Отечественной войны наибольший объем мобилизационной деятельности государственных органов был выполнен в ее первом периоде. В ходе всеобщей мобилизации произошло объединение военной и гражданской гидрометеорологических служб, сопровождавшееся созданием новых органов и подразделений, призывом военнослужащих запаса. Затем последовала эвакуация части учреждений в тыловые районы. Второй период охарактеризовался реэвакуацией. В конце 1945 г. военно-гидрометеорологическая организация государства была демобилизована.

4. В годы Великой Отечественной войны предыдущий опыт мобилизационной работы был в полной мере использован. Это позволило в короткие сроки переориентировать профильные ресурсы государства на решение задач гидрометеорологического обслуживания Вооруженных сил.

Практической рекомендацией по итогам исследования мобилизационной деятельности отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии служит необходимость использования опыта, полученного в период с 1876 по 1945 г., на современном этапе.

Список литературы

1. Военная метеорология. Часть 1 / И. А. Янковский, А. М. Баранов, Г. И. Коган-Белецкий [и др.]. Л.: ЛКВВИА им. А. Ф. Можайского, 1961. 190 с.

2. Блинов С. П., Мессер П. В. Столетие Гидрографического Управления // Записки по гидрографии. 1927. № LIII. С. 60–70.

3. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 733. Оп. 145. Д. 371.

4. РГА ВМФ (Рос. гос. арх. Военно-Морского флота). Ф. 404. Оп. 4. Д. 289.

5. Хайрулин К. Ш., Махоткина Е. Л. Создание военного метеорологического управления в ГФО в Первую мировую войну // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы

Международ. науч. конф. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. С. 193–196.

6. РГВИА (Рос. гос. военно-ист. арх.). Ф. 836. Оп. 1.

7. Будыко М. И. Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова после Великой Октябрьской Социалистической революции // Главная Геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова за 50 лет Советской власти. Л.: Гидрометиздат, 1967. С. 3–11.

8. Сборник важнейших актов по гидрометеорологии и контролю природной среды. М.: Гидрометиздат, 1987. 116 с.

9. РГВА (Рос. гос. военный арх.). Ф. 4. Оп. 11. Д. 41.

10. РГВА. Ф. 29. Оп. 33.

11. Мялков Э. Н. Гидрографическая служба Военно-Морского флота в предвоенный и военный период (1938–1945 гг.) // Записки по гидрографии. 2013. № 287. С. 75–83.

12. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 519.

13. ЦАМО (Центр. арх. Министерства обороны). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 4.

14. ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 608.

15. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 56 с. Д. 22.

16. ЦАМО. Ф. 50. Оп. 762081.

17. Фридрих В. Г. Гидрографы организуют службу погоды // Записки по гидрографии. 1967. № 4. С. 219–225.

18. ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11269. Д. 8.

Поступила в редакцию 28.02.19

UDC 94(47)

V. N. Pryamitsyn, Candidate of Military Science, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Russia, 119571, Moscow, Vernadsky av., 100) (e-mail: priamitzynvn@mail.ru)

MOBILIZATION ACTIVITIES OF PATRIOTIC STATE AUTHORITIES IN THE SPHERE OF MILITARY HYDROMETEOROLOGY (1876–1945)

Relevance. The article discusses the formation of views on mobilization activities. The Charter of the main physical observatory is considered as the first of the mobilization documents adopted in the field of military hydrometeorology. The article describes the practical implementation of its provisions during the First World War and the Civil War. Significant mobilization work was carried out by government agencies in the interwar period. The improvement

of mobilization preparation allowed the hydrometeorological industry to prepare for the start of the Great Patriotic War. The article reveals in detail the content of the mobilization measures of each of the periods of the Great Patriotic War.

At the present stage, the bodies of the military and civil hydrometeorological services of the Russian Federation are carrying out mobilization work. This determines the relevance of studying the experience of mobilization activities in the field of military hydrometeorology of the Russian Empire and the USSR.

The **purpose** of the article is to familiarize professional communities of historians and hydrometeorologists with relevant historical experience.

The **objective** of the article is to identify the content of the mobilization activities of domestic state authorities in the field of military hydrometeorology in the period from 1876 to 1945 and to summarize its experience.

Methodology. In preparing the article, the methodological foundations of military history science were used.

In **conclusion**, the author comes to the conclusion that during the years of the Great Patriotic War, previous experience of mobilization work was effectively used. This allowed in a short time to reorient the state's specialized resources towards solving the tasks of the hydrometeorological services of the Armed Forces.

Recommendations. To use the experience of mobilization activities of domestic state bodies in the field of military hydrometeorology, obtained in the period from 1876 to 1945, at the present stage.

Key words: mobilization training; mobilization; hydrometeorological service; Armed forces.

For citation: Pryamitsyn V. N. Mobilization activities of patriotic state authorities in the sphere of military hydrometeorology (1876–1945) // *Proceedings of the of Southwest State University. Series: History and Law.* 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 178–186.

References

1. Yankovskij I. A., Baranov A. M., Kogan-Beleckij G. I., eds. *Voennaya meteorologiya*. Pt. 1. Leningrad, LKVVIA im. A. F. Mojajskogo Publ., 1961. 190 p.

2. Blinov S. P., Messer P. V. Stoletie Gidrograficheskogo Upravleniya. *Zapiski po gidrografii*, 1927, No LIII, pp. 60–70.

3. RGIA (Ros. gos. ist. arh.), f. 733, op. 145, d. 371.

4. RGA VMF (Ros. gos. arh. Voenno-Morskogo flota), f. 404, op. 4, d. 289.

5. Hajrulin K. Sh., Mahotkina E. L. Sozdanie voennogo meteorologicheskogo upravleniya v GFO v Pervuyu mirovuyu vojnu. *Pervaya mirovaya vojna i problemy Rossijskogo obshchestva. Materialy Mekhzhdunar. nauch. konf.* St. Petersburg, GPA Publ., 2014, pp. 193–196.

6. RGVIA (Ros. gos. voenno-ist. arh.), f. 836, op. 1.

7. Budyko M. I. Glavnaya geofizicheskaya observatoriya im. A. I. Voejkova posle Velikoj Oktyabr'skoj Socialisticheskoy revolyucii. *Glavnaya Geofizicheskaya ob-*

servatoriya im. A. I. Voejkova za 50 let Sovetskoy vlasti. Leningrad., Gidrometizdat Publ., 1967, pp. 3–11.

8. *Sbornik vazhnejshih aktov po gidrometeorologii i kontrolyu prirodnoj sredy.* Moscow, Gidrometizdat Publ., 1987. 116 p.

9. RGVA (Ros. gos. voennyj arh.), f. 4, op. 11, d. 41.

10. RGVA, f. 29, op. 33.

11. Myagkov Eh. N. Gidrograficheskaya sluzhba Voenno-Morskogo flota v predvoennyj i voennyj period (1938–1945 gg.). *Zapiski po gidrografii*, 2013, no. 287, pp. 75–83.

12. GARF (Gos. arh. Rossijskoj Federacii), f. R-5446, op. 1v, d. 519.

13. CAMO (Centr. arh. Ministerstva oborony), f. 35, op. 11264, d. 4.

14. CAMO, f. 217, op. 1221, d. 608.

15. GARF, f. r-5446, op. 56 s, d. 22.

16. CAMO, f. 50, op. 762081.

17. Fridrik V. G. Gidrografy organizuyut sluzhbu pogody. *Zapiski po gidrografii*, 1967, no. 4, pp. 219–225.

18. CAMO, f. 35, op. 11269, d. 8.

УДК 796.011(470.323)(091) "1804 -1905" +37.037.1(470.323)(091) "1804 -1905"

О. М. Цуканова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru)

Г. Г. Карпова, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: karпова.gelika@yandex.ru)

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1804–1905 ГОДЫ)

***Актуальность** нашего исследования определяется необходимостью выяснить сложные механизмы развития такой важной сферы общественной жизни, какой является физическая культура и спорт.*

***Целью** исследования является изучение истории организации физического воспитания в учебных заведениях Курской губернии с 1804 по 1905 год.*

***Главные задачи** нашего научного поиска сформулируем следующим образом: проанализировать исторические материалы, связанные с организацией физического воспитания, и дополнить новыми фактами и событиями общероссийские тенденции; подчеркнуть местные особенности; выявить проблемы развития физического воспитания в учебных заведениях Курской губернии и России в целом.*

***Методологической основой** исследования послужили: принцип историзма; методы объективности и научности; хронологический, историко-сравнительный подходы.*

***Результаты научного** поиска позволили сделать определённые выводы об организации в XIX веке физического воспитания в военных и гражданских учебных заведениях России под давлением педагогической общественности.*

***Выводы.** Наряду с городами Санкт-Петербурге и Москва в российской провинции (в частности в Курской губернии) назрела необходимость внедрения в практику деятельности образовательных заведений такой формы работы с учащимися, как физическое воспитание. В 1862 году было издано официальное постановление Министерства народного просвещения о введении гимнастики в гимназиях. На распространение гимнастики в школах большое влияние оказали военные реформы 1870-х годов. С помощью гимнастики предполагалось решить задачу физической подготовки призывников, поэтому руководители военного ведомства настаивали на обязательности этих занятий во всех видах средних школ. С 1872 года гимнастика стала одним из обязательных предметов в реальных училищах и преподавалась для всех учащихся бесплатно.*

***Ключевые слова:** физическое воспитание; физическая подготовка; гражданские и военные учебные заведения; гимнастика.*

Ссылка для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Организация физического воспитания в учебных заведениях Курской губернии (1804–1905 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 187–195.

Введение

В нашей стране длительное время не уделялось должного внимания дореволюционной истории такой важной сферы общественной жизни, какой является физическая культура и спорт. Считалось, что зарождение массовой физической культуры и спорта произошло уже в советскую эпоху. Однако сегодня в отечественной историографии окончательно утвердилось мнение, что именно в конце XIX – начале XX в. в России шёл процесс бурного развития физкультурно-спортив-

ного движения. Решающую роль в этом процессе, безусловно, сыграли Санкт-Петербург и Москва. Но и в провинциальных городах Российской империи развивались отдельные виды спорта, возникали спортивные общества и союзы, проводились соревнования, активно обсуждались и вводились в практику работы образовательных учреждений уроки гимнастики, а также другие формы физического воспитания во внеурочное время. Накопленный за сто лет исторический опыт нашего государства по организации физического воспитания в учебных заве-

дениях, безусловно, призван быть использован и в XXI веке.

Методология. Руководствуясь принципом историзма, мы использовали в нашем исследовании методы объективности и научности; хронологический и историко-сравнительный подходы.

Результаты и обсуждение. Региональная история физической культуры и спорта позволяет существенно дополнить новыми фактами и событиями общероссийские тенденции, подчеркнуть местные особенности, обратить внимание на противоречивость развития физкультурно-спортивного движения в пределах различных территорий. Не является исключением и Курская губерния, где издревле существовали традиции народной физической культуры, а в конце XIX – начале XX в. зарождался и развивался спорт, создавались спортивные общества, работали учебные заведения, в которых применялись передовые методы физического воспитания учащихся.

Физическое воспитание детей и юношества в учебных заведениях царской России имело два основных этапа становления и развития. Первый этап – с 1804 г. по 1905 г. – характеризовался постановкой физического воспитания только средствами школьных учебных занятий; второй этап – с 1906 г. по 1917 г. – включал наряду с учебными занятиями развитие внешкольной работы в форме детского самодеятельного движения [1].

На первом этапе – с 1804 по 1905 г. (именно данный этап представляет интерес в историческом контексте) – происходило внедрение занятий физической культурой в учебный процесс образовательных учреждений.

Идеи применения различных физических упражнений, необходимых для воспитания гармонично развитого чело-

века, начинают проникать в Россию из Западной Европы в эпоху Екатерины II. В Россию приглашаются иностранные учителя гимнастики, фехтования и танцев для преподавания в некоторых привилегированных учебных заведениях, где воспитывались дети дворян [2].

В 1787 г. Курск посетила императрица Екатерина II, пожертвовавшая на нужды образования свыше трех тысяч рублей. Это послужило началом развития элементов попечительства и меценатства. Так, в 1793 г. в Курском и Георгиевском училищах вместе с мальчиками стали учиться и девочки. Одновременно открывались частные пансионы для них. Одним из первых в Курске считается пансион француза Ренеда. В нем девочки изучали французский и немецкий языки, танцы и жили на полном содержании.

В пансионе Е. Карловой программа обучения девочек была уже более насыщенной. Там, кроме иностранных языков, преподавали такие предметы, как всеобщая и российская история, арифметика, чистописание, география, рисование, искусство, музыка, женское рукоделие.

Подобные программы были характерны и для женских дворянских школ и пансионов Полетаевой, баронессы фон Гейкинг, Вик, Крамер, Балевиц, Эберггард.

В то же время женское образование в губернии развивалось довольно медленно. Так, в середине XIX в. существовало 265 светских учебных заведений, в которых обучалось более 10 тысяч мальчиков, женских же заведений было всего 24 и обучалось в них всего 647 девочек [3, с. 330].

Важным культурным событием для губернии было открытие в 1808 г. мужской гимназии в Курске. Она была построена на пожертвования дворянства и включала изучение начальных знаний по математике, физике, истории, закону Бо-

жию, философии, иностранным языкам и др. Любопытен состав слушателей гимназии: из 626 человек 141 были детьми потомственных дворян, 154 – детьми мелких дворян и чиновников, 97 – мещан и цеховых, 78 – крестьянскими детьми. Гимназисты часто выезжали в Знаменскую рощу, там они играли в футбол и занимались гимнастикой [4].

На совершенствование учебно-воспитательного процесса большое влияние оказал приезд в гимназию в 1842 г. императора Николая I, в 1859 г. – императора Александра II, в 1886 г. – императора Александра III. Гимназия заложила и продолжила прекрасные традиции отечественной педагогики: актовые речи лучших педагогов школы по актуальным проблемам теории и практики, произносимые часто на иностранном языке; высокая нравственность; целенаправленная работа со способными учениками и т. п. Эту гимназию закончили такие видные деятели страны, как С. А. Лавочкин – авиаконструктор, М. И. Гуревич – один из создателей самолета «МИГ», А. Г. Уфимцев – изобретатель, В. В. Алехин – академик и др. [4]

С изданием 10 мая 1860 г. «Положения о женских училищах 1-го и 2-го разряда» в России было положено начало процессу создания правильно организованных государственных женских средних учебных заведений.

Определенное развитие получило женское образование, которое связано с Мариинской женской гимназией, открывшейся в 1861 г. Она, как и другие учебные заведения, открылась на пожертвования, в том числе князя В. Барятинского, губернатора П. Бабикова и др. В течение 20 лет эта гимназия давала общее среднее образование, а позже специальное педагогическое. Она располагалась в нынешнем здании педагогического университета, и ее первым директором

стал Д. Жаворонков, сделавший много полезного для народного образования Курской губернии.

Однако в дореформенный период народное образование, особенно начальное, было развито довольно слабо. Так, в 1864 г. в губернии насчитывалось всего лишь 40 начальных школ, и вовсе их не было во Льговском, Рыльском и Тимском уездах. Лишь некоторые школы губернии имели собственные здания. В основном большинство их располагалось в приспособленных или арендованных помещениях. Занятия физкультурой часто проходили в обычных классах и ученики выполняли самые простейшие упражнения гимнастики.

В пореформенной России общественный подъем нашел свое выражение и в вопросах педагогики. В это время в программу учебных заведений стали включать дисциплины, связанные с вопросами физического воспитания. В 1862 г. было издано официальное постановление Министерства народного просвещения о введении гимнастики в гимназиях. В ноябре 1864 г. вышел новый устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. В нем предусматривалось введение в штат учебных заведений преподавателей гимнастики, а также приобретение гимнастических снарядов. Кроме того, врач был обязан наблюдать за проведением занятий и правильным физическим развитием учащихся. В то же время гимнастика оставалась необязательным предметом и проводилась только для желающих [5].

Бурный промышленный подъем, наблюдавшийся в нашей стране во второй половине XIX в., заставил зарождающуюся российскую буржуазию думать о том, чтобы дать своим детям образование, открывавшее им возможность поступать в технические, торговые и промышленные вузы.

Необходимой ступенькой для поступления в такие институты явились реальные училища. 8 декабря 1872 г. на заседании Курского губернского земского собрания обсуждался вопрос об открытии в Курске реального училища. Городской голова П. А. Устимович сообщил собранию, что городское общество уже пожертвовало для размещения будущего реального учебного заведения дом, в котором ранее жил губернский предводитель дворянства Григорьев, а позже размещалось городское общественное управление. Почетным попечителем был избран князь Салтыков-Головкин, которому одновременно была адресована просьба лично в Санкт-Петербурге ходатайствовать об открытии реального училища. И в 1873 г. в Курске реальное училище было открыто.

В учебном плане училища главное внимание уделялось изучению математики, естествознания, физики, рисования и черчения. Как видим, гимнастика не преподавалась как обязательный предмет. Срок обучения длился семь лет. До шестого класса преподавание шло по единой программе, позже учащихся делили на два потока. В первом молодежь готовили к поступлению в технические вузы, а во втором – в специальные учебные заведения. Это были дети курских дворян, купцов и мещан [6].

Важную роль в жизни училища играл попечительский совет, состоявший из видных государственных и земских деятелей Курской губернии. Сюда вошли А. И. Рошток, Е. Д. Марков, Н. П. Кладищев, Н. К. фон-Рутцен, П. Н. Стрелюхов, Н. А. Полянский [1]. В 1913 г. старейшему реальному училищу г. Курска было присвоено имя знаменитого русского полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

В 1870 г. физическое воспитание заняло свою нишу в образовательном про-

цессе: гимнастику ввели в программу учительских семинарий. С 1871 г. она становится обязательной для пансионеров (детей, живущих во время учебы не дома, а при учебных заведениях), а с 1872 г. гимнастика стала одним из обязательных предметов в реальных училищах и преподавалась для всех учащихся бесплатно.

Курская земская учительская школа была открыта 2 октября 1873 г. и находилась в ведении Харьковского учебного округа. К началу занятий в ней насчитывалось 44 ученика, из которых 36 человек были стипендиатами Курского губернского земства, а 8 – вольнослушателями. К концу первого года в школе насчитывалось 38 воспитанников. По условиям они разделялись так: 25 – из духовенства, 10 – из крестьян, 10 – из мещан. Руководил школой педагогический совет, состоявший из преподавателей. Председатель совета назначался попечителем Харьковского учебного округа. Содержалось учебное заведение на средства губернской земской управы. В школу принимались лица мужского пола не старше 19 лет, сдавшие вступительные экзамены [7].

В уставе Курской земской учительской школы отмечалось: «Высшей целью образования должно быть утверждение воспитанников в святых истинах нравственной веры, возбуждение в них любви к отечеству; вместе со строгой нравственностью должно вселить уважение к закону, гражданскому порядку и теплую любовь к своему делу» [6, с. 2].

Поступившие в школу воспитанники изучали следующие предметы: закон Божий, церковно-славянский и русский языки, математику, историю, географию, естествоведение, педагогику, пение, черчение, рисование, чистописание, гимнастику, гигиену, огородничество и садоводство. Директор учебного заведения Иван Иванович Шалфеев настоятельно советовал практикантам на всех уроках

отводить не менее пяти минут на пение учащихся, непременно совмещенное с гимнастикой. Он постоянно искал новые приемы повышения качества учебно-воспитательного процесса, отдавая предпочтение воспитанию. Курс обучения в школе продолжался три года. После окончания школы воспитанники получали свидетельства на звание учителя народного училища. В деятельности учебного заведения заметную роль играли педагогические собрания, которые позже именовались конференциями. На них присутствовали учащиеся выпускного класса и педагоги. Почти постоянными участниками конференций были директор учительской школы И. И. Шалфеев и преподаватель базового училища С. Л. Кунцевич.

В 1880–1881 учебном году в Курской земской учительской школе по инициативе Курского губернского земского собрания и при личном участии И. И. Шалфеева было введено обучение столярному, токарному и переплетному ремеслам. В 1882 г. открылась и слесарная мастерская. Каждый воспитанник по личному выбору должен был пройти обязательное обучение одному из названных ремесел [6, с. 9].

Физическое воспитание до революции осуществлялось двумя государственными ведомствами: Военным министерством и Министерством просвещения, т. е. в армии, военных учебных заведениях, кадетских корпусах и позднее в гимназиях [8].

На распространение гимнастики в школах большое влияние оказали военные реформы 1870-х гг. С помощью гимнастики предполагалось решить задачу физической подготовки призывников, поэтому руководители военного ведомства настаивали на обязательности этих занятий во всех видах средних школ. Для преподавания в 1873 г. было издано «Ру-

ководство гимнастики для сельских и народных школ», а в 1874 г. – книга «Гимнастическая школа Ниггелера». Она включала раздел «порядковых и вольных» упражнений, в которых большое место отводилось строевым упражнениям, направленным на воспитание дисциплины и организованности учащихся [9, с. 11–12]. Вследствие этого почти везде гимнастику вели офицеры и унтер-офицеры, назначенные для этих целей из военного ведомства, поэтому гимнастика очень скоро была фактически заменена военным строем.

Отсутствие необходимого количества квалифицированных преподавателей привело к тому, что в 1876 г. из-за перегруженности учебного плана в Петербургском учебном округе, а затем и в других округах часы на военную подготовку и гимнастику отменили и предложено было проводить ее в большую перемену ежедневно по полчаса. А так как преподаватель не мог охватить одновременно все классы гимназии, то фактически гимнастику (в основном, конечно, строевые упражнения) проводили в каждом классе по одному разу в неделю [10].

В 1888 г. военный министр П. С. Ванновский вновь инициировал ведение гимнастики в мужских учебных заведениях, что и было сделано министром народного просвещения в 1889 г. специальной инструкцией и программой преподавания гимнастики. Обязательным предметом гимнастика становилась только в средних учебных заведениях, а в начальных училищах она могла вводиться там, где на это найдутся средства для оплаты преподавателей. Главной целью физического воспитания объявлялось укрепление здоровья и содействие физическому развитию. В инструкции к циркуляру о введении гимнастики все упражнения делились на четыре отдела:

1) вольные движения, приучающие ученика управлять своими частями тела и с укреплением физических сил вырабатывать рациональные движения;

2) упражнения с подвижными снарядами: палками, мячами, деревянными шарами и др.;

3) упражнения на неподвижных снарядах: шесте, канате, наклонной лестнице, имеющие целью «отягощением собственного тела исполнять движения с наименьшею затратою сил»;

4) отдел строевых упражнений, дающих основы воинской дисциплины.

В апреле 1889 г. была утверждена инструкция к программе преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях. В ней указывалось, что «упражня мальчиков в самых простых движениях и построениях, принятых в русских войсках, гимнастика знакомит детей с первоначальными основаниями воинской дисциплины...». Строевые упражнения занимали около половины всех учебных занятий, предназначенных для физического воспитания в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Также отмечалась необходимость, наряду с гимнастикой, подвижных игр, экскурсий, давались указания по их проведению [11, с. 8].

Однако на практике занятия гимнастикой сводились к строевым упражнениям, как и ранее. Основной контингент преподавателей гимнастики составляли отставные унтер-офицеры, под руководством которых занятия физическими упражнениями превращались в военную муштру. Негативная сторона чрезмерной милитаризации физического воспитания была очевидна передовой части военной и педагогической общественности, таким как А. Д. Бутовский, Н. С. Филитис и др., поэтому начался процесс разработки теоретических и практических основ физического воспитания для учащихся.

А. Д. Бутовский (1838–1917) внес большой вклад в развитие теоретических и практических основ физического воспитания для гражданских учебных заведений [12]. Кадровый военный, он в 40 лет стал полковником, в 53 года – генерал-майором, затем генерал-лейтенантом и генералом от инфантерии. А. Д. Бутовский был награжден многими орденами. Находясь на службе в армии, с 80-х годов XIX века занимался, главным образом, теоретическими изысканиями и организационной деятельностью по военно-физической подготовке войск, особенно во время работы в Главном Управлении военно-учебных заведений. Там он разработал вопросы постановки физического воспитания в военных, а также гражданских учебных заведениях, исследуя проблемы теории и истории физического воспитания. А. Д. Бутовским было опубликовано несколько трудов: «Наставления для производства гимнастических упражнений в гражданских заведениях» (1890), «Наставления для производства гимнастических упражнений с подвижными снарядами» (1891), к которым он относил мяч, деревянный шар, палки; «Афины весной 1896 года» (1896), «Полевая гимнастика в государствах Западной Европы» (1897), «Записки по истории и методике телесных упражнений» (1913), «Шведская педагогическая гимнастика» и др. [13, с. 141]

Таким образом, несмотря на трудности организации физического воспитания в учебных заведениях России и Курской губернии в частности физическая культура пробивала себе дорогу под влиянием передовой общественности, которая была нацелена на укрепление здоровья и содействие физическому развитию молодого поколения.

Выводы

Проведённый в научном исследовании анализ исторических событий, произошедших в России и Курской губернии

в частности, которые затронули процесс организации физического воспитания в учебных заведениях, помог дополнить новыми фактами общероссийские тенденции и подчеркнуть местные особенности становления и развития физкультурно-спортивного движения в 1804–1905 гг.:

– 1862 г. – издано официальное постановление Министерства народного просвещения о введении гимнастики в гимназиях;

– 1864 г. – в некоторых учебных заведениях Курской губернии занятия физкультурой, введённой в программу обучения, часто проходили в обычных классах и ученики выполняли самые простейшие гимнастические упражнения;

– 1870 г. – физическое воспитание заняло свою нишу в образовательном процессе: гимнастику ввели в программу учительских семинарий. С 1871 г. она становится обязательной для пансионеров, а с 1872 г. гимнастика стала одним из обязательных предметов в реальных училищах и преподавалась для всех учащихся бесплатно;

– 1873 г. – открылась Курская земская учительская школа, где наряду с другими предметами преподавали гигиену и гимнастику.

Проблемы развития физического воспитания в учебных заведениях Курской губернии и России в целом заключались в том, что на распространение гимнастики в школах большое влияние оказали военные реформы 1870-х гг. С помощью гимнастики предполагалось решить задачу физической подготовки призывников. Вследствие этого почти везде гимнастику вели офицеры и унтер-офицеры, назначенные для этих целей из военного ведомства, поэтому гимнастика очень скоро была фактически заменена военным строем, муштрой.

Отсутствие необходимого количества квалифицированных преподавателей привело к тому, что в 1876 г. из-за перегруженности учебного плана в Петербургском учебном округе уроки гимнастики отменили, оставив для физических упражнений полчаса на перемене.

В апреле 1889 г. была утверждена инструкция к программе преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях. Главной целью физического воспитания объявлялось укрепление здоровья и содействие физическому развитию, однако на деле строевые упражнения занимали около половины всех учебных занятий, предназначенных для физического воспитания. Основной контингент преподавателей гимнастики составляли оставшие унтер-офицеры, т. к. не было подготовленных специалистов-преподавателей физического воспитания.

Передовая часть военной и педагогической интеллигенции (А. Д. Бутовский, Н. С. Филитис и др.) инициировала процесс разработки теоретических и практических основ физического воспитания для учащихся военных и гражданских учебных заведений. Благодаря данному факту в начале XX в. наметилось оживление общественного интереса к проблемам физического воспитания подрастающего поколения. В учебных заведениях стали больше уделять внимания физическому воспитанию, возникли и развивались разнообразные формы внешкольной работы, все больше учащихся активно вовлекались в занятия физическими упражнениями и спортом.

Рекомендации

Изложенные в научной статье исторические материалы содержат важные и перспективные, на наш взгляд, аспекты для дальнейшего исследования организации, развития и совершенствования физического воспитания в учебных заведениях России различного уровня.

Список литературы

1. Григорьев А. Е. Физическое воспитание в России (XIX – начало XX века): исторический очерк. СПб.: [Б. и.], 1994. 80 с.
2. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта / под ред. В. В. Столбова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФКиС, 2000. 423 с.
3. История и современность Курского края / под общ. ред. Б. Н. Королева. Курск: Курский ПКПП, 2012. 551 с.
4. Василиади И. В. Футбол Соловьиного края: история, люди, события. Курск: Хорошие новости, 2008. 319 с.
5. Зуев В. Н., Логинов В. А. Нормативное правовое регулирование отечественной сферы физической культуры (история и современность). М.: Советский спорт, 2008. 260 с.
6. Амоскин А. С. Курские реальные училища / Курский государственный областной музей археологии. Курск, 2001. 8 с.
7. ГАКО (Гос. арх. Курской обл.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5260. Л. 4.
8. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-спортивного движения в Курской губернии в дореволюционный период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №2 (23). С. 147–157.
9. Крадман Д. А. Физическая культура в период развития капитализма (вторая половина XIX века) // Очерки по истории физической культуры: сб. тр. Вып. 5 / отв. ред. Н. И. Торопов [и др.]. М.: ФКиС, 1950. С. 11–12.
10. Зеликсон Е. Ю. Очерки по истории физической культуры в СССР. М.-Л.: Гос. НИИ ФКиС, 1940. 175 с.
11. Карпушко Н. А. Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре. М.: ГЦОЛИФК, 1992. 61 с.
12. Бутовский А. Д. Наставление по производству гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Киев: Олимпийская литература, 2009.
13. Деметер Г. С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Советский спорт, 2005. 324 с.

Поступила в редакцию 11.02.19

UDK 796.011(470.323)(091) "1804 -1905" +37.037.1(470.323)(091) "1804 - 1905"

O. M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: cukanov_oleg@inbox)

G. G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: karpova.gelika@yandex.ru)

ORGANIZATION OF PHYSICAL EDUCATION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF KURSK PROVINCE (1804 – 1905 GG)

*The **relevance** of our study is determined by the need to find out the complex mechanisms of development of such an important sphere of public life, which is physical culture and sport. The aim of the study is to study the history of the organization of physical education in educational institutions of Kursk province from 1804 to 1905.*

The main tasks of our scientific search will be formulated as follows: analyze historical materials related to the organization physical education, and to add new facts and events all-Russian trends; to emphasize local peculiarities; to identify the problems of development of physical education in educational institutions Kursk province and Russia as a whole.

The **methodological** basis of the study was the principle of historicism; methods of objectivity and science; chronological, historical and comparative approaches.

The **results** of scientific research allowed us to draw certain conclusions about organizations in the XIX century of physical education in military and civil educational institutions of Russia under the pressure of the pedagogical community. Along with the cities of St. Petersburg and Moscow in the Russian province (in particular, in Kursk province) there is a need for implementation in practice activities of educational institutions of such form of work with students as physical education. In 1862, an official decree was issued Ministry of education on the introduction of gymnastics in high schools. Upon the spread of gymnastics in schools was greatly influenced by the military reforms of the 1870s. With the help of gymnastics was supposed to solve the problem physical training of recruits. Therefore, the heads of the military Department they insisted on the obligation of these classes in all types of secondary schools. Beginning from 1872 year gymnastics has become one of the compulsory subjects in high school and it was taught to all students free of charge.

Key words: physical education, physical training, civil and military schools, gymnastics.

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Organization of physical education in educational institutions of Kursk province (1804–1905 gg). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp.187–195 (in Russ.).

References

1. Grigor'ev A. E. *Fizicheskoe воспитание в России (XIX – nachalo XX veka): istoricheskij ocherk*. St. Petersburg, 1994. 80 p.
2. Stolbov V. V., Finogenova L. A., Mel'nikova N. Yu. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta*; ed. by V. V. Stolbov. 3th ed. Moscow, FKIS Publ., 2000. 423 p.
3. *Istoriya i sovremennost' Kurskogo kraja*; ed. by B. N. Korolev. Kursk, Kurskij PKiPP Publ., 2012. 551 p.
4. Vasiliadi I. V. *Futbol Solov'inogo kraja: istoriya, lyudi, sobytiya*. Kursk, Horoshie novosti Publ., 2008. 319 p.
5. Zuev V. N., Loginov V. A. *Normativnoe pravovoe regulirovanie otechestvennoj sfery fizicheskoy kul'tury (istoriya i sovremennost')*. Moscow, Sovetskij sport Publ., 2008. 260 p.
6. Amoskin A. S. *Kurskie real'nye uchilishcha*. Kursk, Kurskij gosudarstvennyj oblastnoj muzej arheologii, 2001. 8 p.
7. GAKO (Gos. arh. Kurskoj obl.), f. 1, op. 1, d. 5260, l. 4.
8. Cukanova O. M. Razvitie fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kurskoj gubernii v dorevolucionnyj period. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 147–157.
9. Kradman D. A. Fizicheskaya kul'tura v period razvitiya kapitalizma (vtoraya polovina XIX veka). *Ocherki po istorii fizicheskoy kul'tury*. Sb. tr. Is. 5; ed. by N. I. Toropov, eds. Moscow, FKIS Publ., 1950, pp. 11–12.
11. Karpushko N. A. *Istoriko-teoreticheskij analiz shkol'nyh programm po fizicheskoy kul'ture*. Moscow, GCOLIFK Publ., 1992. 61 p.
10. Zelikson E. Yu. *Ocherki po istorii fizicheskoy kul'tury v SSSR*. Moscow, Leningrad, Gos. NII FKIS Publ., 1940. 175 p.
12. Butovskij A. D. *Nastavlenie po proizvodstvu gimnasticheskikh uprazhnenij v grazhdanskih uchebnyh zavedeniyah. Sobranie sochinenij*. Vol. 2. Kiev, Olimpijskaya literatura Publ., 2009.
13. Demeter G. S. *Ocherki po istorii otechestvennoj fizicheskoy kul'tury i olimpijskogo dvizheniya*. Moscow, Sovetskij sport Publ., 2005. 324 p.

УДК 93/94 (35.087.43.343.163)

А. В. Кульчитцкий, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: kulchitckij@mail.ru)

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Актуальность темы определяется историческим опытом исследования в области социального обеспечения российским государством своих граждан.

Цель исследования – изучение истории деятельности эмеритальной кассы Министерства юстиции Российской империи, созданной в 1885 году для сотрудников, уходящих в отставку; исследование принципов выплат эмеритальных пенсий, имевших накопительный характер.

Главными задачами исследования являются: определение структуры работы кассы Министерства юстиции; выявление различий функций в делопроизводстве эмеритальной кассы изучаемого ведомства (в частности управления, входящего в состав департамента Министерства юстиции), комитета и совета кассы.

Методологической основой исследования послужили исторический, компаративный и типологический подходы.

Результаты. Эмеритальная касса ведомства Министерства юстиции была образована 1 июля 1885 года и имела основной целью обеспечить отставных своих служащих, а также их семьи средствами к существованию после выхода на пенсию путем отчислений в эмеритальный фонд с заработной платы и иного содержания самих работников. Все финансовые средства кассы являлись собственностью Министерства юстиции и ее участников. Данные денежные накопления могли тратиться на пенсионные выплаты и на различные расходы, связанные с управлением самой кассы.

Основными *выводами* исследования являются следующие: этот вид пенсионных касс реализовывал одну из социальных задач Российской империи XIX – начала XX века, создавая, помимо государственных пенсий, эмеритурную в виде определенных финансовых дополнений к уже имеющимся пенсиям тем участникам, которые не могли получить данные выплаты из казны. В итоге эмеритальные пенсии для служащих Министерства юстиции существенно улучшили социальное положение бывших служащих изучаемого ведомства, а также членов их семей в независимости от тех финансовых выплат, которые могли им следовать на основании высочайших повелений, общероссийских законов и уставов.

Ключевые слова: общероссийское пенсионное законодательство; эмеритальная касса; эмеритальная специфика; Министерство юстиции.

Ссылка для цитирования: Кульчитцкий А. В. Из опыта работы эмеритальной кассы Министерства юстиции Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 196–201.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации проводится пенсионная реформа. Безусловно, накопленный опыт в истории нашего государства по пенсионному обеспечению, особенно процесс работы ведомственных эмеритальных касс (в данном случае Министерства юстиции), может и должен быть использован и в XXI веке.

Цель исследования – изучение истории работы эмеритальной кассы Министерства юстиции Российской империи, используемой ведомством Министерства юстиции в отношении своих сотрудников, уходящих в отставку, и изучение истории пенсионного обеспечения этих сотрудников вышеназванной кассой с 1885 г.

посредством освещения принципов эмеритальных пенсий, имевших накопительный характер.

Задачами данной работы являются:

- определение роли в работе эмеритальной кассы ведомства комитета Министерства юстиции;
- выявление основных обязанностей в управлении эмеритурой комитета Министерства юстиции;
- определение главных структурных основ в работе совета эмеритальной кассы.

Методология

Методологическую основу данного исследования составляют исторический, компаративный и типологический подходы.

Результаты и обсуждение. В Российской империи в 1885 г. была создана эмеритальная касса ведомства Министерства юстиции, целью которой являлось обеспечение пенсионными выплатами разных чинов ведомства, уходящих в отставку, но ранее участвовавших посредством своих финансовых взносов в капитализацию кассы, а также членов их семей. Указанные финансовые средства выплачивались в независимости от тех денежных сумм, которые могли получать отставные сотрудники на основании высочайших повелений или общероссийских законов и уставов [1, с. 49]. Ранее назначение пенсий чинам ведомства Министерства юстиции зачастую зависело от «царской милости» [2, с. 154].

Первоначально участники кассы отчисляли в эмеритуру 4% со всего заработка, а через 10 лет данный процент вычета увеличился до 5% в год [3, с. 107; 4, с. 16]. Уже к лету 1895 г. капитализация кассы выросла с 6 млн руб. до 17 млн руб. [3, с. 113; 5, с. 3–6] В начале XX в. данные суммы еще существенно повысились до 32 млн руб. к 1907 г. и до 35 млн 662 тыс. руб. к началу 1909 г. [6, с. 1; 7, с. 1]

Правом на эмеритуру из ведомства могли рассчитывать как сами члены кассы, так и их семейства (жена, дети и мать) [3, с. 18].

Данные пенсионные выплаты делились на классы, а далее на разряды в зависимости от количества лет участия в кассе: 1-й – по выслуге в ведомстве 35 и более лет или по сокращенным срокам по причинам тяжелых заболеваний или увечий на работе; 2-й – от 25 до 35 лет. Если стаж был меньше 25 лет, то считалось как 20 и так далее соответственно [5, с. 38].

Подобные пенсии получали: архивариус Курского окружного суда Д. Дагаев со стажем по ведомству Министерства юстиции 24 года и уволенный по болезни в 1899 г., он заслужил пенсион в размере 1287 руб. в год из Курского губернского казначейства [8, с. 1–5]; статский советник К. Бирдской, председатель упразд-

ненного съезда мировых судей и бывший мировой судья первого участка Курского мирового округа, за 25-летнюю службу была назначена повышенная пенсия – 571 руб. в год [9, с. 1–26].

Всею работой эмеритальной кассы по ведомству Министерства юстиции распоряжалось управление (входящее в состав департамента Министерства юстиции), комитет и совет кассы.

В обязанности управления эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции входили следующие действия:

- рассмотрение основных дел по эмеритальным пенсиям;
- изучение ходатайств по начислению пенсий;
- разработка предположений по выгодному хранению капиталов;
- контроль над своевременным поступлением доходов, как запланированных, так и случайных;
- ведение всех денежных оборотов и составление финансовых отчетов;
- сбор, анализ, составление подробных данных о численности, возрасте, качестве работы членов кассы.

Председатель комитета эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции назначался лично министром юстиции, а сам комитет состоял из высших руководящих работников данного ведомства, избираемых сроком на один год.

Комитет эмеритальной кассы имел следующие обязанности:

- назначение пенсий, за исключением ряда случаев (тяжелой болезни или смерти);
- проведение продаж, связанных с движимым и недвижимым имуществом;
- размещение свободных денежных средств на ценных бумагах;
- контроль над денежными отчетами и проведение аудита.

Все решения данного комитета принимались с помощью голосования; в случае равенства голосов мнение председателя было решающим.

Совет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции состоял из

товарища министра, который и был председателем; из представителей департаментов правительствующего Сената; из обер-прокурора одного из кассационных департаментов или общего их собрания по назначению министра юстиции, управляющего канцелярией; из старшего председателя С.-Петербургской судебной палаты; из прокурора той же палаты и председателя С.-Петербургского окружного суда.

На заседания совета всегда приглашали министра юстиции и других высших должностных лиц данного ведомства, присутствие которых признавалось полезным. В случае отсутствия министра председательствующим в совете был товарищ министра или старший в чине из присутствующих. С докладом о состоянии дел в совете выступал управляющий делами кассы, а обязанности секретаря возлагались на старшего делопроизводителя управления.

Совет эмеритальной кассы занимался следующими делами:

- контроль над работой учреждений, осуществляющих эмеритальное делопроизводство и отчетность;
- доскональным изучением финансовой отчетности, а в случаях особой необходимости – проведением ревизий;
- рассмотрением жалоб по делопроизводству о назначении пенсионеров;
- изучением дел о финансовых убытках кассы;
- назначением пенсионных выплат в случаях болезни как самим участникам, так и их семьям;
- обсуждением различных вопросов, касающихся устава кассы.

Для принятия постановлений совета необходимо было участие в заседании не менее семи её членов. Постановления принимались большинством присутствующих; в случае равенства голосов имел перевес голос председателя. Постановления совета в отношении участников

кассы считались окончательными и обжалованию не подлежали.

Для обозрения всех своих действий, для ревизии и финансового аудита каждые пять лет совет кассы назначал особую комиссию. Комиссия делала заключение о результатах проверки и представляла предположения на будущее. В случае необходимости приглашались дополнительные эксперты. Обязательное назначение через каждое пятилетие особой проверочной комиссии не ограничивало право совета кассы назначать дополнительную проверку в любое время (данные услуги оплачивались из средств кассы).

Ходатайства о назначении эмеритальных выплат подавались в управление кассой как самими участниками и членами их семей, так и опекунами и другими попечителями (в случаях серьезных заболеваний).

Все обстоятельства, которые оказывали влияние на определение пенсии по Министерству юстиции, обязательно должны были удостоверяться документами, например:

- срок службы по ведомству подтверждался послужным списком или засвидетельствованной его копией;
- случаи отставки и увольнения – указом о таковой или его копией, засвидетельствованной официальными должностными лицами;
- рождение, брак или смерть – метрическими свидетельствами;
- пострижение в монашество – письменным подтверждением местного епархиального начальства;
- случаи безвестного отсутствия удостоверялись окружным судом о назначении опеки в случае исчезновения человека с документами, подтверждающими процедуру розыска человека;
- лишение всех прав состояния подтверждалось засвидетельствованной копией приговора суда с указанием точной даты о вступлении его в законную силу;

– случаи расстройства умственных способностей подтверждались засвидетельствованной копией последовавшего в установленном порядке определения о признании лица «безумным или сумасшедшим»;

– болезнь подтверждалась копией документов медицинского освидетельствования, произведенных в судебном порядке по всем правилам.

Засвидетельствованные копии документов, удостоверяющих пенсионные права, имели юридическую силу в следующих ситуациях:

а) в случае рождения и брака, которые при совершенной невозможности представить метрическое свидетельство могли быть удостоверены выписками из метрических книг, послужным списком и другими доказательствами, признанными достаточными комитетом или советом эмеритальной кассы. Смерть участника кассы на службе могла быть удостоверена свидетельством его начальства;

б) если число лет участия в эмеритальной кассе подтверждалось послужным списком участника и сведениями управления эмеритальной кассы о производившихся отчислениях в эмеритуру;

в) в случае освидетельствования болезней или увечий для подтверждения права на пенсию, которое производилось по просьбе лица или его попечителей. Для данной процедуры приглашались медицинские работники от одного до трёх. Освидетельствование проходило под прокурорским надзором в присутствии представителей департамента или окружных судей в зависимости от места проведения процедуры. Акты освидетельствований должны были заключать в себе удостоверение о том, что: 1) расстройство здоровья произошло или, по крайней мере, развилось во время пребывания на службе в ведомстве Министерства юстиции; 2) оно лишало лицо возможности исполнять служебные обязанности.

Если в представленных для назначения пенсий документах открывались неправомерность или подлог, а финансовые выплаты уже были произведены, то выданные суммы взыскивались в пользу кассы.

Порядок делопроизводства по делам эмеритальной кассы устанавливался советом, которому предоставлялось право давать всем чинам ведомства Министерства юстиции надлежащие указания относительно исполнения обязанностей.

По окончании каждого года, считая отчетный год с 1 января, управление эмеритальной кассы составляло годовой отчет о количестве пенсионеров и участников кассы, а также о финансовом состоянии. Данный документ рассматривался и утверждался советом и поступал в печать. Каждый из участников кассы имел право ознакомиться с ним и представить свои замечания, которые поступали на обсуждение совета кассы [10, с. 1–25].

Результатами исследования является определение истории создания, основных принципов работы эмеритальной кассы Министерства юстиции с 1885 г. и пенсионного обеспечения служащих в данном ведомстве.

Точно определено, что, помимо государственных пенсий, в Российской империи существовали ведомственные. В Министерстве юстиции основным признаком изучаемой эмеритуры являлся накопительный характер. Управлением работы кассы по изучаемому ведомству занимались комитет, управление и совет эмеритальной кассы. У каждой из данных структур управления были свои функциональные обязанности.

Пенсионные права на эмеритуру по изучаемому ведомству приобретали как сами участники кассы, так и члены их семей. Пенсии делились на классы и разряды; кроме того, существовали пенсионные выплаты по сокращенным срокам.

Выводы

Как известно, в Российской империи в XIX в. уже существовало пенсионное законодательство для государственных чиновников, по которому выдавались пенсии из казны. С 1885 г. имеющаяся пенсионная структура была дополнена эмеритальной кассой ведомства Министерства юстиции. Участники данной кассы обретали возможность получения не только государственной пенсии, но и дополнительной прибавки в виде эмеритур, основным признаком которой был накопительный характер.

Все данные усовершенствования существенно улучшили социальное положение служащих ведомства Министерства юстиции, уходящих в отставку, а также членов их семей.

Всей работой эмеритальной кассы по изучаемому ведомству распоряжались управление (входящее в состав департамента Министерства юстиции), комитет и совет. Данные структуры должным образом осуществляли процесс финансового аудита и контроля над процессом работы и расходом капиталов кассы.

Список литературы

1. Кульчитцкий А. В. Пенсионная система служащих в ведомстве Министерства юстиции: 1885–1917 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Гер-

цена. Аспирантские тетради. № 127. СПб.: Книжный дом, 2011. С. 49–53.

2. Кульчитцкий А. В. История пенсионного обеспечения чиновничества Российской империи с 1764 по 1827 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 3. С. 154–159.

3. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1890–1894 гг. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1896. 150 с.

4. Труды эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за второе пятилетие. СПб., 1896. 134 с.

5. Труды эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за первое пятилетие. СПб., 1890. 302 с.

6. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1907 г. СПб., 1908. 8 с.

7. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1908 г. СПб., 1909. 7 с.

8. ГАКО (Гос. арх. Курской обл.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7559. Л. 1–5.

9. ГАКО. Ф. 32. Оп. 3-л. Д. 350. Л. 1–26.

10. Устав эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции. СПб., 1885. 28 с.

Поступила в редакцию 04.03.19

UDC 93/94 (35.087.43.343.163)

A. V. Kulchitsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: kulchitckij@mail.ru)

FROM THE EXPERIENCE OF AID FUNDS FOR EMERITUS PROFESSORS OFFICES OF THE MINISTRY OF JUSTICE (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

*The **relevance** of the topic is determined by the historical experience of research in the field of social security of the Russian state of its citizens.*

*The **purpose** of the study – the study of the history of aid funds for Emeritus professors offices of the Ministry of justice of the Russian Empire, created in 1885 for employees retiring; a study of the principles of aid funds for Emeritus professors of payments of pensions, which had a cumulative.*

*The main **objectives** of the study are: structure definition work offices of the Ministry of justice; diff functions in the records management cash aid funds for Emeritus professors of the studied departments (in particular, management that is part of the Department DOJ), the Committee and the Council offices.*

The **methodological basis** of the research is historical, comparative and typological approaches.

Aid funds for Emeritus professors office of the Ministry of justice was established on 1 July 1885 and had the main objective to provide its retired employees and their family livelihood after retirement by contributions in aid funds for Emeritus professors Fund payroll and other content to the workers themselves.

All funds of the cashier's office were the property of the Ministry of justice and its participants. These cash savings could be spent on pension payments and various expenses related to the management of the cash register itself.

The main **conclusions** of the study are the following: this type of pension funds implemented one of the social tasks of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries, creating, in addition to state pensions, an emeritura in the form of certain financial additions to existing pensions to those participants who could not receive these payments from the Treasury. In the end, aid funds for Emeritus professors pensions for employees of the Ministry of justice significantly improved the social situation of former employees of the studied agencies, and members of their families, regardless of the financial benefits that could follow them on the basis of the Supreme command, national laws and regulations.

Key words: all-Russian pension legislation; funds for Emeritus professors office; Emeric specifics, Ministry of justice.

For citation: Kulchitsky A. V. From the experience of the activities of aid funds for emeritus professors offices of the Ministry of justice of the Russian empire (late XIX – early XX century). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 196–201 (in Russ.).

References

1. Kulchitsky A. V. Pension system of employees in the office of the Ministry of justice: 1885–1917. *Izvestia Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. Post-graduate notebooks*, 2011, no. 127, pp. 49–53.

2. Kulchitsky A. V. History of pension provision of officials of the Russian Empire from 1764 to 1827. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2014, no. 3, pp. 154–159.

3. *Report cash aid funds for Emeritus professors of the Department of the Ministry of Justice for 1890–1894*. St. Petersburg, 1896. 150 p.

4. *Works cash aid funds for Emeritus professors of the Department of the Ministry*

of justice for the second five years. St. Petersburg, 1896. 134 p.

5. *Works cash aid funds for Emeritus professors of the Department of the Ministry of justice for the first five years*. St. Petersburg, 1890. 302 p.

6. *Report cash aid funds for Emeritus professors of the Department of the Ministry of Justice of 1907*. St. Petersburg 1908, 8 p.

7. *Report cash aid funds for Emeritus professors of the Department of the Ministry of Justice of 1908*. St. Petersburg, 1909. 7 p.

8. GAKO (Gos. arch. Kursk obl.), f. 1, op. 1, d. 7559, l. 1-5.

9. GAKO, f. 32, op. 3-1., d. 350, l. 1-26.

10. *The Charter of aid funds for Emeritus professors offices office of the Ministry of Justice*. St. Petersburg, 1885. 28 p.

А. Л. Лугачева, доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33) (e-mail: an.lugacheva1979@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА В ОРГАНАХ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЫМА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Актуальность исследования вопросов статистического учета определяется ролью цифровых данных в управлении государством: итоги периодических переписей граждан и хозяйственных объектов, текущего статистического учета определяют перспективы развития общества, экономики, культуры и пр. На современном этапе среди отечественных специалистов стало достаточно типичным явлением обращения к досоветскому опыту государственного строительства, развития важнейших отраслей народного хозяйства, культурной сферы и пр. Исследователи часто обращаются к статистическим материалам для характеристики социально-экономического, демографического, культурного развития отдельных местностей, выяснения потенциальных возможностей регионов в различных сферах, прогнозирования конкретных результатов. В то же время повсеместное использование в общероссийском масштабе итогов статистических мероприятий не привело к изучению процедуры подготовки и проведения самих обследований, их методологической базы, обработки и публикации данных, опыта использования результатов. Для современного Крымского полуострова данная проблематика также нехарактерна.

Целью статьи стала попытка рассмотреть деятельность Севастопольского городского общественного управления и Ялтинской городской управы по подготовке и проведению первых статистических обследований Севастополя 1886–1887 годов и Ялты 1892 года.

К задачам отнесено исследование механизма проведения собственных статистических учетов органами местного управления.

Методологической базой является совокупность общенаучных и специальных методов, сочетание которых позволяет проследить процесс подготовки и проведения статистических мероприятий.

Автор приходит к **выводам**, что полученные количественные результаты местных статистических учетов, аналогов которых не было в государственной статистике периода Российской империи, находили широкое практическое применение в органах местного управления.

Ключевые слова: Российская империя; Таурическая губерния; статистический учет; переписи населения.

Ссылка для цитирования: Лугачева А. Л. Развитие статистического учета в органах местного управления Крыма в конце XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 202–209.

Введение

В настоящее время в научной среде наблюдается возросший интерес к проводимым статистическим обследованиям, играющим немаловажную роль в государственном управлении. Количественные данные, полученные в ходе статистических учетов, как правило, становятся основой управленческих решений; сопоставление итогов переписей можно применить при выявлении закономерностей развития социума на конкретном этапе общественного развития. Осознание этого факта объективно требует всестороннего исследования истории, опыта, традиций российской статистической службы. Актуальность темы определяется планируемой на осень 2020 г. очередной Всероссийской переписи населения,

причем предыдущие (2002 и 2010 г.) вызвали немалые нарекания и специалистов, и общественности. В ходе «Русской весны» 2014 г. Крымский полуостров вошел в состав Российской Федерации, в результате чего в структуре Федеральной службы государственной статистики был образован Крымстат, для которого проведение этого сложнейшего статистического мероприятия будет первым в новейшей истории. В получении максимально полных и реалистичных результатов, которые определяют развитие полуострова на ближайшее десятилетие, заинтересованы и государственные структуры, и общественные институты, и рядовые граждане, поэтому, на наш взгляд, следует изучать и использовать досоветские традиции сбора и обработки статистической информации органами местно-

го управления Российской империи, которые в научной литературе принято считать более достоверными, чем проводимые государством.

Отметим, что историографическая база общероссийского уровня по изучаемой тематике достаточно обширна. На протяжении XIX столетия исследователи самых разных отраслей научного знания обращались к рассмотрению как отдельных статистических проблем, так и к вопросам организации и функционирования статистических учреждений. Важное место занимают исследования отечественных экономистов. Например, Н. А. Каблуков рассматривал теорию и методологию статистики [1], Е. Ф. Зябловский уделил внимание организации статистических наблюдений [2]. Одновременно стали появляться исследования, авторы которых старались привлечь внимание правительственных кругов, научной общественности не только к количеству, но и к качеству собираемой информации [3]. В целом, можно отметить, что в Российской империи отношение научной общественности и обывателей к центральным и губернским статистическим учреждениям было достаточно критичным: не раз под сомнение ставились результаты проводимых ими обследований, выражалось недовольство по поводу методов сбора статистической информации и способов ее обработки [4].

В этих и многих подобных сочинениях вопросы организации региональной статистики затрагивались лишь эпизодически. Организация местных учетов населения, недвижимости, земельного фонда иными общественными структурами достаточно редко становится предметом самостоятельного изучения [5; 6]. Описания Крымского полуострова имеют давнюю историографическую традицию [7]. Но изучению развития статистического учета на территории Крымского полуострова внимание практически не уделялось. Можно отметить несколько достаточно крупных научных исследований советского и постсоветского перио-

дов, где использовались результаты уже проведенных обследований [8; 9]. В новейшее время появились аналогичные публикации [10; 11; 12]. Таким образом, сделанный небольшой историографический обзор показал отсутствие специальных исследований с освещением развития статистического учета в органах местного управления Крыма конца XIX – начала XX в.

Целью настоящей работы стало изучение механизма организации и проведения статистических операций в отдельных городах Таврической губернии конца XIX – начала XX в. органами местного управления. Предполагается решить ряд задач:

1. Определить причины и обстоятельства проведения местных статистических обследований.
2. Рассмотреть процедуру осуществления статистического учета с момента появления норматива о планировании обследования до обнародования результатов.
3. Оценить итоги состоявшихся учетных статистических мероприятий.

Методология

Основой статьи стали печатные материалы и архивные документы. Привлечены некоторые нормативы из Полного собрания законов Российской империи, материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

Из фондов РГИА использованы дела фонда Центрального статистического комитета МВД (ф. 1290): разрешения губернским управам производства однодневных переписей населения и других статистических работ, о разрешении Ялтинской городской управе произвести однодневную перепись населения г. Ялты и т. п. Достаточно информативны дела фонда Ялтинской городской управы (ф. 522), где есть сведения о подготовке к однодневной переписи гор. Ялта (д. 702).

В работе использованы следующие общенаучные методы: объективности, анализа и историзма, которые дополняют специальные методы исследования: сравнительно-исторический, типологический и др.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим подробнее причины и обстоятельства проведения статистических учетов в отдельных городах Крымского полуострова. Как известно, датой учреждения отечественной официальной статистики принято считать 25 июня 1811 г., когда было создано Статистическое отделение в структуре Министерства полиции [13]. В дальнейшем предпринимались достаточно энергичные попытки реорганизации правительственной статистической службы на самом высоком уровне, появился Центральный статистический комитет (ЦСК), были открыты региональные статистические учреждения – губернские статистические комитеты (ГСК).

Однако научная общественность, должностные лица местного самоуправления, активисты-общественники скептически относились к деятельности этих структур и неоднократно выступали с критикой организации текущих статистических обследований, статистических сборников, выпускаемых МВД [14].

Усилия правительства по повышению эффективности деятельности центрального и региональных статистических комитетов, участие представителей научных кругов в работе международных статистических съездов сказались положительным образом на развитии отечественной статистики. Тем не менее известно, что органы официальной статистической службы не имели в своем распоряжении важнейших статистических сведений, необходимых для полноценного развития регионов: численности населения, количества фабрик и заводов, наличия промыслов, объема товарообо-

рота и др. Ситуация обострилась в ходе реформ местного и городского самоуправления, проведенных Александром II. Созданные и начавшие свою работу земства, городские управы не владели информацией об имеющихся в их распоряжении ресурсах – о количественном и качественном составе жителей, местном хозяйстве, земельном фонде и т.д., которую пытались получить самостоятельно. Поэтому поток обращений в центр от местных властей с просьбой разрешить проведение описания своего населенного пункта не иссякал. Тем не менее центральные власти достаточно осторожно относились к подобным местным инициативам, да и население негативно воспринимало информацию об очередной переписи. Но в связи с массовостью таких прошений в Министерстве внутренних дел был даже издан специальный циркуляр «О разрешении губернским управам проводить переписи населения и другие статистические работы» [15]. К подобным обследованиям можно отнести первую перепись городов Севастополя 1886–1887 гг. и Ялты 1892 г. Таврической губернии.

Служащие Севастопольского городского общественного управления в своей непосредственной деятельности остро нуждались в «хозяйственно-статистических сведениях о городском населении, постройках и деятельности города», поэтому вопрос о проведении статистического обследования городского хозяйства и населения собственными силами неоднократно выносился на заседания городской Думы. Положительное решение о возможности осуществления переписи Севастополя было принято 9 августа 1886 г. Инициаторы предполагали, что в результате будут получены данные о «количестве и составе населения по званиям, вероисповеданию, занятиям и пр., количестве разных родов построек, квартир, животных и др. Депутаты городской Думы решили выделить средства из

местного бюджета на финансирование этого статистического мероприятия, а собственно организацией и проведением обследования занимались чиновники Севастопольского городского общественно-го управления [16].

Аналогичная ситуация сложилась в Ялте в начале 1890-х гг. Целью статистического описания Ялты стала инициатива Ялтинского отдела Русского общества охраны народного здоровья – желание участвовать в работе первой Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге, открытие которой планировалось весной 1893 г. Инициаторы переписи – председатель Ялтинского отдела, доктор В. Н. Дмитриев и санитарный врач Ялты П. П. Розанов на выставке хотели заявить о Ялте как о популярном курортном городе и «представить санитарные условия русского курорта в виде таблиц, картограмм и диаграмм» [17].

Необходимо отметить, что и для Ялты, и для Севастополя, крупнейших городов Крымского полуострова того времени, организация переписи населения, объектов недвижимости, сбор прочих сведений статистического характера о городском хозяйстве было новым делом; до этого никогда не проводились подобные обследования ни органами государственной статистики (Таврическим губернским статистическим комитетом, Севастопольским городским статистическим комитетом), ни статистическим органом Таврического губернского земства (Статистическим бюро). Поэтому в Севастополе было принято решение использовать столичный опыт – перепись Санкт-Петербурга 1881 г. Однако вскоре выяснилось, что столичные власти предпочитали проводить краткосрочные (однодневные) обследования, имели богатый теоретический и практический материал в этих вопросах. В Севастопольском городском общественном управлении почитали невозможным осуществление однодневной переписи в силу ряда объ-

ективных причин. Самые очевидные – отсутствие опыта и практики проведения статистических учетов; ограниченный контингент возможных переписчиков, в числе которых были и служащие управления, и энтузиасты-любители, и активные общественники. В совокупности это не позволило бы оперативно, в течение одного условного дня, собрать необходимую статистику, поэтому было принято компромиссное решение – переписные бланки сделать по образцу и подобию однодневной переписи Санкт-Петербурга 1881 г., а само обследование провести в два подхода: в 1886 г. переписать объекты городской недвижимости (дворы и строения), а в 1887 г. – квартиры и население. Руководить всеми статистическими работами было поручено служащему Севастопольского городского общественного управления, севастопольскому мещанину Л. А. Видеману. Достаточно подробно сам ход переписи Севастополя представлен в научной литературе автором настоящей статьи [18].

Отметим, что организаторы столкнулись с рядом сложностей, которые нужно было оперативно преодолевать. Во-первых, желающих быть переписчиками оказалось меньше, чем планировалось. Не все собственники жилых помещений и «дворовладельцы» были готовы «содействовать делу переписи», их участие в переписных работах было единичным. Во-вторых, была задержана публикация обработанных переписных материалов из-за долгого ожидания дополнительных сведений из государственных структур (работа морского порта, городских учебно-образовательных учреждений, железной дороги и т. д.), которые планировалось включить в сборник статистических сведений. Тем не менее можно констатировать, что опубликованные результаты «Севастополь по переписи 1886 и 1887 г. Отчет о статистических исследованиях, произведенных в 1886–1887 гг. Севастопольским городским об-

щественным управлением» увидел свет и широко использовался в практике работы не только местных властей, но и других органов управления вплоть до опубликования данных Всероссийской переписи 1897 г. по Таврической губернии в 1904 г.

Аналогично действовали и ялтинские местные чиновники. По имеющемуся правилу, руководство Ялтинской городской управы сначала уведомило о готовящемся обследовании губернатора Таврической губернии, тот, в свою очередь, – министра внутренних дел. При одобрении вышестоящих инстанций в Ялте приступили к организации переписи, проведение которой было разрешено 15 декабря 1892 г. Из архивных материалов ГАРК известно, что подготовка планировавшейся переписи заняла примерно полгода – с июня по декабрь 1892 г. Летом 1892 г. был создан особый Распорядительный комитет под руководством Ялтинского городского головы генерал-майора Б. В. Хвощинского, в который вошли известные своей «благонадежностью» лица, например, городской архитектор Н. П. Краснов, известный своим проектом Ливадийского дворца в Ялте.

Соответственно поставленным целям обследования были разработаны переписные бланки:

- 1) подворный лист А;
- 2) квартирный лист Б;
- 3) личная счетная карточка В.

Из сохранившихся архивных документов следует, что перепись прошла достаточно успешно и в установленные сроки. Обработка переписных материалов и их последующая публикация были поручены П. П. Розанову, имевшему до этого момента опыт статистических работ – до переезда в Ялту он был членом Нижегородского статистического комитета [17, л. 2 об.]. Итогом тщательной обработки переписных листов и подсчета результатов стал сборник статистических материалов «Ялта по однодневной пере-

писи 15-го декабря 1892 г.» [19], опубликованный только в 1895 г. Согласно сохранившимся материалам, издавали итоговые данные на средства земства: «Из Таврической губернской земской управы в Ялтинскую уездную земскую управу. 27 марта 1897 г. выдать из Ялтинского уездного казначейства ста рублей на покрытие части расходов по напечатанию таблиц однодневной переписи г. Ялты в 1892 г.» [17, л. 46]. Это издание содержит достаточно полные на декабрь 1892 г. данные о городском хозяйстве, жилом фонде, населении.

Вопрос о степени полноты и достоверности полученных материалов местных обследований не раз обсуждался в научной литературе, а недостатки проведения этих статистических мероприятий отмечали сами организаторы и в Севастополе, и в Ялте: отсутствие практического опыта проведения переписных работ, малый штат переписчиков, продолжительность подготовки, неоднородность материалов могли повлиять на точность результатов. Однако ответственные за проведение переписи и их помощники были убеждены в правильности полученных результатов, чему способствовали малая величина переписываемых объектов, отличное знание «городской жизни», личные связи переписчиков с переписываемыми и т. д. На наш взгляд, в полной мере решить этот вопрос можно сравнением полученных сведений с материалами всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Таврической губернии, которое будет перспективным направлением для изучения социально-экономического развития региона.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к ряду выводов.

1. Причинами статистических описаний отдельных населенных пунктов Крыма в конце XIX в., как и во многих

регионах Российской империи, являлся острый дефицит количественных данных, необходимых местным органам власти для эффективного управления вверенных им территорий.

2. Процедура проведения статистического обследования городских ресурсов, осуществленная в Севастополе в 1886–1887 гг. и Ялте в 1892 г., включала три взаимосвязанных этапа: подготовка обследования, его проведение, подсчет и публикация результатов.

3. Севастопольскому городскому общественному управлению и Ялтинской городской управе удалось провести достаточно сложное статистическое мероприятие – городские переписи недвижимости, населения, ресурсов, обработать и опубликовать полученные результаты. Несмотря на некоторые нарекания столичных статистиков, можно констатировать, что полученный по инициативе местных властей массив достаточно надежных сведений вполне можно было использовать «для местных нужд»; подобными данными не располагали органы государственной статистики.

Список литературы

1. Каблуков Н. А. Статистика: (Теория и методы статистики. Основные моменты в истории ее развития. Крат. очерк статистики народонаселения). 2-е изд., пересм. и доп. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1915. 319 с.

2. Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде. Книга 1. СПб.: Тип. Императорского театра, 1808. 529 с.

3. Кеппен П. И. Девятая ревизия : исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. 298 с.

4. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII

веке и статистика населения в конце XVIII века: в 2 т. Т. 1. М.: Университетская тип., 1902. 377 с.

5. Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции // Ученые записки Ростовского-на-Дону фин.-эк. инта. 1941. Т. 1. С. 249–307.

6. Борщик Н. Д. Местный учет населения в XVII–XIX вв.: По материалам Курского края // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: История. 2008. № 59, вып. 16. С. 45–54.

7. Борщик Н. Д. Проблемы и перспективы изучения описаний Таврической губернии конца XVIII – начала XX вв. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 23–36.

8. Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. (1719 – 1858). М.: Наука, 1976. 306 с.

9. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков. Численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.

10. Бобков В. В. Розвиток статистичних досліджень в Таврійській губернії в XIX – на початку XX століття: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2004. 20 с.

11. Федун В. В. Историко-правовые аспекты создания и деятельности Таврического губернского земства в 1866–1886 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 24–31.

12. Хабарова О. В. Эволюция социально-демографической структуры населения г. Севастополя в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 321 с.

13. Учреждение Министерства полиции: манифест // Полн. собр. законов Рос. империи. СПб.: Тип. П. Отд. С. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 31, № 24687.

14. Захарова И. М. Проблема достоверности таблиц Губернских статистических комитетов (на примере Олонецкой губернии, 1834–1917) // Вестник всеоб-

щей истории: межвуз. сб. Вып. V. СПб., 2002. С. 52–57.

15. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 324.

16. Севастополь по переписи 1886 и 1887 г. Отчет о статистических исследованиях, произведенных в 1886–1887 гг. Севастопольским городским общественным управлением. Севастополь: Типо-литогр. Д. О. Харченко, 1888. 88 с.

17. ГАРК (Гос. арх. Республики Крым). Ф. 522. Оп. 1. Д. 702.

18. Лугачева А. Л. Роль Севастопольского городского общественного управления в осуществлении переписи Севастополя 1886–1887 гг. // Таврический научный обозреватель. 2017. № 10 (27). С. 24–29.

19. Ялта по однодневной переписи 15-го декабря 1892 г. (Обработано санитарным врачом г. Ялты П. П. Розановым). Симферополь: Таврическая губернская тип., 1895. 60 с.

Поступила в редакцию 02.02.19

UDC 94:352:303.71

A. L. Lugacheva, Associate Professor, Sevastopol State University (Russia, 299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33) (e-mail: an.lugacheva1979@yandex.ru)

DEVELOPMENT OF STATISTICAL ACCOUNT IN LOCAL AUTHORITIES OF THE CRIMEA AT THE END OF THE 19TH CENTURY

*The **relevance** of a research of questions of statistical account is defined by a role of digital data in government: results of periodic censuses of citizens and economic objects, the current statistical account define the prospects of development of society, economy, culture and so forth. At the present stage among domestic experts there was rather typical phenomenon an appeal to pre-Soviet experience of the state construction, development of the major branches of the national economy, the cultural sphere and so forth. Researchers often address statistical materials for characteristic of development of certain areas social and economic, demographic, cultural, etc., clarification of potential opportunities of regions in various spheres, forecasting of concrete results. At the same time universal use in the all-Russian scale of results of statistical actions did not lead to studying of the procedure of preparation and carrying out inspections, their methodological base, processing and the publication of data, experience of use of results. For the modern Crimean peninsula this perspective is also uncharacteristic.*

*The **attempt** to consider activities of the Sevastopol municipal public government and Yalta town council for preparation and carrying out the first statistical inspections of Sevastopol 1886–1887 and Yalta 1892 became the purpose of article.*

*The **research** of the mechanism of carrying out own statistical accounts by local authorities is carried to tasks.*

***Methodological** base is the set of general scientific and special methods which combination allows to track process of preparation and holding statistical actions.*

*The author comes to **conclusions** that the received quantitative results of local statistical accounts which analogs were not in the state statistics of the period of the Russian Empire found broad practical application in local authorities.*

Key words: Russian Empire; Taurian province; statistical account; population census.

For citation: Lugacheva A. L. Development of statistical account in local authorities of the crimea at the end of the 19th century. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 202–209 (in Russ.).

Reference

1. Kablukov N. A. *Teoriya i metody statistiki: Osnovnye momenty ee razvitiya: Kratkij ocherk statistiki narodonaseleniya.*

Moscow, G. A. Leman and S. I. Saharov Publ., 1915. 346 p.

2. Zyablovskij E. F. *Statisticheskoe opisanie Rossijskoj imperii v nyneshnem ee sostoyanii s predvaritel'nymi ponyatijami o*

- statistike. St. Petersburg, Tip. Imperatorskogo teatra, 1808. 529 p.
3. Keppen P. I. *Devyataya reviziya: Issledovanie o chisle zhitelej v Rossii v 1851 g.* St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1857. 298 p.
4. Den V. E. *Naselenie Rossii po pyatoj revizii: Podushnaya podat' v XVIII veke i statistika naseleniya v konce XVIII veka.* Vol. 1. St. Petersburg, universtetskaya tip., 1902. 190 p.
5. Gozulov A. I. Mestnye perepisi naseleniya do revolyucii. *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu fin.-ek. in-ta*, 1941, vol. 1, pp. 249–307.
6. Borshchik N.D. Mestnyj uchet naseleniya v XVII–XIX vv.: Po materialam Kurskogo kraja. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Istorija*, 2008, no. 59, is. 16, pp. 45–54.
7. Borshchik N.D. Problemy i perspektivy izucheniya opisanij Tavricheskoj gubernii k. XVIII – nach. XX vv. *Vestnik arhivista*, 2017, no. 4, pp. 23–36.
8. Kabuzan V. M. *Zaselenie Novorossii v XVIII – perv. pol. XIX vv. (1719–1858).* Moscow, Nauka Publ., 1976. 306 p.
9. Vodarskij Ya. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. *Naselenie Kryma v konce XVIII – konce XX vekov. Chislennost', razmeshchenie, etnicheskij sostav.* Moscow IRI RAN Publ., 2003. 160 p.
10. Bobkov V. V. *Rozvitok statistichnih doslidzhen' v Tavrijs'kij gubernii v XIX – na pochatku XX stolitija.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Dnipropetrovs'k, 2004. 20 p.
11. Fedunov V. V. Istoriko-pravovye aspekty sozdaniya i deyatelnosti Tavricheskogo gubernskogo zemstva v 1866–1886 gg. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2016, no. 5, pp. 24–31.
12. Habarova O. V. *Evoljuciya social'no-demograficheskoj struktury naseleniya g. Sevastopolya v XIX v.* Diss. kand. ist. nauk. Moscow, 2008. 321 p.
13. Uchrezhdenie Ministerstva policii. Manifest. *Polnoe Sobranie zakonov Ros. Imperii.* St. Petersburg, Tip. II. Otd. S. E. I. V. kancelarii, 1830, vol. 31, art. 24687.
14. Zaharova I. M. Problema dostovernosti tablic Gubernskih statisticheskikh komitetov (na primere Oloneckoj gubernii, 1834–1917). *Vestnik vseobshchej istorii: Mezhvuzovskij sbornik*, is. V. St. Petersburg, 2002, pp. 52–57.
15. RGIA (Ros. Gos. ist. arh.), f. 1290, op. 2, d. 324.
16. *Sevastopol' po perepisi 1886 i 1887 g. Otchet o statisticheskikh issledovaniyah, proizvedennyh v 1886–1887 gg. Sevastopol'skim gorodskim obshchestvennym upravleniem.* Sevastopol', Tipolitog. D. O. Harchenko, 1888. 88 p.
17. GARK (Gos. arh. Respubliki Krym), f. 522, op. 1, d. 708.
18. Lugacheva A. L. Rol' Sevastopol'skogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya v osushchestvlenii perepisi Sevastopolya 1886–1887 gg. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'*, 2017, no. 10 (27), pp. 24–29.
19. *Yalta po odnodnevnoj perepisi 15-go dekabrya 1892 g. (Obrabotano sanitarnym vrachom g. Yalty P.P. Rozanovym).* Simferopol', Tavricheskaya gubernskaya tip., 1895. 60 p.

УДК 930.253

Ю. В. Скрипкина, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: julia_skr@mail.ru)

М. М. Звягинцева, канд. культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: m_zvjagintseva@mail.ru)

Н. П. Аникеева, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: nadine2183@mail.ru)

К. М. Герчук, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: lunanera028@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ БИБЛИОТЕЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ (МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Актуальность. Данная статья рассматривает положение библиотеки в древности и современном мире, так как среда ее функционирования радикально изменилась.

Целью является определение направления трансформации хранилища знаний в ближайшее время.

Задача состоит в изучении строения и функционирования библиотек с Древних времен по наши дни.

Методология. Анализируются тенденции развития библиотеки. Особое внимание уделено библиотекам Древнего мира, таким как библиотека царя Ассирии Ашшурбанипала и Александрийская библиотека в Древнем Египте, книжным фондам, имеющим функции как хранилища книг, так и скриптория (мастерской по переписке рукописей) при монастырях и храмах в Средние века; публичным библиотекам эпохи Возрождения, с прикованными на цепи книгами, являвшимися по тем временам очень дорогим «продуктом»; массовым библиотекам, приобретшим более широкое распространение после изобретения печатного станка; современным библиотекам, вобравшим в себя функции и книгохранилища, и медиатеки, и демонстративных площадок, рассмотренным на примере Российской государственной библиотеки для молодежи в городе Москва; библиотекам будущего с тенденцией развития виртуальных электронных библиотек и перспективными новациями для библиотек традиционного формата.

Результаты. Рассмотрены виды и формы книг, изготавливаемых в тот или иной период времени; способы, условия и места хранения их; функции, развивающиеся с изменением потребностей человека в чтении за многие века. Показано развитие библиотек в России, которое происходило на несколько веков позже, чем развитие за рубежом, но имело не менее обширный характер.

Выводы. После глубокого анализа всех особенностей библиотек были сделаны выводы о том, в каком направлении постепенно развивались библиотечные фонды, какие функции появились у них, какие они потеряли за большой промежуток времени, а какие остались неизменны за многие тысячелетия.

Ключевые слова: библиотеки; хранилища; книги; места хранения; стеллажи; эпохи; помещения.

Ссылка для цитирования: Эволюция библиотечных учреждений и их социальные роли (мировой и отечественный опыт) / Ю. В. Скрипкина, М. М. Звягинцева, Н. П. Аникеева, К. М. Герчук // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №2(31). С. 210–217.

Введение

В настоящее время происходит, как уже не раз было в истории, очередное перераспределение ответственности в сфере сбора, хранения, переработки и предоставления информации под влиянием ряда факторов, главные из которых – рост количества документов и появление их новых видов, нехватка площадей для хранения, изменение информационной технологии.

Библиотека дословно с древнегреческого переводится как «место хранения книг»: «библио» – это книга, а «тека» –

место хранения. Это учреждение, которое собирает и хранит произведения печати и письменности для общественного пользования.

Институт библиотеки насчитывает не одну тысячу лет и на сегодняшний день быстро меняется под влиянием цифровых технологий. Можно определить основные тренды трансформации таких учреждений в ближайшем будущем. Уже большинство людей ассоциируют библиотеку с онлайн-базами данных, состоящую из электронных текстов, а не с учреждениями, выдающими книги напрокат. Традиционная библиотека от-

мирает и появляются другие формы ее работы, где читатель является пользователем.

Методология

Самые первые библиотеки появились еще в эпоху Древнего мира на Востоке, но в этих библиотеках не было книг в привычном для нас формате. В Древнем Египте библиотеки назывались «домами папируса» и «домами жизни». Они создавались при дворцах и храмах, а также часть папирусов хранилась в гробницах фараонов. Обычно первой библиотекой называют собрание глиняных табличек, приблизительно 2500 г. до н. э., найденное в храме вавилонского города Ниппур.

Наиболее крупные и наиболее значимые библиотеки этого времени относятся к типу дворцовых библиотек – библиотек правителей [1]. Самой известной клинописной библиотекой на древнем Востоке является «Дом наставлений и советов», учрежденный царем Ашшурбанипалом в столице ассирийских царей Ниневии. Она представляла собой огромное собрание глиняных табличек, которые по указанию царя были взяты из храмов и из домов знатных и образован-

ных ассирийцев. Глиняные таблички площадью 32×22 см и толщиной в 2,5 см представляли собой листы книг. Вся книга состояла из сотни табличек, лежащих столбиком на полках. Также они могли храниться в деревянных ящиках или глиняных тарах. В библиотеке было легко сориентироваться, т. к. все книги были отсортированы и разложены по тематике [2, р. 9]. Часть книг находилась во дворце деда Ашшурбанипала, а часть в Львином зале у самого царя. Библиотека была скорее всего открыта для широкого пользования, но выносить книги из помещения было строго запрещено. В двух царских дворцах таблички хранились в специальных, роскошно отделанных помещениях на 2 этаже. Сам по себе дворец в Ниневии был построен на высокой искусственной террасе.

В Древней Греции одной из самых крупных была Александрийская библиотека, находившаяся в античной Александрии (рис. 1). Библиотечных собраний было два: главное, находящееся в царском дворце, и вспомогательное в храме Сераписа, в котором хранились общедоступные фонды и учебная литература.

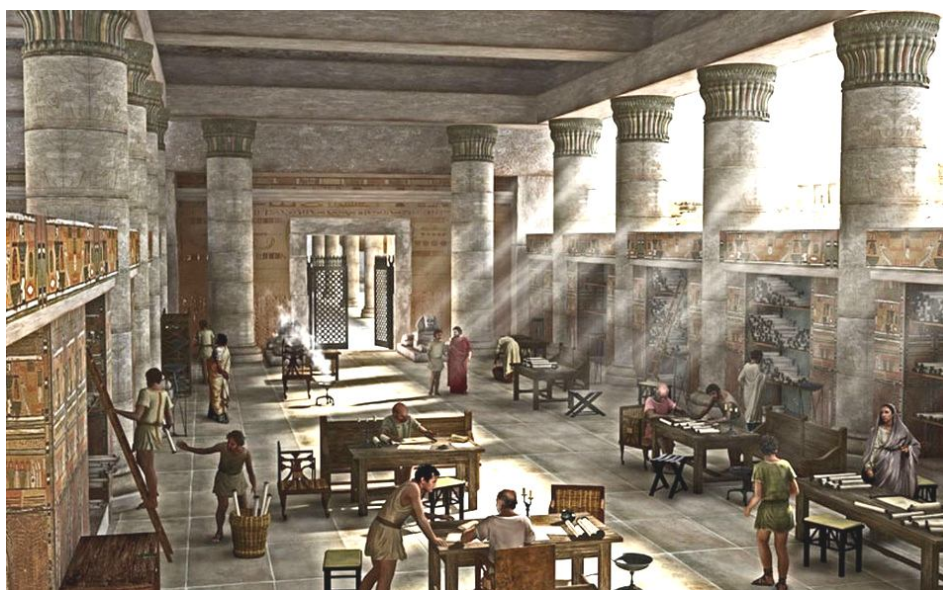

Рис. 1. Александрийская библиотека

Александрийская библиотека представляла собой более академию, чем обычное собрание книг: здесь жили и работали учёные, занимавшиеся как исследованиями, так и преподаванием. При библиотеке состоял штат копиистов, переписывавших книги; был составлен каталог книг [3, с. 447]. Из описаний античных историков следует, что у библиотеки не было отдельного здания. По результатам раскопок александрийского Серапеума¹ принято считать, что для хранения книг служила анфилада из 19 комнат размером 3 × 4 м, расположенная во дворе за южным портиком [4, р. 68].

В средние века книги хранились в монастырских библиотеках, при которых действовали мастерские по переписке рукописей – скриптории (рис. 2). Там переписывались не только Священное писание и сочинения Отцов Церкви, но и произведения античных авторов.

Рис. 2. Скрипторий

¹ *Серапеум* (серапеон) (лат. Serapeum, др.-греч. Σεραπεῖον) – храм или другое религиозное сооружение, посвящённое эллинистическому богу Серапису в Египте, соединявшему в себе черты Осириса и Аписа в образе человека (по одной из многих версий), который был более привычен для греков. Существовало несколько таких религиозных центров, каждый из которых назывался «серапеум».

В эпоху Каролингов в Европе после культурного упадка длительностью в два века вновь появились книжные собрания. Библиотек в современном понимании тогда еще не существовало, как не было и особых книгохранилищ. Но постепенно возникали книжные собрания, насчитывающие десятки, а иногда даже сотни томов, принадлежавшие, преимущественно, монастырям и городским епископам. Появлялись и частные книжные собрания духовных и светских лиц, после смерти владельца чаще всего переходившие монастырям. В раннем средневековье условия хранения книжных собраний долгое время оставались не слишком комфортными. Стройные ряды полок, уставленных книгами в строгом соответствии с определенным рубрикатором, а также поддержание климат-контроля в хранилище и наличие исчерпывающего каталога в читальном зале – достижения относительно недавнего прошлого. Небольшие книжные собрания числом до нескольких десятков манускриптов, принадлежавшие частным лицам или корпорациям, занимали немного места. Они могли храниться в деревянных сундуках или шкафах-армариумах, а также в небольших каменных нишах где-нибудь в церкви или в зале капитула². Учитывая, что значительная часть книг из кафедральных библиотек выдавалась на сторону, места для оставшихся фондов требовалось еще меньше. Для крупных монастырских коллекций в несколько сотен томов иногда отводились специальные помещения. Источники называют их *cellula*, что буквально означает «комнатенка» или «крохотная келья» [5, с. 67]. Каролингские *cellulae* до наших дней не

² *Капитул* (от позднелат. capitulum): 1) в католической и англиканской церквях коллегия духовных лиц (каноников) кафедрального собора, составляющая совет при епископе по управлению диоцезом (епархией). Со смертью епископа (до прихода нового) капитул осуществляет управление диоцезом через специально избранных им из своей среды лиц; 2) в католических духовно-рыцарских и монашеских орденах коллегия руководящих лиц ордена [6, с. 540].

сохранились, но есть помещения, оборудованные в более позднее время. Например, в библиотеке цистерцианского аббатства Фларан имелось несколько ниш и почти не было места для шкафов и сундуков, но, возможно, там еще были полки. Так как в помещении нет окон, поэтому оно вряд ли использовалось как скрипторий. Сама комната одной стеной примыкает к монастырской церкви, второй – к сокровищнице, третьей – к залу капитула. Четвертая стена была обращена непосредственно к клуатру¹. Вероятно, такое расположение казалось наиболее оптимальным.

Постепенно библиотека перестает быть только архивом и становится самостоятельным учреждением, выполняющим свои функции. Уже в Средневековье книги считались дорогим «источником знаний», а в эпоху Ренессанса буквально началась охота за сохранявшимися в монастырях греческими и латинскими текстами. Из-за огромной стоимости манускриптов и трудоёмкости их изготовления книги приковывались к библиотечным полкам цепями. В некоторых библиотеках не книги приковывали, а читателей сажали в клетку. Большая часть публичных библиотек не выдавала книги на руки, поэтому состояла только из читального зала. Но в отличие от Средневековья, где доступ к книгам имели лица, относящиеся к духовенству или образованию, библиотеку могли посещать люди, заинтересованные в приобретении знаний.

Изобретение печатного станка и развитие книгопечатания изменило библиотечное дело. На смену рукописям пришла печатная книга в той форме, которую мы

знаем на сегодняшний день, а библиотека перестала выполнять функцию скриптория. С этого времени функция производства книг окончательно отделилась от функции сбора и хранения книги, а типографии и издательства становятся отдельными от библиотек учреждениями. Все издатели стали образовывать две большие группы. В одну входили те, кто совмещал типографскую и издательскую деятельность, в другую – те, кто не имел собственной типографии, но, приобретая права на произведение, печатал его в чужой типографии [8, с. 34].

Так как напечатанная книга является более дешевым «продуктом», то уже в XVII в. появляются библиотеки, действительно открытые для всех желающих, в которых человек мог взять книгу с собой на небольшой промежуток времени.

В России также первые собрания книг были лишь у правителей, реже – у знати. Например, считается, что у Ивана Грозного глубоко в подземельях под Кремлем было обширное собрание редких и ценных книг. В петровские времена стали появляться библиотеки с научной и светской литературой.

Первой русской публичной библиотекой считается библиотека В. В. Киприанова в Москве. Она представляла собой двухэтажное здание голландской архитектуры с надписью на фронтоне: «Всемирная Публичная библиотека». На нижнем этаже здания находился кофейный дом, устроенный по европейскому образцу, а на верхнем этаже, так называемой «галдарее», находилась сама библиотека. Она была снабжена каталогом, чтобы любой, кто пришел в библиотеку, мог книги посмотреть и почитать, а что понравится – выписать бесплатно. Бесплатный допуск к книгам являлся главным отличием первой русской публичной библиотеки от европейских, которые работали на коммерческой основе. В роли культурно-просветительского и книготоргового центра библиотека просуществовала до начала 30-х годов XVIII века.

¹ *Клуатр* (франц. Cloître, итал. Chiostro, нем. Kloster) – совокупность построек, примыкающих к городскому собору или к монастырской церкви и назначенных для жилья церковного причта или монахов, а также для помещения ризницы, библиотеки, школы, кладовых для хранения драгоценностей и съестных припасов. При соборах тут находились, сверх того, дворец архиерея и залы заседаний капитула [7, с. 424].

В начале XIX столетия издательская деятельность в России уже носила достаточно массовый характер, что позволило издать только за первые пять лет более двух тысяч книг [9, с. 28]. Как отмечается исследователями в области истории издательского дела, в первой четверти XIX в. объемы книгоиздания и выпуска периодики выросли в полтора раза [10, с. 161]. Со второй половины XIX и в течение всего XX в. в связи с ускорением научно-технического прогресса наблюдалось и ускорение организации массовых библиотек.

К концу XX в. во всем мире были созданы развитые сети публичных (массовых) и научных библиотек. В связи с увеличением читателей увеличилось и количество библиотек. В каждом городе, как в России, так и за рубежом, должна была быть библиотека. Под них выделялись не просто помещения при учебных заведениях, музеях, а стали строиться отдельные здания.

В Курске самая известная – это научная библиотека им. Н. Н. Асеева. Курская областная библиотека открылась 16 мая 1935 г. Сегодня Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева – культурный, научно-информационный и методический центр, крупнейшее книгохранилище Курской области. В структуру библиотеки входят 16 отделов и 6 секторов, обслуживающие различные категории пользователей. Ежегодно фондом библиотеки пользуются более 30 тыс. человек, а ежедневно ее посещают свыше 600 чел.

Результаты и их обсуждение

Формат использования библиотек, созданный в эпоху Возрождения и появления печатных станков как за границей, так и в России, просуществовал множество столетий. Менялись архитектурные стили зданий, оформление помещений,

комфортность нахождения в читальных залах и удобство хранения книг в книгохранилищах, материалы мебели, но не менялись сами функции библиотеки. Все изменилось недавно. На сегодняшний день из-за появления цифровых носителей и электронных ресурсов печатные книги стали считать «пережитком прошлого», все чаще люди предпочитают просто скачать книгу, а не прийти в библиотеку за ней. Чтобы заинтересовать читателей, а прежде всего молодежь, был разработан новый формат библиотек. В нашей стране ярким примером является Российская государственная библиотека для молодёжи (РГБМ) (рис. 3). Такие библиотеки – это культурный мульти-молл, интеллектуальный гипермаркет. Из библиотек исчезли длинные стеллажи, читальные залы с неудобной мебелью и абсолютная тишина. Появились компьютерные залы с доступом к базам данных и оцифрованным редким изданиям, шоу-кары в фойе, кафе, места для чтения, как уединенные с мягкими удобными креслами, так и для больших компаний, решивших после чтения обсудить книгу между собой. Окна стали еще больше – иногда даже кажется, что от внешнего мира залы библиотек отделены только оконными проемами. Добавили больше белого цвета и в то же время ярких красок на стенах. Пространство стало более эргономически решенным. Кроме книжного фонда, появляется медиатека, а также создаются помещения, в которых можно проводить совместные мероприятия, семинары, выставки и т. д. В современном мире библиотека становится интегратором предоставляемых услуг, где можно получить книги, видео, аудио, площадку для просмотра, прослушивания, неформальных клубов, чтения периодики, это можно сделать более удобно и приятно, а возможно, и дешевле либо вообще бесплатно по сравнению с другими местами.

Рис. 3. Российская государственная библиотека для молодежи: зал художественной литературы и искусства (слева); зал литературы по естественным и техническим наукам (справа)

Выводы и рекомендации

Недостаточный уровень востребованности библиотек связан и с тем, что из-за напряженного ритма современной жизни либо в силу обстоятельств, ограничивающих мобильность людей, многим всё труднее находить и выделять время и изыскивать возможности для регулярного посещения библиотек. В будущем, по мнению экспертов-прогнозистов, будет существовать два типа библиотек: виртуальные электронные библиотеки и библиотеки традиционного формата. Уже сейчас каждый тип развивается семимильными шагами: электронные библиотеки пытаются вобрать в себя весь фонд книг нашей планеты на любом языке, который с легкостью можно будет перевести и интерпретировать. На виртуальной полке такой библиотеки должна храниться не только книга, но и материалы, связанные с ней: изображения, аудио- и видеозаписи. В обычных же библиотеках могут появиться такие технические новшества, как электронная закладка, дрон-доставщик книг, или сами библиотеки станут музеями, хранящими огромное количество «бесценных сокровищ».

Рассматривая библиотеки с Древнего мира до нашего времени, можно отследить то, как менялось отношение к книгам и самим библиотекам. В архитектур-

ном плане книжные фонды ничем не отличались от зданий, построенных в тот или иной промежуток времени. Примерно с XVII в. функции библиотек не менялись, но после долгого застоя формат библиотек изменился, что пошло им на пользу. Постепенно из помещений при дворцах и храмах, выполняющих в основном функцию архивов, к которым имеют доступ лишь небольшое число людей, они превратились в целые здания с книгохранилищами, доступные для огромного числа читателей, причем люди могут не только ознакомиться с книгой в самой библиотеке, но и взять ее на некоторое время. Со временем также были изучены и применены комфортные условия для долгого сохранения книг от пыли, грязи, грызунов, сырости, прямых солнечных лучей и т. д. Современные библиотеки вобрали в себя все то, что было придумано за обширный промежуток времени и одновременно привнесли свою «свежую» изюминку, все чаще поворачиваясь лицом к пользователю, для чего и привлекают их к планированию строящихся библиотек и реконструкции физического пространства и услуг. Но как бы не менялся внешний вид и формат библиотек, какие бы функции не теряли и не приобретали, все равно они останутся «хранилищем знаний».

Список литературы

1. Богданова И. Ф. Библиотеки: от античных до электронных // Культура народов Причерноморья. 2006. №77. С. 32–45.

2. Murray S. A. P. The library: an illustrated history. Chicago, IL: Skyhorse Publishing, 2009. 320 p.

3. Большая российская энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая Российская энцикл., 2005. 768 с.

4. Barnes R. Cloistered Bookworms in the chicken-coop of the muses: the ancient library of Alexandria // The library of Alexandria: centre of learning in the ancient world / ed. by Roy M. MacLeod. Alexandria, 2000. P. 61–77.

5. Сидоров А. И. Каролингские библиотеки: к вопросу о книжной культуре у франков // Люди и тексты: Исторические источники в социальном измерении. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2011. С. 55–84.

6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М.: Сов. энцикл., 1988. 1600 с.

7. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 3а / под ред. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1892.

8. Давыдова Н. Ю. Правовое регулирование издательской деятельности в России XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 33–38.

9. Акопов А.И. Общий курс издательского дела. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 218 с.

10. Малыхин Н. Г. Очерки по истории книгоиздательского дела. М.: Книга, 1964. 448 с.

Поступила в редакцию 25.01.19

UDC 930.253

J. V. Skripkina, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: julia_skr@mail.ru)

M. M. Zvyagintseva, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: m_zvjagintseva@mail.ru)

N. P. Anikeeva, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: nadine2183@mail.ru)

K. M. Gerchuk, Undergraduate, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: lunanera028@mail.ru)

EVOLUTION OF LIBRARY INSTITUTIONS AND THEIR SOCIAL ROLES (WORLD AND DOMESTIC EXPERIENCE)

Relevance. This article examines the position of the library in ancient times and in the modern world, as the environment of its functioning has changed radically.

Purpose. The aim is to determine the directions of transformation of the knowledge repository in the near future.

Task. The task is to study the structure and functioning of libraries from Ancient times to the present day.

Methodology. The trends of the library development are discussed. Particular attention is paid to the libraries of the Ancient world such as the library of king Assyria Ashurbanipal and the library of Alexandria In ancient Egypt, book collections that have the functions of both a book repository and a scriptorium (workshop for correspondence of manuscripts) at monasteries and temples in the Middle ages; public libraries of the Renaissance, with chained books, which were at the time very expensive "product"; mass libraries, which became more widespread after the invention of the printing press; modern libraries, which have absorbed the functions of book depositories, media libraries, and demonstration sites, considered on the example of the Russian state library for young people in Moscow; libraries of the future with the trend of development of virtual electronic libraries and promising innovations for libraries of traditional format.

Results. Types and forms of the books made in this or that period of time are considered; ways, conditions and places of their storage; the functions developing with change of needs of the person in reading for many centuries. The article shows the development of libraries in Russia, which took place several centuries later than the development abroad, but was no less extensive.

Conclusions (recommendations). After an in-depth analysis of all the features of libraries, conclusions were made about the direction in which library collections gradually developed, what functions they had, what they lost over a long period of time, and which remained unchanged for many millennia.

Key words: libraries; storages; books; places of storage; racks; epochs; rooms.

For citation: Skripkina J. V., Zvyagintseva M. M., Anikeeva N. P., Gerchuk K. M. Evolution of library institutions and their social roles (world and domestic experience). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 210–217 (in Russ.).

Reference

1. Bogdanova I. F. Biblioteki: ot antichnyh do ehlektronnyh. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2006, no. 77, pp. 32–45.
2. Murray S. A. P. *The Library: An illustrated history*. Chicago, IL: Skyhorse Publishing, 2009. 320 p.
3. Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediy; ed. by Yu. S. Osipov. Vol. 1. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehncikl., 2005, 768 p.
4. Barnes R. *Cloistered bookworms in the chicken-coop of the muses: the ancient library of Alexandria*. The library of Alexandria: centre of learning in the ancient world; ed. by Roy M. MacLeod, Alexandria, 2000, pp. 61–77.
10. Malyhin N. G. *Ocherki po istorii knigoizdatel'skogo dela*. Moscow, Kniga Publ., 1964. 448 p.
5. Sidorov A. I. Karolingskie biblioteki: k voprosu o knizhnoj kul'ture u frankov. *Lyudi i teksty: Istoricheskie istochniki v social'nom izmerenii*. Moscow, In-t vseobshchej istorii RAN Publ., 2011, pp. 55–84.
7. *Ehnciklopedicheskij slovar'*. Vol. 3a; ed. by I. E. Andreevskij. St. Petersburg, 1892.
9. Akopov A. I. *Obshchij kurs izdatel'skogo dela*. Voronezh, Voronezh. gos. Univ. Publ., 2004. 218 p.
8. Davydova N. Yu. Pravovoe regulirovanie izdatel'skoj deyatel'nosti v Rossii XIX veka. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 33–38.
11. *Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar'*; ed. by A. M. Prohorov. 4th ed. Moscow, Sov. ehncikl. Publ., 1988. 1600 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MSWORD шрифтом «TimesNewRoman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полуужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (\sin , \cos , \tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MSWord, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются**.

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристайные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.